

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕКАБРИСТА

О ПЕРЕЖИТОМЪ

И

ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ

1805—1850

А. Бѣляева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1882

ВОСПОМИНАНІЯ

ДЕКАБРИСТА

О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ

1805 — 1850

ВОСПОМИНАНІЯ

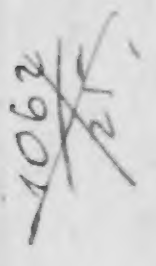
ДЕКАБРИСТА

О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ

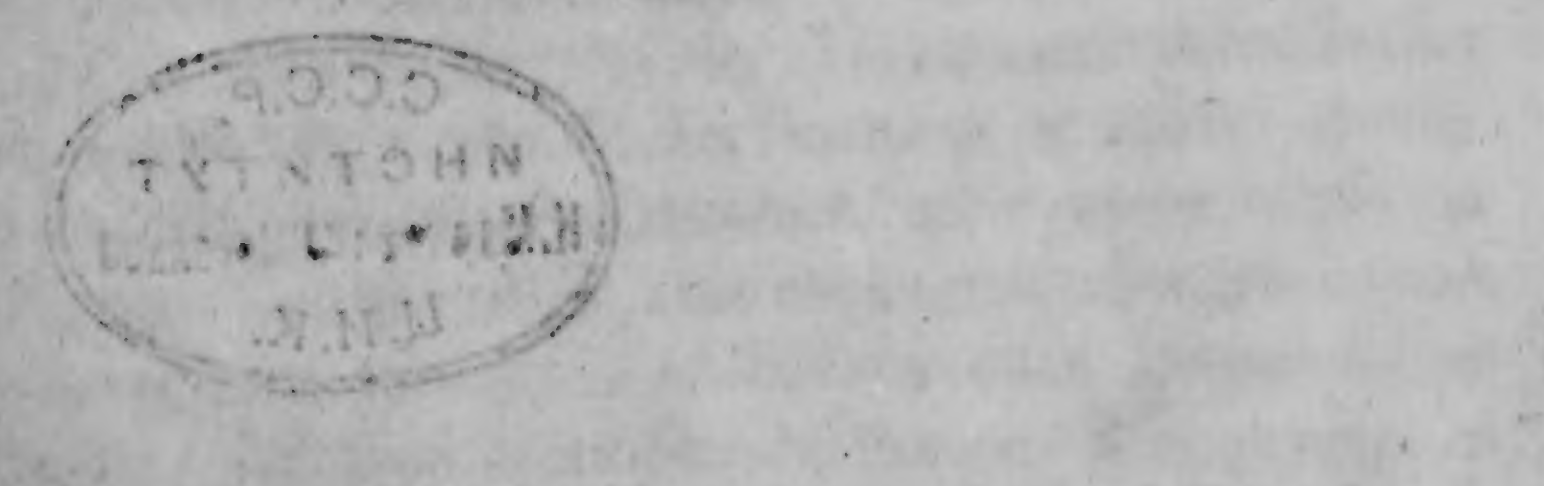
1805—1850

П. Бѣляева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1882

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Можетъ показаться страннымъ и, пожалуй, самонадѣяннымъ издавать свои Воспоминанія или, все тоже, свою жизнь ничего незначущему человѣку.

Но если этотъ человѣкъ родился въ первыхъ годахъ этого столѣтія и еще живетъ въ послѣдней его четверти, то это показываетъ, что онъ довольно жилъ, а если къ этому онъ много испыталъ и много видѣлъ и размышлялъ о проходившихъ передъ его глазами необыденныхъ явленіяхъ, уже ставшихъ исторіей, то думаю, что Воспоминанія такого, хотя ничтожнаго, человѣка могутъ показаться небезъинтересными для людей мыслящихъ и любознательныхъ.

Онѣ небезъинтересны уже потому, что перенесутъ читателя во времена Александра I-го, теперь уже довольно отдаленныя, напомнятъ нѣсколько о людяхъ той эпохи, познакомятъ нѣсколько съ духомъ того времени, съ тогдашнимъ воспитаніемъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, съ несчастнымъ происшествіемъ 14-го декабря 1825 года, въ которомъ пищущій, къ несчастію,

былъ самымъ фанатическимъ участникомъ. Затѣмъ перенесутъ его въ мрачное уединеніе каземата Петропавловской крѣпости и въ отдаленныя страны Сибири и Кавказа, въ среду людей всѣхъ слоевъ общества. Въ Воспоминаніяхъ этихъ читатель также увидитъ, какъ люди съ прекрасными чувствами и стремленіями, мгновенно выступившіе на политическое поприще и также мгновенно, хотя и небезслѣдно, исчезнувшіе, могли сознательно усвоить и принять коварное іезуитское правило „цѣль освящаетъ средства“.

Небезъинтересно будетъ также увидѣть, какъ много можетъ природа человѣка перенести, какъ можетъ со всякою жизнью примириться, ко всему привыкнуть и ужиться съ людьми всѣхъ положеній; и какъ люди, лишенные всѣхъ гражданскихъ правъ, при полномъ изверженіи изъ своей прежней высокой среды, при всѣхъ лишеніяхъ въ странахъ пустынныхъ и дикихъ, могли сохранить все спокойствіе духа и достоинство человѣка, развивать благотворную дѣятельность въ тѣхъ тѣсныхъ кружкахъ, гдѣ были поставлены Провидѣніемъ, и большая часть лицъ, извѣстныхъ составителю этихъ „Воспоминаній“, вполнѣ сознали уже всю пагубу и всю ложь своихъ революціонныхъ идей. Сверхъ того, на пишущемъ эти воспоминанія лежитъ священный долгъ искренней исповѣди предъ отечествомъ и исторіей въ тѣхъ дѣйствіяхъ и заблужденіяхъ, которыя причинили столько несчастій, осиротили столько семействъ и, можетъ быть, примѣромъ своимъ увлекли и погубили столько молодыхъ людей, заразившихся жалкой игрою въ революцію. Кто знаетъ, быть можетъ эти „Воспоминанія декабриста“ отрезвятъ нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ не-

прошенныхъ радѣтелей народа, который они стараются привести сперва въ скотообразное, а потомъ въ звѣринообразное состояніе, лишивъ его Бога, алтарей, семьи, всего святаго и благороднаго; а потомъ, возбудивъ къ самоистребленію посредствомъ грабежей, убійствъ, разврата—тѣмъ сдѣлать свое отечество легкой добычей западныхъ ненавистниковъ нашихъ, ихъ вождей, учителей и повелителей.

Но слава и хвала Всемогущему Защитнику Россіи Господу Нашему. Проникнутый православною вѣрою, православный народъ нашъ не допуститъ усилиться этому адскому ученію, задушитъ его въ самомъ зародышѣ. Можетъ быть, поразмысливши, эти жалкія орудія тьмы увидятъ, что набирать для него въ Россіи пособниковъ—все то же, что набирать шайки невѣжественныхъ разбойниковъ, сподвижниковъ Стеньки Разина и другихъ.

Оговорившись такимъ образомъ, смѣло передаю мои „Воспоминанія" печати, если не красно, то, по крайней мѣрѣ, правдиво написанныя. Да послужатъ онѣ развлеченіемъ для однихъ и назиданіемъ для другихъ. Можетъ быть въ нихъ найдутся какія нибудь невѣрности хронологическія или историческія, такъ какъ онѣ занимаютъ большой періодъ времени и многое могло забыться, то прошу любителей старины исправить ихъ; все видѣнное и испытанное описано вѣрно, но можетъ быть не столько вѣрно слышанное.

Москва, 21-го февраля 1879 г.

А. П. Бѣляевъ.

„Воспоминанія" Александра Петровича Бѣляева, имѣвшаго несчастіе быть сосланнымъ въ 1826 году, въ

числѣ главныхъ лицъ, въ Сибирь за участіе въ такъ называемой „декабрьской“ смутѣ 1825 года,—были прочитаны въ рукописи извѣстнымъ нашимъ писателемъ графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Читая эти „Воспоминанія“, онъ какъ свидѣтельствуетъ ихъ авторъ, „сдѣлалъ на поляхъ рукописи много отмѣтокъ; согласно съ указаніями гр. Л. Н. Толстаго, пишетъ г. Бѣляевъ, я сдѣлалъ необходимыя прибавленія того, что мною было упущено. Онъ же и поощрилъ меня къ изданію этихъ Воспоминаній, начатыхъ много лѣтъ тому назадъ съ единственною цѣлью помянуть сердечнымъ, благодарнымъ словомъ всѣхъ тѣхъ, съ которыми сводила судьба въ различныхъ обстоятельствахъ жизни и которыхъ прекрасныя, возвышенныя чувства и добродѣтели восторгали меня и плѣняли мое сердце. Эти-то, какъ я думалъ, благородные образы, будучи выведены изъ забвенія давно минувшихъ временъ, должны имѣть благотворное вліяніе на людей способныхъ понимать и усвоивать прекрасное“.

I.

Посвящается памяти родителей.

Мой отецъ. — Лабзинъ. — Довѣріе императрицы Маріи Ѳеодоровны къ моему отцу.—Управленіе селомъ Ершово графа А. К. Разумовскаго.—Характеръ и привычки отца.—Смерть отца. — Доброта гр. А. К. Разумовскаго.—Моя мать.

1803—1810.

Начну, какъ начинаютъ романисты: я родился „отъ бѣдныхъ и благородныхъ родителей". Отецъ мой, прослуживъ тридцать пять лѣтъ въ военной службѣ при Екатеринѣ II и Павлѣ, вышелъ въ отставку уже при Александрѣ I. Онъ служилъ въ рязанскомъ пѣхотномъ полку, дѣлалъ турецкія и шведскія кампаніи и былъ георгіевскимъ кавалеромъ. По преданію, дошедшему до насъ, дѣтей его (мнѣ было семь лѣтъ, когда онъ скончался), это былъ человѣкъ чрезвычайно твердый, мужественный и прямой, нетерпѣлъ лжи, хитрости, любилъ правду до фанатизма и слово его было свято.

По смерти его отца, а моего дѣда, екатерининскаго секундъ-маіора, по разсказамъ матушки, онъ былъ дядею по матери взятъ на воспитаніе, потомъ опредѣленъ имъ на службу солдатомъ въ полкъ, которымъ онъ ко-

мандовалъ, и отецъ мой съ пятнадцати лѣтъ уже сталъ дѣлать походы. Дядя его былъ суровый, строгій, непреклоннаго характера начальникъ и хотѣлъ съ раннихъ лѣтъ пріучить его ко всѣмъ трудамъ и тягостямъ нашей русской богатырской военной службы. Отецъ разсказывалъ, что часто до крови растиралъ себѣ во время похода ноги и не смѣлъ заикнуться объ этомъ. Для своего времени, отецъ мой былъ очень образованнымъ человѣкомъ, превосходно зналъ нѣмецкій языкъ, нѣмецкую литературу, а также, какъ видно, усвоилъ отчасти и нѣмецкую философію того времени. Послѣ него осталась порядочная библіотека нѣмецкихъ сочиненій, англійскія же и французскія были въ переводѣ нѣмецкомъ или русскомъ; книги эти указывали на его любознательность и серьезное направленіе его ума. Вѣроятно, вслѣдствіе тогдашняго мистическаго настроенія, онъ былъ масономъ и одно время секретаремъ въ ложѣ Лабзина и его другомъ. Между близкими ему масонами были: Поздѣевъ, графъ Разумовскій, князь Гагаринъ, Звѣревъ, Грабе, другихъ не припомню. Помню, что когда я былъ въ отпуску въ 1820 и 1821 годахъ, матушка получала письма отъ Лабзина изъ Пензы, куда онъ потомъ былъ переведенъ, высланный изъ Петербурга, кажется, въ Пермь, за то, что бывъ вице-президентомъ академіи художествъ, подалъ голосъ противъ принятія „почетнымъ членомъ“ графа Аракчеева, котораго пріемъ мотивировали близостью къ государю, на что будто бы онъ возразилъ, что Ильюшка кучеръ тоже близокъ къ государю. Такъ, по крайней мѣрѣ, тогда всѣ говорили о немъ. Мнѣ извѣстны только нѣкоторыя черты его характера, слышанныя отъ матушки мною.

Такъ, онъ самъ вполнѣ сознавалъ рѣзкость и строптивость своего характера, и какъ онъ былъ человѣкъ весьма религіозный, то говаривалъ: „если бы не вѣра и не благодать Господа, то я былъ бы подобенъ сатанѣ“. Отецъ, какъ мнѣ передавали, имѣлъ на него сильное и умѣряющее вліяніе; по общему голосу того времени, это былъ мужественный поборникъ правды и добра.

Несмотря, однакожъ, на преданность отца моего нѣмецкой и вообще европейской культурѣ, онъ былъ русскимъ православнымъ человѣкомъ и добрымъ христіаниномъ, съ твердою и пламенною любовью къ Богу. Когда я, бывъ въ отпуску 17-ти лѣтнимъ офицеромъ, выпущеннымъ изъ морскаго корпуса, посѣтилъ многихъ изъ его близкихъ знакомыхъ и друзей, то всѣ помнившіе его мужчины и дамы съ увлеченіемъ говорили мнѣ о его высокихъ качествахъ и о его увлекательномъ краснорѣчіи, когда онъ говорилъ о Богѣ. Слыша такіе восторженные отзывы о немъ, я не могъ не гордиться такимъ отцемъ и не принять его за свой идеалъ, хотя для меня и недоступный! Онъ былъ горячимъ патріотомъ, и когда-то однажды вечеромъ, читая въ газетахъ о созывѣ ополченія въ 1805 году, сказалъ матери нашей: „ну, мой другъ, если одна непріятельская нога переступитъ нашу границу, я снова вступаю въ военную службу“.

По выходѣ изъ военной службы, онъ поступилъ въ гражданскую, въ учрежденіе императрицы Маріи Θеодоровны, которая очень цѣнила его за правдивость и честность и даже удостоивала его своею особенною довѣренностью. Такъ, однажды, когда дошли до нея слухи о какихъ-то злоупотребленіяхъ какого-то значительнаго

лица, она призвала отца и просила его сказать ей всю истину, будучи увѣрена—какъ сама выразила ему—что услышитъ отъ него одну правду. Отецъ, не обвиняя и не защищая это лицо, отвѣчалъ императрицѣ, что, не имѣя фактическихъ доказательствъ, которыя обязывали бы его прямо открыть злоупотребленія, онъ ничего не можетъ сказать въ такомъ важномъ обвиненіи, особенно предъ ея величествомъ. Императрица поняла это благородное молчаніе и сказала, что еще болѣе уважаетъ его за такія прекрасныя правила.

Съ своими строгими правилами онъ не хотѣлъ долго оставаться на службѣ и вышелъ въ отставку въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Императрица очень сожалѣла о его выходѣ; а какъ она цѣнила его, представляю слѣдующій фактъ. Когда мать моя, оставшись вдовою съ многочисленнымъ семействомъ, просила о пенсіи за 35-ти лѣтнюю военную службу отца и долго не могла получить ее, императрица, стороной узнавши объ этомъ ходатайствѣ, отъ себя, безъ всякаго прошенія, положила ей 1,000 руб. асс. пенсіи и послѣдняя сестра моя, дѣвица, получала ее до самой смерти. Я не говорю уже о томъ, что она крестила одну изъ сестеръ моихъ и меня.

По выходѣ моего отца изъ службы, графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, хорошо его знавшій, предложилъ ему управленіе своими обширными имѣніями въ Пензенской и Тамбовской губерніяхъ. Тутъ выказались и экономическія способности отца моего, такъ что въ теченіи пятилѣтняго управленія, онъ значительно увеличилъ доходы въ имѣніи, несмотря на то, что, по своимъ христіанскимъ правиламъ, обращалъ особенное вниманіе на хозяйство крѣпостныхъ крестьянъ и ихъ

благосостояніе. Онъ, какъ разсказывали крестьяне, скорѣе прощалъ, если встрѣчалъ небрежность на барщинской работѣ, нежели на собственно крестьянской. Онъ былъ очень строгъ, но въ то же время справедливъ, добръ, сострадателенъ, такъ что память о немъ долго сохранялась въ народѣ. Обычныхъ праздничныхъ приношеній управителямъ онъ не терпѣлъ и совершенно вывелъ этотъ обычай крѣпостнаго быта. Изъ Петербурга онъ съ семействомъ переѣхалъ въ Пензенскую губернію, въ село Ершово, чембарскаго уѣзда, близь границы кирсановскаго, гдѣ находилось вотчинное управленіе.

Мы поселились въ большомъ управительскомъ домѣ, который стоялъ въ центрѣ села Ершова. Расположеніе дома было обыкновенное; изъ прихожей со двора входили въ большой довольно залъ, изъ зала налѣво былъ кабинетъ отца, а влѣво изъ кабинета была спальня, у дверей которой по ночамъ всегда спалъ Валерка, бѣлая лягавая собака отца, жившая замѣчательно долго, до 26-ти лѣтъ. Направо залы была гостиная, а налѣво семейныя комнаты и дѣтскія.

Первые годы моего дѣтства, отъ 2-хъ до 7-ми лѣтъ, прошли въ этомъ домѣ. Отецъ мой много читалъ и занимался, по утрамъ въ конторѣ, а по вечерамъ дома. Онъ часто ѣзжалъ по полямъ и другимъ работамъ, такъ какъ въ имѣніи были большіе посѣвы, иногда верхомъ, а иногда въ дрожкахъ, и, въ этомъ случаѣ, бралъ меня съ собой. Въ этихъ поѣздкахъ за нимъ всегда слѣдовалъ казакъ; казаки эти назначались къ управляющимъ въ родѣ вѣстовыхъ изъ Малороссіи, гдѣ у графа Разумовскаго были большія имѣнія. Отецъ очень заботился

объ устройствѣ имѣнія; на рѣкѣ Воронѣ построилъ большую каменную мельницу; построенныя имъ оранжереи, кажется, сохранились донынѣ. Въ 12-ти верстахъ былъ заводъ винокуренный подъ управленіемъ г-на Мирошевскаго, а также и конный заводъ. Ершовское имѣніе было барское, въ полномъ смыслѣ слова; тутъ было все: и рѣдкія фруктовыя деревья въ оранжереяхъ, и на берегу рѣки садъ съ испанскими вишнями, теплицы, парники, всевозможныя мастерскія:, слесарня, столярная, каретныя и ткацкія. Для пріѣзда графа былъ большой, хотя одноэтажный домъ изъ двадцати комнатъ, съ богатою мебелью и всѣми принадлежностями: флигелями для пріѣзжихъ, превосходной баней, со всѣми приспособленіями при ней, комнатами для отдохновенія съ диванами, кушетками и дорогими коврами, и все это только на случай пріѣзда графа, который при отцѣ не былъ ни разу. Помню, что однажды пріѣзжалъ одинъ изъ сыновей графа, и помню, что онъ, разсердившись на что-то на человѣка, велѣлъ для экзекуціи привязать его къ столбу, къ которому привязывали лошадей, но отецъ, увидѣвъ эти приготовленія изъ окна, тотчасъ пошелъ къ нему и экзекуціи не было.

Отецъ устроилъ также въ Чернышовѣ, верстъ 8 отъ Ершова, восковой заводъ, который очень занималъ его. Онъ самъ дѣлалъ пробу восковымъ свѣчамъ, разставляя ихъ въ кабинетѣ на столахъ; и помню, что въ это время мы уже не смѣли войти въ эту комнату, чтобы малѣйшее колебаніе воздуха не мѣшало правильному горѣнію. Мы, дѣти, очень боялись его, такъ какъ онъ былъ строгъ, но вмѣстѣ съ этимъ чтили и любили его безмѣрно. Когда, послѣ обѣда, онъ отдыхалъ, мы всѣ

ходили наципочкахъ и говорили шопотомъ, зато малѣйшая ласка его дѣлала насъ счастливыми. Но не мы одни, а всѣ служащіе въ домѣ и имѣніи очень боялись его и въ то же время любили. Всѣ знали, что его приказанія и распоряженія не могли быть неисполнены въ точности, и это не вслѣдствіе какихъ-либо тяжкихъ наказаній, или побоевъ, которыхъ онъ избѣгалъ, а единственно вслѣдствіе той нравственной силы, какою онъ обладалъ, и въ увѣренности, что каждое распоряженіе его было обдуманно и дѣлалось съ полнымъ знаніемъ дѣла. Онъ любилъ порядокъ и точность во всемъ строѣ жизни, какъ въ дѣлахъ обыкновенныхъ, такъ и важныхъ. Былъ очень гостепріименъ, любилъ хорошій столъ, но самъ былъ очень воздержанъ и умѣренъ; курилъ свою пеньковую трубку только три раза въ сутки и вообще во всемъ его жизнь можетъ служить образцомъ благотворно-дѣятельной и обдуманно-правильной жизни. Онъ не любилъ посредственности; всѣ вещи и вещицы, которыя онъ употреблялъ, были лучшаго качества и изящны, во всемъ была видна печать его своеобразнаго характера. Когда я дорогой, ѣхавши въ отпускъ, потерялъ свой табакъ и матушка отыскала въ кладовой оставшійся послѣ него табакъ, то оказалось, что это былъ лучшій американскій табакъ, извѣстный тогда подъ названіемъ Р. Я.

Помню его бѣлку, которая обращалась съ нимъ очень безцеремонно, такъ что, когда ее выпускали изъ клѣтки, она взбиралась на него и пряталась въ его рукавѣ. Помню также, что я этой бѣлки, когда она бѣгала по комнатѣ, сильно побаивался, не смѣя однакожъ высказать своей боязни. Помню также его большого ворона,

который очень чисто говорилъ. „воронъ слава Богу“, „ворону кушать“, „Петръ Гавриловичъ“ и еще нѣсколько словъ, которыхъ не помню; у него также былъ сурокъ, всегда прибѣгавшій на его свистъ; какъ-то онъ умѣлъ пріучить и крота. По разсказамъ, онъ бралъ рукою змѣю и, встряхнувъ ее, клалъ за пазуху. Онъ любилъ грозу и всегда въ это время выходилъ на крыльцо. Онъ отлично стрѣлялъ, фехтовалъ, ѣздилъ верхомъ, словомъ, это былъ человѣкъ замѣчательный и достойный быть принятымъ за идеалъ [1]). Ко всему этому отецъ мой былъ очень красивъ, средняго роста, строенъ, съ правильными чертами лица и очень симпатичнымъ выраженіемъ; у него были большіе, выразительные голубые глаза, каштановые волосы, очень густые и, до самой смерти, никто не замѣчалъ, что онъ носилъ маленькую накладку на самомъ темени, гдѣ была небольшая лысина. Ни бакенбардъ, ни усовъ онъ не носилъ. Зубы у него были по бѣлизнѣ, правильности, образцемъ совершенства и до самой смерти не было ни одного испорченнаго. Онъ былъ веселаго, ровнаго характера, но очень вспыльчивъ, хотя эта вспыльчивость мгновенно проходила. Въ обществѣ это былъ самый пріятный человѣкъ, какъ отзывались о немъ всѣ его знавшіе. Онъ очень красно говорилъ, что было особеннымъ его даромъ и разговоръ его всегда былъ оживленный и увлекательный; любилъ также музыку; инструментами его были гусли, бандура и, какъ говорили слышавшіе

[1]) Я представилъ его такимъ не потому, что это былъ мой отецъ, но потому, что всѣ его знавшіе знали такимъ, какъ онъ здѣсь описанъ. А. Б.

его игру, игралъ онъ съ большимъ чувствомъ. По преданію, онъ въ молодости былъ влюбленъ въ свою двоюродную сестру, просилъ у митрополита разрѣшенія жениться, но, получивъ отказъ, покорился уставамъ церкви. Затѣмъ уже, черезъ нѣсколько лѣтъ, находясь съ полкомъ въ Финляндіи, онъ женился въ Выборгѣ, по любви, на одной шведской дворянкѣ Вереніусъ, моей незабвенной матери. Она раздѣляла съ нимъ труды походной жизни и въ это время у нихъ родились двѣ дочери Екатерина и Елизавета, потомъ, уже въ Петербургѣ, родились еще двѣ дочери и послѣднимъ въ Петербургѣ родился я. Меня назвали Александромъ, именемъ государя, которому отецъ мой былъ преданъ до энтузіазма.

Супружество ихъ было счастливо такъ, какъ только оно можетъ быть счастливо. Да и выше супружескаго счастія, при добродѣтельной жизни, нѣтъ въ мірѣ ничего! Самая безграничная любовь, невозмутимый домашній міръ и согласіе, семеро дѣтей, цвѣтущее здоровье, искренніе и любящіе друзья, общее уваженіе, довольство чистой совѣсти, сознаніе исполненнаго долга предъ отечествомъ — все, повидимому, родителямъ моимъ сулило долгую и счастливую жизнь, но Господь въ своихъ неисповѣдимыхъ судьбахъ судилъ иначе и отецъ нашъ умеръ преждевременною смертью.

Однажды, когда онъ былъ въ банѣ—а онъ любилъ русскую баню, и крѣпко парился—прибѣжали сказать, что въ селѣ пожаръ и близко дома управленія. Онъ тотчасъ наскоро одѣлся, и прямо изъ бани въ сильный морозъ поскакалъ на пожаръ и, распоряжаясь тушеніемъ, простудился и занемогъ; это была его смертельная болѣзнь. Онъ недолго лежалъ больной, а когда

почувствовалъ приближеніе смерти, пріобщился св. тайнъ и соборовался; конецъ его приближался. Бѣдная матушка собрала всѣхъ дѣтей предъ образомъ Благовѣщенія и сама въ рыданіи бросилась на землю; но вскорѣ онъ позвалъ ее съ дѣтьми и благословилъ насъ. Увидѣвъ же плачущую мать сказалъ ей: „не плачь, мой другъ, Богъ ихъ не оставитъ". Эти слова твердой вѣры были какъ бы пророческими. Молодая, 30-ти лѣтняя вдова, съ семью дѣтьми, безъ всякихъ средствъ,— всѣхъ возростила и всѣмъ дала воспитаніе. Въ послѣднихъ словахъ нашего отца мы научились и помнили всю жизнь, что надо такъ жить, какъ жилъ онъ, чтобы пріобрѣсти ту вѣру и то упованіе, которыя его отличали.

Какъ только графъ Разумовскій узналъ о смерти отца, тотчасъ же предписано было конторѣ выдать его вдовѣ 10,000 руб., что составляло тогда значительную сумму. Дано также предписаніе конторѣ до конца ея дней давать помѣщеніе въ одномъ изъ графскихъ домовъ, прислугу мужскую и женскую, все продовольствіе, экипажъ и лошадей для поѣздокъ. То же положеніе, по смерти графа Алексѣя Кириловича, было утверждено сыномъ и наслѣдникомъ его графомъ Петромъ Алексѣевичемъ Разумовскимъ, такъ что матушка дѣйствительно тутъ прожила до конца своихъ дней, тутъ кончила свою праведную жизнь и тутъ похоронена въ одной могилѣ съ мужемъ, которому пребыла вѣрна до конца, отвергая дѣланныя ей предложенія. Надъ простымъ кирпичнымъ памятникомъ надъ ихъ могилой, теперь возвышаются огромныя густыя деревья и осѣняютъ ихъ прахъ своею тѣнью.

Когда я, выпущенный изъ корпуса, пріѣхалъ въ Ер-

шово, и какъ это было ночью, остановился въ избѣ, не желая безпокоить матушку, то какъ только узнали, что я былъ сынъ Петра Гавриловича и Шарлоты Андреевны, всѣ сосѣди изъ крестьянъ сошлись въ избу, и тутъ я увидѣлъ, какъ народъ помнилъ и какъ высоко цѣнилъ моего отца. Сколько разсказовъ тутъ было о немъ и сколько похвалы и благодарности! Эту любовь раздѣляла съ ними и наслѣдовала матушка.

Наружностью мать моя была прекраснымъ типомъ тѣхъ скандинавскихъ женщинъ, красотой которыхъ такъ восхищаются всѣ бывшіе въ Швеціи и Финляндіи. Она была олицетвореніемъ доброты и кротости, что выражалось въ ея прекрасныхъ голубыхъ глазахъ и во всѣхъ чертахъ ея лица и придавало удивительную пріятность и прелесть ея наружности; эта наружная красота была вѣрнымъ отраженіемъ ея душевной красоты. Она съ любовью помогала и снабжала всѣмъ нужнымъ просившихъ ея помощи, сердце ея было исполнено любовью къ Богу и ближнимъ. Домашнее хозяйство ея было образцовымъ. Несмотря на небольшія средства, въ домѣ у нея всегда и всего было въ изобиліи, и она изъ всего умѣла извлекать полезное. Дѣти всегда были одѣты прилично и съ величайшею опрятностью. Она никогда никого не осудила, и, когда слышала осужденіе, то молчала. Но, несмотря на кротость, она была строга, гдѣ было нужно и никогда никто изъ дѣтей не смѣлъ ее ослушаться. Мы любили ее со всею нѣжностью дѣтскихъ сердецъ и чтили какъ святую. Какъ теперь смотрю на нее, сидящею на диванѣ, всегда занятую какою нибудь работой, на ея прекрасное кроткое лицо, или предъ сномъ читающую, облокотясь на комодъ, свои

нѣмецкіе псалмы, причемъ, когда обращалась благословить насъ, отходящихъ ко сну, помню, что глаза ея всегда были наполнены слезами. Хотя она была лютеранскаго исповѣданія, но дѣтей воспитывала въ строгомъ православіи. По воскресеньямъ всегда ходила съ нами къ обѣднѣ и всегда заходила на могилу отца, который похороненъ былъ у алтаря прекраснаго каменнаго храма, имъ же сооруженнаго. Въ Петровъ же день (память отца) всегда служилась панихида, и, несмотря на многіе годы по смерти отца, она очень плакала. Плачъ ея былъ тихъ и только слезы, катившіяся по ея прекрасному, кроткому лицу, свидѣтельствовали о ея скорби. Пройдя часть жизненнаго пути съ такимъ человѣкомъ, какимъ былъ нашъ отецъ, и бывъ проникнута любовью къ Богу, она насъ всѣхъ воспитала въ этихъ чувствахъ, которыя, если и не оградили меня отъ различныхъ увлеченій и заблужденій молодости, то, по крайней мѣрѣ, скоро пробудили отъ усыпленія и возвратили на истинный путь, который указываетъ намъ христіанская вѣра. Она глубоко чтила нашу православную церковь и, желая не отдѣляться въ вѣчности отъ всего, что было такъ драгоцѣнно для ея супружескаго и материнскаго сердца, она скончалась въ лонѣ нашей церкви, принявъ мѵропомазаніе и пріобщившись святыхъ Таинъ изъ чаши Господней.

II.

Дѣтство и воспитаніе.

Дѣтство.—Няня Пелагея и ея разсказы.—Домъ.—Дѣтскія приключенія.—Нашествіе французовъ. — Докторъ Марціусъ. — Несчастный случай съ братомъ.—Ученье. — Пріѣздъ Перовскихъ въ Ершово.— Настроеніе умовъ въ Ершовѣ.—Пѣсенникъ. — Отношеніе народа къ побѣжденному врагу.

1811—1812.

Отдавъ священный долгъ памяти добрыхъ и добродѣтельныхъ родителей, перехожу къ своему дѣтству — дѣтству всегда беззаботному и счастливому.

Какая чудная пора въ жизни человѣка вообще, не разбирая бѣднаго и богатаго, развитаго и простаго, цивилизованнаго и дикаго! Въ смыслѣ физическаго развитія организма, это только ростокъ или почка цвѣтка, но въ этомъ періодѣ цвѣтокъ не имѣетъ еще ни красоты, ни благоуханія, а потому сравненіе и пригодно только для физическаго развитія организма; всматриваясь же въ ребенка въ дѣтскомъ, но уже сознательномъ его возрастѣ, когда онъ уже бѣгаетъ, когда богатыя кудри, расчесанныя нѣжной рукой матери и блестящія, падаютъ на его плечи; всматриваясь въ эти глаза, черные или голубые, свѣтящіеся умомъ, какая полная и совершенная красота! Какое полное развитіе! Кто можетъ сказать, въ какой моментъ, передъ выходомъ изъ лона матери, вставленъ этотъ глазъ въ полномъ его совершенствѣ? Далѣе, всматриваясь въ дѣтскія

движенія, милыя, граціозныя, вслушиваясь въ эти дѣтскіе голоса, нѣжные и гармоничные, въ этотъ милый смѣхъ веселости, наконецъ, вдумываясь въ самый смыслъ дѣтскаго разговора, въ ихъ сужденія, воззрѣнія на всѣ предметы, ихъ окружающіе, мы тутъ увидимъ цѣлый особенный міръ и міръ разумный, полный жизни, хотя и фантастическій! Міръ желаній, надеждъ, всегдашнихъ радостей, изрѣдка, правда, и печалей, но печалей скоро проходящихъ, забываемыхъ, едва задѣвающихъ маленькое сердце, подобно легкой струѣ, пробѣжавшей по гладкой поверхности водъ и мгновенно исчезнувшей.

Сколько уже лѣтъ, пріятныхъ и тяжелыхъ, прошло съ этой счастливой поры, а я и теперь какъ будто вижу нашу маленькую дѣтскую въ Ершовѣ съ низенькимъ круглымъ столомъ, маленькими стульчиками, кроватками и игрушками; какъ теперь вижу солнечный лучъ, освѣщающій эту комнатку какимъ-то тихимъ, радостнымъ свѣтомъ! Живо помню я нашу безподобную няню Пелагею, очень красивой наружности молодую женщину, ея головную повязку, которая, въ дѣтскихъ шалостяхъ нашихъ, бывало слетала съ головы ея и притомъ разсыпались ея длинныя русыя косы; помню, какъ она разсказывала намъ чудесныя сказки, иногда до того страшныя, что мы къ ней же прижимались все ближе и ближе, а иногда веселыя, какъ Иванушка дурачекъ куралесилъ и возбуждалъ общій нашъ смѣхъ; какъ Добрыня съ корнемъ вырывалъ деревья, какъ Иванъ-медвѣжье ушко побѣждалъ Кощея; какъ жили старикъ со старухой и Драничи выдралъ мальчикъ Лутонюшка. Все это какъ будто было очень недавно, а между тѣмъ прошло уже болѣе 70 лѣтъ съ тѣхъ поръ! Такова вся

наша жизнь. Быстро пролетаютъ дни, мѣсяцы и годы; чередуются однѣ за другими желанія, надежды и стремленія; человѣкъ все ищетъ чего-то, избираетъ, изобрѣтаетъ пріобрѣтаетъ и снова покидаетъ, смѣняя одно другимъ и никогда не достигаетъ чего либо окончательно. Оглянулся, и вотъ за нимъ уже цѣлый строй годовъ, ошибокъ, заблужденій, горестей, радостей, быстро промчавшихся, и жизнь уже на своемъ рубежѣ! Что далѣе? что за рубежомъ этой жизни, полной тревогъ? Счастливъ тотъ, кто вѣруетъ въ Искупителя и на чьей жизни нѣтъ темныхъ пятенъ, нѣтъ удручающихъ грѣховъ, не очищенныхъ раскаяніемъ!

Домикъ, куда наше семейство переселилось послѣ смерти отца, состоялъ изъ прихожей съ буфетнымъ шкафомъ, столовой, она же была и заломъ, гостиной съ стариннымъ, корельской березы, диваномъ, передъ которымъ былъ большой овальный столъ, тоже изъ корельской березы; между окнами, напротивъ, большое зеркало, нѣсколько креселъ и стульевъ, обитыхъ кожей; по стѣнамъ висѣли хорошія гравюры въ простенькихъ рамкахъ. Далѣе была спальня матушки, тутъ же была кроватка младшей сестры, два комода, кресло и по стѣнамъ тоже картины; изъ спальни была дверь въ дѣвичью, гдѣ работали дѣвушки и откуда былъ ходъ въ дѣтскую и другой въ сѣни и кухню. Вотъ то скромное жилище, гдѣ прошло наше дѣтство; но я увѣренъ, что ни одинъ изъ дѣтей самаго богатаго дома не былъ счастливѣе насъ бѣдняковъ. Противъ дома, на пригоркѣ, возвышалась каменная церковь, въ оградѣ которой мы игрывали на мягкой травѣ, приложившись прежде, по указанію няни, къ мѣдной доскѣ на мо-

гильномъ памятникѣ отца. За церковью была большая роща, соединявшаяся съ главнымъ большимъ садомъ, куда мы часто ходили за грибами. Такъ какъ отецъ нашъ былъ воинъ, то и мы еще съ юности получили воинственныя наклонности и всѣ игры наши были воинственны. Множество солдатиковъ, сдѣланныхъ изъ картона, пѣшихъ и конныхъ, выстраивались на большомъ обѣденномъ столѣ и тростниковыми стрѣлами изъ лука мы сражались. Товарищами въ нашихъ играхъ были— сынъ одной г-жи Пальменъ, сосѣдки нашей, мужъ которой служилъ гдѣ-то управляющимъ у графа, и еще дворовые мальчики, дѣти двухъ семействъ, подаренныхъ графомъ нашему покойному отцу. Подаренныхъ! Какъ отдалено кажется теперь то близкое еще время, когда на Руси дарили, продавали людей, какъ вещи, и какъ великъ Тотъ, Кто имѣлъ мужество положить конецъ этому вѣковому, чудовищному праву! Зимой мы выстраивали изъ снѣга крѣпости и брали ихъ, бросая снѣжками въ осажденныхъ. Лѣтомъ же снѣжки замѣнялись еловыми шишками.

За домомъ управляющаго былъ большой садъ, гдѣ мы гуляли, играли и качались на качеляхъ. Этотъ садъ мнѣ памятенъ и теперь однимъ забавнымъ происшествіемъ. Лѣтомъ я носилъ красный сафьяновый картузъ, а какъ красный цвѣтъ не любятъ павлины, которыхъ много было въ этомъ саду, то, однажды, когда матушка послала меня зачѣмъ-то въ оранжерею, они, завидѣвъ мой красный картузъ, погнались за мною. Я пустился бѣжать, какъ-то упалъ, и павлины налетѣли на мой картузъ, который съ меня свалился; я вскочилъ на ноги и оставилъ въ ихъ власти картузъ, перепуганный и

изцарапанный прибѣжалъ домой. Помню также, какъ однажды меня преслѣдовалъ козелъ, котораго я имѣлъ обыкновеніе дразнить; отъ него я успѣлъ едва добѣжать до дома и запереть за собою дверь. Онъ въ злости нѣсколько разъ сильно ударилъ лбомъ въ эту дрерь, но, не отворивъ ее, раздраженный, но всегда серьезный и важный, въ раздумьи опять отправился къ стаду. Съ тѣхъ поръ я уже побаивался его и не задиралъ. Иногда мои шалости не проходили мнѣ даромъ. Такъ, однажды, по обыкновенію своему, я вскакивалъ съ боку на одного изъ воловъ, которые привозили намъ воду и которые потомъ возвращались съ водовозомъ со двора, я прыгнулъ на него, но на этотъ разъ волъ не захотѣлъ дозволить мнѣ потѣшаться надъ собою и сбилъ меня, ударивъ задней ногой по моимъ ногамъ, что причинило мнѣ сильную боль. Я отлетѣлъ и упалъ, но, несмотря на боль, тотчасъ же вскочилъ, когда увидѣлъ рогатую голову, злобно обратившуюся на меня, и полагалъ, что въ этомъ взглядѣ таилось намѣреніе пырнуть меня рогами; въ это время воловщикъ погналъ его, хлестнувъ бичемъ.

Какъ не вспомнить наши лѣтнія купанья въ живописной Воронѣ; зимнія катанья съ горы при лунномъ сіяніи, которыя мы готовы были продолжать безконечно и которыя всегда оканчивались по голосу матушки, выходившей на крыльцо и звавшей насъ къ чаю. Послѣ чаю матушка и сестры, когда были дома, садились за работу; иногда кто нибудь читалъ вслухъ, а я, въ это время, забирался на диванъ и засыпалъ; но по большей части вечерами собирались у управляющаго или у нашей сосѣдки Н. П. Пальменъ или у насъ. Не забуду

также нашего доктора Андрея Андреевича Марціусъ, который часто бралъ меня съ собою въ поле для собиранія травъ и объяснялъ мнѣ ихъ названія и пользу. Мы всѣ очень любили доктора, который былъ очень друженъ съ нашимъ семействомъ, очень часто бывалъ у насъ и, помню, пѣлъ очень пріятно нѣмецкія аріи, съ акомпаниментомъ фортепіано. Въ Ершовѣ была большая больница, которою онъ занимался вполнѣ добросовѣстно, и всѣ больные любили его за попеченіе о нихъ. По русски и по французски меня учила вторая старшая сестра, по нѣмецки сама матушка и сестры, которыя всѣ знали нѣмецкій языкъ. Старый дьяконъ о. Егоръ, подергивавшій ногою даже при служеніи (это была его болѣзнь), преподавалъ катехизисъ. Когда наступило время взять изъ института мою старшую сестру, матушка сама поѣхала за нею въ Петербургъ и увезла сестру Софью, двумя годами старше меня и бывшую товарищемъ во всѣхъ играхъ и удовольствіяхъ нашихъ. Очень грустно было разставаться; мы, какъ водится, поплакали, крѣпко расцѣловались и, проводивъ ихъ, остались одни подъ начальствомъ, по старшинству, второй сестры Елизаветы.

Во время этого отсутствія матушки, въ одинъ ясный зимній день мы отправились кататься съ горы, взяли меньшаго брата и, какъ-то неловко усадивъ его въ санки, пустили съ горы; нога у него подвернулась подъ санки и была вывихнута. Сдѣлалась страшная тревога, бѣднаго мальчика перенесли въ кроватку, послали за костоправомъ и, при его крикѣ, во время выправленія ноги, мы были въ большомъ страхѣ и горѣ, особенно боялись за матушку, которую это несчастье должно

было сильно огорчить. Мы наперерывъ старались занимать его то картинками, то разными игрушками. Костоправъ былъ очень искусенъ, и нога его скоро стала заживать, но когда возвратилась матушка, онъ едва только началъ ходить.

По возвращеніи матушки уже приближалась знаменитая эпоха нашествія французовъ. Въ Ершово наѣхало много знатныхъ господъ, въ томъ числѣ были побочныя дѣти гр. Алексѣя Кирилловича Разумовскаго—Перовскіе и другіе изъ родственниковъ графскихъ, оставившіе Москву. Особенно помню Перовскихъ и Дашковыхъ. Семейство Перовскихъ, дѣтей гр. Разумовскаго, жило тогда въ Москвѣ, на Гороховомъ полѣ, въ его огромномъ домѣ, самъ же графъ былъ въ Петербургѣ; но когда рѣшено было сдать Москву французамъ, онъ по эстафетѣ прислалъ въ московскую контору приказаніе: не медля ни минуты отправить все семейство Перовскихъ въ Ершово; это было за нѣсколько только дней до вступленія непріятеля. Ихъ посадили въ кареты такъ поспѣшно, что онѣ въ страхѣ ничего не успѣли взять съ собою и поѣхали въ чемъ были. Пріѣхали онѣ въ сентябрѣ; ихъ помѣстили въ большомъ графскомъ домѣ, гдѣ было съ избыткомъ все, что нужно даже для роскошной жизни. Сопровождали ихъ тетка Пелагея Михайловна Соболевская, родной ихъ дядя Соболевскій, тогда извѣстный живописецъ и художникъ, два двоюродные брата Подчаскіе (вѣрно помню) и цѣлая свита разныхъ гувернантокъ и огромное число прислуги. Дѣвицъ Перовскихъ было три: старшая Елизавета Алексѣевна была уже помолвлена за Петра Александровича Курбатова, вторая Анна Алексѣевна,

впослѣдствіи графиня Толстая, и Ольга Алексѣевна, бывшая за Жемчужниковымъ. Братья ихъ Александръ, Левъ, Василій Алексѣевичи были въ арміи.

Во все время ихъ пребыванія было очень весело. Всѣ онѣ посѣщали нашъ домъ и домъ Натальи Ивановны Пальменъ, съ которой ѣздили въ Тамбовъ для устройства туалета, такъ какъ весь ихъ гардеробъ остался въ добычу французамъ. Въ это же время въ Ершовѣ была также, по приглашенію управляющаго Фролова, генеральша Дашкова съ прелестною дочерью своею, помнится Анною Аполлоновною, которая, по возвращеніи своемъ въ Москву, вышла замужъ за гр. Шереметева, и съ сыномъ, девятилѣтнимъ мальчикомъ, Африканомъ. У управляющаго Фролова жила также тогда молоденькая княжна Мещерская, которой онъ былъ опекуномъ и съ которою воспитывалась моя вторая сестра Елизавета Петровна. Впослѣдствіи княжна была замужемъ за Андреемъ Петровичемъ Корсаковымъ. Въ это бѣдственное время, для многихъ Ершово было самымъ пріятнымъ пріютомъ. Тутъ собралось многолюдное, избранное общество, оживавшее наше сельское уединеніе. Всѣ вечера комнаты управителя Ивана Михайловича Фролова были полны. И послѣ ихъ отъѣзда было долго какъ-то пусто. Теперь уже, конечно, изъ этого общества немного осталось въ живыхъ.

Извѣстія, приходившія съ театра войны, были самыя неутѣшительныя. Наконецъ, Москву заняли французы, и когда показывалось гдѣ нибудь зарево, то народъ выбѣгалъ на улицу и, въ мрачномъ настроеніи, толковалъ о томъ, что это французы жгутъ наши города и села, и что вѣрно и здѣсь придется встрѣчать незван-

ныхъ. Крестьяне приготовляли рогатины. Выкованы были острія копій, которыя крестьяне насаживали на древки, а мы, прокатываясь на палочкахъ верхомъ, были исполнены самаго воинственнаго жара и чаще заглядывали на лезвія сабли и шпаги покойнаго нашего отца.

Во мнѣ больше всего производилъ воинственное настроеніе пѣсенникъ, большая толстая книга, единственное литературное произведеніе тогда мнѣ доступное по возрасту. Насъ тогда еще не баловали безчисленными новѣйшими изобрѣтеніями, какъ занимаютъ нынѣ дѣтскія головы разными научными исторійками, а иногда и бреднями. Въ пѣсенникѣ я изъ разныхъ солдатскихъ суворовскихъ пѣсенъ научился гордиться тѣмъ, что я русскій, членъ великаго народа, войска котораго прошли Альпы, Дунай и Кавказъ, какъ сказано было въ пѣсенникѣ:

„Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать,
Воды быстраго Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ,
Храбрость Россовъ прославляя,
Тавръ за нами и Кавказъ“.

Музыку по слуху переняли мы у старшей сестры, которая училась пѣть въ Екатерининскомъ институтѣ, и которая пѣла все появлявшееся тогда въ музыкѣ патріотическаго характера:

„Какъ-то Удино,
На время, правда,
Помѣшалъ бить Магдональда;
Но не все ли намъ равно,
Мы побили Удино“.

Также защитника Петрова-Града—
„Велитъ намъ славить правды гласъ".

съ припѣвомъ:

„Хвала, хвала тебѣ, герой,
Что градъ Петровъ спасенъ тобой".

Словомъ, старый пѣсенникъ довелъ насъ до того, что мы въ самомъ дѣлѣ думали при появленіи французовъ сражаться до послѣдней капли крови, не думали о томъ, что бѣгство безсильно.

Когда французовъ погнали изъ Россіи, тогда ходили всѣ смотрѣть на партіи. плѣнныхъ, какъ прежде на проходившія войска, стягивавшіяся къ театру военныхъ дѣйствій. Плѣнныхъ пригоняли во множествѣ. И что за жалкіе, измозжденные, оборванные бѣдняки были эти грозные побѣдители? Къ чести нашего добраго народа надо сказать, что онъ принималъ ихъ съ состраданіемъ, кормилъ ихъ и прикрывалъ чѣмъ могъ наготу ихъ. Я уже не говорю о благородныхъ семействахъ, которыя теперь оказывали имъ помощь во всемъ, но и простой народъ, съ яростью ожидавшій врага, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на побѣжденныхъ, конечно, когда этотъ врагъ уже бѣжалъ безъ оглядки.

III.

Отъѣздъ изъ дому.

Пріѣздъ княгини Долгоруковой, рожденной княжны Гагариной.— Отъѣздъ изъ Ершова.—Дорога.—Первыя впечатлѣнія въ Москвѣ.— Отъѣздъ въ село Полуектово.—Жизнь въ немъ.—Шутъ Иванъ Савельичъ.—Мои продѣлки.—Препровожденіе времени.—Поѣздка князя въ Рузу.—Прибытіе въ Петербургъ.—Назначеніе кн. Долгорукова шталмейстеромъ.—Общество, собиравшееся у князя.—Пріѣздъ моего брата.—Наши занятія.

1813—1814.

Миновалъ и 1812 годъ съ своею страшною кометою, на которую всѣ тогда смотрѣли съ какимъ-то ужасомъ, съ своими бѣдствіями и своею славою. Наступилъ 1813 годъ, одинъ изъ знаменательныхъ въ моей жизни.

Старшая сестра моя въ Екатерининскомъ институтѣ была очень дружна съ одною знатною и богатою дѣвицею, княжною Варварою Сергѣевною Гагариной. При разставаніи онѣ дали другъ другу слово: одна въ томъ, что когда выйдетъ замужъ по своему, конечно, выбору, то пріѣдетъ сама за подругою, а другая — не разлучаться съ нею, если это будетъ возможно. Съ этими, такъ сказать, обѣтами связана и моя участь. Еще прежде, главноуправляющій гр. Разумовскаго, бывшаго тогда министромъ просвѣщенія, получилъ предписаніе узнать возрастъ старшаго сына матушки нашей, котораго графъ располагалъ помѣстить въ Царскосельскій лицей. Въ 1813 году мнѣ было уже десять лѣтъ.

Божественный Промыселъ судилъ иначе.

Въ одинъ изъ іюльскихъ дней, вскорѣ послѣ нашего обѣда (мы обѣдали въ 2 часа) видимъ ѣдущую по дорогѣ карету; за нею коляску и большую бричку съ кухней. Карета поворотила къ намъ на дворъ, за нею и всѣ другіе экипажи. Объ этомъ пріѣздѣ сестра уже была увѣдомлена письмомъ отъ княгини Долгоруковой, присланнымъ изъ ея Пензенскаго имѣнія съ нарочнымъ. Изъ кареты вышла и бросилась въ объятія сестры моей молодая женщина чудной красоты, а за нею молодой мужчина около 30 лѣтъ, высокій, стройный, чрезвычайно красивый, это были княгиня и князь Долгоруковы.

Князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ родился въ 1787 году, былъ внукъ князя Долгорукова-Крымскаго и тесть нынѣшняго (1879) московскаго генералъ-губернатора, князя Владиміра Андреевича Долгорукова.

Одно слово было сдержано; надо было, чтобы сдержалось и другое. Но не одну сестру похищали они изъ нашего славнаго пріюта, а упросили матушку и меня, какъ старшаго сына, отпустить съ ними. Они брали меня на свое попеченіе и обѣщали замѣнить собою родителей. Матушка не желала еще отпустить меня, но, по ихъ просьбѣ и для сестры, наконецъ рѣшилась. Мы собрались въ дорогу, сперва въ Москву, а потомъ въ Петербургъ. Наступилъ часъ разлуки. Долго, долго матушка держала меня въ своихъ объятіяхъ, потомъ крестила, цѣловала, опять прижимала и наконецъ отпустила. Меня съ сестрой посадили въ коляску. Князь и княгиня сѣли въ карету, и лошади тронулись. Скоро исчезъ милый пріютъ, гдѣ осталось за нами столько

радостей и такъ мало даже дѣтскихъ огорченій. Все это въ одно мгновеніе прошло и прошло безвозвратно.

Первое впечатлѣніе на дорогѣ было нетерпѣніе и горячность князя на станціяхъ, когда онъ, разсердившись, грозилъ какому нибудь ямщику, если тотъ копался съ запряжкою, а княгиня останавливала и уговаривала его. Затѣмъ припоминаю остановки на станціяхъ для обѣдовъ, роскошно подававшихся на серебрѣ и весьма обильныхъ, такъ какъ кухня всегда отправлялась впередъ и поваръ все закупалъ и приготовлялъ на мѣстѣ; на ночлегахъ вносилась складная двухъспальная кровать для княгини съ княземъ, а намъ съ сестрой очищалось другое помѣщеніе.

Въ Тамбовѣ мы остановились въ какомъ-то большомъ домѣ. Мнѣ очень нравился невиданный еще мною городъ; но что въ томъ городѣ особенно привлекло мое любопытство, смѣшно сказать, это какой-то проѣхавшій мимо насъ, при въѣздѣ въ городъ, военный всадникъ, у котораго по вѣтру развѣвались полы сюртука, подбитыя краснымъ. Въ этомъ случаѣ и я нѣсколько походилъ на павлиновъ. Помню, что за обѣдомъ намъ подали огромной величины астраханскій арбузъ, какого мнѣ не случалось видѣть. На другой день мы выѣхали изъ Тамбова, проѣхали Рязань и переправились на паромѣ черезъ Оку. Эта переправа, большіе города, множество новыхъ для меня предметовъ и вообще все это путешествіе для меня, дикаря, не выѣзжавшаго за околицу деревни, было чѣмъ-то необычайнымъ. Въ Москву мы въѣхали поздно вечеромъ, и тутъ глаза мои готовы были выскочить—такъ эта громадность, шумъ и движеніе экипажей и множество пѣшеходовъ поражали

меня. Остановились мы въ большомъ домѣ Обухова на Тверской. Меня помѣстили въ верхнемъ этажѣ съ камердинеромъ князя, итальянцемъ Жозефомъ. Конечно, я спалъ какъ убитый, но рано утромъ меня разбудилъ необыкновенный для меня гулъ колоколовъ; это было воскресенье, такъ что я вскочилъ съ постели и подбѣжалъ къ окну, откуда изумленнымъ моимъ глазамъ представилась громадная Москва.

Какъ сильно забилось мое дѣтское сердце! Теперь-то я видѣлъ на яву то, что при слушанiи сказокъ о „Мерикрисѣ Кирьбитьевнѣ и жаръ-птицѣ“ представляло мнѣ тогда мое возбужденное воображенiе.

Выдающеюся чертой моего характера была страшная впечатлительность и пылкость. Мнѣ было тогда 11 лѣтъ: я былъ живой, но въ то же время довольно робкiй мальчикъ, такъ что съ высоты 3-го этажа мнѣ было страшно смотрѣть въ окно. Когда меня звали въ гостиную при гостяхъ, я страшно конфузился, хотя при вопросахъ всегда отвѣчалъ твердо. Княгиня не упускала случая, чтобъ не представить меня своимъ гостямъ, желая сдѣлать меня болѣе развязнымъ до поступленiя въ корпусъ. Одѣвали меня всегда съ особеннымъ тщанiемъ и князь всегда требовалъ, чтобы я при немъ примѣрялъ платье. Тогдашнiй костюмъ мой былъ какой-то полуфрачекъ съ жилетомъ и большимъ отложнымъ воротничкомъ рубашки.

Общество въ Москвѣ, посѣщавшее княгиню, разряженныя дамы и мущины только вскользъ были замѣчены мною, такъ какъ я былъ крайне застѣнчивъ и дикъ. Меня каждый день отправляли гулять съ кѣмъ нибудь изъ лакеевъ; я безпрестанно разспрашивалъ спут-

ника моего, особенно при видѣ разрушенныхъ зданій и торчащихъ трубъ, причемъ выслушивалъ съ жадностію и блестящими глазами разныя народныя повѣсти, какъ Наполеонъ, прохаживаясь по Поклонной горѣ, ожидалъ городскихъ властей съ ключами города и, не дождавшись, въѣхалъ въ пустынную Москву, страшно раздраженный варварами, не пожелавшими встрѣтить его съ покорностью и торжествомъ. Помнится, что тогда еще удержался чудесно образъ Спасителя или Николя Чудотворца на воротахъ Кремля, надъ вышибленными отъ взрыва кирпичами. Жадно слушалъ я, какъ раздраженные крестьяне управлялись съ французами, попадавшими въ ихъ руки, а также о нѣкоторыхъ великодушныхъ поступкахъ тѣхъ-же крестьянъ, подававшихъ помощь умиравшимъ отъ ранъ, изнеможенія и голода. Какъ въ Бородинскую битву видѣли Георгія Побѣдоносца на бѣломъ конѣ, ободрявшаго православныхъ воиновъ, и поистинѣ чудное мужество и самоотверженіе этихъ воиновъ, оспаривавшихъ другъ у друга смерть за вѣру и родину, могли вызвать чудесное явленіе! Всѣ эти разсказы сильно возбуждали мой патріотизмъ, и я ужъ съ дѣтства вѣрилъ, что могущественнѣе Россіи и мужественнѣе ея сыновъ не было въ мірѣ народа, въ чемъ убѣжденъ и теперь; исключаю изъ народа офранцузившихся и онѣмечившихся русскихъ.

Пробывъ нѣсколько времени въ Москвѣ, мы поѣхали въ имѣніе князя, въ село Полуектово, раззоренное войною. Здѣсь князь занялся облегченіемъ своихъ пострадавшихъ крестьянъ и исправленіемъ ихъ жилищъ. При нашествіи французовъ семьи удалились въ лѣса, откуда возвратились на свои пепелища. Князь приказалъ

выдать имъ лѣсъ безплатно, провіантъ и сѣмена на посѣвъ. Мы поселились въ домѣ, занимаемомъ управляющимъ, потому что большой господскій домъ былъ разоренъ. Въ немъ стоялъ какой-то маршалъ, а можетъ быть самъ Наполеонъ, какъ разсказывали тогда. Все тогда бѣжало, и некому было разузнавать, кто занималъ домъ, а знали, что тутъ стоялъ одинъ изъ высшихъ начальниковъ. Тутъ мы пробыли всю осень до зимы.

А чтобы доставить какое нибудь развлеченіе молодой княгинѣ, князь пригласилъ въ Полуектово извѣстнаго историческаго шута Ивана Савельича, который, передъ занятіемъ Москвы, развозилъ по домамъ патріотическія афишки, по порученію графа Ростопчина. Въ Москвѣ его всѣ знали. Онъ разъѣзжалъ въ маленькой коляскѣ съ шутовскою сбруей, въ шутовскомъ французскомъ кафтанѣ, провожаемый толпою мальчишекъ. Онъ былъ маленькаго роста, плотный, совершенно лысый; походка его была очень странная, какъ будто онъ подкрадывался къ чему нибудь, вся фигура его была вполнѣ шутовская. Онъ и въ Полуектово явился въ своемъ шитомъ французскомъ кафтанѣ, съ вышитою ермолкою на лысой головѣ. Съ какимъ страхомъ я посматривалъ на него, когда онъ крадущимся шагомъ вошелъ въ гостиную, гдѣ я учился у стола и писалъ урокъ, заданный мнѣ сестрою, которая сидѣла возлѣ меня; и когда онъ вздумалъ подойти къ столу и положилъ мнѣ на голову руку, я такъ испугался, что забился въ самую глубь дивана. Онъ зналъ много французскихъ словъ и въ искаженномъ видѣ перемѣшивалъ ихъ съ русскими всегда шутовски и остро; тершись въ большомъ свѣтѣ, онъ понималъ французскій разговоръ, былъ уменъ и

остеръ въ своихъ шуткахъ. Онъ очень не любилъ, если кто нибудь относился съ презрѣніемъ къ шутовству. Такъ что, когда онъ однажды услышалъ, что кто-то сказалъ: „только въ Москвѣ еще водятся шуты, а уже въ Петербургѣ ихъ нѣтъ“, то онъ замѣтилъ, довольно дерзко, въ защиту Москвы и шутовъ: „почему въ Петербургѣ нѣтъ шутовъ? Потому что, какъ только появится шутъ, то его сейчасъ же посадятъ...“ Страхъ мой, впрочемъ, продолжался недолго, и такъ какъ я былъ страшнымъ шалуномъ, то скоро самъ сталъ подшучивать надъ нимъ такъ, что иногда шутъ сердился и безъ всякаго шутовства грозилъ пожаловаться на меня князю.

Возлѣ дома была вѣковая тѣнистая роща, гдѣ мы съ княгиней и сестрой гуляли каждый день. Огромныя деревья этой рощи служили постояннымъ жилищемъ безчисленному множеству грачей, оглашавшихъ воздухъ своимъ неумолкаемымъ карканьемъ. Роща эта тянулась вдоль оврага, служившаго русломъ небольшому ручью, впадавшему въ рѣку Рузу. До рѣки былъ довольно крутой спускъ на дно оврага со стороны рощи.

Когда наступили морозы, спускъ этотъ поливали для нашего катанья въ санкахъ, что мы дѣлали каждый день, гуляя съ княгиней и сестрой въ рощѣ. Въ катаньѣ участвовали я, сестра, горничныя дѣвушки и мальчики. Иванъ Савельичъ, въ своей волчьей шубѣ, всегда первый садился въ санки и, конечно, со всевозможными шуточными движеніями; но только что онъ готовился спускаться, какъ я переворачивалъ санки задомъ напередъ, и онъ, вывалившись изъ нихъ, скатывался въ одной своей шубѣ, что, конечно, не входило

въ планъ его шутовства. Раздраженный, онъ поднимался съ санками на гору, грозя мнѣ мщеніемъ. Однажды, однакожъ, я своими шалостями чуть было не погубилъ его. Онъ всегда сопровождалъ насъ на гуляньяхъ съ княгиней и сестрой, и я всегда надоѣдалъ ему своими шалостями, а когда, въ этотъ разъ, онъ погнался за мною, я, спасаясь, вбѣжалъ на замершій прудъ. Тогда ледъ еще не былъ довольно крѣпокъ; меня онъ сдержалъ, но когда шутъ, погнавшись за мною, добѣжалъ до середины, вдругъ ледъ подъ нимъ обрушился, и онъ провалился. Къ счастію, глубина пруда была ему по поясъ, и онъ, проламывая руками ледъ, могъ выйти на берегъ съ помощью лакея. Эта холодная ванна, конечно, сдѣлала шута самымъ серьезнымъ человѣкомъ. Онъ бросился бѣжать домой, чтобы скорѣе осушиться. Княгиня такъ испугалась, что вскрикнула, а испугъ для нея былъ очень вреденъ, такъ какъ она въ то время была беременна. Она очень разсердилась на меня—и было за что, сестра также, и я получилъ хорошую головомойку. Болѣе всего меня печалило то, что княгиня этотъ вечеръ не говорила со мной ни слова; но такъ какъ все кончилось благополучно, то князь принялъ эту шалость снисходительно и только посмѣялся.

По вечерамъ мы часто играли въ жмурки. Въ игрѣ обыкновенно участвовали князь, сестра моя, Иванъ Савельичъ, я и двѣ горничныя дѣвушки; княгиня же сидѣла въ сторонѣ и, глядя на насъ, отъ души смѣялась. Когда случалось съ завязанными глазами подходить къ ней, то она всегда подавала свою руку и жмурка удалялась. Игры были превеселыя и шутъ вы-

дѣлывалъ при этомъ всевозможные фарсы, а когда принужденъ былъ сильно нагибаться подъ руками ловящихъ, то это крайнее напряженіе выражалось иногда не совсѣмъ скромно, можетъ быть невольно, а можетъ быть и по праву шутовства.

Часто также князь садился играть съ Иваномъ Савельичемъ въ дурачки и по окончаніи игры клалъ ему подъ ермолку нѣсколько бѣленькихъ бумажекъ въ 25 рублей ассигн., такъ что шутовство было ему довольно выгодно.

Князь часто уѣзжалъ въ Рузу и всегда бралъ меня съ собою, а для шутки однажды взялъ Савельича. У князя было тройка лихихъ донцевъ и онъ всегда по рѣкѣ всѣ 12 верстъ скакалъ во весь духъ. Тутъ выразилась уже не шуточная трусость шута, и въ самыхъ комическихъ движеніяхъ, что очень забавляло меня и князя.

Бывалъ у насъ рузскій исправникъ по фамиліи Бѣловъ, славный, веселый человѣкъ, который часто бывалъ у насъ, изрѣдка пріѣзжали и другіе гости изъ сосѣдей или городскихъ чиновниковъ. Въ Рузѣ мы всегда останавливались въ домѣ исправника. Городъ Руза, также какъ и другіе города на пути слѣдованія непріятельской арміи, представлялъ печальный видъ разрушенныхъ обгорѣлыхъ зданій.

Уже наступила полная зима и очень холодная; говорили, что птицы замерзали на лету! Въ Петербургъ мы пріѣхали въ январѣ. Остановились, гдѣ потомъ и жили, въ собственномъ домѣ князя на Англійской набережной и Крюкова канала, на углу. Помню, какъ меня, деревенщину, все поражало въ этомъ домѣ: бога-

тые ковры, зеркальныя окна, огромныя комнаты, дорогія и изящныя вещи, между которыми помню большую малахитовую вазу, стоявшую посреди комнаты, похожую на купель, только много выше купели, художественной отдѣлки. Помню, какъ начали пріѣзжать къ намъ различныя знатныя лица, мущины и дамы, александровскіе генералъ-адъютанты и флигель-адъютанты, изъ которыхъ нѣкоторые были товарищами князя по военной службѣ. Княгиня обладала такою красотою, такою прелестью обращенія и такимъ умомъ, что нельзя было не восхищаться ею всѣмъ, посѣщавшимъ ее блистательнымъ военнымъ той рыцарской эпохи и не сдѣлаться ея поклонниками.

Князь началъ службу въ семеновскомъ полку; дѣлалъ молдавскую кампанію адъютантомъ Милорадовича. Въ этой кампаніи онъ едва не погибъ, хотя и не въ сраженіи. Проходя вечеромъ куда-то по порученію начальства, онъ попалъ въ колодезь и пробылъ въ немъ нѣсколько часовъ, упершись спиной въ одну стѣну, а ногами въ другую. Онъ долго кричалъ, но сначала никто не слышалъ и онъ уже терялъ послѣднія силы, какъ наконецъ, по счастью, шедшіе мимо солдаты услыхали крикъ и вытащили его.

Передъ этимъ походомъ князь влюбился въ княжну Варвару Сергѣевну Гагарину, воспитывавшуюся въ Екатерининскомъ институтѣ, которую увидѣлъ въ первый разъ при выпускѣ. Какъ знатная сирота, она была подъ особеннымъ попеченіемъ вдовствующей императрицы Маріи Θеодоровны. По выходѣ изъ института она жила у своей тетки, графини Гурьевой. Отправляясь въ походъ, князь сдѣлалъ повѣреннымъ своихъ чувствъ

родственника и друга своего, князя Александра Николаевича Хованскаго, потомъ бывшаго управляющимъ государственнымъ банкомъ, столь извѣстнаго всей Россіи по его подписи на государственныхъ ассигнаціяхъ, который и поддерживалъ съ нимъ переписку и увѣдомлялъ о предметѣ его любви. Онъ имѣлъ квартиру у князя въ домѣ, внизу, и былъ членомъ семейства. Этотъ человѣкъ былъ замѣчателенъ своею глубокою религіозностью, своею благочестивою, вполнѣ христіанскою жизнію и это—среди міра, среди его суеты и обольщеній, которыя не касались ни его сердца, ни ума. Онъ нѣсколько разъ въ году говѣлъ и пріобщался св. тайнъ и, можно сказать, былъ живымъ свидѣтельствомъ, что и среди міра можно быть человѣкомъ Божіимъ.

Когда князь, по возвращеніи изъ похода, сдѣлалъ предложеніе княжнѣ Гагариной, то она, не отказывая ему, однакожъ, объявила, что за военнаго рѣшилась не выходить. Что было дѣлать? Князю не хотѣлось оставлять военной службы, которую онъ любилъ, тѣмъ болѣе, что въ это время уже начиналась размолвка между Наполеономъ и нашимъ государемъ, хотя еще войны не ожидали; но любовь превозмогла: онъ вышелъ въ отставку и женился.

Онъ былъ сдѣланъ при дворѣ камергеромъ, исключительно занялся своими и жениными имѣніями (княгиня имѣла около 30,000 душъ) и, въ нѣсколько лѣтъ, прекрасно устроилъ свои дѣла, поправилъ свои раззоренныя войной имѣнія, чѣмъ и показалъ свои экономическія способности. Вскорѣ онъ былъ назначенъ шталмейстеромъ. Ему одному была поручена вся хозяйствен-

ная часть, весьма запущенная, придворной конюшни; хотя оберъ-шталмейстеромъ былъ Мухановъ, но это только номинально. Онъ дѣйствительно преобразовалъ эту часть. Съ него началась фабрикація превосходныхъ придворныхъ экипажей, преобразованы казенные конскіе заводы, все приведено въ большой порядокъ, что и было оцѣнено государемъ, который все время благоволилъ къ нему.

Изъ всѣхъ генераловъ, часто посѣщавшихъ княгиню, мнѣ, какъ дикарю, особенно нравился генералъ Левашевъ, командиръ лейбъ-гусарскаго полка, который былъ очень красивъ, имѣлъ щегольскіе черные усы и всегда воинственно гремѣлъ по каменной лѣстницѣ своею саблею, что заставило меня составить о его геройствѣ самое высокое понятіе, хотя и не знаю вѣрно ли. Помню также датскаго посланника, графа Блома, въ его красномъ мундирѣ, весьма частаго и короткаго гостя въ домѣ князя. Здѣсь часто бывалъ баронъ Шепингъ, кажется дежурный штабъ-офицеръ гвардейскаго штаба, который пѣвалъ тріо съ княгиней и сестрой. Тутъ я видѣлъ Васильчикова, командира гвардейскаго корпуса, начальника гвардейскаго штаба Бекендорфа, Чернышева (надъ которымъ въ обществѣ подшучивали за его любимую фразу: „je pris Cassel"), Милорадовича и многихъ тогда блестящихъ героевъ 1812 года. Часто бывалъ также Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, тогда полковникъ и флигель-адъютантъ, потомъ онъ командовалъ конно-гвардейскимъ полкомъ.

Князь хотя жилъ открыто, но праздники и балы давалъ рѣдко, такъ какъ княгиня не любила большихъ пышныхъ собраній и сама очень рѣдко, только по не-

обходимости, ѣздила ко двору. При этомъ, когда она бывало оканчивала свой туалетъ, всегда звала меня посмотрѣть на ея костюмъ и отъ души смѣялась, видя мое восхищеніе.

За обѣдомъ у нихъ всегда бывалъ кто нибудь изъ высшаго общества. Помню Каподистрію, Поццо-ди-Борго, Несельрода, графа и графиню Гурьевыхъ и многихъ другихъ, занимавшихъ тогда самые высокіе государственные посты. Но самымъ частымъ посѣтителемъ дома былъ Дмитрій Михайловичъ Кологривовъ, одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей дома. Этотъ человѣкъ былъ, въ полномъ смыслѣ, душою общества. Пріятный въ высшей степени, всегда веселый, остроумношутливый, онъ часто до слезъ заставлялъ смѣяться самаго серьезнаго человѣка. Въ то же время, онъ былъ очень добраго сердца и, какъ говорили, дѣлалъ много добра, скрывая его отъ глазъ свѣта. Онъ, помнится, былъ братомъ князя Александра Николаевича Голицына, такъ называемаго синодскаго, отъ одной матери и разныхъ отцовъ. Гдѣ только былъ Дмитрій Михайловичъ, тамъ уже непремѣнно общество было въ самомъ пріятномъ настроеніи. Онъ очень любилъ тормошить моего меньшаго брата. Дочь графа Гурьева, Елена Дмитріевна, двоюродная сестра княгини, очень часто бывала у княгини; она хорошо пѣла и часто съ сестрой и княгиней онѣ пѣли дуэты и тріо. Помню даже, что она принесла однажды и пѣла тогда еще новый романсъ: „Привычка видѣть ежедневно тебя, о другъ души моей“, бывшій потомъ въ большомъ ходу. Эта дочь графа Гурьева потомъ была замужемъ за Сверчковымъ, незначительнымъ чиновникомъ въ министер-

ствѣ финансовъ, въ котораго влюбилась, конечно, по привычкѣ видѣть ежедневно. Впослѣдствіи этотъ нѣкогда незначительный чиновникъ былъ уже человѣкомъ важнымъ. Въ 1840 году на Кавказѣ я встрѣтился и познакомился съ сыномъ Елены Дмитріевны, тогда юнкеромъ Сверчковымъ, состоявшимъ при нашемъ командирѣ кабардинскаго полка, генералѣ Лабынцовѣ.

Въ Свѣтлое Воскресеніе, мы всегда у заутрени бывали въ домовой церкви графа Гурьева, у котораго и разговлялись. Меня, при выѣздахъ къ роднымъ, вездѣ брали съ собой и къ княгинѣ Салтыковой, Екатеринѣ Васильевнѣ, сестрѣ князя, и къ брату его, Николаю Васильевичу, который былъ женатъ на княжнѣ Голицыной. Братъ же княгини, Сергѣй Сергѣевичъ Гагаринъ, былъ женатъ на извѣстной красавицѣ Валеско.

Мать князя, Екатерина Ѳедоровна Долгорукова, жила сперва отдѣльно, а потомъ у князя, когда князь купилъ домъ на Гагаринской пристани. Домъ былъ квадратный, одинъ фасадъ выходилъ на набережную у гагаринской пристани, двѣ стороны были вдоль двора, а четвертая сторона выходила на улицу. Въ этомъ домѣ жила княгиня-мать. Въ этомъ незабвенномъ домѣ князя и княгини Варвары Сергѣевны прошло наше отрочество; здѣсь же провели мы счастливые годы юности, когда уже были офицерами. Но это время еще впереди, а теперь возвращусь къ тому времени, когда началось и продолжалось мое корпусное воспитаніе, а затѣмъ и брата моего, за которымъ нарочно ѣздилъ князь, черезъ два года посѣщая свои имѣнія.

До опредѣленія моего въ корпусъ, меня занимали

громкимъ и правильнымъ чтеніемъ по-французски, по-нѣмецки и по-русски. Обыкновенно занималась со мной сестра Екатерина Петровна, старшая въ семействѣ нашемъ; занятія мои состояли въ переводахъ съ французскаго на русскій и съ нѣмецкаго. Часто и сама княгиня слушала и задавала вопросы.

Въ домъ брали также родственника князя, Васиньку Хованскаго, учившагося въ горномъ корпусѣ. Помню, что насъ часто заставляли бороться въ гостиной; поощряемые княземъ и самымъ искреннимъ смѣхомъ княгини и сестеръ, мы страшно горячились. Васинька Хованскій былъ плотный мальчикъ, а братъ очень жиденькій, но очень задорный, я же первенствовалъ между ними, такъ какъ былъ уже опытнымъ кадетомъ, а въ 1817 году гардемариномъ. Помню, какъ однажды, при такихъ эволюціяхъ, случилось, что Хованскій въ борьбѣ какъ-то схватилъ брата за фалды его полуфрачка и сталъ вертѣть до того, что уронилъ его; тотъ вспыхнулъ и ударилъ прямо въ лицо такъ, что подбилъ ему глазъ. Конечно, его крѣпко побранили и заставили просить прощенія и они сейчасъ же помирились. Такъ какъ Васинькѣ надо было ѣхать куда-то вечеромъ съ родными, то я посовѣтовалъ взять сухой травы бодяги, которая сводитъ синяки, что было мнѣ извѣстно по корпусу изъ многихъ опытовъ.

Я помѣщался съ сестрами въ одной изъ комнатъ, имъ отведенныхъ, такъ какъ тогда же княгиня вызвала къ ней и другую сестру Е. П. Вставали мы обыкновенно поздно. Сестрамъ приносили по утрамъ кофе, а мнѣ чай. Конечно, главнымъ потребителемъ печенія былъ я. Послѣ кофе, мы занимались до 12 часовъ, когда

сходились къ завтраку, къ которому выходила княгиня. Князь обыкновенно отправлялся въ свою конюшенную контору. Послѣ завтрака, княгиня и сестра садились за чтеніе или за музыку; въ хорошее время гуляли по набережной; это относится къ зимамъ, такъ какъ лѣтомъ проводили время на дачахъ.

VI.

Морской корпусъ.

Мое вступленіе волонтеромъ въ морской корпусъ.—Жизнь у Авенаріуса.—Зачисленіе въ 3-ю роту.—Корпусная жизнь.—Преподаватели.—Игры и шалости. — Практическія плаванья.—Обѣдъ у князя Долгорукова въ честь Милорадовича.—Жизнь на дачѣ.—Приготовленіе къ выпуску. — Законоучитель іеромонахъ Іовъ. — Его вліяніе на насъ и удаленіе его изъ корпуса.

1815—1817.

Спустя нѣсколько времени по пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, князь выбралъ для моего воспитанія морской корпусъ, кажется по совѣту адмирала Александра Семеновича Шишкова, довольно частаго посѣтителя дома. И такъ, въ одно счастливое или несчастное утро, князь посадилъ меня съ собою въ карету, и мы отправились въ морской корпусъ, къ директору корпуса, адмиралу Петру Кондратьевичу Карцеву. Такъ какъ комплектъ въ корпусѣ былъ полный, то положили отдать меня въ корпусъ волонтеромъ, т. е. жить пока въ пансіонѣ и

посѣщать классы. Не знаю, по чьей рекомендаціи былъ выбранъ для этой цѣли корпусный учитель рисованія, Карлъ Карловичъ Авенаріусъ, который имѣлъ казенную квартиру во флигелѣ на лазаретномъ дворѣ, раздѣленную деревянною перегородкою съ учителемъ русскаго языка, Ѳедоромъ Васильевичемъ Груздевымъ. Память о Карлѣ Карловичѣ и его матери такъ дорога для меня, что я не могу не остановиться на нихъ.

Когда меня привезли къ нимъ, это было вечеромъ, они оба очень обласкали меня, но ихъ квартира и вся бѣдная обстановка произвели на меня тягостное впечатлѣніе. Квартира эта состояла изъ крошечной темной прихожей со старинными стѣнными часами, маленькой гостиной, гдѣ спалъ Карлъ Карловичъ на кожаномъ маленькомъ диванѣ, а у другой стѣны была поставлена моя кровать, и еще маленькой комнаты, спальни матери его, Анны Ѳедоровны. Возлѣ прихожей была маленькая кухня, изъ которой дверь вела въ спальню хозяйки. Вотъ и вся квартира. Повторяю, что послѣ княжескихъ комнатъ, къ которымъ я уже успѣлъ привыкнуть, эта квартира произвела тяжелое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что я здѣсь долженъ былъ жить, разлучившись съ сестрой и княгиней, къ которой былъ привязанъ всею силою моего дѣтскаго сердца. Когда меня оставили и карета уѣхала, сердце мое крѣпко стѣснилось и грусть страшная овладѣла мной. Анна Ѳедоровна подала мнѣ чашку чаю; онъ былъ такъ не сладокъ, что я насилу могъ кончить чашку, а когда она хотѣла мнѣ налить другую, то я едва не заплакалъ. Какъ бы то ни было, но я тутъ остался и не только скоро примирился со всѣмъ окружавшимъ меня, но и былъ счастливъ, испы-

тывая безпрестанно ихъ попечительную и даже нѣжную любовь.

Кухня ихъ имѣла одну русскую печь, гдѣ и готовилось кушанье, жаренье-же производилось на шесткѣ, на желѣзномъ таганчикѣ. Въ печуркѣ хранилась изломанная жестяная коробка съ трутомъ изъ сожженой тряпки, огнивомъ, кремнемъ и насѣренными лучинками и вечеромъ добываніе огня было истиннымъ подвигомъ. Обитый кремень давалъ очень мало искръ, и трутъ зажигался послѣ сотни ударовъ, изъ коихъ нѣсколько доставалось на долю пальцевъ бѣдной старушки, которая покидала операцію отъ боли; затѣмъ я принимался колотить по кремню и также неудачно, но, наконецъ, все-же трутъ загорался, сѣрная лучина прикладывалась къ огню и, послѣ нестерпимаго сѣрнаго смрада, освѣщалась кухня, зажигались сальныя свѣчи, съ которыхъ нагаръ снимался чѣмъ попало, или изломанными щипцами, или ножницами, или пальцами. Хозяйствомъ у Карла Карловича завѣдывала его мать-старушка, женщина чудной доброты, которая любила меня и послѣ меня брата моего, поступившаго къ нимъ черезъ два года, какъ родныхъ дѣтей. Сынъ ея былъ также человѣкъ очень добрый, кроткій и простодушный. Онъ казался скупымъ, но эта скупость весьма понятна, при тогдашнемъ скудномъ жалованьи въ 200 р. ассигнаціями и еще менѣе. Мы объ его скупости заключили изъ того, что когда ему нужно было выдавать деньги на хозяйство, то онъ всегда ворчалъ на мать за большіе расходы, тогда какъ экономнѣе вести хозяйство, я увѣренъ, не могла бы ни одна хозяйка въ цѣломъ мірѣ. Конечно, это огорчало ее, но она къ этому уже при-

выкла. Онъ любилъ мать свою, но не былъ ласковъ съ нею. Оригинальнѣе этого человѣка трудно что нибудь встрѣтить. Когда онъ бывалъ дома, то или читалъ, писалъ, рисовалъ, или ходилъ изъ угла въ уголъ по своей маленькой комнатѣ и всегда говорилъ самъ съ собою иногда тихо, а иногда громко. Разговоръ этотъ сопровождался замѣчательной мимикой, какъ будто онъ спорилъ съ кѣмъ нибудь и доказывалъ что нибудь кому нибудь, а иногда разражался такимъ громкимъ смѣхомъ, что не знавшій его могъ принять за сумасшедшаго. Но, при всѣхъ этихъ странностяхъ, это былъ человѣкъ весьма умный, даже ученый и философъ, хотя нѣсколько въ родѣ Діогена. Онъ до того берегъ свое платье, что никогда не дотрогивался до него щеткой, говоря, что она стираетъ ворсъ и скоро уничтожаетъ сукно. Головы онъ почти никогда не чесалъ, умывался такъ, чтобы промыть только глаза, немного доставалось на долю носа, бороды и щекъ, а шея и уши никогда не удостоивались этой чести. Когда онъ шелъ по улицамъ, то всегда шепталъ и никого не замѣчалъ и на толкавшихъ его не обращалъ вниманія. Галстухъ у него приходился задомъ напередъ. Воротникъ шинели всегда на одномъ плечѣ, а другой конецъ висѣлъ свободно. Онъ любилъ поѣсть и хвалилъ маменьку свою за то, что она изъ всего умѣетъ приготовить вкусныя кушанья, но терпѣть не могъ на ѣду давать денегъ.

Совершенную противоположность съ сыномъ составляла его мать. Въ ней не было и тѣни скупости. При ихъ скудныхъ средствахъ, она, конечно, должна была во всемъ наблюдать экономію; чай и кофе пила въ прикуску. Но особенно любила кофе и какъ утромъ, такъ

и послѣ обѣда пила по нѣсколько чашекъ. Употребленіе кофе въ такихъ размѣрахъ вѣроятно отразилось на ея лицѣ и носѣ, кончикъ котораго былъ красенъ. Я всею душою привязался къ этой старушкѣ и любилъ Карла Карловича.

Когда я возвращался изъ классовъ, она всегда приготовляла мнѣ какое нибудь лакомство или давала сдобную съ изюмомъ булку, которую мы называли свинухой. Это до обѣда. Обѣдъ былъ всегда вкусный и сытный, такъ какъ она готовила сама и кухарка, когда была—что не всегда случалось—только помогала. Она старалась доставлять мнѣ всевозможныя удовольствія. Иногда гуляла со мной по Васильевскому острову, или мы отправлялись на Крестовскій, или брала меня въ Андреевскій рынокъ, гдѣ закупала провизію. Брата послѣ меня она, кажется, любила еще больше.

Когда уже мы были офицерами, Карлъ Карловичъ часто навѣщалъ насъ, находя удовольствіе бывать въ средѣ веселой и шаловливой молодежи, которая часто продѣлывала надъ нимъ разныя штуки. Дружба эта и любовь этихъ чудныхъ людей продолжалась до конца. Когда уже мы были осуждены послѣ сентенціи, въ казематъ приноситъ мнѣ плацъ-маіоръ картузъ табаку, на заверткѣ котораго вдругъ я узналъ подпись Карла Карловича, который съ матерью своею приходилъ въ крѣпость и просилъ плацъ-маіора передать намъ съ братомъ этотъ табакъ. Эта ихъ память и пріязнь тронули меня до слезъ.

Поселившись у Авенаріуса, я былъ принятъ въ корпусъ волонтеромъ и долженъ былъ ходить въ классы. Такъ началось мое ученье; когда же я посту-

пилъ въ кадеты, то былъ опредѣленъ въ 3-ю роту, командиромъ которой былъ капитанъ-лейтенантъ М. М. Г. человѣкъ желчный, капризный и всегда сердитый, у котораго первое и единственное наказаніе были розги. Въ его дежурство, дежурная комната въ 11 часовъ, когда кончались классы, оглашалась воплями кадетовъ, которыхъ онъ сѣкъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы онъ одинъ занимался сѣченьемъ; многіе другіе офицеры тоже не отказывали себѣ въ этомъ удовольствіи; исключеніемъ были только набожные князья Шихматовы, изъ которыхъ Сергѣй Александровичъ впослѣдствіи былъ монахомъ. Вслѣдствіе безпрестанныхъ сѣченій въ корпусѣ образовались спартанскіе нравы и розогъ уже не стыдились, а гордились ими; кого чаще сѣкли за шалости и молодечество, и кто подъ розгами не кричалъ, тотъ назывался молодцемъ, чугуномъ и старикомъ; это послѣднее названіе было особенно почетнымъ. Такъ однажды и меня наказалъ Г.; но за это наказаніе я ему и теперь благодаренъ, такъ какъ оно было вполнѣ заслужено. Я прибилъ фухтилемъ тесака одного товарища другаго выпуска, во время междоусобицы двухъ гардемаринскихъ выпусковъ, въ которой я принималъ участіе. Въ этотъ день я былъ дежурнымъ по ротѣ, а дежурные надѣваютъ тесакъ. Нужно сказать, что эти междоусобныя брани были почти ежегодны между трехъ-кампанцами, то есть сдѣлавшими три кампаніи въ Финскомъ заливѣ и приготовлявшимися къ выпуску, и двухъ-кампанцами, занимавшими ихъ мѣсто, послѣ ихъ выпуска. Сраженія эти происходили обыкновенно на дворѣ, послѣ форменнаго вызова. Когда было уже темно, сражавшіеся становились другъ противъ друга, какъ

это бываетъ на всѣхъ кулачныхъ бояхъ; храбрѣйшіе выдавались впередъ, увлекая другихъ и бой кипѣлъ съ ожесточеніемъ, хотя несчастныхъ случаевъ, какъ помню, никогда не происходило. Эти битвы воспѣвались своими поэтами и о нихъ были писаны цѣлыя поэмы въ родѣ Россіады Хераскова. Если бы и теперь можно было прочесть одну изъ такихъ поэмъ, помнится, гардемарина Ширинкина, то я увѣренъ, что въ ней было бы признано много таланта.

Корпусная жизнь наша протекала въ ученіи и играхъ самыхъ разнообразныхъ. Часто также составлялись хоры подъ регентствомъ гардемарина Иванова, который былъ большой любитель пѣнія и имѣлъ прекрасный теноръ. Онъ не упускалъ ни одного церковнаго торжества съ пѣвчими и посѣщалъ всѣ архіерейскія и митрополитскія служенія. Кромѣ церковной музыки мы пѣли и разные романсы, которые можно пѣть хоромъ, помню:

„Гдѣ прежъ сего цвѣла Троянская столица,
Тамъ въ наши времена посѣяна пшеница;
Гдѣ прежде въ Капитоліи судилися цари,
Тамъ въ наши времена живутъ пономари“.

Также:

„Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно“.

И множество другихъ.

Нравственнаго воспитанія въ корпусѣ не было; кто былъ хорошо воспитанъ дома до 11-ти-лѣтняго возраста, тотъ могъ пройти всѣ искушенія корпусной жизни невредимымъ; а искушенія эти были дѣйствительно очень велики. Въ корпусѣ было свободное поле всевоз-

можнымъ страстямъ и порокамъ, гдѣ во всемъ блескѣ могла проявиться сила добраго домашняго воспитанія въ религіи и нравственности. Учились мы много: четыре часа до обѣда и четыре часа послѣ обѣда; четыре предмета ежедневно. Учителя у насъ были очень оригинальные, хотя и хорошо знавшіе свое дѣло.

Помню учителя математики, Исакова, Петра Ивановича, который имѣлъ обыкновеніе давать кокосы по головѣ ученика, незнавшаго заданнаго урока, но за то былъ прекрасный человѣкъ и преподавалъ превосходно. Такую кокосу получилъ однажды очень забавно товарищъ, сидѣвшій возлѣ меня. Классу была задана какая-то задача изъ алгебры; я, зная, что мой сосѣдъ очень плохъ въ алгебрѣ и станетъ списывать задачу у меня, нарочно написалъ на доскѣ безсмысленное рѣшеніе. Быстро списавъ, онъ поспѣшилъ показать учителю раньше другихъ. Когда же П. И. Исаковъ взглянулъ на доску, то, конечно, при словѣ „болванъ", далъ ему славную кокосу, послѣ чего онъ возвратился на свое мѣсто, грозя мнѣ мщеніемъ. Кокосой назывался ударъ по головѣ сложенными крѣпко тремя пальцами, изъ коихъ первенствовалъ средній.

Воронинъ, Ананій Екимовичъ, толстый, красный, страшно харкавшій человѣкъ, но очень хорошій учитель, увлекательно преподавалъ исторію, такъ что въ его классъ многіе приходили слушать изъ другихъ классовъ, гдѣ случалось не бывать учителю. Ѳедоръ Васильевичъ Груздевъ, добрѣйшій человѣкъ, преподавалъ русскій языкъ и смѣшилъ насъ интонаціями голоса, когда говорилъ стихи, особенно басни Крылова и Хемницера. Передъ диктантомъ обыкновенно говорилъ

„дружи, дружки! почините ваши перушки". Однажды съ нимъ сдѣлали очень гадкую и даже низкую шутку, утвердили булавку въ его табуретѣ, на который онъ сѣлъ и, разумѣется, быстро вскочилъ. Негодованіе было общее, надо сказать къ чести кадетъ, и если бы не было сдѣлано такъ секретно, что до моего выпуска осталось неизвѣстнымъ, то негодяй, конечно, страшно бы за это поплатился. По словоохотливости и краснорѣчію, Груздева прозвали краснобаемъ. Бругенкатъ, учитель англійскаго языка, съ пѣтушинымъ хохолкомъ на головѣ, очень милый, добрый англичанинъ, единственный примѣръ учителямъ языковъ, у котораго мы дѣлали успѣхи и могли даже говорить нѣсколько по-англійски, что очень пригодилось мнѣ, когда я съ фрегатомъ былъ въ Англіи. Французскій языкъ преподавалъ Триполи, предметъ общихъ насмѣшекъ учениковъ по своимъ страннымъ шутовскимъ пріемамъ, по своей фигурѣ и возгласамъ. Артиллеріи училъ офицеръ, онъ же, сколько помню, и фортификаціи. Учили насъ и корабельной архитектурѣ. Геодезію преподавалъ очень оригинальный учитель, котораго поговорки были до того шутливо-грубы, что ихъ нельзя даже повторить здѣсь. Географіи училъ Зарубинъ. Все это были оригиналы своего времени, какихъ уже теперь, думаю, рѣдко можно встрѣтить, хотя между педагогами, думаю, что еще найдется и стараго закала.

Къ чести нашихъ оригиналовъ надо сказать, что они добросовѣстно выполняли свои обязанности преподавателей. Не лѣнясь слѣдили за успѣхами учениковъ, безпристрастно относились къ нимъ, на экзаменахъ не различали маменькиныхъ сынковъ и нетерпѣніемъ своимъ

не сбивали знающаго, если онъ нѣсколько замѣшался или запнулся, а давали ему время высказать вполнѣ или знаніе или незнаніе. Теперь же, по моимъ наблюденіямъ, не считаютъ нужнымъ слѣдить за истинными успѣхами; если ученикъ по робости своего характера или неспособности не вдругъ отвѣтитъ, запнется, то учитель никакъ не потрудится удостовѣриться, отъ незнанія-ли произошла запинка или отъ другихъ причинъ, и, повелѣвъ грубо садиться на свое мѣсто, ставитъ ему дурной баллъ, тогда какъ ученикъ по знанію спрошеннаго предмета, достоинъ бы былъ хорошаго балла и въ чемъ бы учитель убѣдился, если бы имѣлъ довольно терпѣнія и любви къ своимъ ученикамъ.

Если же принять въ соображеніе нынѣшнее содержаніе учителей и прежнее, то перевѣсъ окажется въ пользу прежнихъ нашихъ стариковъ.

Безъ сомнѣнія, результаты тогдашняго ученія будутъ много слабѣе нынѣшнихъ, но это оттого, что тогда и средства научныя были не тѣ. Но все же надо вспомнить, что изъ этой школы вышли Нахимовы, Дали, Корниловы, Новосильскіе, Глазенапы, Путятины, Будаковы, все это питомцы того времени, и все это герои, краса и гордость Россіи.

За ученіемъ слѣдовали игры. Лѣтомъ обыкновенно играли въ городки. Для этой игры сами кадеты выкраивали, шили и туго набивали небольшіе изъ крѣпкой кожи мячики. Игравшіе раздѣлялись на два стана: одни въ городѣ, обведенномъ чертою, а другіе въ полѣ, тоже обведенномъ чертою. Одинъ подавалъ мячикъ, подкидывая его вверхъ, а другой концомъ палки сильно ударялъ по немъ, держа палку обѣими руками; мячикъ

отлеталъ далеко, а въ это время весь городъ добѣгалъ до полевой черты и возвращался назадъ.

Противники должны были, проворно поднявъ отлетѣвшій мячикъ, стараться запятнать бѣгущихъ къ городу и если это удавалось, то городъ выгонялся въ поле, а противники занимали городъ.

Поэтому въ этой игрѣ нужны были сила и ловкость, чтобы мячикъ отлеталъ какъ можно дальше. Другая игра очень скромная, называлась въ житки, гдѣ играли трое: одинъ билъ по очереди, одинъ подавалъ мячикъ, третій стоялъ въ полѣ и долженъ былъ поймать на лету мячикъ; когда онъ билъ, подававшій отправлялся въ поле, а бившій подавалъ. Въ первой игрѣ, въ городки тоже, когда кто изъ полевыхъ поймалъ мячикъ на лету, то игра считалась выигранною и играющіе смѣнялись. Третья игра называлась „съ носка". Для этого шили огромный и некрѣпко набитый мячъ; играющіе становились въ кругъ, и кому доставался мячикъ, тотъ билъ его носкомъ прямо вверхъ, чтобъ закинуть на крышу огромнаго четырехъэтажнаго корпуса, что считалось торжествомъ. Четвертая, въ которой участвовало очень много лицъ, называлась „вырываться"; это, думаю, изобрѣтеніе морскаго корпуса. Одна партія подвигалась впередъ и проводила большой мячъ, который долженъ былъ удариться въ стѣну, защищаемую другой партіей, которая отражала мячъ и, въ свою очередь, старалась провести его въ противоположную сторону. Все это дѣлалось ногами, руки тутъ не участвовали. Лѣтомъ играли также въ солдатики, изукрашивая себя раскрашенными бумажками, звѣздами и другими орденами, а также изъ

бумаги шились мундиры и треугольныя шляпы съ перьями.

Одно только лѣто, когда Долгоруковы и съ ними наши сестры уѣзжали за границу, я оставался въ корпусѣ. Изъ замѣчательныхъ каникулярныхъ шалостей была одна, очень непріятная для того, надъ кѣмъ она производилась. Она называлась „закусить и выпить“.

Это дѣлалось такъ: кому нибудь изъ спящихъ днемъ во время жары, подкрадываясь, давали оплеуху или пощечину, конечно не очень крѣпкую, и когда онъ, проснувшись, раскрывалъ глаза, ему въ лицо выливали ковшъ воды и спасались бѣгствомъ. Другая шутка называлась „спустить корабликомъ“. Для этого подходятъ тихонько къ спящему; одинъ беретъ за два конца одѣяло съ ногъ, другой съ головы, и спавшій на кровати внезапно просыпался на полу. Эти кораблики повторялись и во время плаванія на корпусныхъ судахъ, гдѣ спавшій въ койкѣ, подвѣшенной у потолка, слеталъ на палубу. Изъ каникулярныхъ фантазій въ свѣтлыя петербургскія ночи самая веселая была ночная окрошка. Для этого изъ залы отъ ужина выносили подъ полами куртки хлѣбъ, въ который вкладывалась говядина; заранѣе приготовлены были лукъ, квасъ, печеныя яйца, взятыя изъ мелочной лавочки и все это пряталось подъ кровать съ миской и ложками. Когда въ 10 часовъ проходилъ дозоръ—дежурный офицеръ съ солдатомъ, несшимъ за нимъ фонарь—всѣ лежали подъ одѣяломъ какъ спящіе; но только что шаги дозора замолкали на галлереяхъ, тотчасъ всѣ вскакивали и принимались за работу; крошилась говядина, печеныя яйца, лукъ; работа, конечно, сопровождалась веселымъ гово-

ромъ и смѣхомъ, а затѣмъ начинался восхитительный ужинъ, послѣ котораго уже всѣ серьезно укладывались спать. Главная прелесть этого ужина, конечно, заключалась въ томъ, что это дѣлалось не въ обычное время, внѣ начальническаго надзора, съ разставленными часовыми на случай появленія дежурнаго. Сторожа, которые находились при каждой камерѣ, въ невинномъ удовольствіи не мѣшали, а еще помогали.

Гардемарины въ каникулярное время отправлялись въ практическое плаваніе, продолжавшееся два мѣсяца. Плаваніе ограничивалось только взморьемъ между Петербургомъ и Кронштадтомъ, которое называлось Маркизовой лужей, по имени морскаго министра маркиза де-Траверсе. Въ плаваніи гардемарины исполняли всѣ матросскія работы. Двухъ и трехъ-кампанцы распредѣлялись по разнымъ марсамъ и назывались марсовыми, въ числѣ которыхъ находился и я во вторую кампанію. Одно-кампанцы назывались ратниками и на марсы не назначались.

Въ марсовые выбирались гардемарины, которые по росту, проворству и силамъ могли исполнять работы довольно трудныя, какъ-то: отдавать и крѣпить паруса, стоя на смоленыхъ веревкахъ, подвязанныхъ къ реямъ и называемыхъ пертами; брать рифы, то есть уменьшать площадь паруса.

Самые главные паруса-марсели находятся на серединѣ мачты, и довольно высоко, но брамсели находятся выше марселей, а бомъ-брамсели еще выше брамселей, такъ что работа на такой огромной высотѣ требовала смѣлости и крѣпкой головы. Нѣкоторые же смѣльчаки поднимались по самаго конца мачты, но такихъ было, конечно,

очень немного. Только одинъ Фонтонъ прославился тѣмъ, что входилъ на самый клотикъ: это деревянная, дощатая, круглая плоскость, центромъ утвержденная на самомъ концѣ мачты. Онъ всходилъ на клотикъ и становился на колѣна. Другой гардемаринъ, потомъ извѣстный капитанъ-лейтенантъ Торсонъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ часто взбирался на клотикъ, но разъ случилось, что уронили что-то на палубѣ и сотрясеніе, передавшееся на конецъ мачты, такъ испугало его, что съ тѣхъ поръ онъ уже не возобновлялъ этой попытки.

Однажды мы всѣ марсовые лежали на реяхъ, убирая паруса, а на нокѣ марсореи, т. е. на самомъ концѣ ея, былъ Петръ Александровичъ Бестужевъ. Спущенная рея вѣроятно не дошла до конца и вдругъ она осѣла внизъ почти на четверть. Всѣ, конечно, нѣсколько испугались, а Бестужевъ, котораго мѣсто было самое опасное, вдругъ поблѣднѣлъ такъ, что мы его должны были перетащить и спустить на марсъ. Гардемариновъ однокампаниевъ пріучали лазить на мачты; нѣкоторые слабонервные очень боялись и такъ какъ добровольно не хотѣли идти, то таковыхъ поднимали на веревкѣ. И сколько хохоту бывало всегда при этомъ! Трусы особенно боялись путенъ-вантъ, которые отъ мачты шли къ марсу первой площадки, такъ что надо было лѣзть спиной внизъ и держаться на вѣсу.

Въ походѣ давали намъ чай; но кто вообразитъ, что это былъ обычный чай въ чашкахъ, тотъ очень ошибется: его намъ подавали въ оловянной мискѣ съ сухарями и мы его черпали ложками, какъ супъ.

Кромѣ одного года, проведеннаго княземъ, княгинею и сестрами за границей, насъ съ братомъ на каникулы,

обыкновенно, брали Долгоруковы, и это время, проведенное у нихъ на дачахъ, было самымъ очаровательнымъ временемъ моихъ воспоминаній.

По пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, первое лѣто мы жили на дачѣ князя, на Каменномъ островѣ, на Малой Невкѣ, прямо противъ большого подводнаго камня, отъ котораго, я думаю, и островъ получилъ свое названіе. Въ домѣ князя по временамъ жилъ студентъ, князь Барятинскій, родственникъ князя. Мы съ сестрой помѣщались въ мезонинѣ съ большимъ балкономъ, надъ самой рѣкой. По вечерамъ, обыкновенно, гуляли по чуднымъ аллеямъ Каменнаго острова или въ саду на берегу рѣки.

На разныхъ дачахъ по ночамъ зажигали великолѣпные фейерверки и играла музыка. Въ свѣтлыя ночи, очень часто проплывали по Невѣ большіе катера съ пѣсенниками и музыкантами. Особенно хороша была роговая музыка Дмитрія Львовича Нарышкина, которая часто спускалась по теченію рѣки Невы, оглашая окрестности чудной гармоніей.

На слѣдующее лѣто, мы жили уже не на Каменномъ, а на Елагиномъ островѣ, кажется, на дачѣ Орлова. Эта дача мнѣ памятна тѣмъ, что здѣсь княгиня Варвара Сергѣевна Долгорукова задумала увѣнчать лавровымъ вѣнкомъ одного изъ героевъ великой войны, графа Милорадовича, у котораго мужъ ея, князь Василій Васильевичъ въ молдавскую кампанію былъ адъютантомъ. Для этого онъ былъ приглашенъ къ обѣду. Столъ былъ роскошно убранъ, въ огромной круглой залѣ съ стеклянным куполомъ. За обѣдомъ играла полковая семеновская музыка. Разговоръ былъ самый оживлен-

ный. Вспоминали войну, наши побѣды, наше великодушіе; разумѣется, государь былъ однимъ изъ главныхъ и самыхъ интересныхъ предметовъ разговора. Пили здоровье императора, за славу, за героевъ живыхъ и въ память павшихъ. Было шумно, весело, оживленно, несмотря на продолжительность роскошнаго обѣда. Чтобъ исполнить мысль княгини, заблаговременно розыскано было лавровое дерево и изъ его листьевъ устроенъ вѣнокъ, вмѣсто кольца, употребляемаго въ игрѣ серсо.

Когда шумно встали изъ-за стола и вышли на террасу, княгиня предложила герою сыграть съ нею въ серсо; тотъ немедленно сталъ на другой конецъ и вмѣсто палки, не видя ея, торопливо вынулъ въ ножнахъ свою шпагу и приготовился ловить. Вѣнокъ полетѣлъ; но герой, незнакомый съ игрою, едва успѣлъ его поймать, но все же поймалъ. Тутъ вдругъ раздалось громкое ура, поднялись бокалы, музыка заиграла маршъ и герой, пораженный неожиданнымъ оборотомъ игры, держа лавровый вѣнокъ, тронутый до глубины души, склонилъ колѣно передъ княгиней и съ жаромъ поцѣловалъ ея руку. Такъ какъ вѣнокъ едва только былъ имъ пойманъ и уже падалъ, то онъ сказалъ:

— Какъ бы я обманулъ ваше великодушное намѣреніе княгини, еслибъ уронилъ вѣнокъ, которымъ вамъ угодно было меня увѣнчать!

Княгиня отвѣчала: „еслибъ онъ не попалъ на вашу шпагу, то, конечно, упалъ бы вамъ прямо на голову“ — новое ура, шампанское, новое преклоненіе колѣна и цѣлованіе руки.

Да, это было истиннымъ торжествомъ героя. Я увѣренъ, что при древнихъ турнирахъ и рыцарскихъ по-

единкахъ не было красавицы выше княгини, красотою, умомъ, любезностью и тѣмъ очарованіемъ, какимъ она обладала. Это было чудное существо, за одинъ ласковый взглядъ котораго, не было подвига, на который бы не рѣшился истинный рыцарь.

Что же долженъ былъ чувствовать герой, увѣнчанный рукою такой женщины!

Одинъ годъ, 1817-й, мы жили на Аптекарскомъ островѣ: это былъ годъ, когда я былъ произведенъ въ гардемарины и мечталъ уже о кругосвѣтномъ плаваніи. Въ это лѣто князь давалъ великолѣпный балъ, на которомъ былъ наслѣдный принцъ прусскій, потомъ король, которому наслѣдовалъ нынѣшній германскій императоръ; были также наши великіе князья Николай и Михаилъ. Государь съ императрицею въ эту ночь, катаясь по Невѣ на голландскомъ буерѣ, подъѣзжалъ къ дачѣ, куда выходили къ нему князь, княгиня и всѣ гости. Затѣмъ былъ великолѣпный фейерверкъ. Жизнь на дачахъ была вообще не только пріятна, но для насъ, дѣтей, очаровательна. Сколько наслажденія въ свободѣ бѣгать по саду, играть, купаться, слушать музыку, пѣніе. Къ этому надо прибавить постоянно прекрасный, роскошный столъ, чай съ сахарными сухарями и кренделями, что для нашего дѣтскаго аппетита очень нравилось, вечера на террасѣ, гдѣ, подъ говоръ и шумъ воды, сидя на креслѣ, мы бывало такъ сладко дремали. Сверхъ всего этого, видѣть княгиню, которую я любилъ всею силою юнаго сердца, почти до обожанія, исполнять какія нибудь ея порученія, нести шаль ея во время гулянія или зонтикъ, все это просто дѣлало счастливымъ меня и всѣхъ насъ и мы съ завистью смотрѣли

на того изъ нась, кому выпадало это счастіе. Помню, какъ однажды, уже довольно далеко отойдя отъ дома, княгиня вспомнила, что позабыла перчатки; съ какою неистовою быстротой мы всѣ пустились бѣгомъ, чтобъ принести ихъ и, кажется, я былъ тотъ счастливецъ, который, обогнавъ другихъ, принесъ драгоцѣнную ношу. А когда зимою, бывало, всѣ собирались на вечеръ къ княгинѣ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ и она попроситъ меня надѣть ея теплыя ботинки, съ какимъ восторгомъ и счастьемъ я исполнялъ это. Видя, какимъ счастьемъ мы считали послужить чѣмъ нибудь ей, видя, съ какимъ восторгомъ мы на нее смотрѣли, она часто отъ души смѣялась, своимъ милымъ, гармоничнымъ смѣхомъ, надъ нашею восторженною къ ней привязанностью. Могу сказать, что въ этомъ восторгѣ и привязанности къ ней болѣе всѣхъ выдавался я, какъ энтузіастъ, такъ какъ братъ былъ моложе меня на 3 года, а Васенька Хованскій не былъ такъ часто и не жилъ у князя постоянно, какъ мы.

Князь на дачахъ очень любилъ играть со мною въ воланъ, что было очень удобно въ большомъ залѣ дачи на Елагиномъ съ стекляннымъ куполомъ. Мы въ эту игру играли каждый день и до того усовершенствовались, что дѣлали по нѣскольку тысячъ, не уронивъ ни разу. Иногда играли также княгиня и сестра. Также часто играли въ серсо, и кромѣ удовольствія игры я и тутъ находилъ наслажденіе поднимать серсо, когда княгиня его роняла.

Это была истинно идеальная женщина. Сколько она дѣлала добра, содержа столь многихъ бѣдныхъ своими пенсіями. Это мнѣ потому хорошо извѣстно, что она, не

желая быть извѣстною, мнѣ поручала писать и переписывать списки тѣхъ, кому она постоянно помогала.

Я съ братомъ только что были выпущены изъ Петровскаго завода въ Сибири на поселеніе, когда княгиня Долгорукова скончалась. Сестра писала мнѣ объ ея христіанской чудной кончинѣ. Она не желала пышныхъ похоронъ и завѣщала похоронить себя въ простомъ гробѣ. Масса нищихъ провожала ее. Эта прекрасная душа въ прекрасной оболочкѣ, вѣрно, не была отъ міра сего, потому что была рано взята отъ ея земнаго высокаго положенія къ безконечно высочайшему! Меня и офицерство не радовало, когда она, увидѣвъ меня въ первый разъ въ мундирѣ съ золотыми эполетами и улыбнувшись, сказала:

— Ну, я теперь ужъ не буду звать тебя Сашенькой, а Александромъ Петровичемъ.

Я же умолялъ ее, чтобъ она не переставала звать меня какъ прежде. Ея отъѣздъ за границу передъ самой эпохой 14-го декабря 1825 года, можетъ быть, болѣе всего способствовалъ тому, что мы такъ горячо предались дѣлу возстанія. Сестры наши уже были у матушки; безъ княгини мы ходили въ домъ князя рѣдко, такъ какъ онъ съ утра былъ постоянно въ придворной конюшенной конторѣ или по своимъ многочисленнымъ заведеніямъ и мастерскимъ; вечеръ же гдѣ нибудь. Еслибъ была княгиня въ Петербургѣ, то большей части бесѣдъ, которыя такъ воспламеняли насъ на нашей квартирѣ, въ нашемъ кругу, можетъ быть не было бы, и не было бы потому, что при ней мы большую часть свободнаго отъ службы времени проводили у нихъ. Безъ нея же мы ходили изрѣдка въ домъ къ Аннѣ Михайловнѣ Па-

ризо,—воспитательницѣ двухъ дочерей княгини—Маріи и Варвары Васильевны, которая, можно сказать, была ихъ идеальной воспитательницей. Свѣтлый умъ, высокое образованіе, кротость, снисходительность и въ то же время твердость правилъ, изящные пріемы въ обращеніи, словомъ ея высокія достоинства дѣлали ее скорѣе другомъ, нежели гувернанткой; она не могла подходить подъ это названіе, такъ какъ въ отсутствіи княгини вполнѣ замѣняла мать для маленькихъ княженъ и была другомъ ихъ бабушки, княгини Екатерины Θедоровны.

Сколько отрадныхъ вечеровъ провелъ я, бывая въ Москвѣ по возвращеніи съ Кавказа, въ ея миломъ, пріятномъ обществѣ. Она жила въ нѣмецкой улицѣ, въ своемъ уютномъ маленькомъ домѣ, съ внучкой своей, дочерью друга и товарища юности нашей Павла Петровича Паризо, тогда бывшаго инженеромъ путей сообщенія и уже умершаго. Онъ жилъ въ домѣ князя и ѣздилъ на лекціи въ институтъ.

Уже много лѣтъ спустя послѣ нашей ссылки, эти вечера, эта дорогая пріязнь, даже, могу сказать, дружба, которую она мнѣ оказывала, никогда не изгладится изъ моей памяти и моего сердца. Въ Москвѣ эта чудная женщина была патріархомъ французской московской колоніи, съ многими членами которой я у нея познакомился, и помню, что между другими часто у нея бывала дѣвица Деласаль [1]), которая была такъ очаровательна по уму, красотѣ, серьезному образованію и выдающемуся высокому образу мыслей, что я былъ очарованъ ею.

---

[1]) Въ настоящее время она содержитъ пансіонъ въ Москвѣ, который славится воспитаніемъ.

По окончаніи каникулъ, къ 1-му августа возвращались въ корпусъ, гдѣ снова начинались классы, игры и шалости. Зимнія игры бывали: бирюльки изъ тонкихъ соломенокъ, булавочки, катаніе карандашей, выточенныхъ въ продолговатые, круглые валики или цилиндры изъ оселка, разныхъ размѣровъ, которые носили названіе разныхъ кораблей. Ихъ катали по столу съ грифельныхъ досокъ, какъ катаютъ яйца. Играли также въ чехарду, въ рыбку, прыгали черезъ человѣка, въ кошку и мышку, катались на конькахъ, для чего поливались два большіе двора, словомъ игры были такъ многочисленны и разнообразны, что скучать было невозможно и некогда.

Передъ выпускомъ занимались прилежнѣе; вставали по ночамъ, учились по вечерамъ, конечно съ своими свѣчами, потому что въ камерѣ другаго освѣщенія не было, кромѣ масленныхъ ночниковъ, прибитыхъ къ стѣнамъ. Мы для занятій по вечерамъ всегда приносили запасъ восковыхъ огарковъ изъ дома князя Долгорукова. Но это освѣщеніе нужно было бдительно охранять отъ различныхъ покушеній со стороны хищниковъ. Форма наша состояла изъ двубортной куртки съ галуномъ на воротникѣ и рукавахъ. Кто пускался на открытое хищничество, тотъ прикрывалъ лицо одной полой разстегнутой куртки (и назывался фуркой); подкрадывался къ столу, гдѣ горѣлъ восковой огарокъ, схватывалъ его и убѣгалъ. Конечно, за нимъ слѣдовала погоня, летѣла въ фурку подушка, чтобы сбить его съ ногъ и когда это удавалось, то затѣмъ, конечно, слѣдовали тумаки; иногда же фурка успѣвала скрыться.

Такъ протекали дни нашей корпусной жизни съ уче-

ніемъ, играми и шалостями, горемъ, радостью, дружбою и враждою. Дружба наша была идеальная, а вражда безмѣрная. Кто повѣритъ, что враждующіе не говорили между собою и избѣгали другъ друга года по два и болѣе. Но когда приближался великій постъ и прощенные дни, тутъ часто происходили трогательныя примиренія. Какъ ни тяжело ветхому человѣку, даже въ отрочествѣ, побороть свою гордость и приблизиться съ протянутой рукою къ врагу, но высшая сила, присущая намъ отъ купели крещенія, неодолимо влекла къ тому, отъ котораго отталкивало сердце, такъ по крайней мѣрѣ было со мною. Зато, какою сладостью оно наполнялось, когда примиреніе совершалось и дружба занимала мѣсто вражды. Бывали между враждующими и такіе. которые отвергали приближавшагося съ миромъ, но все же вражда уже была побѣждена и вскорѣ затѣмъ враги сближались. Между воспитанниками много было такихъ, которые домашнимъ воспитаніемъ были настроены религіозно и часто между нами, единомышленниками, бывали религіозныя бесѣды, весьма сладостно волновавшія сердце и которыя питались и укрѣплялись чтеніемъ религіозныхъ книгъ. Помню, что тогда библейскимъ обществомъ были распространены небольшаго формата библіи и тогда же появились евангелія русскославянскія, издавались бесѣды митрополита Михаила и краткія житія нѣкоторыхъ святыхъ.

На верху корпуснаго зданія была домовая церковь и очень хорошіе пѣвчіе. Вообще служба совершалась весьма благоговѣйно и благолѣпно.

Каждую субботу была всенощная и всѣ роты фронтомъ приводились въ храмъ, гдѣ и стояли по-ротно,

при старшихъ и младшихъ офицерахъ; въ такомъ же порядкѣ слушалась литургія по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ. Въ праздники, обыкновенно, за обѣдомъ играла своя корпусная музыка и, въ эти дни, за обѣдомъ давали сладкіе слоеные пироги. Торты, жареные гуси были только въ Рождество и Пасху.

Корпусный нашъ залъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что при своей огромности онъ не имѣлъ колоннъ, а между тѣмъ онъ вмѣщалъ въ одной своей половинѣ за обѣдами до 700 человѣкъ, а могъ помѣстить и болѣе, принимая въ разсчетъ большое мѣсто въ концѣ зала, гдѣ помѣщалась огромная модель корабля.

Законъ Божій преподавалъ намъ свой корпусный священникъ, но это преподаваніе не имѣло особеннаго вліянія, какъ сухое и холодное; но когда къ намъ поступилъ іеромонахъ Іовъ, то эта сторона воспитанія приняла совершенно другой видъ. Религіозная жизнь быстро возродилась. Прекрасный собой, кроткій, любящій, увлекательно-краснорѣчивый и ревностный пастырь юныхъ овецъ, онъ вдругъ овладѣлъ сердцами всѣхъ, особенно же тѣхъ, которые были подготовлены дома религіозно. Во время служенія, когда онъ своимъ симпатичнымъ голосомъ читалъ евангеліе за всенощной или за обѣдней, то это божественное слово по-истинѣ проникало въ сердце, такъ что у нѣкоторыхъ слезы навертывались на глазахъ, какъ это было со мною.

Въ преподаваніи закона Божія, онъ разсказывалъ намъ дивное величіе и благость Божію и Его безконечное милосердіе къ обращающимся на путь добродѣтели, и такимъ образомъ возжигалъ въ юныхъ сердцахъ ту любовь къ Богу, съ которой является ненависть къ по-

року и рѣшимость творить только угодное Богу. Да, это было самое сладостное время для нашихъ душъ; и какое вліяніе оно имѣло на всѣхъ. Какъ улучшались нравы въ большей массѣ воспитанниковъ, какое бодрствованіе и наблюденіе за собою, какая кротость и скромность заступили мѣсто безстыдныхъ выраженій и привычекъ, какой миръ,—словомъ, это время было эпохой истиннаго возрожденія, котораго плоды не погибли ни для одного изъ тѣхъ, которые пробуждены были отъ грѣховнаго усыпленія, хотя и отроческаго, и еслибъ продолжалось постоянно такое религіозное воздѣлываніе, то думаю, что корпусное воспитаніе было бы истиннымъ, плодотворнымъ воспитаніемъ. Когда онъ приходилъ въ роты въ праздничные дни, то по галлереямъ за нимъ обыкновенно слѣдовала масса кадетъ и всѣ просили его зайти къ нимъ, хоть на минуту, чтобъ слышать его сладкую бесѣду или какое нибудь назидательное слово; и что онъ говорилъ съ любовію и чему поучалъ, то каждый старался помнить и исполнить.

Къ несчастію, этотъ чудный отецъ Іовъ недолго могъ продолжать свое благодѣтельное служеніе; его постигла какая-то необыкновенная болѣзнь, что-то въ родѣ умопомѣшательства, въ припадкѣ котораго онъ однажды вечеромъ пришелъ въ церковь и ножемъ разрѣзалъ на крестъ мѣстные образа Спасителя, Божьей Матери и еще нѣкоторые другіе. Въ это время въ Петербургѣ сильно бродили западныя реформатскія идеи. Говорили даже, что императоръ Александръ, вслѣдствіе вліянія на него г-жи Крюднеръ, также поддерживалъ ихъ. Въ ея запискахъ (Mémoires de m-me Crudner) она пишетъ, что во все время ея публич-

ныхъ проповѣдей во многихъ городахъ и мѣстахъ Германіи ее постоянно преслѣдовала мысль идти къ императору Александру, который въ дни величайшей своей славы и торжества, послѣ такихъ событій, какъ пораженіе Наполеона и освобожденіе отечества—чего нельзя было приписать случаю—все же страдалъ скептицизмомъ, при своемъ этомъ желаніи вѣровать. Въ тотъ самый вечеръ или, лучше сказать, въ ту самую ночь, когда она дошла до мѣста, гдѣ была расположена императорская квартира, государь ходилъ по своей комнатѣ и, уже слышавъ о проповѣдническихъ подвигахъ г-жи Крюднеръ, размышлялъ о силѣ той вѣры, которая двигала ею, какъ вдругъ входитъ князь Волконскій и докладываетъ, что г-жа Крюднеръ желаетъ его видѣть. Понятно, какъ онъ былъ пораженъ этою случайностію, но приказалъ ее впустить. Она успѣла до того поколебать его скептицизмъ, что онъ вмѣстѣ съ нею и ея спутницей преклонилъ колѣна и долго молился. Ставши христіаниномъ по образцу Крюднеръ, конечно, онъ болѣе уже склонялся къ религіи реформатской, нежели къ своей православной и единой истинной, о которой, конечно, не имѣлъ настоящаго понятія, какъ, къ несчастію и великому несчастію, и теперь не имѣетъ большинство образованныхъ классовъ... Говорили также, что за одну книгу, переведенную на русскій языкъ, въ которой приводились иконоборческія понятія и которая понравилась государю, былъ удаленъ поставленный епископомъ пензенскимъ архимандритъ Иннокентій, противившійся ея напечатанію, какъ цензоръ. Можетъ быть, нашъ іеромонахъ Іовъ принадлежалъ къ числу увлекавшихся этими идеями, но когда онъ совершилъ этотъ

актъ иконоборства, его видѣли въ комнатѣ горячо молившимся всю ночь и слышали, что онъ молилъ Господа не только простить ему этотъ поступокъ, этотъ грѣхъ, но и исцѣлить какъ его душу, такъ и разрѣзанные имъ образа. Его тотчасъ же удалили изъ корпуса, а съ его удаленіемъ наша религіозность ослабѣла снова, хотя, впрочемъ, многіе возрастили посѣянныя сѣмена вѣры и въ томъ числѣ мы съ братомъ и другіе изъ нашихъ друзей. Онъ былъ человѣкомъ лѣтъ 35, высокій, съ прекрасными русыми волосами, раскинутыми по плечамъ, съ голубыми глазами, правильными чертами лица, съ такою пріятною наружностью, которая всѣхъ привлекала къ нему. Походка его была тихая и мѣрная, въ глазахъ сіяла кротость и доброта, голосъ звучный и чрезвычайно симпатичный и когда онъ служилъ и читалъ евангеліе, то многіе не могли удержатьсся отъ слезъ. Это по истинѣ было чудное явленіе въ корпусѣ. Его любовь, его ревность, заботливость въ обращеніи сердецъ къ Богу любви объясняютъ успѣхи первыхъ проповѣдниковъ слова Божія.

Этотъ случай благотворнаго вліянія одного человѣка на нравы воспитанниковъ, однимъ только божественнымъ словомъ, съ любовію знѣдряемымъ въ юныя сердца, ясно показываетъ, что для исправленія нравовъ какъ въ дѣтяхъ, такъ и въ обществѣ, нѣтъ другой силы столь всемогущей, какъ христіанская религія, не сухо и холодно преподаваемая, а съ любовію и примѣромъ внѣдряемая въ сердца людей. Законъ гражданскій можетъ заставить повиноваться себѣ посредствомъ страха, но посредствомъ этого же страха его можно обойти, тайно нарушить, можно истолковать для своихъ цѣлей

съ полнымъ внутреннимъ сознаніемъ, что онъ стѣснителенъ и непрактиченъ, даже глупъ, и обойти его есть дѣло ума и ловкости. Законъ не имѣетъ силы надъ совѣстью, онъ имѣетъ только силу кары. Нравственное ученіе, внѣ религіи преподаваемое, во имя чего можетъ быть обязательно для внутренняго убѣжденія? Во имя самаго добра, говорятъ другіе. Но понятія и о добрѣ часто бываютъ весьма различны и относительны: одинъ называетъ добромъ то, что другой не называетъ и не признаетъ, а проводитъ свою идею добра и зла каждый по своимъ наклонностямъ и страстямъ. И вотъ причина почему однѣ и тѣ же неправды, одинъ и тотъ же развратъ, однѣ и тѣ же злоупотребленія, корыстолюбіе и себялюбіе являются во всѣхъ странахъ и во всѣхъ формамъ правленія, начиная съ самаго неограниченнаго, до самаго свободнаго.

И такъ, гдѣ же побужденія дѣйствительно и могущественно измѣняющія плутовство и обманъ въ строгую честность и правоту, корыстолюбіе въ безкорыстіе, развратъ въ цѣломудріе, пьянство въ трезвость, раболѣпство въ истинную христіанскую свободу, какъ не тамъ, гдѣ власть всевидяща, всевѣдуща, отъ которой ничто не сокрыто и которая, хотя не проявляетъ себя прямо и непосредственно мечемъ своего правосудія и страшной кары (хотя и это бываетъ часто), но которая таинственно накладываетъ свою огненную печать на каждаго нарушителя ея законовъ, свидѣтельствуя о Его вѣчномъ бытіи и Его правдѣ. Поэтому только тѣ суть истинные и безкорыстные исполнители закона государственнаго (гдѣ онъ не противенъ закону Евангельскому), которые въ душѣ носятъ Бога и Его святыя заповѣди.

V.

Въ гвардейскомъ экипажѣ.

Выходъ изъ корпуса.—Назначеніе въ гвардейскій экипажъ.—Офицерская жизнь.—Дневникъ.—Плаваніе на яхтѣ „Перера“.—Встрѣча съ государемъ Александромъ Павловичемъ. — Поѣздки въ Царское Село.

1817—1819.

Наконецъ приблизилось время выпускнаго экзамена. Отворились двери конференцъ-зала; у столовъ экзаменаторовъ разсѣлись гардемарины, конечно, не безъ страха. Нѣсколько дней продолжалась операція и затѣмъ объявлены громогласно удостоившіеся быть представленными къ производству въ офицеры. Первая выпускная шалость состояла въ томъ, что нѣкоторые достали себѣ трубки и начали курить, хотя и скрытно, такъ какъ это не дозволялось. Наступили пріятныя мечты о будущей свободной жизни и службѣ. Передъ производствомъ обыкновенно начальники отбирали желаніе, кто въ какой портъ желаетъ поступить: въ Севастополь, Кронштадтъ, Архангельскъ, Астрахань или Свеаборгъ. Тутъ начались безконечные разговоры о тѣхъ мѣстахъ, кто куда записался. Въ самыхъ радужныхъ краскахъ рисовались южные порты: Севастополь и полуевропейскій, полуазіатскій Астрахань съ ихъ фруктовыми садами, виноградниками и чудной природой. Бѣломорцы представляли себѣ холодный Архангельскъ съ его морозами, длинными или короткими ночами и веселыми катаньями съ горъ, а затѣмъ, и это главное, плаваніе океаномъ. Свеаборгцамъ

рисовалась Финляндія съ ея чудными скалами, озерами, водопадами, живописными видами и прелестными шведками.

Я сначала сговорился съ своимъ другомъ Гаевицкимъ записаться въ Архангельскъ, чтобы весною плыть въ Кронштадтъ съ новыми кораблями океаномъ и посѣтить Копенгагенъ, но моя судьба была опредѣлена иначе и я получилъ иное назначеніе.

Княгиня Варвара Сергѣевна Долгорукова очень желала, чтобы я служилъ въ Петербургѣ, какъ для сестеръ, такъ и потому, что уже привыкла видѣть меня въ ея семействѣ и къ тому же она уже питала къ намъ истинно материнскую привязанность. Но въ Петербургѣ не стояли дѣйствующіе экипажи, а былъ только одинъ гвардейскій морской экипажъ; въ гвардію же прямо изъ курпуса не выпускали. Она сказала о своемъ желаніи нѣкоторымъ изъ генералъ-адъютантовъ и, въ томъ числѣ, начальнику штаба гвардейскаго корпуса, а потомъ самому корпусному командиру, генералу Васильчикову. Всѣ эти генералы желали сдѣлать угодное княгинѣ и стали хлопотать о назначеніи меня, при производствѣ, прямо въ гвардейскій экипажъ. Когда до государя дошли съ разныхъ сторонъ ходатайства о назначеніи меня прямо въ гвардейскій экипажъ, онъ спросилъ:

— Кто этотъ счастливый молодой человѣкъ, о которомъ такъ много просятъ?

Когда же ему сообщили, что это братъ m-lle Blanche (такъ въ свѣтѣ называли мою сестру), которую государь зналъ, и что проситъ о немъ княгиня Долгорукова, онъ повелѣлъ, не въ примѣръ прочимъ, назначить меня прямо въ гвардейскій экипажъ. Я отъ природы былъ

чрезвычайно застѣнчивъ и дикъ, а потому долго не могъ освоиться съ обществомъ офицеровъ. Старшіе офицеры, и въ томъ числѣ Михаилъ Николаевичъ Лермонтовъ, потомъ бывшій генералъ-губернаторомъ финляндскимъ Пелейтенантъ Николай Глѣбовичъ Козинъ, Николай Петровичъ Римскій-Корсаковъ, очень обласкали и ободрили меня, 17-ти-лѣтняго юношу. Я поступилъ въ роту къ Лермонтову; унтеръ-офицеръ былъ назначенъ приходить ко мнѣ на квартиру, чтобы въ подробности ознакомить съ ружейными пріемами, хотя и въ корпусѣ насъ учили ружью и маршировкѣ.

Осмирядныя ученія въ казармахъ, баталіонныя ученія въ манежѣ, общество товарищей, славныхъ молодыхъ людей, между которыми никогда не было никакой ссоры или непріятности, что не всегда бываетъ въ другихъ военныхъ обществахъ, караулы по городу, разводы передъ государемъ, а также и ученія, имъ производимыя экипажу на дворцовой площади, которыми онъ всегда оставался особенно доволенъ, благодарилъ и награждалъ матросовъ,—вотъ въ чемъ вращалась жизнь въ началѣ моей службы.

Такъ какъ все это было для меня ново, то, конечно, я былъ очень доволенъ своею службою. Обѣдалъ же я и проводилъ вечера въ домѣ князя Долгорукова, гдѣ всегда было очень пріятно. Другихъ же знакомыхъ семейныхъ домовъ у меня не было; иногда только вмѣстѣ съ другими офицерами я бывалъ у нашего адмирала Ивана Петровича Карцева, который былъ вдовцомъ; хозяйкой же у него была прелестная 17-ти-лѣтняя дочь, недавно выпущенная изъ Смольнаго, и еще другая дочь нѣсколько моложе.

Когда я былъ произведенъ въ офицеры, мнѣ отъ князя наняли квартиру на театральной площади. Квартира моя состояла изъ прихожей, гостиной и спальни. Я началъ свою новую жизнь съ прекраснымъ направленіемъ и жилъ философомъ. Согласно съ моимъ религіознымъ настроеніемъ, которое было плодомъ домашняго воспитанія и корпуснаго возрожденія при іеромонахѣ Іовѣ, я писалъ каждый вечеръ, возвращаясь домой, свой дневникъ, въ которомъ записывалъ всѣ впечатлѣнія дня, все что было со мною, все что говорилъ или дѣлалъ хорошаго или дурнаго и во всемъ дурномъ приносилъ покаяніе, обращаясь въ молитвѣ къ Богу и принимая рѣшимость исправиться. Впослѣдствіи этотъ дневникъ былъ у меня похищенъ однимъ изъ моихъ пріятелей и читанъ громогласно въ обществѣ молодыхъ людей, составлявшихъ нашъ обычный кружокъ. Я, конечно, бросился отнимать его; тотъ убѣгалъ, продолжая чтеніе при общемъ хохотѣ.

Еслибъ это направленіе продолжалось, отъ сколькихъ заблужденій и пороковъ оно бы избавило меня! Но, увы! искушенія въ молодости такъ велики, ихъ такъ много; примѣры вольной жизни такъ увлекательны, что надо много твердости, чтобы не поколебаться въ своей рѣшимости жить непорочно. Не менѣе того, я все же продолжалъ свой дневникъ и жизнь моя текла тихо и безмятежно, не обуреваемая никакими сильными страстями, которыхъ, впрочемъ, я и вообще былъ избавленъ. Болѣзнью моею была мечтательность чисто поэтическая. Я любилъ природу, красоту тѣлесную и душевную, восхищался подвигами самоотверженія, неустрашимости, идеально любилъ человѣчество, тихую семейную жизнь;

особенно супружеская жизнь меня восхищала. Конечно, этимъ настроенiемъ я былъ обязанъ примѣрамъ счастливаго супружества моего отца и моей матери, князя и княгини Долгоруковыхъ, и многихъ другихъ, а также романамъ той эпохи, настолько же идеальнымъ по добродѣтелямъ ихъ героевъ, насколько нынѣшнiе матерiальны и безнравственны. Лафонтеновскiе и другiе семейные романы я особенно любилъ; но первое впечатлѣнiе произвелъ на меня „Векфильдскiй Викарiй", котораго я переводилъ еще въ классѣ съ англiйскаго, а потомъ не разъ прочитывалъ. Первый же романъ, который я прочелъ, былъ „Героиня изъ временъ Нумы Помпилiя".

Казармы гвардейскаго экипажа при моемъ поступленiи были въ такъ называемомъ Литовскомъ замкѣ, а потомъ экипажъ былъ переведенъ на Мойку во вновь устроенныя казармы, а въ замкѣ помѣстился гвардейскiй саперный баталiонъ, составлявшiй съ нашимъ баталiономъ особую бригаду.

Весной меня назначили младшимъ офицеромъ на придворную яхту „Цереру", командиромъ которой былъ назначенъ лейтенантъ Алексѣй Александровичъ Шахматовъ. Придворная эскадра обыкновенно сопровождала дворъ. Когда государь жилъ на Каменномъ островѣ, эскадра стояла на Малой Невѣ противъ дворца; когда же дворъ переѣзжалъ въ Петергофъ или Ораніенбаумъ, то и эскадра отправлялась туда же. Эта эскадра состояла изъ такъ называемаго „Золотаго фрегата", получившаго это названiе отъ золотой арматуры, его украшавшей, изъ яхтъ: „Цереры", „Палады", „Невы" и „Голландскаго ботика", который постоянно стоялъ у пристани передъ дворцомъ.

Лѣто на яхтахъ было самымъ пріятнымъ временемъ для офицеровъ, особенно на Каменномъ островѣ. Вечеромъ на фрегатѣ всегда играла музыка при зарѣ, которая всегда производилась съ церемоніей, потомъ спускали флагъ и брамреи, затѣмъ барабаны били на молитву, затѣмъ дробь—и конецъ церемоніи. До вечерней зари, обыкновенно, было много посѣтителей и посѣтительницъ, которыхъ офицеры занимали, водя по фрегату, разсказывая и объясняя значеніе разныхъ морскихъ предметовъ. Государя видѣли почти каждый день. Передъ дворцомъ, къ самому берегу рѣки, были цвѣтники и большіе кусты сирени бѣлой и голубой. Иногда онъ появлялся въ этомъ цвѣтникѣ или одинъ, или съ императрицей. Конечно, мы смотрѣли на нихъ изъ каютъ-кампаніи, потому что быть въ это время наверху было не совсѣмъ ловко, но вахтенный офицеръ находился наверху.

Позади дворца былъ большой тѣнистый садъ, гдѣ собственно государь и прогуливался. Однажды я проходилъ садомъ и въ одной изъ аллей вдругъ встрѣчаю государя. Я остановился, повернулъ шляпу по формѣ, потому что обыкновенно носили ее съ поля, и приложилъ руку. Взглянувъ на меня съ своей очаровательной улыбкой, онъ сказалъ: „Бѣляевъ?"—„Точно такъ, ваше величество", и, поклонившись, прошелъ далѣе. Я былъ въ полномъ восторгѣ. Государь былъ любимъ до энтузіазма вообще всею гвардіею, и каждый, къ кому онъ обращался съ какимъ нибудь милостивымъ словомъ, считалъ себя счастливымъ.

Когда дворъ переѣзжалъ въ Царское Село, всегда переѣзжалъ и князь Долгоруковъ, какъ шталмейстеръ, съ семействомъ, въ числѣ котораго были и мои сестры.

Въ это время пріѣхала и другая моя сестра, по желанію княгини. Князь съ семействомъ занималъ одинъ изъ китайскихъ придворныхъ домиковъ, расположенныхъ въ чудномъ царскосельскомъ саду, среди благоуханныхъ цвѣтниковъ, которыми такъ богато это истинно царское село. Посѣщенія избраннаго общества были ежедневны, какъ и въ городѣ, только здѣсь они принимали характеръ простоты и безцеремонности, что дѣлало эту загородную жизнь очень пріятною. Обѣдали, обыкновенно, на террасѣ; по вечерамъ много гуляли, посѣщали царскую ферму и сыроварню. Съ появленіемъ какъ-то въ этихъ аллеяхъ соловья, государь ходилъ, однажды, слушать его пѣніе, и затѣмъ прогулки къ этому мѣсту были любимыми прогулками придворныхъ.

Въ другомъ китайскомъ домикѣ, возлѣ домика князя Долгорукова, жилъ нашъ историкъ Н. М. Карамзинъ, котораго мнѣ случалось видѣть у князя и въ его садикѣ работавшаго лопатой или заступомъ. При каждомъ китайскомъ домикѣ былъ особенный садикъ. По аллеямъ часто видны были придворныя долгушки, наполненныя дамами и кавалерами, а также часто встрѣчались щегольскія кавалькады.

По вечерамъ княгиня съ сестрою пѣли, а иногда, когда бывалъ кто нибудь изъ пѣвцовъ, пѣли тріо. Тогда же въ Царскомъ Селѣ посѣщалъ домъ князя генералъ Бороздинъ, котораго часто просили пѣть, но онъ пѣлъ бо̀льшею частью тогдашнія военныя пѣсни и у меня до сихъ поръ остались въ памяти слова и музыка одной пѣсни:

„Мы пойдемъ, пойдемъ грозою,
Опрокинемъ вражій станъ;

Не родился тотъ на свѣтѣ,
Кто бы русскихъ побѣдилъ".

Таковъ былъ характеръ того времени, его недавней славы и его пѣсенъ! Русскій солдатъ послѣ 1812 года былъ увѣренъ, что русскому царю всѣ народы подвластны, только еще одинъ англичанинъ не покорился. Пожалуй, въ этомъ есть частичка китайскаго, но нашему солдату послѣ Альповъ, Бородина, Парижа и множества битвъ было извинительно такое самообольщеніе.

Такъ прошло первое съ выпуска лѣто, на яхтахъ и въ Царскомъ Селѣ, куда я отпрашивался часто на короткое время.

VI.

Въ отпуску и на службѣ.

Отпускъ.—Дорога въ Ершово.— Свиданіе съ родными. — Помолвка сестры.—Село Васильевка.—Вечера у Недоброво.— Катанья. — Сосѣди.—Прощанье съ родными.—Отъѣздъ изъ Ершова.—Прибытіе въ Петербургъ.—Знакомство съ масонами.—Нашъ кружокъ.—Перемѣна мыслей.—Встрѣча съ К. А. Нарышкинымъ.—Парады.—Производство брата въ офицеры.

1820—1822.

Осенью я подалъ прошеніе въ первый мой отпускъ и получилъ его.

Прибывши въ отпускъ, я увидѣлся съ матерью и сестрами чрезъ 8 лѣтъ разлуки. Первое свиданіе произошло въ сосѣднемъ селѣ Васильевкѣ. Какое слово мо-

жетъ выразить ту радость, то счастіе, которымъ переполняется, такъ сказать, сердце при свиданіи съ милыми сердцу послѣ продолжительной разлуки. И тамъ, и тутъ слезы; тамъ печали, здѣсь радости. Какая разница между этими двумя явленіями въ природѣ человѣка! Слезы печали, слезы радости! Кто разгадаетъ, гдѣ сокровенъ этотъ источникъ, изливающій въ одно время горькое, въ другое сладкое? Въ природѣ источники не перемѣняютъ своего свойства, а здѣсь, напротивъ, сердце удручено, сжато скорбью и вотъ изливается источникъ горькій; оно расширено, возбуждено радостью и опять изливаетъ источникъ слезъ радости; слезы все тѣ же, но какая страшная разница между ощущеніями, ихъ производящими! Но есть слезы не столь благородныя, какъ слезы радости и горя. Есть слезы безсильной злости, слезы лицемѣрія, лукавства, сожалѣнія и эти изливаются различными движеніями и ощущеніями души и это все изъ одного и того же источника. Сколько же ощущеній въ душѣ человѣка? Кто опредѣлитъ число ихъ, объемъ этого чуднаго внутренняго міра? Неоспоримо, что онъ неизмѣримъ, а между тѣмъ помѣщается всецѣло въ этомъ маленькомъ организмѣ, называемомъ человѣкомъ, и, не смотря на эти и другія безчисленныя психическія явленія, столь чудесныя, есть люди, не признающіе души, а безумно приписывающіе безразумной матеріи весь этотъ удивительный по разуму, по чувствамъ, по ощущеніямъ и соображеніямъ міръ!

Съ пріѣздомъ моимъ совпадала помолвка моей сестры съ полковымъ адъютантомъ конно-егерскаго короля Виртембергскаго полка поручикомъ Ж., который былъ стра-

стно въ нее влюбленъ. Я ничего не зналъ изъ писемъ объ этомъ сватовствѣ и о чувствахъ сестры и потому былъ очень счастливъ этою случайностью. Помолвка происходила въ домѣ Василія Алексѣевича Недоброво. Наши семейства еще при жизни моего отца были дружески связаны между собою. Покойный мой отецъ былъ очень друженъ какъ съ Василіемъ Алексѣевичемъ, такъ и съ его женой Варварою Александровною, дамой замѣчательной по уму и красотѣ. Она была черкесскаго княжескаго рода, привезена съ Кавказа и принята императрицею Маріею Өеодоровною въ Смольный монастырь и выдана ею за командира семеновскаго полка генерала Недоброво, любимца императора Павла, которому онъ оставался вѣренъ до конца и за каковую вѣрность императоръ Александръ Павловичъ очень уважалъ его. Императоръ Павелъ при отставкѣ подарилъ ему 1000 душъ въ Тамбовской губерніи Кирсановскаго уѣзда; и какъ онъ до катастрофы, которую подозрѣвалъ, вышелъ въ отставку, то и поселился въ своемъ имѣніи. Въ имѣніи у него былъ большой барскій домъ, огромный садъ, прекрасная каменная церковь, знаменитый конскій заводъ и множество различныхъ флигелей и другихъ помѣщеній, такъ что Васильевка представляла истинную барскую усадьбу. Онъ былъ отличный хозяинъ, мастерски устроилъ имѣніе и получалъ огромный доходъ. Его домъ былъ какъ полная чаша. Домъ этотъ былъ всѣмъ богатъ: онъ былъ богатъ и капиталомъ, гостепріимствомъ самымъ радушнымъ, богатъ самымъ роскошнымъ столомъ, богатъ всѣми возможными удовольствіями и развлеченіями и богатъ красавицами дочерьми и ихъ милымъ очаровательнымъ обращеніемъ—

словомъ, этотъ домъ былъ вмѣстилищемъ полнаго счастія.

Ранняя кончина, при родахъ, послѣдней дочери-красавицы поразила это семейство и всѣхъ близкихъ къ нему, въ томъ числѣ и наше семейство, глубокою скорбію. Незадолго до своей смерти,. она принимала живое участіе въ нашемъ несчастіи, когда мы лишились отца, не думая, конечно, что и она скоро послѣдуетъ за нимъ. Но, по минованіи дней печали, которая, къ счастью людей, здѣсь не пребываетъ вѣчно, жизнь семейства потекла своимъ обычнымъ теченіемъ. Дѣти воспитывались дома, при нихъ были учителя и гувернантки и всѣ они получили прекрасное воспитаніе и образованіе. Младшая моя сестра, ровестница меньшой сестрѣ Варварѣ Васильевнѣ, также воспитывалась съ нами. Старшіе сыновья были отданы въ Петербургъ къ іезуитамъ, гдѣ тогда воспитывались многія изъ дѣтей знатныхъ и богатыхъ домовъ.

Самъ хозяинъ былъ человѣкъ весьма пріятный, гостепріимный и любилъ, чтобы все около него веселилось. Дѣтей своихъ, особенно дочерей, любилъ до страсти, и еще особенно меньшую, которая досталась ему такою дорогою цѣною. Въ огромной залѣ, на хорахъ, помѣщался оркестръ музыки очень хорошій, можно сказать, даже превосходный, ибо нѣсколько музыкантовъ изъ него были артистами. Домъ былъ всегда полонъ гостей и къ нему можно было вполнѣ примѣнить выраженіе „какъ полная чаша“.

Въ день помолвки сестры и моего пріѣзда, случилось много гостей: командиръ Лошкаревъ и нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ изъ его полка, который стоялъ въ

Кирсановѣ, и еще много сосѣдей помѣщиковъ. Я пріѣхалъ къ самому обѣду, который былъ очень многолюденъ, какъ помню. Послѣ обѣда наше семейство удалилось въ другую комнату, чтобъ насмотрѣться другъ на друга и передать другъ другу чувства радости, всѣхъ насъ наполнявшія. Какъ счастлива была мать видѣть, вмѣсто мальчика шалуна, молодаго гвардейскаго офицера, и это послѣ 8-ми-лѣтней разлуки, — говорить не стану. Милыя хозяйки принимали самое сердечное участіе въ счастіи матери и сестеръ, съ которыми онѣ росли вмѣстѣ и были очень дружны.

Въ Васильевкѣ, при своей хорошей музыкѣ, очень часто танцовали. Въ день моего пріѣзда и по случаю помолвки моей сестры танцы были оживлены; гостей было много. Тогдашніе танцы, 1820 года, состояли изъ экосеза, попури, котильона — онъ же былъ самый продолжительный и самый очаровательный для влюбленнаго, какъ и мазурка; но тогдашняя мазурка была не то, что нынѣшняя; это былъ живой, молодецкій танецъ для кавалера и очаровательный для граціозной дамы. Послѣ танцевъ, обыкновенно, слѣдовалъ оживленный самыми пріятными веселыми разговорами ужинъ, и затѣмъ всѣ расходились, дамы на свою половину, мужчины на свою.

Тутъ, въ Васильевкѣ, наше семейство всегда гостило подолгу, по недѣлѣ и больше. Нѣсколько разъ собирались уѣзжать и, по милому настоянію хозяевъ, снова оставались. У нихъ было всегда такъ весело, такъ отрадно, принимая въ соображеніе тѣ чувства сильнѣйшей симпатіи, которыми были наполнены ихъ и наши

сердца и помня, что эти симпатіи развивались съ самаго дѣтскаго возраста.

Зимою, послѣ обѣда, обыкновенно все общество ѣздило кататься. Для этого подавалось множество троечныхъ саней; всѣ разсаживались какъ хотѣли, кавалеры размѣщались или въ саняхъ, или на запяткахъ, выбирая, конечно, тѣ мѣста, куда ихъ болѣе привлекало. По вечерамъ иногда устраивались различныя игры, тоже живыя и веселыя; игрывали въ жмурки, въ колечко, въ рекрутскій наборъ, въ туалетъ, почту, въ цвѣты и множество другихъ игръ, въ которыхъ, конечно, какъ и въ танцахъ, выражалась все та же любовь, ясно понимаемая тѣмъ, къ кому относились ея робкія проявленія. Въ играхъ эта истина хорошо знакома всѣмъ, кто былъ молодъ и влюбленъ.

Иногда всѣ ѣзжали къ сосѣдямъ, дружески знакомымъ, между которыми были Хвощинскіе, Баратынскіе, жившіе недалеко отъ Васильевки. Поэтъ Евгеній Абрамовичъ Баратынскій въ этотъ годъ тоже пріѣзжалъ изъ Петербурга. Другіе его братья служили въ какомъ-то кавалерійскомъ полку юнкерами, вмѣстѣ съ младшими Недоброво. Всѣ они въ этомъ году бывали въ Васильевкѣ и участвовали во всѣхъ танцахъ, играхъ и общемъ веселомъ настроеніи. Василій Александровичъ очень любилъ, когда вторая дочь Надежда Васильевна плясала русскую. Для этого она надѣвала богатый сарафанъ, повойникъ и восхищала всѣхъ гостей своей чудной граціей.

Съ какою невообразимою быстротою летѣло счастливое время! Грустно, что въ счастіи оно летитъ такъ быстро, а остановить его нѣтъ никакой возможности.

чтобы дать опомниться отъ этихъ сильныхъ ощущеній, приходила неизбѣжная ночь. Но и ночь, хотя и усыпляла крѣпкимъ сномъ, а во снѣ какъ будто продолжалась та же жизнь, тѣ же образы мелькали передъ глазами и тѣ же милые звуки отзывались въ сердцѣ. Такова юность!

Въ теченіи 4-хъ мѣсячнаго отпуска они всѣ часто пріѣзжали къ намъ, но какъ нашъ маленькій домикъ не могъ помѣстить ихъ всѣхъ, то они пріѣзжали обыкновенно на день, а послѣ обѣда къ вечеру уѣзжали. Мы всѣмъ семействомъ провожали ихъ до лѣса, отдѣлявшаго Ершово отъ Васильевки.

Наконецъ протекли и 4 мѣсяца отпуска, и снова настала разлука. Мать и сестры уже украдкой роняли слезы; мое сердце тоже крѣпко сжималось, хотя я старался быть стоикомъ и сдѣлать себя недоступнымъ малѣйшей слабости. Такъ какъ я отправился въ Петербургъ одинъ, то Василій Александровичъ послалъ со мною своего человѣка. Онъ также просилъ матушку, чтобы я помѣстился съ его сыновьями въ его собственномъ домѣ. Это-то обстоятельство было впослѣдствіи для меня весьма вреднымъ, такъ какъ тутъ я утратилъ то настроеніе, которымъ былъ такъ счастливъ въ своей юности. Хотя въ этой новой жизни я вступилъ въ среду очень пріятнаго, образованнаго и рыцарски благороднаго общества офицеровъ гвардіи того времени, людей, принадлежавшихъ къ высшему кругу, какъ по состоянію, такъ и знатности ихъ фамилій, весьма изящныхъ, но понятія которыхъ о жизни, нравственныхъ началахъ, религіи, носили печать того времени, а эта печать была чистое отрицаніе вѣры и ея высокихъ требованій, хотя

и не доходила еще до нынѣшней уродливости и безумія. Легкія натуры предавались всѣмъ возможнымъ наслажденіямъ до упоенія, а болѣе положительныя уже смотрѣли критически на все ихъ окружающее. Порицали мелочной педантизмъ службы, военный деспотизмъ, смѣшную шагистику, доходившую до крайности, безправіе, подкупность, фактическое рабство народа, льстецовъ и всѣ дѣйствительно существовавшія язвы. Хотя этотъ кружокъ былъ мнѣ знакомъ и въ первый годъ по выпускѣ въ офицеры, но это было очень короткое время.

Не помню уже, по какому случаю матушка тоже ѣхала въ Тамбовъ съ сестрою. Тутъ мы остановились у вице-губернатора Александра Карловича **Арнольди**, женатаго, какъ я упоминалъ, на старшей дочери моего будущаго тестя Василія Александровича, откуда я уже поѣхалъ одинъ съ человѣкомъ.

Уложивши въ небольшой чемоданъ свои вещи, зарядивши пистолеты, которые тутъ пріобрѣлъ, какъ слѣдовало военному человѣку, и закутавшись въ теплую калмыцкую шубу, которую мнѣ сдѣлали въ деревнѣ, я простился съ Екатериною Васильевною и ея мужемъ, и затѣмъ, переходя изъ нѣжныхъ объятій матери въ другія объятія сестры, наконецъ усѣлся въ кибитку и лошади помчались... Я ѣхалъ большой почтовой дорогой и, не останавливаясь нигдѣ, пріѣхалъ въ Коломну, откуда проѣхалъ въ деревню одного друга покойнаго отца, Ивана Михайловича **Фролова**, который послѣ отца управлялъ Ершовскимъ имѣніемъ. Въ его деревнѣ, въ одной верстѣ отъ Коломны, я провелъ нѣсколько пріятнѣйшихъ дней среди его милаго семейства, — самъ онъ остался въ Москвѣ по дѣламъ графа. Въ Коломнѣ

я былъ у многихъ лицъ, хорошо знавшихъ отца, гдѣ былъ принятъ съ отверстыми объятіями и гдѣ, какъ упомянулъ въ 1-й главѣ, слышалъ восторженные отзывы о немъ.

Въ Москву Иванъ Михайловичъ, еще прежде отъѣзда, далъ мнѣ письмо къ его друзьямъ и масонамъ, которые были также друзьями покойнаго отца. Помню, что я былъ у Алексѣя Осиповича Поздѣева, бывшаго прежде корпуснымъ офицеромъ, сына извѣстнаго главы масоновъ; у Звѣрева, уже старца, тихо приготовлявшагося къ исходу изъ этой жизни. Онъ былъ очень боленъ и сильно страдалъ, но, несмотря на это, его всепреданность волѣ Божіей, твердая вѣра и любовь внѣдряли въ душу его такое спокойствіе и даже радость, выражавшіяся во всѣхъ его чертахъ и во всѣхъ словахъ, что нельзя было смотрѣть на него безъ удивленія и благоговѣнія. Бесѣды этихъ превосходныхъ людей, ихъ прекрасная жизнь и добродѣтели такъ плѣнили меня, что я пожелалъ самъ вступить въ масоны, по примѣру моего отца и всѣхъ друзей его. Иванъ Михайловичъ Фроловъ далъ мнѣ письмо въ Петербургъ къ Сергѣю Степановичу Ланскому [1]), бывшему тогда директоромъ одной изъ масонскихъ ложъ, наиболѣе сохранившей истинное свое назначеніе въ неослабномъ стремленіи къ добру и усовершенствованію самого себя и любви къ Богу.

Пріѣхавши въ Петербургъ и явившись по своему начальству, я поѣхалъ къ Ланскому, который, прочитавъ письмо и знавши моего отца, принялъ меня очень

[1]) Впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ въ 1855—1862 г.

ласково, много говорилъ со мною въ религіозномъ духѣ, показалъ мнѣ тогда напечатанную статью о чудесномъ исцѣленіи одной безнадежно-больной въ заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенія. Затѣмъ, давъ мнѣ книгу Іоанна масона о самопознаніи, пригласилъ меня на воскресное собраніе, на которомъ я съ демократическимъ и христіанскимъ восторгомъ видѣлъ простыхъ ремесленниковъ, сидѣвшихъ въ залѣ со всѣми, много высшими ихъ лицами. По истеченіи срока, который полагался нужнымъ для испытанія, дѣйствительно ли постоянна и тверда рѣшимость вступить въ масонство, мнѣ указанъ былъ день моего пріема, но, увы! къ этому дню я уже былъ не тотъ; прекрасная высокая цѣль жизни отступила передъ цѣлью низшею, матеріальною, въ которой матеріальная природа брала верхъ надъ духовною и я хотя недолго вращался въ этомъ омутѣ, скоро отрезвился и могъ бы еще возвратить утраченное вступленіе въ масоны, но это уже было поздно, потому что въ 1822 году насъ обязали подпиской не принадлежать къ масонству и не вступать вновь ни въ какое тайное общество, почему я не могъ уже подвергнуться тѣмъ испытаніямъ, которыя положены правиломъ для вступающихъ и тѣмъ таинственнымъ обрядамъ, какимъ подвергаютъ прозелитовъ. Это запрещеніе мнѣ напоминаетъ одно забавное происшествіе.

Когда мы стояли съ фрегатомъ въ Брестѣ во Франціи, насъ посѣщало много различныхъ лицъ—военныхъ, моряковъ и частныхъ лицъ. Однажды, одному изъ нашихъ офицеровъ гость подалъ, при пожатіи руки, масонскій знакъ, а такъ какъ этотъ нашъ офицеръ прежде былъ масономъ, то онъ отвѣтилъ тѣмъ же. Гость, въ

восторгѣ, тотчасъ предложилъ ему быть въ 6 часовъ, когда назначено было засѣданіе ложи, адресъ которой и далъ гостю. Этотъ нашъ офицеръ былъ старшій лейтенантъ фрегата Константинъ Ивановичъ Ч..... Онъ очень оробѣлъ при этомъ приглашеніи и, какъ незнавшій французскаго языка, просилъ меня передать гостю, что у насъ Россіи масонство запрещено. Тому это показалось непонятнымъ и онъ просилъ меня передать ему, что во Франціи оно не запрещено, а какъ онъ теперь не въ Россіи, а во Франціи, то и надѣется, что братъ посѣтитъ ложу. Я уже теперь не помню, былъ ли онъ въ ложѣ, только знаю, что по нашей привычкѣ безусловнаго послушанія, онъ былъ въ крайнемъ затрудненіи и мы крѣпко подшучивали и смѣялись надъ его нерѣшимостью. Зачѣмъ онъ обнаружилъ свое масонство, когда такъ боялся запрещенія, это осталось неразъясненнымъ.

Я поселился въ Петербургѣ съ молодыми Недоброво, у которыхъ почти каждый вечеръ собиралось общество молодыхъ людей, въ томъ числѣ много Семеновскаго стараго полка, въ которомъ служилъ старшій сынъ Василія Александровича, Александръ Васильевичъ. Помню у нихъ еще камеръ-пажа К. В. Чевкина, еще капитана артиллерійскаго Козлянкова, графовъ Ливеныхъ, одного конногвардейца, другаго офицера московскаго полка и адъютанта Бенкендорфа, который одно время сидѣлъ на гауптвахтѣ за какую-то исторію въ лютеранской церкви, изъ которой его хотѣли вывести, кажется, за громкій разговоръ, а онъ за это, какъ помнится, довольно рѣзко и энергично вразумилъ швейцара или кого-то изъ приставниковъ—теперь уже не помню.

Помню также милѣйшаго юношу князя Щербатова, юнкера Семеновскаго полка; гвардейскаго сапернаго баталіона штабсъ-капитана Ѳедора Ѳедоровича Третьякова.

Судьба нѣкоторыхъ достигшихъ высокихъ степеней мнѣ была извѣстна, но и то для меня смутно и невѣрно. Тутъ же въ нашемъ кругу былъ Михаилъ Михайловичъ Пальменъ, кончившій курсъ въ московскомъ университетѣ, а тогда служившій переводчикомъ у дежурнаго генерала Закревскаго. Это былъ молодой человѣкъ съ большимъ умомъ, основательнымъ и высокимъ образованіемъ, весьма остроумный, веселый и пріятный. Онъ всегда былъ душою въ нашемъ кругу и это онъ-то укралъ мой задушевный журналъ и читалъ его громогласно. Съ нимъ и братьями Недоброво я особенно былъ связанъ; съ послѣдними по близости и дружбѣ нашихъ семействъ, а съ Пальменомъ—потому что мать его съ дочерью и сыномъ жила на одномъ дворѣ съ матушкою, такъ какъ мужъ ея служилъ управляющимъ въ какой-то части имѣній графа Разумовскаго и она жила тутъ на пенсіи. Сынъ пріѣзжалъ на лѣто изъ гимназіи и мы еще мальчиками игрывали съ нимъ.

У Недоброво была большая библіотека ихъ отца, состоявшая изъ многихъ французскихъ классическихъ и другихъ сочиненій. Я былъ любознателенъ и потому жадно принялся читать все, что наиболѣе возбуждало мое любопытство, въ томъ числѣ Вольтера, Руссо и сочиненія энциклопедистовъ; началъ переводить „L'homme sauvage Mercy“ и съ неопытнымъ, еще мало образованнымъ умомъ, скоро допустилъ въ свои мысли порядочную долю тогдашняго скептицизма, а затѣмъ и не-

вѣрія. Изъ философскаго лексикона Вольтера болѣе другихъ подѣйствовали на меня фанатизмъ и другія въ такомъ родѣ статьи. Такимъ образомъ, мало по малу, наступило полное равнодушіе и сомнѣнія въ религіи, а слѣдствіемъ этого явилось страстное влеченіе къ наслажденіямъ, за которыя, хотя совѣсть еще продолжала уязвлять меня, но съ которою я уже боролся, считая этотъ вопіющій гласъ, вложенный Творцомъ въ природу каждаго разумнаго существа, вліяніемъ воспитанія и предразсудкомъ. Авторитетъ великихъ умовъ, сокрушившихъ, какъ я думалъ, эти предразсудки и это суевѣріе, поддерживалъ меня въ этой борьбѣ, хотя полная побѣда еще не была одержана ими. Тутъ наступилъ срокъ моего вступленія въ масоны. Находясь подъ вліяніемъ втораго брата Недоброво, я не скрылъ отъ него этого моего обязательства. Онъ вооружился всею силою своего вліянія на меня и успѣлъ въ этомъ, такъ какъ я считалъ его тогда какимъ-то идеальнымъ другомъ, не подозрѣвая того, что это вліяніе было ни что иное, какъ нравственное рабство. Узнавши отъ него, другіе изъ нашихъ друзей такого же направленія стали смѣяться надъ мистицизмомъ и самоусовершенствованіемъ масоновъ, такъ что все это заставило меня пропустить день, назначенный для вступленія. Какъ мнѣ стыдно было, когда одинъ изъ нашихъ офицеровъ, Николай Петровичъ Римскій-Корсаковъ, бывшій членомъ этой ложи, однажды на ученьи сказалъ мнѣ: „ну, братъ Саша! я вижу, что ты флюгеръ“. Я покраснѣлъ до ушей и не зналъ, что̀ отвѣчать.

Время моего недовѣрія и ослѣпленія продолжалось года два,—не болѣе. По благости божіей, я скоро пришелъ

въ себя, но для этого отрезвленія все же нужно было дѣйствіе божественнаго провидѣнія, что въ мірѣ называютъ „случаемъ“. Однажды, у обѣдни я былъ въ церкви Николы Морскаго и, не знаю, въ какомъ-то особомъ настроеніи, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на хорошенькихъ дамъ, какъ дѣлалъ всегда, я сталъ въ алтарѣ. Запрестольный образъ представлялъ Спасителя, молящагося передъ чашей. Мало по малу мысли мои стали направляться къ этому чудному событію. Около двухъ тысячъ лѣтъ стоитъ это чудное зданіе христіанской религіи, думалъ я, которой красоту понимали и исповѣдывали, сами того не сознавая, самые ея противники; затѣмъ въ мысляхъ моихъ пробѣжалъ рядъ Его божественныхъ поученій на горѣ блаженствъ. Передо мной стала Его крестная смерть, о минованіи которой Онъ въ борьбѣ молился; потомъ припомнилась мнѣ Его молитва о своихъ убійцахъ: „Отче, прости имъ, невѣдятъ бо, что творятъ“. Его страшныя страданія, все это за что? думалъ я, для чего? Человѣкъ, не имѣвшій гдѣ преклонить главу, цѣлитель и благодѣтель человѣчества, образъ кротости, смиренія и вмѣстѣ недосягаемаго величія, терпитъ заушенія, заплеванія, всякаго рода истязаніе и безчестіе единственно для того, чтобы Своею жертвою, бѣдному павшему, нравственно изуродованному человѣку отворить врата своего царствія и даровать утраченную красоту и блаженство! А я, ослѣпленный, принялъ мнѣніе людей, выбиравшихъ одно дурное въ христіанствѣ и вмѣстѣ съ этимъ дурнымъ порицавшихъ и все святое; какъ будто Онъ не сказалъ, что: „много званныхъ и мало избранныхъ“, и еще: вами хулится имя Божіе между язычниками“. Съ этими мыслями слезы

полились изъ глазъ, и я, полный раскаянія, воскликнулъ въ сердцѣ своемъ съ Ѳомою: „Господь мой и Богъ мой“! Съ тѣхъ поръ вѣра снова посѣтила мое сердце, хотя впослѣдствіи другое заблужденіе овладѣло мною. Я на этомъ же худо понятомъ ученіи основалъ свои убѣжденія, что христіанинъ долженъ всѣмъ жертвовать для свободы и счастія людей, хотя бы то революціей и кровопролитіемъ, помня слова Божественнаго Учителя, который сказалъ: „нѣтъ больше той любви, когда человѣкъ положитъ душу свою за ближняго“. Но въ то же время позабылъ другія слова: „добромъ побѣждайте зло и всякій, подъявшій мечъ, мечемъ погибнетъ“, и еще: „воздавайте кесарю кесареви, а Божіе Богу“.

Въ это самое время случилась еще семеновская исторія; полкъ былъ раскасированъ и сформированъ новый изъ армейскихъ полковъ. Всѣ стараго семеновскаго полка офицеры были переведены въ армію и вечернія наши бесѣды, оживленныя, умныя, веселыя, замолкли. Слѣдующею весною былъ гвардіи назначенъ походъ въ Башенковичи, но тогда думали, что этотъ походъ предпринятъ на случай войны, а гвардейскій экипажъ и лейбъ-гренадерскій полкъ были оставлены въ Петербургѣ для занятія карауловъ въ крѣпости, гдѣ содержалось значительное число старо-семеновскихъ солдатъ. Помню, въ какую ярость приходили всѣ мы, оставленные въ Петербургѣ, при мысли, что можетъ быть гвардія пойдетъ на войну, а мы будемъ сидѣть въ городѣ. Часть экипажа, съ наступленіемъ лѣта, была, по обыкновенію, назначена на яхты, гдѣ и я провелъ лѣто въ плаваніи и стоянкѣ около Петербурга и Каменнаго острова. Когда дворъ былъ въ Петергофѣ, съ княгиней и княземъ

Долгоруковыми пріѣзжали и мои сестры, и тогда посылался за мной придворный катеръ, перевозившій меня на берегъ. Тутъ у князя я проводилъ нѣсколько часовъ и возвращался на яхту.

Однажды я сдѣлался притчей въ придворныхъ разговорахъ, по разсказу оберъ-гофмаршала Кириллы Александровича Нарышкина. Въ первый разъ, возвращаясь изъ дворца къ пристани, я заблудился въ аллеяхъ сада и, увидѣвъ въ гороховой шинели и шляпѣ, плюмажа на которой я не замѣтилъ, идущаго придворнаго, и принявъ его за гоффурьера, я, конечно, безцеремонно просилъ его показать мнѣ, какъ пройти къ пристани. Онъ, увидѣвъ мою ошибку, захотѣлъ разыграть комедію: снялъ шляпу, которую я просилъ его надѣть, такъ какъ накрапывалъ дождь; а когда онъ сталъ меня разспрашивать, у кого я былъ, и узнавъ, что у князя Долгорукова, спросилъ, не сестры ли мнѣ будутъ дѣвицы, живущія у княгини, на что я отвѣчалъ ему утвердительно, снова просилъ еще разъ указать мнѣ дорогу, сказавъ, что мнѣ пора возвращаться на фрегатъ, давая знать, что мнѣ не для чего толковать съ тобой, особенно подъ дождемъ. Онъ указалъ мнѣ дорогу и мы разстались. Когда дворъ переѣхалъ въ Царское Село, я получилъ письмо отъ сестеръ, въ которомъ онѣ спрашиваютъ меня, гдѣ я встрѣтился съ Нарышкинымъ и такъ великодушно позволилъ ему надѣть шляпу подъ дождемъ? Тутъ только я догадался, что человѣкъ, котораго я встрѣтилъ, былъ не гоффурьеръ, а гофъ-маршалъ двора Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ. Впрочемъ, этотъ случай доставилъ мнѣ пріятное знакомство съ его домомъ и его женой, прелестной молодой дамой.

Князь Долгоруковъ послалъ за мной придворный катеръ и онъ предложилъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ нимъ, такъ какъ Нарышкинъ просилъ его познакомить меня съ нимъ; насъ приняла одна жена его, такъ какъ его не было дома. Конечно, я краснѣлъ до ушей, извиняясь въ моей неловкости, которой, впрочемъ, былъ виною самъ Кириллъ Александровичъ. Пробывъ у нея нѣкоторое время, мы раскланялись и только что мы вышли отъ нея, какъ пріѣхалъ и онъ. Вотъ мое первое знакомство съ домомъ Нарышкина, у сына котораго, Льва Кирилловича, впослѣдствіи, пройдя уже заключеніе, каторжную работу, поселеніе въ Сибири и Кавказъ, мнѣ пришлось управлять его имѣніями и дѣлами и котораго пріязнь и даже дружба ко мнѣ никогда не изгладится изъ моего благодарнаго сердца.

По возвращеніи гвардейскаго корпуса, назначенъ былъ парадъ въ Стрѣльнѣ, куда прибыли нашъ гвардейскій экипажъ и лейбъ-гренадеры. Послѣ парада было общее вступленіе гвардіи въ Петербургъ.

Парады въ то время бывали часто и всегда почти на Царицыномъ лугу. Но прежде парадовъ производились репетиціи.

Въ слѣдующій, 1822-й, годъ братъ мой былъ произведенъ въ офицеры и назначенъ въ Кронштадтъ. Первое свое плаваніе онъ совершилъ на стопушечномъ кораблѣ „Храбрый“, подъ командой капитана командира Гамильтона, а на слѣдующій, 1823-й, годъ былъ также переведенъ въ гвардейскій экипажъ и назначенъ на „Золотой“ фрегатъ.

VII.

Плаваніе въ Исландію.

Офицеры фрегата. — Прибытіе въ Кронштадтъ. — Гостинница Стиворда. — Вооруженіе фрегата. — Высочайшій смотръ. — Прощаніе съ Кронштадтомъ. — Жизнь на фрегатѣ. Первыя впечатлѣнія. — Шквалъ. — Копенгагенъ. — Дальнѣйшее плаванье. — Буря. — Исландія. — Штиль. — Сѣверное сіяніе. — Обратный путь. — Портсмутъ. — Нѣмецкое море. — Опять въ Копенгагенѣ. — Знакомство съ консуломъ. — Балтійское море. — Встрѣча съ судномъ. — Прибытіе въ Кронштадтъ. — На берегу.

1823 г.

Въ этотъ же 1823-й годъ гвардейскій экипажъ посылался въ практическое плаваніе къ острову Исландіи на 44-хъ пушечномъ фрегатѣ „Проворный“, на который былъ назначенъ младшимъ офицеромъ и я. Командиромъ или капитаномъ фрегата былъ капитанъ 2-го ранга Алексѣй Егоровичъ Титовъ. Первымъ лейтенантомъ былъ Михаилъ Николаевичъ Лермонтовъ, вторымъ—Алексѣй Петровичъ Казаревъ, кругосвѣтный морякъ, съ георгіевскимъ крестомъ за 18 кампаній, третьимъ—лейтенантъ Арбузовъ. Младшими офицерами были лейтенантъ Борисъ Андреевичъ Бодиско, лейтенантъ Бландо, и прикомандированный адъютантъ морскаго министра Моллера, мичманъ Михаилъ Андреевичъ Бодиско и я. Тогда же плавалъ съ нами лицеистъ Воронихинъ, пожелавшій вступить въ морскую службу. Докторомъ былъ Андрей Андреевичъ Дроздовъ. Капитанъ нашъ былъ храбрый сухопутный офицеръ; онъ дѣлалъ съ гвардейскимъ экипажемъ французскую кампанію 1812—1814 гг.: былъ обвѣшенъ крестами и въ

томъ числѣ Кульмскимъ, но вовсе не былъ морякомъ. Первый лейтенантъ Михаилъ Николаевичъ Лермонтовъ тоже былъ хорошій и храбрый военный офицеръ, также въ крестахъ и герой 1812 года, но также не былъ отличнымъ морякомъ. Всѣ прочіе офицеры были мало опытными, хотя и хорошими морскими офицерами, кромѣ Алексѣя Петровича Лазарева, который былъ истиннымъ морякомъ, хотя въ то же время самымъ франтоватымъ и любезнымъ свѣтскимъ человѣкомъ.

На какихъ-то баркахъ мы переплыли взморье и пришли въ Кронштадтъ, гдѣ офицеры помѣстились въ гостинницѣ англичанина Стиворда. Послѣ корпусной жизни и нѣсколькихъ годовъ Петербургской шагистики, лѣтнихъ плаваній на яхтахъ по взморью, которое называлось Маркизовой лужей, по имени маркиза де-Траверзе, эта перемѣна обычной жизни производила самое пріятное впечатлѣніе, въ особенности при мысли о дальнемъ плаваніи. Комнаты въ гостинницѣ были очень опрятны, постели съ занавѣсками и безукоризненно чистымъ бѣльемъ; сытный англійскій обѣдъ съ неизмѣннымъ, хотя и превосходнымъ ростбифомъ и картофелемъ, англійскій чай въ общей залѣ, съ яйцами, сыромъ, ветчиной и бутербродами, все это было такъ чисто, вкусно и хорошо, что нельзя было желать ничего лучшаго. Разнообразіе лицъ, весьма интересныхъ, ежедневно посѣщавшихъ общій столъ, большею частью капитановъ иностранныхъ купеческихъ кораблей; ихъ разсказы о разныхъ случайностяхъ морскихъ плаваній, о буряхъ, кораблекрушеніяхъ и прочее, очень оживляли эти обѣды и дѣлали весьма пріятными. Разсказы ихъ особенно плѣняли и восхищали меня, еще очень юнаго

моряка, тѣмъ болѣе что мы сами готовились плыть еще въ невѣдомый намъ океанъ, въ невѣдомыя намъ чужія страны.

Сколько пищи для воображенія! Но какъ мое воображеніе было слишкомъ пылко и сильно, а прѣсноводное плаваніе не ознакомило меня съ настоящимъ моремъ, то, однажды ночью, когда я легъ спать, долго не могъ заснуть и мнѣ представилось крушеніе нашего фрегата, и представилось такъ живо, что я рѣшительно принялъ это за вѣрное предчувствіе, предостерегающее меня отъ гибели.

Холодный потъ началъ выступать на лбу, сердце страшно сжималось и въ малодушіи моемъ уже начинала мелькать мысль, какъ бы, сказавшись больнымъ, избавиться отъ этого плаванія. Благодареніе Господу, что болѣе великодушныя чувства изгнали это эгоистическое и низкое малодушіе. Я внутренно сказалъ себѣ: что же, еслибы это дѣйствительно случилось и фрегатъ погибъ бы со всѣми твоими товарищами, а ты, низкій трусъ, остался бы живъ, и потому только, что трусливая мечта дала возможность ускользнуть отъ гибели, чѣмъ бы была твоя жизнь, какъ не вѣчнымъ укоромъ, не вѣчнымъ стыдомъ для тебя самого! Этой благодѣтельной мысли было достаточно, чтобы удержать меня отъ такого низкаго паденія.

Съ пріѣздомъ въ Кронштадтъ мы приняли назначенный намъ фрегатъ и начали его вооруженіе. Для этого каждый день проводили въ гавани до самаго вечера. Вечеромъ пили чай на балконѣ гостинницы, откуда виднѣлся заливъ необъятной синей полосой съ безчисленными парусами плывшихъ судовъ.

Вооруженіе тогдашнихъ 3-хъ мачтовыхъ судовъ состояло изъ такъ называемаго стоячаго и бѣгучаго такелажей, т. е. изъ безчисленныхъ снастей и веревокъ, изъ коихъ однѣ были толстыя смоленыя, какъ ванты, прикрѣпляющія мачты; ихъ было по нѣсколько съ обѣихъ сторонъ; отъ верха мачты онѣ проходили за бортъ корабля и прикрѣплялись къ твердымъ дубовымъ выступамъ, называемымъ шкафутами, посредствомъ талей, проходившихъ въ большіе блоки. Это скрѣпленіе съ боковъ мачты; а отъ продольнаго движенія мачты употреблялись, такой же толщины, болѣе вершка въ діаметрѣ, смоленые канаты, называвшіеся штагами. Второе колѣно мачты или стеньги также прикрѣплялись съ обѣихъ сторонъ такими же, только меньшей толщины, смолеными веревками къ марсу, площадкѣ довольно обширной, на которой постоянно смѣнялись повахтенно марсовые матросы, а съ марса, огибая его съ боковъ, шли путеньанты къ верхнему концу мачты. Далѣе шло третье колѣно, называемое брамъ-стеньгою, которая съ боковъ прикрѣплялась къ салингу также талями, но уже съ вантами не смолеными; еще далѣе бомъ-брамъ-стеньги и, наконецъ, флогштокъ. Все это съ боковъ прикрѣплялось съ вантами, а съ продольной стороны штагами. Реи—большія поперечныя бревна, къ которымъ привязывались паруса, поднимались и спускались на большихъ блокахъ толстыми веревками, называемыми фалами. Нижнія реи не спускались и носили названіе гротъ-реи, фока-реи и бизань-реи; слѣдующія—марса-реи, затѣмъ брамъ-реи, бомъ-брамъ-реи, за ними шли высшія и постепенно болѣе тонкія и мень-

шія; всѣ онѣ поднимались веревками, называемыми фалами и поворачивались за концы брасами.

Паруса, прикрѣпленные къ реямъ, растягивались съ подъемомъ рей веревками, называемыми, какъ я сказалъ, фалами, а въ ширину—шкотами. Спереди корабля утверждена наклонно мачта, называемая бугшпритъ, на которой имѣются свои паруса, растягиваемые тѣмъ же способомъ, но какъ эти паруса треугольники, то они подымаются фалами по штагу, а шкотами растягаваются по бугшприту. Корабль называется вооруженнымъ, когда все это выполнено: паруса привязаны къ реямъ, мачты, стеньги и брамъ-стеньги укрѣплены; безчисленныя веревки или снасти проведены въ блоки и каждая прикрѣплена по своему назначенію. На военномъ кораблѣ пушки разставлены по бортамъ въ батареяхъ, т. е. подъ палубой и на палубѣ вверху. Руль прикрѣпленъ къ своему мѣсту за кормой съ румпелемъ, выдающимся изъ руля рычагомъ, съ румпельными талями, концы которыхъ проходятъ по колесу штурмъвала и поворачиваютъ руль по командѣ. Всѣ эти подробности и приспособленія составляютъ вооруженіе корабля.

Когда вооруженіе кончилось, фрегатъ вытянулся на рейдъ. День отплытія былъ назначенъ послѣ смотра фрегата государемъ императоромъ. На корабляхъ, обыкновенно, общество офицеровъ выбираетъ одного изъ общества хозяиномъ, обязанность котораго заготовлять все для каютъ-кампаніи, для чего собирается сумма, состоящая изъ офицерскихъ взносовъ. Выбранъ былъ хозяиномъ для офицеровъ докторъ Дроздовъ, большой гастрономъ. Онъ уже закупилъ все, что нужно было

для каютъ-кампаніи: чай, сахаръ, вина, сыры, портеръ и проч. Въ палубѣ, въ клѣткѣ, уже сидѣли бараны, оглашая море своимъ блеяніемъ, а въ большихъ клѣткахъ сидѣли затворницами куры и пѣтухи, повѣрявшіе своимъ полночнымъ пѣніемъ вѣрность нашихъ песочныхъ часовъ. Фрегатъ красили, мыли палубу, натягивали такелажъ, пришивали паруса, выравнивали рангоутъ и все готовили, чтобы показаться блистательно государю. Наконецъ, насталъ и этотъ вожделѣнный день. Изъ Петергофа показался императорскій катеръ, а за нимъ множество судовъ, придворныя яхты, учебная эскадра изъ галіотовъ и множество учебныхъ судовъ, на которыхъ обучались новички матросы. Многіе яхты наполнены были мужчинами и дамами; на „Золотомъ" же фрегатѣ находились придворные: все это въ блестящихъ костюмахъ. На всѣхъ купеческихъ корабляхъ, разцвѣченныхъ флагами, стояли по реямъ матросы, а мачты были облѣплены любопытными, которые въ различныхъ позахъ висѣли на веревкахъ. Вдругъ на катерѣ подняли штандартъ и по всѣмъ направленіямъ загремѣли пушки: съ кораблей эскадры, съ крѣпости, съ придворныхъ судовъ; крики „ура" оглашали воздухъ, сливаясь съ громомъ орудій. На „Золотомъ" фрегатѣ и на флагманскомъ кораблѣ играла музыка. Я былъ въ числѣ фалгребныхъ офицеровъ при трапѣ (лѣстница), по которому долженъ былъ всходить государь. Фалъ-гребами называются веревки, обшитыя сукномъ и прикрѣпленныя къ борту корабля, за которыя держится восходящій на бортъ. Его встрѣтилъ съ крестомъ нашъ походный священникъ, и когда государь поцѣловалъ крестъ и поцѣловалъ смиренно и его руку, то онъ совершенно расте-

рялся и долго послѣ еще не могъ прійти въ себя отъ этого смиренія. Государь былъ очарователенъ, какъ всегда. За завтракомъ въ каютѣ капитана, когда подали шампанское, онъ вышелъ на палубу, выпилъ здоровье капитана, офицеровъ и команды; восторженное „ура“ было отвѣтомъ на это милостивое привѣтствіе. Онъ обошелъ фрегатъ и осматривалъ его во всѣхъ подробностяхъ, потомъ, выйдя на палубу, пожелалъ счастливаго плаванія; улыбнувшись, просилъ привезти исландскихъ продуктовъ и, привѣтливо наклонивъ голову, простился съ нами, подавъ руку капитану.

Этотъ человѣкъ былъ, дѣйствительно, очарователенъ и плѣнялъ всѣ сердца. Это не потому только, что онъ былъ могущественнѣйшимъ изъ владыкъ земныхъ. Нѣтъ, природа надѣлила его и красотой, и увлекательною граціей, и истиннымъ величіемъ, а улыбка его была, дѣйствительно, необыкновенно пріятна.

Не смотря на царственную обстановку всей жизни съ самаго рожденія, не смотря на привычку повелѣвать, не смотря на славу, такъ щедро увѣнчавшую его прекрасное чело, онъ былъ очень застѣнчивъ и мнѣ разсказывали сестры, что когда, однажды, онъ заграницей посѣтилъ княгиню Варвару Сергѣевну Долгорукову, что было при нихъ, то, сидя около нея, онъ во время разговора, играя своей круглой шляпой, такъ какъ былъ во фракѣ, уронилъ ее; княгиня наклонилась, чтобы поднять ее: онъ, сильно сконфузившись, бросился за шляпой и затѣмъ поцѣловалъ ей руку. При уходѣ, когда онъ раскланивался, замѣтно было, что онъ былъ сконфуженъ; конечно, это могло быть только при дамахъ

и особенно при такой красавицѣ, какова была княгиня.

Не стану говорить, что онъ плѣнялъ всѣхъ офицеровъ и особенно меня, не смотря на то, что мечты о свободѣ, о золотомъ вѣкѣ, который она принесетъ съ собою, уже наполняли мою голову, но это не мѣшало истинному величію производить свое обаяніе.

По окончаніи проводовъ, когда катеръ уже скрылся, все пришло въ обычный порядокъ. На другой или третій день послѣдовало приказаніе сниматься съ якоря. На вахтѣ былъ Алексѣй Петровичъ Лазаревъ. Раздалась команда: „пошли всѣ наверхъ", затѣмъ свистокъ боцмана и все пришло въ движеніе. Въ шпиль вложены вымбовки (толстые добовые брусья), служащія рычагами, за вымбовки взялось человѣкъ тридцать молодцовъ и по барабану начали двигать его кругомъ, сначало легко, потомъ тяжелѣе, а когда фрегатъ уже пришелъ на панеръ, мѣсто, когда канатъ якоря становится вертикально и его надо было отдѣлить отъ грунта, въ которомъ онъ крѣпко залегъ, такъ что долго самыя большія усилія матросовъ не могли ничего сдѣлать; но, наконецъ, однакожъ онъ уступилъ; фрегатъ покатился мгновенно, развернулись паруса, какъ крылья какой-то гигантской птицы; завертѣлось колесо штурмъ-вала, посредствомъ котораго правятъ рулемъ; паруса рванулись, наполнились, и фрегатъ, какъ морское чудовище, ринулся по волнамъ; разсѣкаемая влага закипѣла по обѣ стороны водорѣза, слѣдуя за фрегатомъ бѣлою пеленою.

Всѣ на палубѣ. Капитанъ ходитъ по шканцамъ съ трубою подъ мышкой, лейтенантъ съ рупоромъ стоитъ на пушкѣ, опираясь на бортъ, группа офицеровъ на

ютѣ (задняя палуба). Раздался громъ пушекъ съ фрегата, прощальный салютъ адмиралу. Съ флагманскаго корабля вылетаютъ одно за другимъ, въ правильныхъ промежуткахъ, бѣловатыя облака и раздается гулъ отвѣтнаго салюта. Скоро Кронштадтъ сталъ сливаться въ одну неопредѣленную массу съ своими крѣпостями, домами и лѣсомъ мачтъ. На западѣ передъ нами солнце погрузилось въ лоно водъ; мы бѣжали быстро, такъ какъ вѣтеръ былъ попутный и довольно сильный, а фрегатъ нашъ не даромъ носилъ имя „Проворный". Распростившись съ Кронштадтомъ, всѣ офицеры сошли въ каютъ-кампанію, кромѣ вахтенныхъ, гдѣ во время обѣда и живыхъ разговоровъ пили за здоровье государя, за счастливое плаваніе, за милыхъ сердцу. По окончаніи обѣда, переполненные различными ощущеніями и, можетъ быть, отуманенные шампанскимъ, всѣ разбрелись по каютамъ и скоро заснули.

Въ полночь меня разбудили на вахту. Я вышелъ наверхъ и тутъ мнѣ представилась новая для меня чудная картина. Ночь была темная, такъ какъ тучи застилали все небо, вѣтеръ былъ очень свѣжій, а потому море шумѣло и качка уже была замѣтна, хотя и незначительна. Среди этой тьмы, молча, предъ нактаузомъ (ящикъ, въ который вставленъ компасъ освѣщенный, чтобы видѣть румбы (радіусы компаса), стояли двое рулевыхъ, мужественныя и загорѣлыя лица которыхъ фантастически освѣщались этимъ свѣтомъ. Голосъ вахтеннаго лейтенанта отъ времени до времени командовалъ „право" или „лѣво руля", на что слѣдовалъ громкій, отрывистый отвѣтъ рулевыхъ „есть право", „есть лѣво". Огромный нижній парусъ, называемый гротомъ, засло-

нялъ сошканецъ, всю подвѣтренную сторону, то надуваясь отъ порыва вѣтра, то опускаясь. Для меня, пылкаго и поэтически настроеннаго, эта картина первой ночи на морѣ была плѣнительна. Когда мы вышли изъ залива въ Балтійское море, берега исчезли и мы остались между небомъ и водой; какое-то необъяснимое чувство довольства, смѣшанное съ нѣкоторою безотчетною грустью, овладѣло душою. Послѣдовательно являлись острова Балтійскаго моря: Даго, Готландъ, потомъ Борнгольмъ, воспѣтый Жуковскимъ и отмѣченный романтическимъ преданіемъ, а этого было довольно, чтобъ я смотрѣлъ на него съ особеннымъ интересомъ. Вообще, я былъ страстнымъ любителемъ природы, энтузіастомъ до смѣшнаго. Такимъ знали меня всѣ товарищи и потому, если попадалось въ облакахъ какое нибудь художественное или чудовищное сочетаніе разнообразныхъ оттѣнковъ цвѣта (а иногда эта игра цвѣтовъ была, дѣйствительно, восхитительна), то меня обыкновенно звали стоявшіе на вахтѣ наверхъ, любоваться картиной. Въ морѣ, гдѣ ничего не видно, кромѣ неба и воды, особенно вниманіе привлекаютъ днемъ, и особенно при закатѣ и восходѣ солнца, облака своими чудными фантастическими формами и безконечнымъ разнообразіемъ цвѣтовъ и тѣней, а ночью миріады звѣздъ, плывущихъ въ тишинѣ необъятнаго небеснаго океана,—вотъ гдѣ требуется истинное дарованіе художника-живописца. Созерцать эти чудные міры, уноситься мыслью въ эти безпредѣльныя пространства—было моимъ любимымъ занятіемъ на ночной вахтѣ, и это чудное небо, эта вселенная всегда наводила на мысль о величіи сотворившаго все это. Тутъ припоминались стихи Козлова:

Но здѣсь, мой другъ, всему конецъ;
Воззри: надъ нашими главами
Есть небо съ вѣчными звѣздами,
А надъ звѣздами ихъ Творецъ!

Плаваніе наше во все время было очень счастливо. Мы, по большей части, несли всѣ марселя, а иногда ставили и брамселя, но, подходя на траверзъ острова Эланда, мы выдержали страшный шквалъ, „хвостъ урагана", какъ выразился нашъ морякъ Лазаревъ, который въ это время былъ боленъ и не выходилъ наверхъ. Шквалъ этотъ едва не погубилъ насъ. Мы шли ровнымъ вѣтромъ подъ брамселями; на вѣтрѣ у насъ шло однимъ курсомъ съ нами купеческое судно. На горизонтѣ обозначалась сначала черной полосой туча, скоро принявшая какой-то желтоватый отблескъ. Видъ этотъ былъ не совсѣмъ успокоителенъ. Послали убрать брамселя и взяли два рифа у марселей. Купеческое судно тоже послало людей по вантамъ, но оно убрало всѣ паруса, оставшись подъ однимъ нижнимъ стакселемъ (косой парусъ). Тучи стали подвигаться со страшною быстротою, море внезапно закипѣло и одѣлось бѣлою пеленою; тотчасъ послали людей по реямъ закрѣпить марселя; но уже было поздно, свирѣпый шквалъ налетѣлъ; паруса страшно надулись; отдаютъ марса-фалы (веревки, поднимающія реи), реи не поддаются. Фрегатъ всею своею массою падаетъ на бокъ такъ быстро, что никто не могъ удержаться на ногахъ, пушки нижней батареи почти доходили до воды: до такой степени положило фрегатъ. Помощникъ капитана, капитанъ-лейтенантъ Лялинъ послалъ прорѣзать форъ-марсель, чтобы дѣйствіемъ заднихъ парусовъ привести фрегатъ

къ вѣтру и тѣмъ освободить отъ перпендикулярнаго его давленія, но пока исполнилось бы это приказаніе, мы бы непремѣнно опрокинулись; къ счастью, въ то же мгновеніе шквалъ промчался дальше своей губительною полосою. Когда воздухъ очистился отъ мрака, скрывшаго всѣ предметы, мы увидѣли купеческое судно; люди его спокойно и флегматически пошли по вантамъ и поставили всѣ паруса. Вахтенный лейтенантъ Арбузовъ не настолько былъ опытнымъ морякомъ, чтобъ предвидѣть, что шквалъ будетъ необыкновенный и что нужно было закрѣпить всѣ паруса, кромѣ нижнихъ. Съ этой поры нашимъ капитаномъ овладѣлъ такой страхъ, что онъ, несмотря на самый благопріятный вѣтеръ, къ вечеру всегда приказывалъ убирать всѣ лишніе паруса, оставляя на всю ночь подъ одними рифленными марселями, что сильно замедляло наше плаваніе и возбуждало ропотъ всѣхъ офицеровъ. Послѣ этого шквала мы пошли еще два дня и, наконецъ, достигли Копенгагена. Не стану входить въ подробности нашего краткаго здѣсь пребыванія. Скажу только, что меня интересовало все видѣнное мною. Чужой незнакомый край, чуждыя не русскія физіономіи, другіе костюмы мужчинъ, женщинъ, хотя и очень сходные съ нашими, какъ обще европейскіе, плѣняли меня не столько какою нибудь особенною красотою,—нѣтъ,—но по своей новизнѣ для меня.

По обычаю моряковъ и вообще путешественниковъ, офицеры отправились въ гостинницу, гдѣ обѣдали за общимъ столомъ въ большомъ обществѣ, которое было очень любезно и внимательно къ намъ русскимъ, какъ къ частымъ посѣтителямъ Копенгагена съ приходящей ежегодно эскадрой изъ Архангельска. Капитанъ съ

однимъ изъ офицеровъ, Лермонтовымъ, поѣхали съ визитами къ посланнику и другимъ высшимъ властямъ, офицеры же доставляли себѣ различныя удовольствія, каждый по своему желанію. Гуляли по саду, гдѣ была многочисленная публика, осматривали замѣчательности города. Его высокіе дома и узкія улицы переносили къ средневѣковой эпохѣ, когда въ Европѣ люди болѣе скучивались въ одну массу, согласно съ тогдашними феодальными правами, не всегда безопасными для жителей, разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ. Налившись прѣсною водою и запасшись свѣжею провизіей, мы снова подняли якорь, и, отсалютовавъ прощальными выстрѣлами городу, вступили въ Зундъ. Тутъ я съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ на замокъ Гамлета, воспѣтаго неподражаемымъ Шекспиромъ; затѣмъ проплыли Категатъ и Скагератъ въ виду мрачныхъ скалъ Норвегіи, представлявшихся облакомъ на горизонтѣ, и вступили въ Нѣмецкое море. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ китовъ; въ это же время, когда мы бѣжали быстро подъ всѣми верхними парусами, увидѣли вдали образовавшійся тифонъ, который шелъ по вѣтру и по нашему направленію; его разбили ядрами. Нѣмецкое море уже есть преддверіе океана, въ который мы скоро вступили и прошли Шотландскіе острова. Подходя на траверзъ Ферарскихъ островов, которыхъ силуэтъ открылся вдалекѣ, вѣтеръ сталъ свѣжѣть и, наконецъ, обратился въ бурю. Качка была страшная, всѣ почти офицеры подверглись морской болѣзни и только нашей вахты офицеры Арбузовъ и Бодиско выдержали, и я въ томъ числѣ. Исландія открылась намъ миль за сто; это было на разсвѣтѣ. Сначала она представилась намъ въ

видѣ облаковъ, и нужно было вглядѣться съ большимъ вниманіемъ, чтобы убѣдиться, что это земля, а не облака, съ которыми такъ знакомы глаза моряковъ. Къ полудню обозначилась огнедышащая Гекла, которая въ это время пламени не извергала, а только черный дымъ поднимался изъ ея жерла надъ горизонтомъ.

Съ нами были сочиненія, описывающія островъ Исландію, и мы обѣщали себѣ много удовольствія въ осмотрѣ этой замѣчательной почвы, гдѣ столько подземныхъ чудесъ и геологическихъ явленій, но, на наше несчастье, тутъ же разсказывался случай съ однимъ кораблемъ, который погибъ отъ изверженія подводнаго вулкана, при проходѣ его въ портѣ Рейкіявикъ. Вѣроятно, это обстоятельство, въ соединеніи съ Эландскимъ шкваломъ и бурями, заронили въ голову капитана мысль не идти въ портъ. Къ тому же у береговъ Исландіи, въ теченіи трехъ сутокъ, былъ штиль. Штиль въ океанѣ хотя несносенъ для парусныхъ судовъ, но имѣетъ свою чудную прелесть. Поверхность океана уподоблялась громадному зеркалу, въ которомъ отражался весь свѣтло-голубой сводъ сѣвернаго неба, и мы были какъ бы въ центрѣ этого необъятнаго голубаго шара. Только игравшія рыбы различныхъ родовъ, чайки и утки, между которыми садились птицы, большія, краснаго цвѣта, иногда рябили поверхность. Отъ времени до времени появлялись киты: они гонялись другъ за другомъ, волнуя поверхность, или погружались въ лоно моря, оставляя за собою пучину, долго расходившуюся волнистыми кругами. Въ другой сторонѣ видѣнъ былъ какой нибудь китъ-эпикуреецъ, въ нѣгѣ неподвижно раскинувшійся на своемъ роскошномъ ложѣ и забавлявшійся

изверженіемъ фонтановъ. Вся эта область океана въ высшей степени интересна, величественна и оригинальна. Мнѣ, всегда поэтически настроенному, она доставляла истинное наслажденіе; я не отходилъ отъ борта. Въ эти дни заштилило также вмѣстѣ съ нами, но очень далеко одно китоловное судно, на которое потомъ ѣздили офицеры изъ любопытства. Весь его экипажъ состоялъ изъ 8-ми человѣкъ и на этой посудинѣ люди эти переплыли тысячи миль, одной доской отдѣленные отъ бездны. По ночамъ другое чудное зрѣлище намъ представлялось; это — сѣверныя сіянія неописанной красоты. Что за чудные фантастическіе признаки! То какіе-то волшебные замки загромождали воздушное пространство, то какіе-то гигантскіе столбы свѣта колебались въ воздухѣ, какъ колонады какого нибудь громаднаго зданія, колеблемыя землетрясеніемъ; то какіе-то свѣтлые покровы распростирались надъ фрегатомъ, котораго очеркъ однажды даже отразился на мгновеніе въ одномъ изъ такихъ облаковъ. Солнце скрывалось на самое короткое время и затѣмъ снова выплывало изъ лона водъ.

Штиль намъ всѣмъ страшно наскучилъ и всѣ ждали съ нетерпѣніемъ вѣтра. При робости нашего капитана, это потерянное время могло еще болѣе поддержать его рѣшимость не идти въ Рейкіявикъ, что и совершилось. Во время штиля моряки имѣютъ обычай насвистывать вѣтеръ. Иногда, какъ будто вызванный этимъ свистомъ, легчайшій зефиръ зарябитъ поверхность океана мельчайшими струйками, какъ бы дуновеніемъ какой нибудь воздушной феи, невидимо проскользнувшей по водамъ, а потомъ опять становится гладкою, какъ зеркало. Мы всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ вѣтра съ юга, полагая,

что попутный вѣтеръ убѣдитъ капитана идти въ портъ; но его рѣшеніе уже было принято и какъ только паруса надулись, онъ пошелъ обратно, приводя въ оправданіе своего рѣшенія уже позднее время года (былъ исходъ августа), опасенія скораго появленія льдовъ въ этихъ широтахъ, дальность обратнаго плаванія, такъ какъ мы должны были обогнуть Ирландію и съ океана войти въ англійскій каналъ.

И такъ мы отплыли обратно, обошли Ирландію безъ всякихъ приключеній и вошли въ Портсмутъ, куда проходили мимо живописнаго острова Уайтъ и такъ близко отъ берега, что можно было разсмотрѣть лица сидѣвшихъ на балконахъ изящныхъ дамъ и джентльменовъ. Портсмуту мы не салютовали, какъ не салютуютъ наши военные корабли во всѣхъ англійскихъ портахъ. Англичане отвѣчаютъ обыкновенно двумя выстрѣлами меньше, ссылаясь на то, что и своимъ кораблямъ отвѣчаютъ двумя меньше, какъ адмиралъ, стоящій на рейдѣ, отвѣчаетъ капитану. Мы же смотрѣли на это какъ на униженіе для флага, считая, что въ этомъ случаѣ нація отвѣчала націи, а не адмиралъ капитану.

Портсмутъ знаменитый англійскій портъ, въ которомъ можно видѣть много чудесъ англійскаго искусства, англійской промышленности, ея величія въ размѣрахъ ея флота и въ томъ совершенствѣ, до какого доведена ея морская часть, какъ владычицы морей; но короткая стоянка дѣлаетъ моряковъ мимолетными путешественниками по обстоятельствамъ, а не туристами съ научной цѣлью. Мы часто съѣзжали на берегъ, много гуляли по городу, осматривали то, что успѣвали, и не пропустили замѣтить красоту англичанокъ, которая приводила часто

въ восторгъ молодыя натуры, конечно, также мимолетно. Замѣтно было на гуляньяхъ, что и мы также удостоивались ихъ особеннаго вниманія, конечно, какъ русскіе, мы же приписывали это себѣ собственно и были этимъ очень довольны. По улицамъ насъ обыкновенно преслѣдовали уличные мальчишки, кричавшіе: „рушенъ, копѣйка“, и когда бросали имъ деньги, то они принились драться, отнимая монеты другъ у друга; а по вечерамъ, когда темнѣло, встрѣчались группы молодыхъ англичанокъ, привѣтливо обращавшихся къ намъ безъ всякой застѣнчивости. Обѣдали мы всегда въ хорошей гостинницѣ, гдѣ осматривали и любовались чистотою англійской кухни.

Изъ Портсмута мы вышли съ легкимъ вѣтромъ; съ нами вышелъ также англійскій остъ-индскій корабль. Мы скоро миновали каналъ въ виду Дувра; со стороны Франціи видѣлась только полоса земли съ отдаленнымъ Кале. Нѣмецкое море попутнымъ и крѣпкимъ вѣтромъ мы пробѣжали чрезвычайно быстро. Помнится, что мы въ 4 часа утра вышли изъ канала, а на другой день, около 6-ти часовъ по полудни, намъ уже открылись берега Норвегіи. Въ Категатѣ къ намъ подъѣхали рыбачьи лодки, продавшія намъ свѣжую треску и камбалу. При тихомъ вѣтрѣ мы прошли Зундъ, котораго теченіе очень сильно, а когда подходили къ Копенгагену, то увидѣли свой родной флагъ, развѣвающимся на бѣломорской эскадрѣ. Флагъ этотъ, бѣлый съ синимъ андреевскимъ крестомъ по діагоналямъ, на черномъ фонѣ черныхъ тучъ, окаймлявшихъ тогда горизонтъ, былъ поразительно красивъ и величественъ.

Въ Копенгагенѣ мы снова часто съѣзжали на берегъ

и обѣдали въ лучшихъ гостинницахъ за общимъ столомъ. На гуляньяхъ въ саду мнѣ очень нравилась свобода и простота гулявшей и сидѣвшей на скамьяхъ публики. Очень многіе гуляли, покуривая трубки, и когда случалось, что приходилъ король или кто нибудь изъ королевскаго дома, то встрѣчавшіе снимали шляпы и привставали со скамеекъ и потомъ снова садились, покуривая свои трубочки. О полиціи здѣсь не было и помину.

По приказанію капитана, мнѣ однажды пришлось ѣхать къ нашему консулу. Это было уже къ вечеру. Найдя квартиру консула, я вошелъ въ прихожую и пріятно былъ пораженъ музыкой, раздавшейся въ слѣдующей комнатѣ, а когда вступилъ въ залъ, еще болѣе былъ пораженъ красотой музыкантши. Это была дочь консула, очень молодая и очень хорошенькая блондинка. Когда я, раскланявшись, сказалъ ей, что мнѣ нужно было видѣть консула, она тотчасъ побѣжала въ другія комнаты. Вслѣдъ за этимъ вышелъ консулъ, которому я передалъ свое порученіе, и, получивъ нужный отвѣтъ, хотѣлъ раскланяться, но онъ попросилъ меня остаться и познакомилъ съ семействомъ. Пробывъ нѣкоторое время, хотѣлъ было идти, но снова меня оставили; подали чай, бесѣда длилась; ночь наступила, а я все еще сидѣлъ, прикованный присутствіемъ прелестной дѣвушки, какъ это всегда бываетъ съ каждымъ юношей. Когда я собирался уходить, меня просили еще побыть у нихъ, но необходимость возвращаться на фрегатъ наконецъ превозмогла. Фрегатъ стоялъ далеко отъ берега, а волны бушевали и тьма была такъ велика, что только около шлюпки виднѣлась пѣна валовъ. Когда мы

отвалили отъ берега и отплыли нѣсколько саженъ, гдѣ-то на берегу вспыхнулъ пожаръ, пламя отразилось въ морѣ, освѣтило волны и намъ открылся нашъ фрегатъ и другія суда, стоявшія на рейдѣ. Картина ночи была достойна кисти Айвазовскаго.

На фрегатъ безпрестанно пріѣзжали посѣтители и посѣтительницы. Нашъ посланникъ баронъ Николаи пріѣзжалъ также съ большимъ обществомъ. Между ними былъ графъ Канутъ, женатый на русской графинѣ Зубовой. Все общество завтракало у капитана въ каютѣ, а въ палубѣ были собраны пѣсенники. Когда пѣсенники запѣли „не одна во полѣ дороженька“, графиня не могла удержаться отъ слезъ — родные звуки расшевелили ея русское сердце. На чужбинѣ родная пѣсня имѣетъ чудное обаяніе, особенно для русскихъ. Что мнѣ въ этомъ комфортѣ, въ этихъ чудесахъ цивилизаціи, въ этой чужой свободѣ, въ чужомъ благоденствіи, въ этомъ прекрасномъ климатѣ и роскошной его растительности. Какъ ни хорошо живется тамъ, какъ ни обольщаютъ насъ изысканныя удовольствія, но все родная пѣснь, родныя степи, безпредѣльныя какъ океанъ, могучее племя съ его простотою и величіемъ, русское самоотверженіе, русская вѣра—вотъ что надо русскому сердцу. Американская республика, со всею своею безграничною свободою, не сдѣлаетъ истиннаго русскаго человѣка довольнымъ и счастливымъ. Когда катеръ отвалилъ отъ борта и вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ, начался салютъ и пока катеръ былъ видѣнъ, все еще виднѣлся бѣлый платокъ графини, которая махала имъ на прощаніе со своими соотечественниками.

Въ Балтійскомъ морѣ шли съ попутнымъ крѣпкимъ

вѣтромъ, такъ что бѣгъ нашъ былъ болѣе 12 узловъ (узелъ 1 верста и 3/4). При такой быстротѣ, однажды ночью, мы опять чуть не погибли отъ столкновенія. На вахтѣ былъ лейтенантъ Лермонтовъ, а я былъ младшимъ офицеромъ. Тьма была непроницаемая. Изъ каютъ-кампаніи свѣтился въ люкѣ огонь, тамъ раздавался веселый говоръ и смѣхъ. Вдругъ караульный матросъ на бакѣ (передняя часть корабля) закричалъ изо всѣхъ силъ: „судно передъ носомъ!“ затѣмъ раздался отчаянный голосъ вахтеннаго лейтенанта: „право на бортъ!“ Команда эта, при такомъ быстромъ ходѣ, голосомъ почти отчаянія, показывала страшную опасность. Всѣ офицеры и капитанъ выбѣжали на палубу и вотъ что представилось взорамъ: лишь только часовой прокричалъ: „судно передъ носомъ“, послѣдовала команда: „право на бортъ“, и въ ту же секунду черная масса, съ быстротою ночной птицы, пролетѣла мимо фрегата и скрылась во маркѣ; судно промчалось такъ близко отъ нашего борта, что можно было перескочить на него. Это было, по истинѣ, спасеніе отъ неминуемой гибели. Ходъ былъ такъ быстръ, что мы оба были бы разбиты въ дребезги и мгновенно пошли бы ко дну. Затѣмъ плаваніе наше было скоро кончено и на другой день нашимъ глазамъ представился Кронштадтъ послѣ трехъ съ половиною мѣсячнаго плаванія.

Затѣмъ жизнь приняла свое обычное теченіе: на первомъ планѣ служба съ ея шагистикой и строевыми ученіями матросовъ, только что боровшихся съ бурями океана. Затѣмъ слѣдовали удовольствія молодости, которой единственная мечта—удовольствія; посѣщеніе театра съ восторженными рукоплесканіями оперной кра-

савицѣ Семеновой и танцовщицѣ Истоминой. Обѣдали мы и проводили вечера у Долгоруковыхъ, гдѣ всегда было общество; пѣли дуэты; у княгини голосъ былъ сопрано, а сестры контральто. Всѣ гости восхищались ихъ пѣніемъ, среди котораго безпрерывно слышались возгласы: „charmant, delicieux".

Этотъ домъ, въ которомъ я провелъ свои отроческіе и юношескіе годы, гдѣ былъ такъ счастливъ истинно родительскою любовью воспитавшихъ насъ, гдѣ жили нѣжно любимыя наши сестры, — домъ этотъ былъ для насъ съ братомъ истинною и единственною отрадою. Хотя мы жили далеко, у Калинкина моста, все же почти каждый день, свободный отъ службы, мы проводили тамъ. Послѣ исландскаго похода мы наняли квартиру изъ двухъ отдѣленій; въ одномъ помѣщались мы съ братомъ и еще нашъ же офицеръ Дивовъ, а въ другомъ Бодиско, тоже нашъ товарищъ и другъ. Мы съ братомъ не были избалованы и жили въ обыкновенной офицерской обстановкѣ, а не тянулись за богатыми. Князь Долгоруковъ отъ времени до времени помогалъ намъ и всегда по собственному побужденію; мы же не только что никогда не говорили ему о своихъ нуждахъ, но когда онъ давалъ намъ деньги, то всегда, покраснѣвъ до ушей, отказывались; конечно, онъ не обращалъ вниманія на нашу совѣстливость и клалъ въ руки деньги, приговаривая, что онъ самъ былъ офицеромъ и знаетъ хорошо, что деньги никогда не лишнее молодымъ офицерамъ. Онъ очень утѣшался тѣмъ, что мы хорошо служили, были извѣстны государю, не кутили и вели себя хорошо по отзывамъ начальниковъ. Онъ, конечно, не подозрѣвалъ, что наши молодыя головы уже сильно

были заражены либерализмомъ того времени, который мы вполнѣ раздѣляли, а также и то глухое недовольство, которое потомъ должно было разрѣшиться участіемъ въ катастрофѣ 14-го декабря 1825 года.

VIII.

Плаваніе во Францію и Гибралтаръ.

Обѣдъ. — Испанскіе контрабандисты. — Плимутъ. — Карантинъ. — Обратное плаванье. — Приключеніе въ Рижскомъ заливѣ. — Въ гавани. — Наводненіе въ Спб. 7-го ноября 1824 года.

Съ 1803 года.

Въ Кронштадтъ пришла французская эскадра подъ командою командира ле-Купе. Государь, во время смотра въ Кронштадтѣ, посѣтилъ французскій фрегатъ и ему пришла мысль послать во Францію русскій фрегатъ,—отдать визитъ Франціи. Для этого былъ назначенъ тотъ же фрегатъ „Проворный“, который ходилъ съ нами къ Исландіи и, по счастливой случайности, я былъ назначенъ снова на фрегатъ и опять младшимъ офицеромъ. Командиромъ фрегата былъ назначенъ капитанъ-лейтенантъ Козинъ, старшимъ лейтенантомъ—лейтенантъ Черкасовъ, вторымъ—Мусинъ-Пушкинъ, Лермонтовъ, Миллеръ, Шнейеръ, Бодиско 2-й и я. Сверхъ того на фрегатъ назначенъ былъ лейтенантъ Бестужевъ, въ качествѣ исторіографа, который

командовалъ 3-й вахтой. 8-го іюня 1824 г. фрегатъ посѣтилъ государь, а 15-го числа, по полученіи повелѣнія, мы снялись съ якоря. Вѣтеръ благопріятствовалъ плаванію и, пройдя въ виду Эланда и Борнгольма, мы снова бросили якорь на копенгагенскомъ рейдѣ.

Здѣсь въ этотъ разъ мы посѣтили нѣкоторыя публичныя зданія, какъ-то: обсерваторію, библіотеку; гуляли въ саду, принимали посѣтителей и посѣтительницъ и, послѣ 4-хъ дневнаго пребыванія, отплыли въ Зундъ, прошли Категатъ и Скагератъ, гдѣ встрѣтили сильную бурю, такъ что у насъ было сорвано нѣсколько парусовъ. Буря не переставала почти цѣлую недѣлю и мы должны были все это время лавировать между Норвегіей и Ютландіей, которой низменный берегъ по лоціи (книга съ обозначеніемъ береговъ, портовъ и входовъ) требовалъ немедленнаго поворота, какъ только онъ открывался.

Въ одинъ изъ этихъ дней я былъ на вахтѣ, съ полночи до 4-хъ часовъ, и мнѣ слѣдовало снова вступить на вахту съ полудня до 6-ти часовъ. Во время сна я вижу во снѣ, что мы приближаемся къ низменному песчаному берегу Ютландіи, и, наконецъ, будто фрегатъ ударился о какое-то твердое тѣло и ударился такъ сильно, что я въ испугѣ проснулся и тутъ увидѣлъ, что это былъ сонъ. Напившись чаю въ каютъ-компаніи и выкуривъ трубку, я поднялся на палубу и по сонному впечатлѣнію, прежде всего, я взглянулъ на ютландскій берегъ и что же я вижу! Дѣйствительно, берегъ видѣнъ ясно и даже въ отдаленіи обозначалась темная полоса лѣса. Я подхожу къ капитану, который ходилъ по шканцамъ, и говорю ему:

— Кажется, Николай Глѣбовичъ, намъ не слѣдуетъ подходить къ берегу на такое разстоянie, съ котораго онъ видѣнъ ясно.

— Да, не слѣдуетъ, отвѣчалъ онъ.

— А между тѣмъ, говорю я, видна уже полоса лѣса.

Только что онъ это выслушалъ, тотчасъ пошелъ на подвѣтренную сторону, которую нижнiй парусъ-гротъ заслонялъ отъ него, и, увидѣвъ дѣйствительно берегъ, сейчасъ же приказалъ вахтенному лейтенанту поворачивать и мы поворотили. Затѣмъ буря утихла и мы, хотя лавируя, но дня черезъ три увидѣли Голонерскiе маяки, и затѣмъ англiйскiй берегъ у Диля, къ которому подойдя, стали на якорь, такъ какъ тутъ мы должны были высадить на берегъ путей сообщенiя маiора Каулинга и поручика Менеласа. Каулингъ насъ очень смѣшилъ, одѣвшись въ свою форму путей сообщенiя, и надѣвъ шляпу съ султаномъ. Это было очень странно въ англичанинѣ, который, конечно, зналъ, какъ его соотечественники не любятъ мундировъ, особенно военныхъ. Высадивъ ихъ, мы отправились дальше подъ предводительствомъ французскаго лоцмана Прижана, котораго намъ далъ начальникъ французской эскадры, для проведенiя фрегата очень опаснымъ, но ближайшимъ проходомъ Дюфуръ. Мы благополучно прошли въ Брестъ, гдѣ, отсалютовавъ крѣпости, стали на якорь; намъ тотчасъ отвѣчали съ крѣпости равнымъ числомъ выстрѣловъ. Тотчасъ же начались оффицiальныя посѣщенiя французскихъ властей и было объявлено, что фрегатъ посѣтитъ военный губернаторъ графъ Гурдонъ, къ которому капитанъ съ Бестужевымъ тот-

часъ же отправились съ визитомъ. Потомъ они сдѣлали визиты мэру города, капитану надъ портомъ, полковнику линейнаго полка и всѣмъ другимъ значительнымъ лицамъ.

Въ назначенный день пріѣхалъ графъ Гурдонъ, всѣ власти города и много частныхъ лицъ. Графу былъ показанъ фрегатъ, который въ теченіи трехъ дней былъ вычищенъ, окрашенъ и принялъ совершенно новый видъ. Чистота палубъ, черныя блестящія орудія, педантическій порядокъ шкиперской каюты, молодецкій видъ команды,—какого не увидишь ни на одномъ иностранномъ военномъ кораблѣ,—стоявшей стройно во фрунтѣ по палубамъ, одѣтой въ бѣлыя широкія брюки и тонкіе гвардейскіе мундиры (куртки съ погонами)—все это, какъ видно было, произвело самое пріятное впечатлѣніе на нашихъ посѣтителей. Когда этотъ оффиціальный визитъ кончился, графа Гурдонъ съ его свитою проводили со всѣми военно-морскими почестями, пушечными выстрѣлами и разставленной по реямъ командой. Затѣмъ начались безпрерывныя посѣщенія фрегата какъ дамами, такъ и мужчинами. Мы скоро ознакомились со всѣмъ высшимъ брестскимъ обществомъ, а со многими даже дружески. Каждый день мы были приглашаемы на частные обѣды и вечера. Графъ Гурдонъ, кромѣ того, сдѣлалъ для насъ парадный оффиціальный обѣдъ со всею торжественностью. Приглашены были всѣ высшія лица города. Обѣдъ, конечно, былъ роскошный по количеству блюдъ, но очень мало знакомыхъ намъ русскимъ, не бывавшимъ за границей. Хотя французская кухня давно уже господствовала у нѣкоторыхъ нашихъ аристократовъ, но, по большей части, столъ этотъ у

нихъ былъ смѣшанный, а не исключительно французскій. Помнится, что кушанья ставились на столъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и застольные сосѣди предлагали гостямъ блюда и вина. Торжественный тостъ былъ провозглашенъ за нашего государя, а капитанъ нашъ провозгласилъ тостъ за короля Людовика XVIII-го; но что насъ удивило, такъ это то, что заздравное вино было не шампанское, а Бордо [1]).

Графъ былъ такъ обязателенъ, что предложилъ капитану, на время его пребыванія на берегу, квартиру у себя въ домѣ, который, конечно, былъ огромный. Познакомившись съ семействомъ, мы часто бывали у него, по желанію, за-просто. Жена его была большая любительница шахматной игры и часто приглашали кого нибудь изъ офицеровъ на партію. Она имѣла претензію быть хорошимъ игрокомъ, но, не смотря на это, ей случилось проиграть одному изъ насъ лейтенанту Ч., не имѣвшему довольно любезности нарочно проиграть, какъ дѣлали болѣе вѣжливые.

Вечера у нихъ были очень пріятны, общество всегда самое изящное. Утонченная вѣжливость французовъ, ихъ любезное вниманіе не допускали ни малѣйшаго стѣсненія, такъ что если кто и хотѣлъ, по застѣнчивости или чувствуя себя не совсѣмъ ловко среди незнакомыхъ пріемовъ и обычаевъ, хоть на минуту уединиться, то ему это никакъ бы не удалось; такъ любезны и предупредительны были французы и француженки высшаго тогдашняго общества. Обыкновенно на вечерахъ,

---

[1]) Вѣдь этому прошло уже болѣе полустолѣтія и можетъ быть теперь все измѣнилось. А. Б.

какъ и у насъ, разставлялись столы и садились за карты. Въ то время господствовали игры, по крайней мѣрѣ, у графа, экарте и мако. Капитанъ и другіе офицеры садились играть, а я, неимѣющій никакого понятія объ игрѣ, предпочиталъ бесѣду. Тутъ всегда бывали морскіе офицеры отъ высшаго до низшаго ранга, очень образованные и интересные люди. Чтобы быть морскимъ офицеромъ во Франціи, прежде надо сдѣлать очень много кампаній, а эти кампаніи распространяются на всѣ части свѣта. Къ тому же, въ то время на французскомъ флотѣ не было штурмановъ, какъ у насъ, и всѣ счисленія, астрономическія наблюденія и вся морская ученая часть возлагались на избранныхъ линейныхъ офицеровъ, которые завѣдывали и всѣми астрономическими инструментами. Поэтому французскіе офицеры стояли много выше всѣхъ офицеровъ другихъ флотовъ въ научномъ отношеніи. У графа Гурдонъ были двѣ дочери, можетъ быть и больше, но въ обществѣ были двѣ; старшая изъ нихъ была большая музыкантша, и мы, конечно, просили ее играть, что она дѣлала очень любезно, не отговариваясь, и, дѣйствительно, восхищала всѣхъ своею игрою, но я все же замѣтилъ, что младшая Фласія, лѣтъ пятнадцати, была восхитительная красавица, но своею милою робостію и скромностію не походила на француженку аристократку. Впрочемъ она считалась еще ребенкомъ и отправлялась наверхъ въ свои комнаты въ 10-мъ часу. Около полночи и мы отправлялись къ пристани, садились въ катеръ и, полные самыхъ пріятныхъ ощущеній, отправлялись на фрегатъ. Брестскій рейдъ великолѣпенъ, какъ по обширности своей, такъ и по своему закрытому положенію, очень

безопасному для стоянки кораблей. Не смотря, однакожъ, на это, во время наполеоновскихъ войнъ, когда флоты французскій и испанскій стояли на этомъ рейдѣ, англичане успѣли, подкравшись ночью, сдѣлать удачное нападеніе на команду одного изъ кораблей. Между дружески знакомыми съ нами былъ командиръ 3-го морскаго полка полковникъ Дюри и капитанъ Мингети. Оба они были съ Наполеономъ въ Москвѣ и оба вспомнили о своемъ спасеніи, какъ о чудѣ. Полковникъ, отхваченный казаками, былъ взятъ въ плѣнъ однимъ казакомъ, а другой наскакивалъ на него съ пикой, но взявшій его отбилъ пику и спасъ его. Потомъ передалъ его другимъ плѣннымъ офицерамъ. Этотъ поступокъ не былъ безплоденъ. Полковникъ сохранилъ въ душѣ глубокую признательность къ этому великодушному и доброму казаку и но немъ заключалъ о добротѣ и благородствѣ казаковъ вообще, считая исключеніемъ тѣхъ, о жестокости которыхъ разсказывали его соотечественники. Для него сдѣлано было командѣ на фрегатѣ особенное ученіе морское и ружейное. Люди, поставленные во фронтъ въ киверахъ и во всей фомѣ, дѣлали ружейные пріемы, стрѣляли рядами, плутангами и залпами, потомъ, снявши кивера, составивъ ружья, надѣвъ фуражки, тутъ же по командѣ: „пошелъ по марсамъ" побѣжали по вантамъ и отдали и закрѣпили паруса въ нѣсколько минутъ. Они были удивлены: какъ русскіе достигли того, чтобъ изъ матроса сдѣлать такого славнаго солдата, какъ они видѣли изъ выправки людей во фронтѣ, и въ то же время такого ловкаго матроса. Они говорили, что и во Франціи были попытки соединить эти двѣ службы, но что онѣ рѣшительно не удались.

Капитанъ Мингети, когда производилась стрѣльба, пришелъ въ восторгъ и вскричалъ: „такъ-то мы стояли другъ противъ друга подъ Бородинымъ. Ахъ, какъ тамъ было жарко!“ Эти два офицера и нѣкоторые морскіе офицеры часто бывали на фрегатѣ, обѣдали у насъ за-просто и восхищались русскими наливками и водицами нашего капитана, который имѣлъ свой домъ въ Петербургѣ, семейство, и котораго жена была, дѣйствительно, замѣчательной хозяйкой. Французамъ такъ понравились эти напитки, что они объявили ихъ выше своихъ ликеровъ. По всему было видно, что они, побывавъ на Руси, вынесли добрыя впечатлѣнія о радушіи русскихъ, ихъ великодушіи и гостепріимствѣ.

Въ свою очередь полковникъ пригласилъ насъ на свое полковое ученье, гдѣ дѣлались разныя построенія. Онѣ дѣлались быстро и правильно, но намъ, привыкшимъ къ шагистикѣ, привыкшимъ, чтобъ ряды двигались какъ стѣна, чтобы даже незамѣтно было, что ее составляютъ живыя вещества, страннымъ показалась эта свобода, эти движенія французскихъ солдатъ, размахиванія руками и проч. Строили двойное каре, которое называлось „наполеоновскимъ противъ мамелюковъ“. При всѣхъ движеніяхъ играла музыка, очень хорошая, но изъ немногихъ музыкантовъ, что также насъ поражало, такъ какъ мы привыкли къ огромнымъ полковымъ оркестрамъ; при этомъ ученіи мы также увидѣли, что командиры во Франціи не выбираютъ выраженій при распеканіи офицеровъ; даже вырывались такія слова, которыя у насъ не смѣлъ бы произнести самый деспотическій начальникъ. Впрочемъ, этому не слѣдуетъ удивляться. У насъ, особенно въ гвардіи, служитъ

цвѣтъ русской молодежи, большею частью, люди богатые, получившіе блистательное воспитаніе, и вообще гордые и щекотливые, и изъ нихъ выходятъ всѣ высшіе начальники, а къ тому надо прибавить, что императоръ Александръ былъ человѣкъ деликатный въ высшей степени и не терпѣлъ дерзости со стороны высшихъ. Извѣстно, что онъ брата своего, великаго князя Константина, заставилъ просить извиненіе у кавалергардскаго полка за свои дерзости, вслѣдствіе которыхъ всѣ офицеры хотѣли подать въ отставку. Французскіе же офицеры того времени, большею частью, были люди средняго сословія. Послѣ ученья полковникъ пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ, познакомилъ со своею женою, очень миленькою француженкой, и другими дамами. Жена его, вслушиваясь въ нашу рѣчь, когда мы говорили между собою по-русски, сказала намъ, что она никакъ не ожидала, чтобы русскій языкъ былъ такъ пріятенъ дли слуха. Она слышала, вѣроятно поляковъ, говорившихъ по-русски, но тогда этотъ языкъ показался ей много грубѣе. Ей объяснили, что мы говорили чистымъ русскимъ языкомъ, а поляки, вѣроятно, примѣшивали польскія слова, между которыми и есть не совсѣмъ благозвучныя. Послѣ обѣда, очень оживленнаго и вкуснаго, мы возвращались на фрегатъ. На оффиціальномъ обѣдѣ у графа Гурдонъ, который, какъ я уже упомянулъ, онъ дѣлалъ для офицеровъ экипажа, провозглашались различные тосты, выражавшіе пріязненныя отношенія двухъ народовъ. Тогда, конечно, еще не были забыты униженія Франціи послѣ Ватерлоо, ни плѣненіе ихъ героя англичанами, ни его заточеніе, тогда еще много было его горячихъ приверженцевъ, а потому за обѣдомъ, во

время дружескихъ изліяній, у французовъ, проглядывала страшная ненависть къ Англіи и они безцеремонно выражали намъ, что еслибъ наши флоты соединились вслѣдствіе союза Франціи и Россіи, то скоро бы сокрушили ея гордость съ ея морскимъ могуществомъ. Въ этихъ выраженіяхъ сочувствія къ Россіи, конечно, выражалась одна французская любезность, чтобы пріятно занять чѣмъ нибудь своего застольнаго сосѣда, или, можетъ быть, великодушіе государя нашего при вступленіи въ Парижъ, дѣйствительно, очаровало всѣхъ французовъ и они изъ этого заключили, что нашествіе ихъ и бѣдствія, ими причиненныя Россіи, совершенно изгладились изъ памяти русскихъ. Они вспоминали о прежней дружбѣ Наполеона къ нашему государю и думали, что дружба эта могла бы теперь возобновиться, еслибъ Наполеонъ былъ императоромъ, и тогда бы гибель была англичанамъ.

Но зато поразительно было тогдашнее невѣжество французскаго общества относительно Россіи, въ чемъ оно немного подвинулось и въ настоящее время. За обѣдомъ у графа Гурдонъ возлѣ меня сидѣла довольно пожилая дама г-жа Жофруа. Между другими разговорами, какъ мы плыли, гдѣ останавливались, находимъ ли мы удовольствіе во Франціи, она съ нѣкоторымъ участіемъ сказала: „послѣ вашего климата, вамъ наша жара должна быть нестерпима“. Вѣроятно она принимала всю Россію за Лапландію, да и въ Лапландіи, и въ Камчаткѣ, и въ самыхъ сѣверныхъ широтахъ Сибири лѣто бываетъ очень жаркое. Когда я ей сказалъ, что въ Петербургѣ бываетъ иногда 30 градусовъ тепла и что мы уже тамъ привыкли къ такой жарѣ, какую

встрѣтили здѣсь, она повидимому очень была удивлена. Надо не забыть, что эта дама была высшаго круга.

Мэръ города также давалъ намъ вечеръ, пригласивъ насъ на пуншъ. Этотъ пуншъ подавали въ рюмкахъ и онъ былъ, дѣйствительно, очень вкусенъ. У дома мэра превосходный садъ, который былъ освѣщенъ. Вечеромъ все общество гуляло въ саду и сидѣло на террасѣ при великолѣпномъ лунномъ сіяніи. Прекрасная лунная ночь, милый говоръ дамъ, веселый и остроумный, и вообще все это милое вниманіе хозяевъ дѣлало этотъ вечеръ очень пріятнымъ. Въ отвѣтъ на всѣ угощенія и на все любезное вниманіе и гостепріимство общества Бреста, наши офицеры дали обѣдъ на фрегатѣ всему брестскому обществу. За обѣдомъ было болѣе 70-ти человѣкъ. Шканцы было украшены абордажнымъ оружіемъ и флагами съ вензелями императора и короля. Столъ былъ роскошный; тосты, конечно, съ шампанскимъ, были весьма оживленны; пожеланія и пріязненныя выраженія безконечны, такъ что уже поздно вечеромъ разъѣхались гости, оставаясь еще долго послѣ отъѣзда графа, который при отплытіи былъ провожаемъ пальбою изъ пушекъ, а люди были разставлены по реямъ и кричали „ура“.

Прошло болѣе двухъ недѣль, какъ мы пировали и веселились въ Брестѣ, но, наконецъ, снялись съ якоря и, сопровождаемые самыми дружескими пожеланіями, подняли паруса.

Плаваніе Атлантическимъ океаномъ было очень покойное, иногда вѣтеръ свѣжѣлъ, такъ что брали два рифа, а потомъ опять стихалъ. Дней восемь продолжалось наше плаваніе и 5-го августа, на высотѣ

С. Винцента, намъ открылся берегъ Испаніи. Ночью, стоя на вахтѣ, съ этого берега уже повѣяло на насъ благовоннымъ запахомъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ этого благовоннаго климата.

Утромъ вступили въ Гибралтарскій проливъ, прошли городъ Тарифу, передъ которымъ стоялъ французскій фрегатъ и бомбардировалъ городъ. Нація, которая, во имя свободы и человѣчества, пролила столько крови и явила міру столько чудовищнаго извращенія разума и всего человѣческаго, теперь съ ожесточеніемъ разстрѣливала возставшихъ за свою свободу испанцевъ и снова поработила страну, только что начавшую возрождаться. Бросивъ якорь на гибральтарскомъ рейдѣ и сдѣлавъ различные оффиціальные визиты, мы осмотрѣли знаменитые гибралтарскіе казематы, высѣченные въ скалѣ, гдѣ по отвѣсной сторонѣ, обращенной къ перешейку, соединяющему материкъ съ мысомъ, а равно и по другой господствующей надъ проливомъ сторонѣ, поставлено 700 пушекъ большаго калибра. Осмотръ этотъ мы дѣлали подъ руководствомъ артиллерійскаго капитана, тутъ служащаго, который послѣ осмотра пригласилъ насъ на свою квартиру, помѣщавшуюся въ старинномъ мавританскомъ замкѣ. Замокъ этотъ во время испанскаго владычества служилъ для инквизиціи. Тутъ мы познакомились съ женою его г-ою Томсонъ, которая очаровала насъ своею любезностью и своимъ радушіемъ. Намъ подали завтракъ и тутъ же свѣжія фиги, съ которыми мы не умѣли справиться, такъ какъ не случалось употреблять этотъ плодъ, но она съ улыбкой показала намъ, какъ съ ними обращаться, отдѣливъ своими руками жесткія части. Послѣ завтрака мы просили

ее сыграть намъ что нибудь на роялѣ, который стоялъ въ залѣ, и она тотчасъ исполнила наше желаніе. По игрѣ ея видно, что это была виртуозка и мы вполнѣ восхищались ея игрою, но когда по окончаніи музыкальныхъ піесъ, она заиграла намъ русскую музыку, то мы пришли въ восторгъ. Тутъ мы узнали отъ нея, что она проживала въ Ригѣ у ея сестры, гдѣ и познакомилась съ русскою музыкою. Она была въ сѣверной и южной Америкѣ, въ Индіи, въ Африкѣ, почти во всѣхъ частяхъ свѣта. Мужъ ея служилъ прежде на остъиндскомъ военномъ кораблѣ и она съ нимъ дѣлала всѣ эти путешествія. Можно себѣ представить, какъ намъ пріятно было общество этой дамы. Кромѣ этого дома, мы бывали у г. капитана надъ портомъ и у нашего консула— это семейные дома. Общество же 43-го линейнаго полка, стоявшаго тутъ гарнизономъ, нѣсколько разъ приглашало насъ на свои обѣды. Это общество состояло болѣе нежели изъ 30 человѣкъ; все это были люди лучшихъ англійскихъ фамилій, младшіе сыновья лордовъ, весьма образованные и пріятные. Всѣ англійскіе оффиціальные обѣды, какъ извѣстно, сопровождаются спичами; штабъофицеръ, сидящій на хозяйскомъ мѣстѣ, даетъ знать, постучавъ пальцемъ по столу, что онъ желаетъ говорить; водворяется молчаніе и слѣдуетъ привѣтственная рѣчь. Тутъ она произносилась на обще-европейскомъ французскомъ языкѣ. Отвѣчалъ нашъ капитанъ и потомъ Николай Александровичъ Бестужевъ, а однажды, когда капитана нашего что-то задержало и онъ поспѣлъ уже къ половинѣ обѣда, отвѣчать на рѣчь, по желанію нашихъ офицеровъ, долженъ былъ я. При моей застѣнчивости и непривычкѣ, я былъ крайне сконфуженъ, весь

пылалъ до самыхъ ушей, но чтобъ не сдѣлать вопіющей невѣжливости и не посрамить молчаніемъ общество своихъ офицеровъ, рѣшился. Краткая рѣчь моя состояла изъ обычныхъ выраженій благодарности за радушный пріемъ, оказанный намъ, какъ военнымъ, такъ и городскимъ обществомъ англичанъ, потомъ коснулся того, что наши народы всегда были въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ почти съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ 1-й англійскій корабль посѣтилъ Россію въ Архангельскѣ; что англійскій великій народъ всегда возбуждалъ глубокое уваженіе къ себѣ народа русскаго, особенно образованнаго класса; свободныя учрежденія сдѣлали его великимъ и мы поднимаемъ бокалъ въ честь Англіи! „Гипъ, гипъ“, „ура“, было отвѣтомъ на рѣчь, за которою слѣдовало еще нѣсколько, такъ что одушевленіе было неподдѣльное и дружескія заявленія сопровождали весь обѣдъ. Все это было слишкомъ за 30 лѣтъ до Крымской войны. Когда сняли со стола скатерть и поставили бутылки и бокалы, разговоры и восклицанія сдѣлались еще громче. Подъ окномъ игралъ оркестръ музыки и когда заиграли маршъ Riego, то энтузіазмъ былъ всеобщій. Въ это время испанской революціи, преслѣдуемые испанскіе инсургенты жили въ лодкахъ на гибралтарскомъ рейдѣ. Лордъ Чатамъ, военный губернаторъ, старшій братъ Пита, не дозволялъ имъ жить на берегу, и многіе изъ офицеровъ и жителей имъ помогали; особенно одинъ полковой докторъ, прекрасная личность, сидѣвшій за столомъ возлѣ меня; онъ зналъ ихъ всѣхъ и доставлялъ имъ различныя пособія. Тутъ въ наше время были Лопецъ Баніесъ, Наварецъ, Еспиноза, Мана и Вольдесъ, при насъ прибывшіе въ

шлюпкѣ изъ Тарифы, которую онъ защищалъ. Этому милому доктору я былъ обязанъ, что не вполнѣ вышелъ опьянѣвшимъ изъ-за стола. Всѣ сидѣвшіе за столомъ постоянно то одинъ, то другой относились какъ ко мнѣ, такъ ко всѣмъ гостямъ съ словами you, sir, и когда глаза наши встрѣчались, онъ поднималъ бокалъ и говорилъ или по-французски à vous, или по-англійски your health. Я въ простотѣ сердца сначала выпилъ всю рюмку, полагая, что этого требовала учтивость, но когда эти пожеланія здоровья стали повторяться, то я спросилъ доктора, неужели на всѣ эти тосты я долженъ выпивать всю рюмку? Онъ съ улыбкой сказалъ: „вы бы не встали изъ-за стола, еслибъ были такъ вѣжливы— довольно только прихлебнуть“.

Надо сказать, что обѣдъ у англійскихъ офицеровъ былъ роскошенъ, какъ по обстановкѣ, такъ и прислугѣ; всѣ офиціанты, которыхъ приходилось на 3—4 куверта по одному, были въ ливреяхъ, вышитыхъ серебряными галунами, въ перчаткахъ, съ бѣлыми салфетками ослѣпительной бѣлизны; подъ окнами въ саду, гдѣ былъ офицерскій залъ, какъ я упомянулъ, играла музыка, которую очень часто заставляли повторять маршъ Piero, героя, совершившаго переворотъ въ Испаніи и потомъ погибшаго на висѣлицѣ. Этотъ маршъ возбуждалъ страшный восторгъ во всѣхъ англичанахъ, которымъ отъ души вторилъ и я. Тутъ поднимались бокалы въ память безсмертнаго героя и свободы. Къ тому настроенію, которое уже было въ мысляхъ и сердцѣ, все это еще болѣе воспламеняло во мнѣ любовь къ свободѣ и готовность на всякую жертву.

Послѣ обѣда мы всѣ, въ сопровожденіи офицеровъ,

отправились въ театръ, гдѣ давали концертъ пріѣзжіе изъ Лиссабона артисты и артистки.

Гибралтаръ представлялъ въ 1824 г. удивительное разнообразіе въ населеніи. Тутъ были турки, мавры, варварійцы, индійцы. Господствующее же населеніе, по числу жителей, были португальцы. Испанцы только привозили на продажу свои произведенія и пріѣзжали контрабандисты, которые скупали здѣсь товары, запрещенные въ Испаніи; эти контрабандисты составляли особый классъ людей: рѣшительные, мужественные, вѣрные въ словѣ, они пріобрѣтали уваженіе, какъ своею честностью въ сдѣлкахъ, такъ и удивительною смѣлостью. Зная въ совершенствѣ мѣстность, они пускались съ товарами въ такіе опасные проходы, куда никто за ними не отваживался гнаться. Одежда испанцевъ, разумѣя національную, очень живописна: круглая соломенная шляпа съ большими полями и кистями, куртка съ наплечниками изъ позумента, большія пуговицы, шелковый широкій поясъ, бархатныя панталоны, обшитые золотыми шнурками, застегнутыя до верху на крючки, кожанные штиблеты, обхватывающіе тѣсно статную ногу, и вдобавокъ эпанча, въ которую они завертываются очень ловко, довершаетъ весь ихъ нарядъ.

Простоявъ четверо сутокъ въ Гибралтарѣ, мы снялись съ якоря, и съ сожалѣніемъ оставили эту южную страну, гдѣ такъ тепло, такъ пріятно, такъ свободно дышется, но все же наша угрюмая, холодная родина съ ея неурядицей, безправіемъ, была милѣе всѣхъ странъ свѣта, и даже тѣмъ болѣе мила, чѣмъ болѣе она тогда страдала или, по крайней мѣрѣ, таковы были мои убѣжденія.

Офицеры надавали намъ много писемъ къ своимъ роднымъ въ Англію, зная, что мы идемъ въ Плимутъ, гдѣ обѣщали намъ много удовольствій, что по ихъ рекомендаціи, конечно, и было бы, ибо со многими изъ нихъ мы сошлись почти дружески. Къ сожалѣнію, эти ожидаемыя удовольствія не осуществились.

Плаваніе наше продолжалось дней десять, бурь не было, только помню страшную зыбь (волненіе безъ вѣтра) и штиль, что составляетъ одно изъ самыхъ непріятныхъ положеній въ морѣ. Былъ также страшный туманъ, продолжавшійся почти цѣлый день, въ продолженіи котораго безпрестанно звонили въ колоколъ и били барабаны. Наконецъ, подулъ вѣтеръ и мы увидали Лизардскіе маяки на англійскомъ берегу, но, не рѣшаясь ночью идти на рейдъ по одному изъ проходовъ устроеннаго бракъ-ватера (плотина для охраненія рейда отъ южныхъ бурь), мы остались въ дрейфѣ до разсвѣта. На разсвѣтѣ пошли къ Эдинстонскому маяку и потребовали лоцмана, съ которымъ и прошли на рейдъ. Но тутъ подъѣхалъ къ намъ карантинный чиновникъ и объявилъ фрегату 5-ти-дневный карантинъ, какъ пришедшему изъ Средиземнаго моря. Пять дней прошли, но карантинъ не снимался, въ ожиданіи разрѣшенія изъ Лондона. Нашъ консулъ въ Лондонѣ писалъ къ командующему фрегатомъ, что повелѣніе послано о нашемъ освобожденіи, но оно еще не приходило. Такимъ образомъ, простоявъ до 30 августа въ этомъ заключеніи, мы расцвѣтились флагами, при многолѣтіи сдѣлали 21 выстрѣлъ, а вечеромъ снялись съ якоря, не побывавъ въ Плимутѣ; это другое уже разочарованіе для насъ; прошлый годъ мы не вошли въ исланд-

скій портъ Рейкіявикъ, по трусости капитана, а теперь посмотрѣли издали на Плимутъ и ушли. Если по причинѣ карантина на фрегатѣ не было посѣтителей, то, по крайней мѣрѣ, мы имѣли удовольствіе видѣть очень многихъ изъ плимутскаго общества на красивыхъ ботикахъ, безпрестанно скользившихъ подъ парусами около насъ. По изящной одеждѣ и наружности мужчинъ, между которыми было много моряковъ, и красотѣ дамъ и ихъ костюмовъ видно было, что все общество Плимута, которое, зная о насъ по письмамъ своихъ гибралтарскихъ родныхъ, вѣроятно, интересовалось нами.

Миновавъ Эдинстонскій маякъ, мы плыли каналомъ около полутора сутокъ. Въ тѣ же 36 часовъ, при попутномъ вѣтрѣ, оставивъ Голонерскіе маяки, мы пробѣжали все Нѣмецкое море и на другой день послѣ обѣда увидѣли Ютландію; а затѣмъ Норвегію. Насъ снесло теченіемъ къ югу. Дней черезъ пять, безъ всякихъ приключеній, стали на якорь въ Копенгагенѣ, гдѣ увидѣли нашу эскадру, пришедшую изъ Архангельска подъ командою капитана 1-го ранга Китаева, который, по слухамъ, дѣлалъ очень выгодныя дѣла въ Копенгагенѣ, продавая русскую тяжеловѣсную мѣдную монету, на вѣсъ, по очень дорогой цѣнѣ.

На кораблѣ ѣхалъ изъ Архангельска презабавный ручной медвѣженокъ, проворно влѣзавшій по вантамъ до салинга, но зато оттуда спускавшійся внизъ тихо и осторожно, показывая ворчаньемъ своимъ, что понимаетъ опасность свалиться съ такой высоты.

Въ Копенгагенѣ, за ожиданіемъ попутнаго вѣтра, простояли четверо сутокъ. Конечно, не скучно провели

это время, часто посѣщаемые гостями очень пріятными, и сами часто съѣзжали на берегъ.

Какъ только вѣтеръ сталъ благопріятенъ, мы отправились. Прошли Борнгольмъ, потомъ Эландъ, Готландъ и направились къ Дагерорду, границѣ Финскаго залива и Балтійскаго моря. Вдругъ послѣ обѣда съ марса даютъ знать, что видѣнъ маякъ; всѣ возрадовались, полагая, что видѣнъ дагерордскій маякъ, но черезъ нѣсколько времени, по наступленіи темноты, убѣдились, что маякъ, нами видѣнный, былъ вертящійся, а такъ какъ дагерордскій маякъ былъ постоянный, то мы сначала думали, что не устроенъ ли вновь маякъ вертящійся, но потомъ разсудили, что этого не могло быть, ибо въ такомъ случаѣ было бы вездѣ публиковано о перемѣнѣ. Потомъ уже изъ лоцій мы увидѣли, что одинъ только вертящійся маякъ на этихъ берегахъ — былъ маякъ филзандскій, при входѣ въ Рижскій заливъ. Это показало намъ, какъ много насъ снесло къ югу теченіемъ изъ Ботническаго залива; это могло только произойти отъ того, что все время плаванія Балтійскимъ моремъ, за пасмурной погодой, нельзя было дѣлать обсервацій и точно, астрономически, опредѣлить свое мѣсто. Положеніе было нехорошо; филзандскій маякъ, по указанію лоціи, опасно было видѣть съ палубы, а мы теперь съ палубы видѣли его ясно. Вѣтеръ совершенно затихъ къ ночи, а теченіе дѣлало свое дѣло, и по лоту, безпрестанно бросаемому, глубина постепенно уменьшалась. Опасность приткнуться къ мели какою нибудь частью фрегата, потомъ обмелѣть совершенно, и затѣмъ, при наступленіи бури, разбиться, представлялась всѣмъ. Капитанъ созвалъ со-

вѣтъ и рѣшено было бросить якорь, но это было также рисковано, потому что съ положеніемъ якоря, фрегатъ долженъ былъ поворотиться противъ теченія во всю свою длину и могъ кормой уже врѣзаться въ песокъ. При этомъ безвыходномъ положеніи Божественное Провидѣніе спасло насъ. Въ то самое время, какъ совѣтъ находился въ каютъ-кампаніи, вахтенный лейтенантъ послалъ ставить бомъ-брамсели (самые верхніе малые паруса), такъ какъ поверхность моря зарябилась и вѣтерокъ подулъ съ берега; фрегатъ тронулся, и мы были спасены. Всѣ перекрестились и вздохнули свободно. Потомъ вѣтеръ засвѣжѣлъ, убрали лисели и даже бомъ-брамсели, и утромъ уже прошли Дагерордъ, а въ 3 часа пополудни бросили якорь на кронштадтскомъ рейдѣ.

Какое наслажденіе послѣ трехъ-мѣсячнаго отсутствія увидѣть родные берега. Вѣтерокъ былъ попутный, такъ что на фрегатѣ водворилось полное спокойствіе; на бакѣ матросы, собравшись въ кучу, пѣли тихимъ голосомъ родныя пѣсни; вода подъ водорѣзомъ бѣлой пѣной струилась по бокамъ фрегата и своимъ журчаньемъ точно вторила ихъ пѣсни; офицеры расхаживали на палубѣ, съ удовольствіемъ посматривая на берегъ; вдали уже выплывали изъ лона водъ верхушки безчисленныхъ мачтъ торговыхъ кораблей кронштадтской гавани. Наконецъ, мы вошли на рейдъ, раздались пушечные выстрѣлы салюта, подтянулись фестонами паруса, упали реи, побѣжали по вантамъ и реямъ, и вся эта огромная масса парусовъ на трехъ мачтахъ исчезла въ одно мгновеніе. Затѣмъ упалъ якорь, и фрегатъ, описавъ кругъ, остановился, какъ конь у искуснаго всадника. Прощай, морская жизнь, прощай, океанъ, со своими

грозными прелестями и высокими поэтическими наслажденіями! И дѣйствительно, съ океаномъ я прощался навсегда, но воспоминаніе о немъ никогда не изгладится въ душѣ.

Сколько, поистинѣ, красоты въ этой безграничной поверхности его, или изрытой яростными волнами, или тихой и гладкой, какъ безконечное зеркало, отражающее безконечное небо, каждое его облачко со всѣми переливами цвѣтовъ и тѣней! Какая красота въ этихъ грозныхъ волнахъ, среди которыхъ какъ бы особенною яростью отмѣчается такъ называемый девятый валъ, когда онъ, приближаясь съ ревомъ, потрясаетъ корабль, высоко воздымаетъ его на своемъ хребтѣ и затѣмъ низвергаетъ въ бездну, какъ въ могилу. Ночь въ океанѣ—это верхъ красоты, хотя и грозной. Она, точно, грозна. Одну непроницаемую тьму какъ будто проникаетъ глазъ и въ этой тьмѣ мелькающія фосфорическимъ блескомъ бѣлыя вершины валовъ. Одинъ только ихъ ревъ поражаетъ слухъ и никакихъ другихъ звуковъ, развѣ только, изрѣдка, прорѣжетъ этотъ ревъ и мракъ рѣзкій свистокъ боцмана, передающій команду лейтенанта. Человѣкъ сознаетъ вокругъ безчисленныя зіяющія могилы и отъ нихъ отдѣляетъ его одна утлая доска! Но тутъ-то во всей силѣ является величіе Божіе, и „гласъ Его надъ водами многими“, какъ говоритъ святое писаніе; это гласъ Бога слышится здѣсь ясно и тутъ-то, среди этого страшнаго величія, человѣкъ ощущаетъ ту всемогущую руку, которая „морю положила предѣлъ“ и которая, держа въ своей длани безпредѣльную вселенную, въ благости своей хранитъ надъ этой бездной человѣка, эту ничтожную песчинку его творенія, среди

сѣни смертной. Да, но эта разумная песчинка дороже для Него всей громадной вселенной, только Имъ вѣчнымъ разумомъ и для разума сотворенной. Пословица говоритъ: кто въ море не бывалъ, тотъ Богу не маливался.

Эти морскія компаніи такъ пристрастили насъ къ морю, что мы съ братомъ, желая обширнѣйшей практики, рѣшились вступить на службу въ американскую компанію, которой дана была привиллегія имѣть командирами своихъ судовъ офицеровъ императорскаго флота; этимъ офицерамъ во все время этой службы производилось половинное жалованье и считалась служба коронная. Къ тому же, шагистика, которая была намъ не по вкусу, много усиливала нашу рѣшимость. Мы стали хлопотать въ управленіи компаніи и чрезъ рекомендацію нѣкоторыхъ изъ нашихъ друзей, знакомыхъ съ членами управленія, намъ удалось достигнуть цѣли. Насъ приняли на службу, отправляли на счетъ компаніи въ колонію и тамъ намъ поручались въ командованіе компанійскія суда, которыхъ плаваніе продолжалось съ перерывами почти по году. Контрактъ уже былъ заключенъ, намъ назначалось по 5,000 рублей ассигнаціи жалованья, такъ что, съ экономіей, мы могли заработать себѣ и своему семейству порядочный капиталъ. Окончивъ тутъ это дѣло, мы подали прошеніе по начальству объ откомандированіи насъ на службу въ американскую компанію, на что нужно было какъ для офицеровъ гвардейскаго экипажа, рѣшеніе государя. Въ то же время мы подали рапортъ объ отпускѣ на 4 мѣсяца, чтобы проститься съ матушкой и сестрами, не ожидая отказа въ такомъ откомандированіи, которое

было общимъ правомъ каждаго морскаго офицера, если компанія имѣла свободное мѣсто и была согласна на опредѣленіе.

Отпускъ нашъ не замедлилъ разрѣшиться и мы стали къ нему готовиться съ особеннымъ восторгомъ.

Братъ мой, 18-ти-лѣтъ, уже былъ Владимірскимъ кавалеромъ за наводненіе, въ этомъ году 7-го ноября случившееся; сверхъ того онъ сдѣлалъ кампанію на кораблѣ „Эмгейтенъ", отвозившемъ вел. кн. **Николая Павловича** съ семействомъ въ Ростокъ. Я же въ этомъ году сдѣлалъ кампанію въ Брестъ и Гибралтаръ, слѣдовательно все это вмѣстѣ взятое представляло неистощимый запасъ для разсказовъ и разговоровъ въ семьѣ, которой счастье и радость мы заранѣе себѣ представляли. Получивъ въ походѣ заграничное жалованье, у насъ скопилась такая сумма, что мы могли обмундироваться какъ слѣдуетъ и сшили себѣ шинели изъ хорошаго сукна, подбитыя левантиномъ,—это была дань современному франтовству. Но прежде еще нашего отъѣзда случилось знаменитое наводненіе 7-го ноября, въ которомъ братъ мой игралъ довольно видную роль, и о которомъ нельзя не упомянуть.

Наводненіе 1824 года 7-го ноября началось въ ночь съ 6-го на 7-е. 6-го числа былъ сильный западный вѣтеръ, который затѣмъ превратился въ страшную бурю, такъ что теченіе Невы остановилось и вода стала заливать берега. Въ вечернемъ приказѣ, я былъ назначенъ дежурнымъ по баталіону, а братъ мой дежурнымъ на императорскій катеръ, стоявшій противъ дворца у дворцовой набережной. Когда я шелъ отъ Калинкина моста, гдѣ мы жили, въ казармы, по набережной Мойки,

то едва не былъ сбитъ съ ногъ силою урагана, такъ что, державшись только за перила изо всей силы, могъ подвигаться. Вода уже била фонтанами изъ всѣхъ водосточныхъ трубъ, заливая улицы и захватывала всѣхъ пѣшеходовъ, которые должны были по водѣ спѣшить къ своимъ домамъ или своимъ должностямъ. Всего болѣе было жаль бѣдныхъ дамъ, захваченныхъ этимъ внезапнымъ разливомъ. По мѣрѣ подъема воды стали показываться по улицамъ лодки и одна изъ нихъ съ флигель-адъютантомъ Германомъ направилась въ наши ворота и этимъ проливомъ пристала къ каменной лѣстницѣ, гдѣ вода стояла уже на 5-й ступени изъ нижняго въ верхній этажъ. На этой лодкѣ отправилось нѣсколько матросовъ съ офицерами для поданія помощи въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ Невѣ вода поднялась уже выше набережной; ураганъ страшно свирѣпѣлъ, волненіе на Невѣ сдѣлалось громаднымъ, плыть внизъ по рѣкѣ уже не было возможности, все несло вверхъ противъ теченія. Когда противъ дворца показалась сѣнная барка, уже вполовину затопленная и люди кричали и просили помощи, государь, увидѣвъ ихъ изъ окна бѣдствующихъ, послалъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, который въ этотъ день былъ дежурнымъ, приказать катеру снять этихъ несчастныхъ. Генералъ передалъ приказаніе брату моему, командиру катера, который, сѣвъ на казачью лошадь, располагалъ подъѣхать къ катеру, такъ какъ у дворца вода была выше пояса; но когда онъ увидѣлъ, что генералъ тоже располагаетъ направиться къ катеру, то соскочилъ въ воду и они оба по поясъ въ водѣ, страшно холодной, достигли катера и взошли въ него. Барка уже много подалась вверхъ

противъ теченія и когда люди были спасены, катеръ поворотилъ ко дворцу, такъ какъ ему приказано было снять этихъ людей. Но когда 18 человѣкъ силачей гребцовъ начали грести, то катеръ не подавался ни на шагъ. Братъ мой, управлявшій рулемъ, крикомъ поощрялъ гребцовъ навалиться (терминъ морской), но всѣ ихъ усилія были тщетны и когда уже сломалось нѣсколько веселъ, и катеръ, не смотря на всю силу 18 могучихъ веселъ, несло вверхъ противъ теченія, братъ доложилъ генералу, что внизъ они уже плыть не могутъ, а надо поворотить по вѣтру и гдѣ будутъ погибающіе, то подать имъ помощь. Генералъ долженъ былъ согласиться съ этимъ доводомъ, не смотря на то, что былъ въ одномъ мундирѣ, такъ же какъ и братъ, и что они промокли до костей. Если они спаслись отъ смертельной простуды, то обязаны были этимъ, конечно, сильному нервному возбужденію и физическимъ усиліямъ при удержаніи катера, когда онъ долженъ былъ останавливаться для снятія погибавшихъ въ разныхъ мѣстахъ. Такъ имъ посчастливилось спасти нѣсколько человѣкъ въ сальномъ буянѣ, на Петербургской сторонѣ. Не видя уже болѣе утопавшихъ или бывшихъ въ опасности, они рѣшились дать отдохнуть отъ чрезмѣрныхъ усилій матросамъ и дать обсушиться какъ себѣ, такъ и имъ, потому что одежда ихъ была такъ мокра, что какъ будто они сейчасъ только вытащены были изъ глубины. Брызги валовъ, безпрестанно вершинами своими поддававшихъ въ катеръ и обливавшихъ людей съ головы до ногъ, не давали возможности даже бурному вѣтру хоть сколько нибудь просушить ихъ. Они подъѣхали къ одному дому на Петербургской сторонѣ, ко-

тораго верхній этажъ былъ еще свободенъ отъ затопленія; но какъ входа въ домъ нигдѣ не было, то генералъ разрѣшилъ выбить одно изъ оконъ. Толстую доску называемую сходней, которая кладется съ катера на берегъ для входа, нѣсколько разъ раскачали матросы и такъ сильно ударили ею въ окно, что обѣ рамы съ трескомъ вылетѣли въ комнату. Квартира эта принадлежала одному очень милому, по отзывамъ брата, семейству, сколько помнится, Огаревыхъ. Они приняли ихъ, конечно, съ большимъ радушіемъ и самымъ нѣжнымъ участіемъ; снабдили сухимъ бѣльемъ, халатами, такъ какъ мундиры ихъ были совершенно мокры, напоили чаемъ съ ромомъ, а также команду и спасенныхъ людей. Къ утру буря стихла и они отправились во дворецъ. Когда генералъ Бенкендорфъ доложилъ государю обо всемъ, что было ими сдѣлано, и отозвался съ похвалою о мужествѣ и распорядительности брата, какъ командира катера, государь приказалъ точасъ же надѣть на него орденъ Владиміра 4-й степени. Братъ, 18-лѣтній юноша, никакъ не хотѣлъ надѣть крестъ, отговариваясь, безъ сомнѣнія отъ искренняго сердца, что ничего не сдѣлалъ достойнаго такой награды, но генералъ сказалъ: „не ваше дѣло, молодой человѣкъ, разсуждать, когда государю угодно васъ наградить". Помнится, что Бенкендорфъ получилъ табакерку съ портретомъ государя, и разсказывали, не знаю, правда ли, что ему зачтенъ какой-то значительный казенный долгъ. Когда же братъ вернулся съ караула, съ какимъ восторгомъ я и всѣ товарищи узнали о его подвигѣ и наградѣ, но когда мы со службы пришли домой, то въ квартирѣ своей нашли страшное опустошеніе: мебель,

платье, бѣлье, все было почти уничтожено. Не смотря на то, мы посовѣстились записаться въ списокъ пострадавшихъ отъ наводненія, которымъ повелѣно было выдать пособіе, соотвѣтственно потерѣ каждаго. Сколько было несчастныхъ, которые болѣе насъ нуждались въ пособіи отъ казны. Списки составлялись по всѣмъ пострадавшимъ частямъ города; такъ какъ мы жили у Калинкина моста въ низовьяхъ рѣки, то вода въ нашихъ комнатахъ стояла выше роста человѣка; фортепьяно нашего товарища Бодиско обратилось въ лодку, потому что плавало въ комнатѣ со всѣмъ тѣмъ, что на немъ стояло.

У многихъ домовъ, какъ оказалось утромъ, фундаменты были подмыты и еслибъ это наводненіе продолжилось дня два или три, то можно было ожидать страшнаго паденія многихъ зданій. Бертовскій пароходъ, чуть ли не первый и не единственный въ то время перевозившій пассажировъ въ Кронштадтъ, занесенъ былъ на Царицынъ лугъ и тамъ обмелѣлъ.

На другой день назначены команды изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ при офицерахъ убирать расплывшіеся лѣса и другой хламъ, занесенный на улицы. Особенно пострадала Галерная гавань, гдѣ жители низкихъ домиковъ и подвальныхъ квартиръ сдѣлались первыми и самыми многочисленными жертвами. Грустно было смотрѣть, когда попадались трупы утопленниковъ, а также видѣть несчастныхъ бѣдняковъ, оставшихся въ живыхъ и потерявшихъ все свое скудное имущество. Государь самъ ѣздилъ по всѣмъ наводненнымъ мѣстамъ, утѣшалъ пострадавшихъ, обѣщая имъ помощь, и поистинѣ уподоблялся ангелу утѣшителю. Какъ ни клеветала

на него злоба людей, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ его стремленія были возвышенными стремленіями, что сердце его было полно любви къ человѣчеству, а недостатки и слабости, какіе онъ могъ имѣть какъ человѣкъ, и промахи или фальшивыя убѣжденія въ управленіи, — съ избыткомъ искупились прекрасными, высокими качествами его благороднѣйшей души. Онъ умеръ въ вѣрѣ, съ покаяніемъ и любовью къ Господу, приложивъ къ сердцу животворящій крестъ Господень.

Я не говорю уже о его очаровательномъ и мягкомъ обращеніи со всѣми: когда онъ увидѣлъ моего брата съ командой матросовъ на работахъ, онъ съ улыбкою спросилъ, сейчасъ-же узнавъ его: „а почему ты безъ креста?“ Братъ, растерявшись отъ неожиданной встрѣчи и вопроса, отвѣчалъ: „не успѣлъ надѣть, ваше величество!“ На работы съ командою офицеры выходили въ старыхъ мундирахъ и запросто, не ожидая встрѣтиться лицомъ къ лицу съ государемъ.

IX.

Второй отпускъ.

Дорога.—„Ямы“.—Свиданіе съ родными.—Новый годъ.—Новое увлеченіе.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Плаваніе.—Адмиралъ Кроунъ.—Столица въ Ревелѣ.—Прогулки.—Кронштадтъ.—Смотръ.—Прощанье съ адмираломъ Кроуномъ.—Окончаніе кампаніи.

Усѣвшись въ перекладную, рогоженную и дырявую кибитку, мы проѣхали заставу. Отвязанный колоколь-

чикъ зазвенѣлъ, оглашая своими переливами снѣжную равнину, и какъ это былъ уже поздній вечеръ, то эти однообразные звуки невольно навѣвали на насъ сонъ, перепутанный пріятными мечтами. Мы были въ старыхъ шинеляхъ, и какъ въ щели кибитки проникалъ вѣтеръ и въ то же время былъ сильный морозъ, то, конечно, сонъ нашъ не былъ ни сладокъ, ни покоенъ и мы очень обрадовались, когда ямщикъ погналъ тройку и вдругъ остановился у станціи. На станціи въ освѣщенной и теплой комнатѣ мы увидѣли нашего товарища мичмана Дейера, очень красиваго и милаго юношу, который на слѣдующее лѣто былъ назначенъ въ дальнее плаваніе, гдѣ и кончилъ свою молодую жизнь, убитый въ Японіи, которая тогда еще не была тѣмъ, чѣмъ она стала нынѣ. Помню, что когда онъ увидѣлъ насъ прозябшими, то передалъ намъ свой опытъ выпить стаканъ или два пива передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ кибитку; мы это сдѣлали и, дѣйствительно, болѣе половины станціи не чувствовали холода.

Въ тѣ времена по дорогѣ между Петербургомъ и Москвой тянулись большія селенія, называемыя ямами, жители которыхъ занимались извозомъ и гоньбою, помимо почтоваго сообщенія. Это былъ ихъ промыселъ, доставлявшій имъ отличный заработокъ, такъ что всѣ ямы были очень богаты. Они имѣли превосходныхъ крѣпкихъ лошадей и дѣлали станціи по 60 верстъ, передавая одинъ другому до самаго мѣста. Ѣзда ихъ была чрезвычайно скорая, потому что они обыкновенно ѣзжали большою крупною рысью, и какъ пробѣгали три станціи вмѣсто одной почтовой, то всегда почти доставляли на мѣсто раньше почтовыхъ. Мы имѣли подо-

рожную и потому ѣхали на почтовыхъ, но какъ часто случалось на станціяхъ ждать лошадей, то въ такомъ случаѣ мы брали вольныхъ. Ѣзда на вольныхъ нѣсколько тяжела, по причинѣ большихъ переѣздовъ, что при сильныхъ морозахъ и не очень теплой одеждѣ было несовсѣмъ удобно; почтовыя же станціи были небольшія, лошади превосходныя и ямщики лихіе. Когда тройка бывало проносилась во весь духъ по селенію, всѣ окна приподнимались любопытными и выставлялись женскія лица.

Когда мы пріѣхали въ Новгородъ и расположились пить чай, къ намъ зашелъ за прогонами ямщикъ высокаго роста и весьма угрюмой наружности, такъ что мы съ братомъ переглянулись. На этой станціи бòльшая часть дороги шла лѣсами. На половинѣ дороги мы увидѣли, что изъ лѣсу съ правой стороны вышли три человѣка и прямо подошли къ нашей повозкѣ, съ которой нашъ ямщикъ соскочилъ, пустивъ лошадей шагомъ, а самъ позади повозки пошелъ съ ними. Не знаю, о чемъ они разговаривали, но мы, конечно, нѣсколько оробѣли, бывъ увѣрены, что это разбойники. Вытащивъ изъ подъ сидѣнья свои пистолеты, мы приготовились защищаться въ случаѣ нападенія; но чтобы не подать вида, что мы боимся ихъ, приказали ямщику ѣхать; онъ отвѣчалъ: „пусть лошади вздохнутъ, ваше благородіе, маленько!“ Спустя еще нѣсколько минутъ, мы уже повелительнымъ голосомъ закричали ему, чтобы онъ ѣхалъ. Тогда онъ сѣлъ на облучекъ и въ то же время съ нимъ рядомъ помѣстился одинъ изъ подошедшихъ, другой прицѣпился сзади, а третій сталъ на отводы и ямщикъ поѣхалъ хорошею рысью. Мы, конечно, все это время были въ

тревогѣ, держа пистолеты съ взведенными курками. Наконецъ, мы выѣхали изъ лѣсу и передъ нами лежалъ Волховъ. Можетъ быть это была наша фантазія, что и вѣроятно, но мы подумали, что они хотятъ опустить насъ въ прорубь, когда справятся съ нами. Приблизившись къ мосту, мы съ радостью увидѣли въѣзжавшую на мостъ большую повозку, которой лошади не могли взять по деревянному помосту, ведущему на мостъ. Мы также остановились и нашъ ямщикъ, какъ и всѣ мы, стали помогать лошадямъ. Въ то время его товарищи уже исчезли; когда они соскочили—мы не замѣтили. Нагнанный нами былъ гвардейскаго драгунскаго полка штабсъ-капитанъ Мельгуновъ. Теперь уже мы продолжали свой путь вмѣстѣ съ нимъ.

Помнится, что въ Москвѣ мы остановились на Гороховомъ полѣ въ домѣ гр. Разумовскаго, у одного изъ уполномоченныхъ по дѣламъ графа, съ которымъ я былъ знакомъ черезъ И. М. Ф., и который бывалъ часто у матушки въ Ершовѣ.

Пробывъ здѣсь очень короткое время, мы выѣхали изъ Москвы и безъ особенныхъ приключеній проѣхали всю дорогу; только за нѣсколько станцій съ нами случилось очень непріятное происшествіе, не столько непріятное для насъ, сколько для бѣднаго ямщика. На одномъ переѣздѣ, ямщикъ вздумалъ сократить путь, причемъ нужно было переѣзжать небольшую рѣчку. При наступившей оттепели, ледъ въ рѣчкѣ былъ уже довольно тонокъ, но русское авось заставило его попробовать счастье. Только что въѣхали мы на середину рѣчки, какъ лошадь провалилась; легкія сани опустились очень мало и мы успѣли выскочить на ледъ, кото-

рый насъ сдержалъ, но уже лошади погрузились по шею и не могли двигаться. Несчастный молодой парень, погруженный по поясъ въ зимнюю воду, съ воплемъ отчаянія сталъ отпрягать лошадей; но руки у него окоченѣли и онъ не могъ ничего сдѣлать. Его плачъ и вопль раздирали сердце. Мы съ братомъ съ большою опасностью перебрались по трещавшему подъ ногами льду и отправились въ ближайшую деревню за помощью. Хотя это было около полночи, но разбуженные крестьяне немедленно отправились съ досками и веревками и кой-какъ спасли лошадей и ямщика. Бѣднякъ съ плачемъ и воемъ отправился на печь, и если впослѣдствіи не схватилъ горячки, то развѣ только благодаря своей русской желѣзной натурѣ. Въ Ершово мы и этотъ разъ пріѣхали ночью. Двери уже были заперты, но когда мы постучались и назвали себя, то человѣкъ нашъ Петръ, спавшій въ прихожей, засуетился и, прежде нежели отворить намъ дверь и зажечь свѣчку, побѣжалъ въ дѣвичью, чтобы разбудить матушку и сестеръ. Онѣ вскочили съ постелей въ кофточкахъ и въ темнотѣ, ощупью, начались наши восторженныя объятія; когда же подали свѣчи, то объятія и поцѣлуи нѣжной, счастливой семьи возобновились съ новою силою. Да, подобныхъ минутъ счастія немного приходится на долю людей. Часто, конечно, случаются свиданія, разлуки, объятія и лобызанія, но не очень часто въ сжатыхъ объятіяхъ бьется сердце съ такою нѣжною любовью, съ какою оно билось во всѣхъ насъ, особенно сердце нѣжнѣйшей матери, обнимавшей своихъ двухъ сыновей, тогда еще бывшихъ ея отрадой, опорой, гордостью, отъ которыхъ она

ожидала долгаго и долгаго счастія и утѣшенія! Но, увы! ея ожиданія не должны были исполниться.

Когда въ Васильевкѣ узнали о нашемъ пріѣздѣ, то тотчасъ же присланъ былъ нарочный съ письмомъ, въ которомъ поздравляли матушку и сестеръ съ нашимъ пріѣздомъ и въ то же время звали всѣхъ насъ пріѣхать погостить къ нимъ. Въ эту нашу поѣздку случилась помолвка Надежды Васильевны, той самой, которая была предметомъ моей первой юношеской любви. Она была обручена съ отставнымъ гвардейскимъ офицеромъ М., служившимъ въ Варшавѣ, въ волынскомъ полку, и вышедшимъ въ отставку вслѣдствіе какой-то грубой выходки со стороны в. к. Константина Павловича. Это былъ человѣкъ очень умный, образованный и очень пріятный, съ которымъ впослѣдствіи мы сошлись дружески. По случаю этого сватовства, въ Васильвкѣ были безпрестанно гости, безпрерывныя удовольстія и танцы почти каждый вечеръ и особенно на новый 1825 годъ. Теперь, конечно, уже не было той счастливой случайности, которая доставила мнѣ въ первый мой отпускъ столько счастливыхъ восторженныхъ минутъ. Конечно, я впрочемъ и тогда, при всемъ увлеченіи, сознавалъ, что юношѣ въ 17 лѣтъ только и можетъ быть доступна одна восторженная, безкорыстная и идеальная любовь, которой все упоеніе состоитъ въ томъ, чтобы любоваться милымъ предметомъ, услаждаться звуками его голоса, очарованіемъ чудныхъ черныхъ глазъ, граціей движеній и невыразимою прелестью симпатично-дружескаго общенія, и только. Слѣдовательно, когда первая моя любовь теперь перешла въ область пріятныхъ воспоминаній и сердечныхъ пожеланій предмету перваго моего увлече-

нія всевозможнаго счастія, позволительно было увлечься снова, что и случилось. Тутъ была очень юная и прелестная блондинка, ея двоюродная сестра, Е. А. Н., которая была, поистинѣ, очаровательна и теперь должна была занять всецѣло мое сердце, не терпѣвшее пустоты. Поэтому при теперешнихъ танцахъ я очень много танцовалъ съ нею и особенно котильонъ, танецъ наиболѣе благопріятный для влюбленнаго. Я долженъ сознаться, что уже былъ дѣйствительно влюбленъ. Въ свое оправданіе скажу, что я почти не могъ не влюбиться, потому что ея прелестныя черты лица, голубые, какъ небо, глаза, чудныя каштановыя кудри, благовонными волнами падавшія по плечамъ, все это было неотразимо увлекательно. Можетъ быть, эта любовь могла бы остаться надолго, навсегда, такъ какъ уже четыре года прибавились къ моимъ прежнимъ годамъ и такъ какъ я мечталъ, что, можетъ быть, какое нибудь симпатическое чувство задѣло бы и ея юное и прекрасное сердце, но, увы! среди упоенія счастія, когда пробила полночь, раздались поздравленія съ новымъ годомъ, съ новымъ счастіемъ, зазвенѣли бокалы съ шампанскимъ, раздались поцѣлуи родныхъ, друзей, цѣлованіе прелестныхъ ручекъ, — новый этотъ годъ былъ годъ роковой, для многихъ сокрушившій не только мечты о счастіи, но и самое счастье повергшій во прахъ!

Братъ былъ моложе меня тремя годами, а потому и предметомъ его была избрана очаровательная младшая дочь Василія Александровича; но ей тогда едва еще было 15 лѣтъ. Итакъ эта зима, какъ нарочно, была для насъ тѣмъ счастливѣе и радостнѣе, чѣмъ большему удару она была таинственной предвѣстницей.

Послѣ праздниковъ мы уѣхали домой и ожидали утвержденія государя, чтобъ отправиться въ Америку, какъ я уже упоминалъ прежде; но вотъ получается бумага изъ нашей канцеляріи, въ которой читаемъ отказъ на наше прошеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что объ офицерахъ гвардейскаго экипажа нельзя представлять государю императору. Это извѣстіе было для насъ роковымъ, но нечего было дѣлать, какъ покориться. Мечты объ океанѣ, о возможности пріобрѣсть что нибудь для себя и матери разлетѣлись, осталась одна дѣйствительность очень неутѣшительная, дѣйствительность, отъ которой мы и хотѣли бѣжать въ объятія океана, чтобъ не видѣть всего того, что возмущало и раздражало; но тутъ какая-то неодолимая сила влекла насъ именно туда, въ ту пучину, которая должна была поглотить насъ.

Кто имѣлъ нѣжную, добродѣтельную, любимую и любящую безпредѣльно мать, милыхъ, юныхъ, нѣжныхъ, также безпредѣльно любимыхъ и любящихъ сестеръ, кто попадалъ въ этотъ очаровательный кругъ счастья и радостей послѣ многихъ лѣтъ разлуки, тотъ знаетъ съ какою неумолимою быстротою летятъ эти часы, дни, мѣсяцы, унося въ этой быстротѣ все то, что сердце желало бы сохранить вѣчно! Не есть ли и это указаніе на то, что земная наша жизнь только по законамъ вещества временна, а назначеніе нашей внутренней жизни, нашихъ желаній счастья, нашей любви, — вѣчны! Поэтому-то и предѣлъ или конецъ нашихъ сердечныхъ радостей и наслажденій наступилъ такъ быстро, что эти четыре мѣсяца отпуска уже казались какимъ-то мгновеніемъ, какимъ-то пріятнымъ сновидѣніемъ. Тѣ же

драгоцѣнныя, жемчужныя слезы стали заблаговременно скатываться по грустному лицу чудной матери и милыхъ сестеръ, тѣ же приготовленія къ отъѣзду и наконецъ тѣ же сани, въ которыя мы бросились спартански, удерживая свои слезы, и тѣ же лошади, умчавшія насъ, но теперь уже не съ тѣмъ, чтобы сѣдоки ихъ когда нибудь снова вернулись въ этотъ родной пріютъ, чудною любовью согрѣтый и освѣщенный.

По возвращеніи въ Петербургъ, жизнь наша снова потекла своимъ обычнымъ теченіемъ. Во Франціи Лудовикъ XVIII умеръ, на престолъ взошелъ его братъ герцогъ Ангулемскій, тотъ самый, который командовалъ французскимъ корпусомъ, поработившимъ Испанію. Это былъ недолго царствовавшій Карлъ X, о которомъ французы сказали и всѣ мы, либералы, повторяли каламбуръ: „Louis mourut et Charles disparut“. Послѣ нашего плаванія въ Испанію, гдѣ мы видѣли подвижниковъ испанской свободы, гдѣ сошлись съ свободолюбивыми англичанами, гдѣ слушали маршъ Piero и съ восторгомъ поднимались бокалы въ его память, мы, конечно, сдѣлались еще большими энтузіастами свободы. Съ поступленіемъ въ нашу 2-ю дивизію командиромъ в. к. Михаила Павловича, шагистика стала принимать еще большіе размѣры, что еще больше раздражало насъ всѣхъ.

Весною 1825 года нашъ экипажъ былъ назначенъ на флагманскій корабль „Сысой Великій“ въ эскадрѣ адмирала Кроуна. Адмиралъ былъ очень хорошо расположенъ къ нашимъ офицерамъ и каждый день двое или трое изъ насъ были приглашаемы къ его обѣду. Обѣды эти были всегда очень одушевлены живыми разговорами и тостами, которые всегда предлагалъ самъ

адмиралъ. Первымъ тостомъ былъ добрый путь, затѣмъ присутствующіе и отсутствующіе „други“, какъ онъ выражался; затѣмъ здоровье глазъ, плѣнившихъ насъ; здоровье того, кто любитъ кого, и прочіе. Во всѣхъ этихъ здоровьяхъ портвейнъ игралъ главную роль. Къ концу обѣда графины были пусты и часто подавались слѣдующіе, особенно когда обѣдъ былъ болѣе оживленъ. Это былъ чудный, милый, добрѣйшій адмиралъ, истинный морякъ во всѣхъ своихъ суставахъ съ ногъ до головы. Не смотря на свои 70 лѣтъ, ему ничего не значило взбѣжать на салингъ, на самую верхнюю часть мачты, когда нужно ему было обозрѣть горизонтъ или какія нибудь суда, и тогда за нимъ на горденкѣ (тонкая веревка) поднималась труба. Онъ былъ очень пылокъ и сильно горячился, когда что нибудь не такъ дѣлалось въ маневрахъ. Однажды, во время сильной бури, матросы нѣсколько замялись, когда скомандовано было по марсамъ для уборки парусовъ; онъ страшно разгорячился и перваго попавшагося ему на глаза офицера послалъ на марсъ, показать примѣръ командѣ, которая послѣ, конечно, была наказана сугубымъ, повтореннымъ много разъ ученьемъ, надъ парусами. Офицеръ этотъ былъ мой братъ. Послѣ многихъ недѣль плаванія, эволюцій и маневровъ, съ артиллерійскими ученьями и примѣрными сраженіями, при одномъ изъ которыхъ одному несчастному канониру оторвало банникомъ обѣ руки, адмиралъ подалъ сигналъ рандеву-Ревель. Вся эскадра отправилась въ Ревель и стала на якорь въ линію. Онъ располагалъ пробыть здѣсь для отдыха недѣли двѣ.

Въ Ревелѣ мы надѣялись насладиться всѣми возмож-

ными удовольствіями. Въ это же время въ Ревелѣ на водахъ была княгиня Екатерина Ѳедоровна Долгорукая, мать князя Василія Васильевича, съ дочерьми, молодыми дѣвочками, Марьей и Варварой Васильевнами; впослѣдствіи старшая М. В. была супругой А. К. Нарышкина, а вторая—князя Владиміра Андреевича Долгорукова, московскаго генералъ-губернатора. При нихъ была m-me Parisot, ихъ воспитательница, о которой я уже упоминалъ. Съ ними также была жившая тогда у княгини Е. М. Арг. очень милая, умная дѣвица, съ прекрасными черными глазами, очень хорошенькая, такъ что это милое и столь близкое намъ, почти родственное общество сулило намъ много пріятнаго. Сестры наши уже были у матушки въ Ершовѣ, а княгиня заграницей.

Въ Ревелѣ, на берегу моря, былъ устроенъ вокзалъ, гдѣ каждый вечеръ собиралось большое общество и гдѣ офицеры эскадры танцовали почти каждый вечеръ, подъ звуки рояля и арфы. Другой музыки не было, да и едва ли обыкновенная инструментальная музыка могла бы замѣнить очаровательные звуки рояля съ арфой. Во время нашей стоянки на рейдѣ Ревеля, случилась страшная буря, такъ что всѣ корабли спустили свои рангоуты (верхнія части мачтъ) и на нашемъ кораблѣ даже сломало бурей форъ-стеньгу. По этому случаю я на катерѣ посланъ былъ на берегъ для приведенія запасной, которую отпустили мнѣ изъ порта. Эта буря не обошлась безъ бѣдствій; но около Ревеля о большихъ несчастіяхъ не было слышно.

Буря все же не мѣшала офицерамъ каждый день съѣзжать на берегъ и, навеселившись и натанцовав-

шись вдоволь, ночью возвращаться на корабль. Эти возвращенія наши по бурному морю, конечно, не были безопасны, но моряки объ этихъ опасностяхъ думаютъ меньше всего. Однажды ночью, во время такого возвращенія, попутные намъ порывы были такъ сильны, что для избѣжанія заливанія шлюпки, съ кормы врывавшимися волнами, былъ спущенъ парусъ. Съ нами возвращался нашъ старшій докторъ Гольсшузенъ, который, хотя и былъ морскимъ докторомъ, но все же не былъ пропитанъ моремъ до костей, какъ моряки, уже посвятившіе себя этой службѣ. Онъ насъ крѣпко смѣшилъ движеніями своей робости, хотя и было чему пугаться не моряку. Приводя въ полвѣтра, когда нужно было пристать къ борту, катеръ нашъ черпнулъ бортомъ, но тотчасъ же отданы шкоты (веревка, растягивающая парусъ) и опасность миновала.

Въ это время въ вокзалѣ мы часто видѣлись съ бывшими здѣсь на водахъ: поэтомъ княземъ П. А. Вяземскимъ, Пущинымъ, командующимъ гвардейскимъ піонернымъ эскадрономъ, и офицеромъ измайловскаго полка А. П. Башуцкимъ, сыномъ петербургскаго коменданта. Мы доставляли себѣ, кромѣ вокзала и танцевъ, и другія удовольствія; ѣздили верхомъ по прелестнымъ окрестностямъ Ревеля, часто гуляли въ прелестномъ Екатериналѣ. Но, къ сожалѣнію, удовольствія наши скоро должны были прерваться. Пушечный, неожиданно раздавшійся выстрѣлъ и поднятый сигналъ приглашалъ всѣхъ бывшихъ на берегу съ эскадры возвратиться на корабли. Прислано было высочайшее повелѣніе немедленно сняться съ якоря и идти въ Кронштадтъ для высочайшаго смотра. На другой день мы

снялись съ якоря. Но прежде этого повелѣнія адмиралъ давалъ балъ ревельскому обществу, которое было довольно многочисленно. Со шканцъ были сняты пушки и все было убрано съ большимъ вкусомъ, такъ что шканцы представляли просторный залъ. Нашъ адмиралъ танцовалъ экосезъ, тогда общій танецъ, неутомимо, всегда, конечно, въ первой парѣ, и выдѣлывалъ всевозможныя тогдашнія па. Плаваніе въ Кронштадтъ продолжалось недолго, но было очень пріятно прибавленіемъ нашего общества тремя петербургскими пассажирами: княземъ Вяземскимъ, Пущинымъ и Башуцкимъ. Знаменитый поэтъ былъ очарователенъ какъ собесѣдникъ; пріятный, остроумный, веселый, онъ оживлялъ наши вахты и нашу каютъ-компанію; говорилъ намъ много своихъ стиховъ, между которыми были и очень либеральныя, согласно нашему вообще всеобщему тогдашнему настроенію. Послѣ смотра мы опять ушли въ море, но уже не заходили никуда и осенью возвратились въ Кронштадтъ, втянулись въ гавань и отправились въ Петербургъ. Но прежде нашего отправленія офицеры корабля давали обѣдъ адмиралу, гдѣ было выпито много шампанскаго, было произнесено множество тостовъ и восторженныхъ овацій доброму адмиралу.

Могло ли кому придти въ голову тогда, что эти самые его офицеры будутъ привезены на этотъ же самый корабль, къ этому же милому ихъ адмиралу, и привезены въ тюремномъ суднѣ, для исполненія имъ самимъ надъ ними приговора!

X.

14-е декабря.

съ 1803 г.

Приступая въ своихъ Воспоминаніяхъ къ описанію этого несчастнаго событія, я считаю нужнымъ сдѣлать краткій очеркъ того времени въ нашемъ отечествѣ, который могъ бы учинить то движеніе, которое должно было, рано или поздно, привести къ чему нибудь подобному, если еще не къ худшему.

Извѣстно, что съ легкой руки нашего великаго преобразователя русское образованное общество, безъ удержу, бросилось подражать всему иноземному, но, къ несчастію, безъ разбора, хорошему и дурному и, какъ показали послѣдствія, болѣе дурному. Первые члены тайнаго общества были большею частью военные, прошедшіе побѣдоносно всю Европу до Парижа. Ознакомившись ближе съ ея цивилизацiей, понятно, что стремленіе учредителей было желать и для Россіи той образованности, той свободы, тѣхъ правъ, какими пользовались нѣкоторыя изъ европейскихъ націй и которыя были дарованы Польшѣ и обѣщаны Россіи. Такимъ образомъ, свободный образъ мыслей и духъ преобразованій, при помощи проникавшихъ запрещенныхъ сочиненій изъ заграницы, перенесся и въ Россію; а какъ прозелиты всегда отличаются ревностью, то и наши тайныя общества, сначала весьма умѣренныя и благонамѣренныя, какъ „Зеленая книга“ (sic) и „Союзъ благоденствія“, мало по малу стали ревностными поборниками револю-

ціи въ Россіи. Составлены были и конституціи: умѣренныя монархическія и радикальныя республиканскія, такъ что въ періодъ времени съ 1820 года до смерти Александра I либерализмъ сталъ уже достояніемъ каждаго мало-мальски образованнаго человѣка. Частыя колебанія самого правительства между мѣрами прогрессивными и реакціонными еще болѣе усиливали желаніе положить конецъ тогдашнему порядку вещей; много также нашему либерализму содѣйствовали и внѣшнія событія, какъ-то: движеніе карбонаріевъ, заключеніе Сильвіо Пелико Австріей; отмѣненный походъ нашей арміи въ Италію, показывавшій, что и Россія была готова слѣдовать за Австріей въ порабощеніи народовъ. Имя Меттерниха произносилось съ презрѣніемъ и ненавистью; революція въ Испаніи съ Ріего во главѣ, исторгнувшая прежнюю конституцію у Фердинанда, приводила въ восторгъ такихъ горячихъ энтузіастовъ, какими были мы и другіе, безотчетно слѣдовавшіе за потокомъ. Въ это же время появилась комедія „Горе отъ ума“ и ходила по рукамъ въ рукописи; наизусть уже повторялись его ѣдкія насмѣшки; слова Чацкаго: „всѣ распроданы по одиночкѣ“ приводили въ ярость; это закрѣпощеніе крестьянъ, 25-лѣтній срокъ солдатской службы считались и были въ дѣйствительности безчеловѣчными. „Полярная Звѣзда“, поэмы: Рылѣева: Войнаровскій и Наливайко, Пушкина „Ода на свободу“, были знакомы каждому и сообщались и повторялись во всѣхъ дружескихъ и единомысленныхъ кружкахъ. Разсказы о различныхъ жестокостяхъ исправниковъ, выбивавшихъ подушные сборы чуть не пытками; анекдоты о жестокостяхъ и безконтрольномъ деспотизмѣ Арак-

чеева; разсказывали также, какъ такой-то помѣщикъ по очереди насильственно лишалъ невинности всѣхъ своихъ подросшихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ. Какъ жестоко нѣкоторые военные начальники и самовластные помѣщики наказывали тѣлесно, забивая иногда людей даже до смерти. Можно себѣ представить, какое потрясающее дѣйствіе производили всѣ эти разсказы, приводимые какъ факты, на умы и сердца!

Всѣмъ также было извѣстно, что въ судахъ, конечно, не безъ исключенія, господствовало кривосудіе; взяточничество было почти всеобщимъ; процессы продолжались до безконечности; кто могъ больше дать, тотъ выигрывалъ; словомъ, все, казалось намъ, приходило въ разстройство и все это, какъ всѣ знали, при лучшемъ и либеральнѣйшемъ императорѣ! Безъ сомнѣнія, онъ былъ чистъ во всемъ, что совершалось дурнаго, о чемъ онъ, конечно, и не зналъ. Такъ всѣ думали и убѣждались въ томъ, что все это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тогдашняго порядка вещей, въ которомъ не признавались ничьи права предъ сильнѣйшимъ; въ которомъ старшій, кто бы онъ ни былъ, всегда былъ не начальникомъ, а властителемъ и господиномъ младшаго, сильный слабаго, богатый бѣднаго; въ которомъ никто не могъ сослаться на свое право, потому что никакого права не было. Казалось бы, дворянство имѣло дарованныя и утвержденная за нимъ права, но еслибъ кто нибудь сослался тогда на эти права, то это было бы сочтено за бунтъ. Такимъ образомъ вся Россія дѣлилась на два разряда: на властителей и рабовъ, по очереди.

Но вотъ прошло только съ чѣмъ нибудь полстолѣтія

и время, нами переживаемое, уже не имѣетъ ни малѣйшаго подобія того, что было тогда. Чѣмъ воздастъ Россія Избраннику Божію, возродившему наше отечество, не по вѣковымъ законамъ постепенности и выжиданія, послѣдствія которыхъ могли быть дурныя, а внезапно по одному движенію своего благороднаго сердца, „согрѣтаго божественнымъ духомъ любви Помазанника Божія“. Кто жилъ тогда и живетъ теперь, тотъ только можетъ вполнѣ видѣть и сознавать ту огромную пропасть, которая легла между прошедшимъ и настоящимъ, сознавать, отъ какого тяжелаго ига освободился русскій человѣкъ! Теперь законъ уже не на одной бумагѣ, но и въ дѣйствіи; ему одинаково подчинены всѣ безъ исключенія: высшіе и низшіе. Самъ верховный законодатель есть его первый исполнитель. Безчеловѣчныя истязанія исчезли; невольникъ освобожденъ и облагороженъ; публичный судъ скорый и правый, по закону и совѣсти, уже не страшитъ невиннаго, какъ тогда; оковы спали, умъ развивается свободно и безъ стѣсненія, слово не запечатано рабскою нѣмотою! Чѣмъ же Россія можетъ воздать, повторяю, своему благодѣтелю и Освободителю? Правда, армія его уже сознала его благодѣянія и возблагодарила его своимъ геройствомъ и неслыханнымъ самоотверженіемъ; народъ также созналъ и возблагодарилъ его безграничною своею любовію, и жертвуя, по зову его, даже своими крохами и самоотверженно провожая своихъ сыновъ на священную войну (1877 г.). Но все же Россія и человѣчество еще остаются у него въ долгу: такъ много онъ для нихъ сдѣлалъ.

Воздавъ должное настоящему, нельзя не остановиться и на современномъ дурномъ, указываемомъ пессимиста-

ми, какъ-то: временная неурядица земскихъ и волостныхъ учрежденій и другихъ злоупотребленій. Правда, встрѣчаются несообразности и въ судахъ, какъ иногда оправданіе присяжными закоренѣлаго вора или убійцу, но все это объясняется, частью, малой развитостью значительнаго числа присяжныхъ и въ этомъ случаѣ, вѣроятно, намѣренно дурно руководимыхъ тѣми изъ нихъ, которые, по образованности своей между ними, должны были ихъ руководить; но все же это рѣдкія исключенія, легко и скоро исправимыя. Къ сожалѣнію, одна часть этой нашей интеллигенціи по религіи, жизни и понятіямъ почти стала реформатскою; вотъ причина холодности и даже презрѣнія (?) ея къ своей православной церкви, единой и истинной святой и непогрѣшимой наставницѣ на путь истинный къ добру и счастію! Этому же равнодушію и незнанію своей религіи надо приписать и успѣхи лордовъ-апостоловъ и другихъ проповѣдниковъ реформатскихъ. Изъ безбожныхъ же ученій того же Запада вышли, наконецъ, и тѣ чудовищныя явленія у насъ и тамъ, которыя въ настоящее время поразили ужасомъ всѣхъ здравомыслящихъ людей...

Изъ приведеннаго очерка видно, что не одно тайное общество, а много другихъ обстоятельствъ производили въ русскомъ обществѣ той эпохи то недовольство и то броженіе, которое выразилось въ происшествіи 14 декабря. Можно сказать даже, что самъ покойный великодушный императоръ Александръ Павловичъ, какъ бы косвенно положилъ ему основаніе. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ либеральнымъ взглядомъ онъ вступилъ на престолъ, какъ старался онъ просвѣтить свой народъ учрежденіемъ повсемѣстныхъ школъ, какъ онъ началъ

освобожденіе крестьянъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, хотя это освобожденіе и оказалось фиктивнымъ; какъ заявилъ онъ въ манифестѣ своемъ, послѣ знаменитой войны, свои желанія и для русскаго народа совершить со временемъ то, что совершилъ онъ тогда для Польши, даровавъ ей представительное правленіе. Хотя при концѣ своего царствованія онъ подпалъ подъ вліяніе, заставившее его измѣнить свое прежнее направленіе, и всѣ прежнія его либеральныя рѣшенія не исполнились на дѣлѣ, но все же умы въ современномъ образованномъ обществѣ уже получили толчòкъ и скоро усвоили себѣ тѣ идеи, которыя въ началѣ своего царствованія и въ славную эпоху самъ онъ возродилъ и которыя потомъ ринулись съ Запада неудержимо въ наши предѣлы. Остановить эту умственную работу онъ уже былъ не въ силахъ. На время только остановилъ ее преемникъ его, императоръ Николай, и то благодаря этому же несчастному 14-му декабря, которое, бывъ задушено, распространило панику на все образованное общество и сдѣлало большую часть его, можетъ быть, лицемѣрно вѣрнѣйшими подданными и ревностными поборниками statu quo. Еслибъ не то несчастное возстаніе, то думаю, что и императоръ Николай пошелъ бы къ тому, что становилось болѣе и болѣе неизбѣжнымъ, то есть къ полному переустройству государства, совершенному теперь великимъ его сыномъ и преемникомъ. Это несчастное происшествіе дало ему другое направленіе.

Чѣмъ сильнѣе дѣйствовала реакція, тѣмъ неудержимѣе было въ умахъ противодѣйствіе. Особенно это замѣтно было въ гвардіи, гдѣ недовольныхъ было множество, да иначе и быть не могло, потому что недо-

вольныхъ составляли всѣ почти мыслящіе образованные люди, которые не могли не видѣть всѣхъ безобразій тогдашняго порядка вещей. Солдатская же служба того времени лучше всего обрисовывается одной солдатской сказкой: солдатъ продалъ свою душу чорту, чтобы онъ выслужилъ за него срокъ; но вотъ скоро чорту въ солдатской шкурѣ отъ палокъ, розокъ и солдатской службы пришлось такъ жутко, что онъ бросилъ ранецъ, ружье, сумку и киверъ къ ногамъ солдата и отказался отъ его души, только бы освободиться самому отъ службы. Это мнѣ разсказывалъ старикъ солдатъ.

Нашъ кружокъ свободомыслящихъ, разумѣю собственно тотъ кружокъ, въ которомъ сосредоточивались наши разсужденія, мечтанія, впослѣдствіи такъ хорошо послужившія къ нашему осужденію, былъ очень не великъ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ гвардейскаго экипажа, лейтенантъ Арбузовъ, раздѣлялъ тогдашнее свободное настроеніе; но такъ какъ онъ былъ очень суроваго характера и его мнѣнія всегда были крайними до пошлости во всемъ, то мы, согласные съ нимъ въ завѣтныхъ желаніяхъ и надеждахъ когда нибудь увидѣть свое отечество свободнымъ, благоустроеннымъ и счастливымъ, расходились съ нимъ въ его крутыхъ мѣрахъ, восхваляемыхъ имъ во французской революціи и всѣхъ насильственныхъ янычарскихъ переворотахъ. Другой нашъ собесѣдникъ былъ лейтенантъ Д. И. Завалишинъ, товарищъ мой по выпуску, но перешедшій въ высшій классъ, сдавъ экзаменъ и ранѣе меня произведенный въ офицеры. Онъ мичманомъ на фрегатѣ „Крейсеръ“, подъ командою знаменитаго М. П. Лазарева, совершилъ кругосвѣтное плаваніе.

Когда же фрегатъ пришелъ въ Ситху, колонію нашей американской кампаніи, куда мы такъ стремились, то капитану сообщено было высочайшее повелѣніе отправить Д. И. Завалишина чрезъ Сибирь въ Петербургъ. Никому не было извѣстно, для чего онъ былъ вызванъ; но извѣстно, что по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ былъ призываемъ къ разнымъ министрамъ; не помню, но кажется и государь призывалъ его. Это былъ молодой человѣкъ съ необыкновенными способностями. Онъ отлично учился въ корпусѣ, отлично зналъ математику, а когда пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ уже зналъ многіе языки, изучивъ ихъ во время плаванія. Онъ говорилъ уже по-испански, по-англійски, по-французски, кажется и по-нѣмецки и имѣлъ большія познанія; вообще, по уму и способностямъ это былъ человѣкъ, выходившій изъ ряда обыкновенныхъ. Долго, съ самаго корпуса, не видавшись, мы возобновили товарищескую дружбу, а когда онъ увидѣлъ наше либеральное настроеніе и нашъ энтузіазмъ, то еще болѣе сблизился съ нами. Отъ него мы узнали, что вся Европа опутана сѣтью тайныхъ обществъ, стремившихся къ освобожденію всѣхъ народовъ изъ подъ ига деспотизма, тогда царившаго почти всюду въ Европѣ [1]).

---

[1]) Дмитрій Принарховичъ Завалишинъ — сдѣлавшійся извѣстнымъ въ отечественной литературѣ въ 1850—1870 гг. множествомъ публицистическихъ и научныхъ трудовъ, здравствуетъ понынѣ, и еще недавно сдѣлалъ рядъ весьма интересныхъ сообщеній редакціи „Русской Старины“, между прочимъ и о событіяхъ и „Обществахъ“, о которыхъ разсказываетъ А. П. Бѣляевъ. Всѣми этими сообщеніями мы своевременно подѣлимся съ читателями нашего изданія.

Ред.

Въ числѣ этихъ обществъ, какъ онъ сообщилъ намъ, было одно подъ названіемъ „Ордена возстановленія", котораго онъ былъ членомъ и отъ котораго имѣлъ полномочіе набирать членовъ въ Россіи; что для этой цѣли онъ представилъ государю свой проектъ устройства и укрѣпленія мѣстечка Россъ въ Калифорніи, гдѣ уже находились прежде наши промышленники колонисты; что это мѣстечко, населившись, должно сдѣлаться ядромъ русской свободы. Какимъ образомъ ничтожная колонія Тихаго океана могла имѣть какое нибудь вліяніе на судьбы такого громаднаго государства, какъ Россія, тогда это критическое воззрѣніе не приходило намъ въ голову, — до такой степени мы были дѣтьми. Мы мечтали, строили воздушные замки, а какъ эти замки будутъ держаться на воздухѣ — мы вовсе не думали объ этомъ.

Послѣ присяги Константину, отъ Арбузова мы услышали, что въ Россіи были свои тайныя общества, которыя ждали только случая, чтобы начать дѣйствовать; Завалишинъ также зналъ объ этомъ, но онъ не входилъ съ ними въ сношеніе; онъ, какъ говорилъ намъ, имѣлъ въ виду нѣчто болѣе серьезное, хотя и болѣе отдаленное. Арбузову онъ не сообщалъ о своемъ орденѣ и при немъ никогда не упоминалъ объ немъ. Намъ же онъ прочелъ истинно рыцарскій уставъ, восхитившій насъ своими высокими чувствами, въ немъ выраженными, и объявилъ намъ, что мы приняты и девизъ нашъ отнынѣ будетъ „concordia". Разговоры же о переворотахъ и о томъ, какое устройство болѣе полезно Россіи: монархическое или республиканское, происходили у насъ очень часто и очень оживленные, но въ нихъ

не было ни малѣйшей мысли о чемъ либо близкомъ и дѣйствительномъ, а однѣ мечты и желанія свободы, величія и счастія отечеству. Всѣ мы мечтали о республикѣ, всѣ представляли себѣ это золотое время народныхъ собраній, гдѣ царствуетъ пламенная любовь къ отечеству, свобода, ничѣмъ и никѣмъ не ограниченная, кромѣ закона, полное благосостояніе народа. Конечно, мы мечтали и объ освобожденіи народовъ посредствомъ могущественной Россіи. Словомъ, въ нашихъ мечтахъ осуществлялся чудный идеалъ всесовершеннаго счастія человѣческаго рода на землѣ, идеалъ, котораго достигла, какъ мы думали, Америка, считавшаяся тогда раемъ либераловъ. Мальтъ Брюнъ въ своемъ атласѣ, тогда только вышедшемъ, представилъ свободу въ видѣ прекрасной дѣвы, указывающей рукою на Сѣверную Америку [1]). Мы тогда еще не подозрѣвали, что идеалы наши — гордые республиканцы — способны идеально набивать карманы на счетъ великаго отечества и пользоваться своею законодательною властью для прикрытія самыхъ нечестныхъ продѣлокъ, акціонерныхъ и другихъ. Но для насъ тогда свободное народное правленіе было идеаломъ совершенства, а свобода была всесильнымъ средствомъ перерожденія человѣчества. Въ дѣтской простотѣ своей мы и не подозрѣвали, что люди всегда остаются людьми, что страсти не укрощаются ни свободой, ни деспотизмомъ, а еще болѣе разнуздываются какъ тѣмъ, такъ и другимъ, только проявляются въ различныхъ формамъ; въ республикахъ льстятъ мно-

---

[1]) Въ то же время я переводилъ съ французскаго встрѣчу Лафайета въ Америкѣ. **А. Б.**

гоголовному деспоту, называемому народомъ, въ монархіяхъ — монарху и его любимцамъ, имѣя всѣ одну и ту же цѣль: власть и наживу.

Возвращаюсь къ своему разсказу, прерванному этимъ невольнымъ отступленіемъ, невольно вызваннымъ воспоминаніемъ о нашихъ утопическихъ, дѣтскихъ мечтаніяхъ. Конечно, все это были одни пустые разговоры, такіе же, какіе происходили, происходятъ и будутъ происходить всегда въ кружкахъ человѣческихъ обществъ такъ или иначе настроенныхъ. Мы съ братомъ были вѣрующими христіанами по своему образу мыслей. Какъ Завалишинъ, такъ и мы считали чистую нравственность непремѣннымъ условіемъ при стремленіяхъ къ такой высокой цѣли. Мы съ нимъ были даже нѣсколько фанатиками, въ родѣ пуританъ Кромвеля, по примѣру которыхъ на библіи, неправильно понятой, основывали свою идею республики, прочитавъ объ избраніи перваго царя въ Израилѣ.

Мы съ братомъ принадлежали къ умѣреннымъ и хотя были готовы на всякое дѣйствіе, гдѣ надо было жертвовать собой, но приносить въ жертву кого бы то ни было намъ было противно. При этихъ бесѣдахъ былъ иногда и жившій съ нами товарищъ нашъ Дивовъ; но это устройство вселенной его не занимало, а еще возбуждало его шутливыя насмѣшечки.

Такимъ образомъ протекали дни; конечно, они бы протекли мирно и безмятежно, можетъ быть, до конца жизни; мы продолжали бы служить и честно исполнять долгъ своей, если бы не случилась несчастная преждевременная кончина императора Александра. Тутъ все всполохнулось. Не знали, кто будетъ царствовать, что

будетъ? Всѣ либералы считали эту преждевременную смерть какъ бы роковымъ вызовомъ приступить немедленно къ измѣненію правленія, но всѣ эти одиночныя мнѣнія были безсильны. Бесѣды наши дѣлались лихорадочными по волненію, которое возбуждало въ насъ ожиданіе чего-то. Въ это время Арбузовъ какъ-то вошелъ случайно въ сношеніе съ кѣмъ-то изъ членовъ общества, когда уже присягнули Константину, и тутъ онъ узналъ, что давно уже существуетъ тайное общество, которое имѣетъ своихъ членовъ во всѣхъ полкахъ гвардіи, а также въ арміи; что члены его въ настоящее критическое время часто собираются на совѣщанія и разсуждаютъ, какъ начать дѣйствовать. Арбузовъ заявляетъ имъ, что гвардейскй экипажъ будетъ готовъ на все въ нужную минуту, что офицеры всѣ почти готовы дѣйствовать за свободу и все это была полная ложь, потому что, если между офицерами и были мыслящіе люди, которые сознавали, что порядокъ вещей въ государствѣ очень нехорошъ и что нужно и желательно его измѣненіе, но никто не имѣлъ понятія даже о существованіи общества, никто не готовился ни къ чему и даже не воображалъ себѣ, чтобъ могло быть что нибудь. Присяга была принесена старшему въ родѣ, всѣ считали это правильнымъ и никому не приходило въ голову, чтобы Константинъ отказался и что царствовать будетъ Николай, котораго еще великимъ княземъ боялись.

Но при роковомъ извѣстіи о смерти Александра великій князь Николай поступилъ съ великодушнымъ самоотверженіемъ. Хотя ему извѣстно было завѣщаніе покойнаго императора и предварительное отреченіе отъ

престола Константина, при бракѣ его съ княгиней Ловичъ, и что по волѣ покойнаго императора престолъ долженъ былъ перейти къ нему, въ чемъ бы его поддержалъ весь государственный совѣтъ, знавшій о завѣщаніи; но онъ прежде нежели могъ узнать о возникшей оппозиціи со стороны корпуснаго командира Милорадовича, какъ разсказывали, съ первой же минуты полученія депеши самъ первый позвалъ всѣхъ бывшихъ во дворцѣ офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ нашъ товарищъ Дивовъ (видѣвшій и пріѣздъ фельдъегеря), въ церковь и самъ первый присягнулъ старшему брату. Это было актомъ высокаго благородства и великодушія съ его стороны.

Но вотъ проходитъ недѣля, другая, и нѣтъ ни императора, ни извѣстія. Великій князь Михаилъ самъ ѣдетъ въ Варшаву; разносится слухъ, что Константинъ отказывается отъ престола, но ни оффиціальнаго извѣстія, ни манифеста не появляется. Между тѣмъ вѣроятность, что на престолъ взойдетъ Николай, заставляетъ тайное общество дѣйствовать рѣшительнѣе. Оно старается воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и въ случаѣ отказа отъ присяги войскъ рѣшается провозгласить уменьшеніе срока солдатской службы и чрезъ временное правленіе конституціи арестовать всѣхъ тѣхъ изъ министровъ, которые бы держались Николая. Намъ, энтузіастамъ, сказали, что во временное правленіе будутъ призваны уважаемые всѣми люди, какъ-то: Мордвиновъ, Сперанскій и тѣ изъ высшихъ сановниковъ, которыхъ уважало общественное мнѣніе. Конституцію предложили бы Константину, а при его отказѣ императрицѣ Елизаветѣ. Общество имѣло нѣкоторое основа-

ніе разсчитывать на успѣхъ, потому что надѣялось на своихъ членовъ, которые были почти во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ. Доносъ Ростовцева нѣсколько парализовалъ дѣйствія общества, такъ какъ съ утра 14-го декабря были арестованы артиллеристы, члены общества, графъ Коновницынъ и другіе. Но не смотря на это, рѣшено было дѣйствовать, такъ какъ присяга была уже назначена. Члены общества раздѣлились по полкамъ. Къ намъ въ экипажъ явился Николай Александровичъ Бестужевъ.

Присяга Николаю безъ манифеста со стороны Константина, его упорное отсутствіе, порождали въ самыхъ даже тихихъ и не свободномыслящихъ недоумѣніе, смущеніе и каждый дѣйствительно считалъ новую присягу противною совѣсти. Даже нижніе чины тяготились этою присягой и безъ особыхъ подготовленій и какъ одинъ человѣкъ отказались присягать вслѣдъ за офицерами, которые вышли къ генералу Шипову, присланному для приведенія къ присягѣ экипажа и отказались присягнуть Николаю. Помню, какъ теперь слова лейтенанта Вишневскаго (который не имѣлъ понятія ни „объ обществѣ", ни о заговорахъ). Когда Вишневскій сказалъ, „что мы не видимъ отреченія императора и потому считаемъ своимъ долгомъ сохранить свою присягу Константину", то Шиповъ, отвѣчая, сказалъ:

— Нельзя же, господа, государю каждому полку Ингерманландскому или какому нибудь, стоящему гдѣ нибудь въ захолустьѣ, давать знать о своемъ отреченіи!

Вишневскій возразилъ: „Вы, генералъ, забываете, что мы его гвардія, т. е. его тѣлохранители, а потому

имѣемъ право ожидать разрѣшенія данной ему присяги только отъ него самого!“

То же повторили и всѣ офицеры. Шиповъ, видя, что не можетъ убѣдить офицеровъ, пошелъ въ казармы и въ канцелярію позвалъ ротныхъ командировъ. Мы, младшіе, остались съ батальономъ, возбужденные въ высшей степени началомъ дѣйствія. Въ эту минуту намъ, не думая даже о переворотѣ, казалось крайне обиднымъ и унизительнымъ такое безцеремонное обращеніе съ нашимъ долгомъ, съ нашею совѣстью и такое пренебреженіе къ нашей самостоятельности. Вдругъ раздались выстрѣлы; Бестужевъ вскричалъ: „ребята, это нашихъ бьютъ, т. е. неизмѣняющихъ присягѣ!“ Ротные командиры были въ канцеляріи, какъ бы подъ арестомъ. Экипажъ заволновался, началъ звать ротныхъ командировъ и мы съ братомъ Михаиломъ, Бодиско съ Миллеромъ и еще не помню съ кѣмъ бросились въ казармы и освободили ротныхъ командировъ. Только что они сошли къ батальону, какъ весь батальонъ ринулся въ ворота. Батальонный командиръ, капитанъ 1 ранга Качаловъ развелъ руки, чтобы остановить насъ, но мы его обошли и стройно пошли къ площади, гдѣ сказано было собираться. Въ это утро, еще прежде присяги, пріѣзжали въ казармы: Якубовичъ, съ повязкой на головѣ, Рылѣевъ, Каховской съ тѣмъ, чтобы узнать настроеніе общества офицеровъ. Они уже знали объ арестѣ артиллеристовъ и еслибъ замѣтили колебаніе офицеровъ, то, можетъ быть, этого 14-го декабря не было бы. Но когда должно что либо совершиться, что написано въ путяхъ божественнаго Провидѣнія, которое попускаетъ самое зло для какихъ нибудь непо-

стижимыхъ, но всегда благихъ цѣлей, то слѣпота не исчезаетъ и человѣкъ, однажды рѣшившійся на какое нибудь дѣйствіе, считая его нравственнымъ долгомъ, не останавливается. Когда Каховской, испытывая рѣшимость офицеровъ, между прочимъ, сказалъ:

— Можно и отложить возстаніе до болѣе благопріятнаго времени.

То въ безумномъ энтузіазмѣ я сказалъ ему:

— Нѣтъ, лучше не откладывать, если имѣются люди, могущіе вести временное правленіе; другаго такого случая, можетъ быть, не будетъ.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ, станемъ дѣйствовать. Такимъ образомъ, рѣшено было дѣйствовать.

Если же я сказалъ бы: „да, конечно, лучше отложить дѣйствіе“ и предложилъ бы это другимъ, то, кто знаетъ, можетъ быть оно и не случилось бы и не было бы пролито столько крови! Впрочемъ, дѣйствіе началось не у насъ, а въ Московскомъ полку и у лейбъ-гренадеръ; въ моей же безумной рѣшительности была какая-то роковая сила, которая влекла меня въ эту пучину; и передъ тѣмъ, какъ выходить батальону, какъ теперь помню, я бросился на колѣни передъ образомъ Спасителя, вспомнилъ свою нѣжно-любимую мать, сестеръ, которымъ единственною опорой были мы одни, представилъ себѣ послѣдствія этой рѣшимости — и тяжелъ былъ мнѣ этотъ подвигъ; тяжела была борьба чувствъ, но долгъ, какъ я разумѣлъ его тогда, принести въ жертву отечеству самое счастіе матери и семейства — самыя священныя свои привязанности—наконецъ побѣдилъ! Я вспомнилъ слова Спасителя: „кто не оставитъ матери, сестеръ, имѣній, ради Меня (я разумѣлъ подъ

этимъ свой долгъ), тотъ недостоинъ Меня"—вотъ какъ искренно могутъ заблуждаться всѣ фанатики, какъ религіозные, такъ и политическіе, по дѣйствію того духа, который, по слову апостола, принимаетъ и видъ ангела внѣ ограды православной церкви, единой, истинной истолковательницы божественнаго писанія и нравственныхъ обязанностей христіанина.

Возмущеніе началось съ нѣкоторыхъ ротъ Московскаго полка, увлеченныхъ нѣкоторыми ротными командирами, какъ-то: Щепинымъ-Ростовскимъ и Михаиломъ Александровичемъ Бестужевымъ, изъ которыхъ первый нанесъ раны генераламъ, приводившимъ ихъ къ присягѣ. Кровопролитіе безполезное и глупое, потому что одно лицо генерала никакъ не могло остановить рѣшившихся не присягать или дѣйствовать за свободу, что мы видимъ ясно на нашемъ экипажѣ; при этомъ энергическій капитанъ Ливенъ остановилъ свою роту, хотѣвшую послѣдовать за батальономъ. У насъ, впрочемъ, не было такихъ ярыхъ офицеровъ, какъ Щепинъ. Повторяю, что кромѣ насъ, молодыхъ офицеровъ, заразившихся идеей свободы до фанатизма, всѣ прочіе исполняли долгъ присяги, хотя и ожидали, что правленіе наше будетъ измѣнено на лучшее.

Придя на площадь, мы заняли мѣсто на правомъ флангѣ предъ самымъ сенатомъ, у загороди строившагося Лобанова дома; за нами стояли Московцы и далѣе Гренадеры, которыхъ увлекъ батальонный адъютантъ Пановъ, послѣ того, какъ еще прежде отказалась присягать и вышла на площадь гренадерская рота за своимъ любимымъ ротнымъ командиромъ Сутговымъ, бывшимъ членомъ общества. Поэтому Пановъ

поднялъ только оставшіеся два батальона. Съ этими батальонами онъ пришелъ во дворецъ и могъ бы, конечно, обезоружить караулъ и овладѣть дворцомъ и всѣми тамъ бывшими министрами; но божественное Провидѣніе бодрствовало надъ Россіей, и когда онъ подошелъ съ дворцовой набережной ко входу, его встрѣтилъ комендантъ Башуцкій и прехладнокровно сказалъ ему: „вы не сюда, ваши стоятъ на площади“; съ этими словами Пановъ вышелъ изъ дворца на площадь.

Когда мы пришли, уже принесены были жертвы нашему идолу молоху, называемому свободой. Милорадовичъ, этотъ баярдъ, краса русской арміи, и полковникъ Стюрлеръ уже были отнесены раненые тѣмъ самымъ Каховскимъ, который еще утромъ у насъ въ казармахъ колебался и рѣшимость котораго, какъ и ихъ смерть и его казнь, лежатъ тяжелымъ камнемъ на моемъ сердцѣ, потому что, не вырази я своей фанатической рѣшимости утромъ, онъ, можетъ быть, не совершилъ бы всѣхъ этихъ кровавыхъ дѣйствій. Рѣшено было стрѣлять только въ тѣхъ, которые своимъ славнымъ именемъ могли поколебать возставшихъ [1]).

На площади мы нашли полную безурядицу. Не было никого изъ тѣхъ, которыхъ назначали вождями въ этомъ возстаніи. Трубецкой уже былъ арестованъ, какъ говорили, самъ отдавъ свою шпагу; Якубовичъ явился государю, сказавъ ему: „Государь, я бы долженъ быть тамъ, но вотъ я здѣсь“. Тогда государь отвѣчалъ: „поди же скажи имъ, что если они разойдутся, я даю слово

---

[1]) Пріѣзжалъ генералъ Войновъ, кажется, тогда назначенный корпуснымъ командиромъ, но его не тронули. А. Б.

въ томъ, что никого не хочу знать изъ возмутившихся и всѣхъ прощаю". Онъ же сказалъ „держитесь" и ушелъ. Затѣмъ пріѣхалъ Сухозанетъ съ предложеніемъ положить оружіе; этого осмѣяли, такъ какъ онъ пользовался дурной репутаціей; потомъ конная гвардія выѣхала въ атаку; мы, офицеры, хотя и приказали стрѣлять, но только по ногамъ лошадей, чтобы не убить или не ранить кого нибудь изъ людей; затѣмъ къ экипажу подошелъ митрополитъ съ духовенствомъ и сталъ уговаривать покориться новому императору; съ нимъ обошлись съ большимъ уваженіемъ, но лейтенантъ Кюхельбекеръ, подойдя къ нему, просилъ удалиться, въ виду безуспѣшности его убѣжденій. Съ тылу къ нашему баталіону подъѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Когда всѣ бывшіе тутъ офицеры подошли къ нему, онъ сталъ увѣрять, что самъ былъ у Константина Павловича и что тотъ дѣйствительно отрекся отъ престола. Съ нимъ вступили въ разговоръ нѣкоторые офицеры, въ томъ числѣ Михаилъ Бодиско, которые, представляя ему, что мы не можемъ измѣнить своей присягѣ, не имѣя указа отъ самого императора, просили его отъѣхать, не подвергая себя безполезной опасности. Въ это самое время, когда мы всѣ были въ такомъ мирномъ настроеніи, въ ожиданіи скораго присоединенія къ намъ всей гвардіи, журналистъ Кюхельбекеръ нѣсколько разъ наводилъ на великаго князя Михаила Павловича пистолетъ; одинъ разъ его отбилъ одинъ унтеръ-офицеръ, въ другой онъ спустилъ курокъ, но выстрѣла не послѣдовало. Кюхельбекеръ въ эту ночь ночевалъ у князя Одоевскаго, конно-гвардейскаго офицера, который, какъ членъ общества, не бывъ

въ состояніи возмутить свой полкъ, считалъ своимъ долгомъ лично выйти на площадь. Зная фанатическій пылъ Кюхельбекера, онъ насыпалъ песку въ его пистолеты, съ которыми онъ и дѣйствовалъ. На площадь къ намъ явились: А. О. Карниловичъ, капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба, Пущинъ, Иванъ Ивановичъ, надворный московскій судья, юноша Глѣбовъ, князь Оболенскій, старшій адъютантъ гвардейской пѣхоты, какой-то съ плюмажемъ на шляпѣ Горскій (Рылѣевъ пріѣзжалъ и опять уѣхалъ), Александръ Бестужевъ, извѣстный подъ именемъ Марлинскаго, старшій братъ котораго Николай Бестужевъ увлекъ экипажъ вскричавъ, услышавъ выстрѣлы: „ребята, это нашихъ бьютъ!“

Толпа зѣвакъ была огромная. Всѣ наши офицеры постоянно внушали солдатамъ, что они не бунтовщики, а люди, честно исполняющіе долгъ присяги, и потому чтобы никакихъ безпорядковъ они не допускали ни своимъ, ни чужимъ, но толпа кричала, хотя никакихъ неистовствъ не дѣлала. Во время нашего стоянія на площади изъ нѣкоторыхъ полковъ приходили посланные солдаты и просили насъ держаться до вечера, когда всѣ обѣщали присоединиться къ намъ. Это были посланные отъ рядовыхъ, которые безъ офицеровъ не рѣшались возмутиться противъ начальниковъ днемъ, хотя присяга и ихъ тяготила.

При этихъ происшествіяхъ я вспомнилъ фактъ, показывающій, до какой степени была велика дисциплина. Когда утромъ разнесся слухъ о новой присягѣ, то ротный командиръ 1-й роты поставилъ во фронтъ роту и объявилъ, что ихъ посылаютъ за знаменемъ во дво-

рецъ. Солдаты рѣшительно отказались идти, сказавъ, что они уже присягали и другой присяги принимать не хотятъ. Когда батальонный узналъ объ этомъ, то пришелъ въ казармы, ни слова ни говоря, поставилъ во фронтъ роту и скомандовалъ: „направо, маршъ!“ и рота тронулась и принесла знамя.

Передъ вечеромъ мы увидѣли, что противъ насъ появились орудія. Карниловичъ сказалъ: „вотъ теперь надо идти и взять орудія“; но какъ никого изъ вождей на площади не было, то никто и не рѣшился взять на себя двинуть батальоны на пушки и, можетъ быть, начать смертоносную борьбу, что и рѣшило участь этого несчастнаго покушенія. Когда раздался первый выстрѣлъ, батальоны стояли; затѣмъ второй и картечь повалила многихъ изъ людей и заставила Московскій полкъ тронуться съ площади первымъ, за нимъ отступилъ нашъ экипажъ и отошелъ въ полномъ составѣ своего батальона въ казармы, но напоромъ толпы, которая бросилась во всѣ стороны и производила разстройство въ рядахъ, нѣкоторые были увлечены въ различныя на пути ворота частныхъ домовъ, гдѣ уже сострадательные хозяева перевязывали нѣкоторыхъ изъ раненыхъ.

Думаю, что довольно бы было этого успѣха для людей, стоявшихъ тогда во главѣ правительства, и можно бы было остановить безполезное кровопролитіе, продолжая стрѣлять въ бѣгущихъ и въ несчастную толпу любопытныхъ. Какъ только оказалось, что никто изъ назначенныхъ вождей не явился, т. е. ни Трубецкой, ни Якубовичъ, можно было сказать съ самаго начала, что это возстаніе было не опасно. Экипажъ нашъ воз-

вратился въ казармы, гдѣ люди были приведены къ присягѣ уже силою, а для офицеровъ присяжный листъ былъ разложенъ въ одной изъ казармъ, для желающихъ подписаться, и помнится, что я также былъ изъ числа тѣхъ малодушныхъ, которые не выдержали характера и подписали этотъ присяжный листъ, въ чемъ и сознаюсь къ стыду своего геройства. Многіе, однакожъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, не подписали.

Само собою разумѣется, что ночь была проведена не совсѣмъ покойно. Петербургъ представлялъ городъ послѣ штурма. Всю ночь были разложены костры. Войска были размѣщены по всѣмъ частямъ; конные патрули цѣлыми отрядами разъѣзжали по улицамъ, конечно, пустыннымъ, потому что никто не выходилъ изъ дому. Утромъ мы увидѣли кавалергардскій полкъ, въѣхавшій во дворъ нашихъ казармъ, гдѣ былъ выстроенъ батальонъ. Пріѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ съ кавалергардскимъ полковникомъ Шереметевымъ и объявилъ офицерамъ, чтобъ они отдали свои сабли, что и было исполнено; затѣмъ въ различныхъ экипажахъ насъ повезли во дворецъ и посадили въ одну боковую комнату главной гауптвахты. Тутъ насъ было семь человѣкъ: Мусинъ-Пушкинъ, Михаилъ Бодиско, Дивовъ, я и братъ, Миллеръ и еще не помню кто. Обѣдъ намъ давали, какой былъ у караульныхъ офицеровъ. Въ этотъ день караулъ, кажется, былъ отъ Преображенскаго полка, и старшимъ былъ, кажется, капитанъ Игнатьевъ, сдѣланный въ тотъ же день флигель-адъютантомъ. Передъ нашими глазами во все время нашего ареста, въ тече-

ніи трехъ недѣль, мы видѣли привозимыхъ различныхъ лицъ въ мундирахъ и партикулярныхъ платьяхъ намъ незнакомыхъ, которыхъ съ связанными назадъ руками отправляли къ новому императору. Вечеромъ въ первый же день зашелъ къ намъ Михаилъ Павловичъ и первыя его слова были: „вотъ, господа, что вы надѣлали"! Потомъ онъ сталъ разспрашивать о Кюхельбекерѣ, который стрѣлялъ въ него нѣсколько разъ безвредно вслѣдствіе принятыхъ к. А. И. Одоевскимъ мѣръ, какъ я упомянулъ выше. Михаилъ Бодиско, одинъ изъ офицеровъ нашихъ, тоже одинъ разъ отбилъ пистолетъ, оттолкнувъ его, а въ другой разъ сдѣлалъ то же одинъ унтеръ-офицеръ, фамилію котораго не припомню. Это покушеніе на его жизнь, какъ видно по его разспросамъ, сильно его интересовало. Поговоривъ съ офицерами, которые сообщили ему различные фазы этого несчастнаго возмущенія, великій князь вдругъ подошелъ ко мнѣ, стоявшему въ углубленіи комнаты, и сказалъ:

— Г. Бѣляевъ, мы съ вами ссорились по службѣ, я это помню, но вы несчастливы и я все забываю и думаю только объ одномъ, какъ подать вамъ руку помощи.

Эти великодушныя слова меня глубоко тронули и поразили, и я тутъ увидѣлъ, что тѣ, противъ которыхъ мы были такъ сильно возбуждены, какъ противъ притѣснителей человѣчества, чуждыхъ всякаго чувства, — что люди эти обладали не только добрымъ сердцемъ, но и великодушіемъ.

Потомъ в. к. Михаилъ Павловичъ часто, почти каждый день, заходилъ къ намъ; заботился о нашемъ возможномъ спокойствіи и говорилъ намъ, что государь

хочетъ насъ видѣть. Такого рода великодушное обращеніе произвело на меня такое вліяніе, что я рѣшился въ мысляхъ своихъ уже не скрывать за присягой и вѣрностью императору истинныхъ моихъ убѣжденій и еслибъ государь вздумалъ простить насъ, прямо объявить ему, что за его великодушіе не хочу его обманывать. Я вышелъ на площадь и побуждалъ къ тому солдатъ, узнавъ, что есть общество, которое имѣло цѣлью ниспровергнуть неограниченное правленіе, а вовсе не по вѣрности цесаревичу Константину, который былъ бы такимъ же деспотомъ, какимъ былъ его отецъ. О другихъ же товарищахъ я бы также сказалъ сущую истину, что они вышли на площадь единственно потому, что не хотѣли присягать при жизни одного императора другому, не зная подлинности его отреченія. Но, къ несчастію, насъ къ государю не позвали.

Одинъ разъ великій князь Михаилъ Павловичъ, придя къ намъ, сказалъ, что государь хочетъ насъ видѣть завтрашній день и потому приказалъ намъ принести наши мундиры и всю форму. Не могу сказать, чтобъ предстоящее представленіе не волновало меня. Вотъ наступаетъ назначенный день, мы всѣ готовы. Караульные офицеры напередъ радуются нашему освобожденію. Приходитъ великій князь Михаилъ Павловичъ, здоровается съ нами также милостиво и ласково, какъ обыкновенно, но о государѣ ни слова. Мы ждемъ, наступаетъ [illegible], вечеръ; намъ объявляютъ, что мы можемъ снять мундиры и надѣть сюртуки. Когда же наступилъ вечеръ, намъ говорятъ, чтобъ мы приготовились выйти съ гауптвахты и забрали свои вещи. Затѣмъ является строй солдатъ, насъ ставятъ между двухъ рядовъ и мы

выходимъ, черезъ дворъ, на набережную; тутъ является полувзводъ кавалеріи, казаки ѣдутъ по сторонамъ и все спускается на Неву.

Помню была лунная, морозная ночь; тишина нарушалась только шагами марширующихъ солдатъ и топотомъ казачьихъ лошадей. Кромѣ насъ тутъ были еще капитанъ военныхъ топографовъ Свѣчинъ, Цебриковъ и еще другіе, которыхъ не помню. Настроеніе наше, т. е. мое, брата, Дивова, Бодиско, было очень беззаботное, такъ что, когда насъ ввели въ Невскія ворота Петропавловской крѣпости, у меня вырвался стихъ:

„На тяжкихъ вереяхъ ворота проскрипѣли
И пѣснь прощальную со свѣтомъ намъ пропѣли".

Насъ привели въ домъ коменданта и ввели въ какую-то уединенную комнату при весьма слабомъ освѣщеніи. Мы взглянули другъ на друга и передали другъ другу свои опасенія, полагая, что насъ привели сюда для пытки. Такова участь самодержавія, что ему приписывается все самое жестокое и самое скверное, не смотря на то, справедливо или несправедливо. Ожиданіе продолжалось недолго. Вдругъ мы услышали стукъ деревяшки по лѣстницѣ и передъ нами явился генералъ Сукинъ, безногій комендантъ крѣпости. Личность эта и его качества мнѣ неизвѣстны, такъ какъ я его видѣлъ въ первый разъ, но какъ комендантъ крѣпости съ Алексѣевскимъ равелиномъ, то надо полагать, что онъ не обладалъ нѣжнымъ и чувствительнымъ сердцемъ, вотъ все, что могу о немъ сказать, а также о плацъ-маіорѣ Подушкинѣ. Но если они и имѣли чувствительныя и нѣжныя сердца, то, безъ сомнѣнія, въ своихъ

дѣйствіяхъ должны были подчинять свои чувства чувству долга. Онъ, сурово осмотрѣвъ всѣхъ насъ, произнесъ: „я имѣю высочайшее повелѣніе принять васъ и заключить въ казематахъ“. Съ этими словами является плацъ-маіоръ Подушкинъ и съ помощью плацъ-адъютанта разводитъ насъ по разнымъ направленіямъ, по разнымъ казематамъ. Меня, брата, Бодиско и Дивова ввели въ огромное подъ сводами помѣщеніе на лабораторномъ дворѣ, съ однимъ окномъ на Неву и огромною русскою печью въ углу, на которой, какъ и на всѣхъ стѣнахъ, видна была полоса, указывавшая, какъ высоко стояла вода во время наводненія 1824 года. Когда сторожъ поставилъ зажженную лампадку, мы увидѣли таракановъ, черныхъ и красныхъ, въ такомъ количествѣ, что всѣ почти стѣны были ими покрыты. Это насъ привело въ ужасъ и будь тутъ заключенъ кто нибудь одинъ, то эта обстановка должна бы была потрясти непривычнаго. Но насъ было четверо молодыхъ 20-ти-лѣтнихъ юношей, пріятно убѣдившихся, что всѣ члены ихъ, послѣ свиданія съ Сукинымъ, оказались цѣлы и потому мы стали придумывать брустверы изъ соломы, которую принесъ сторожъ для нашего ложа. Тутъ же была, конечно, поставлена кадка, значеніе которой объяснить неудобно.

Не смотря на всѣ впечатлѣнія, перечувствованныя въ этотъ день, мы спали крѣпко; и во все время нашего заключенія вмѣстѣ мы были беззаботно веселы. Для развлеченія своего изъ хлѣба сдѣлали себѣ шахматы, на столѣ сдѣлали клѣтки и играли въ шахматы, эту умную игру, съ большимъ удовольствіемъ. Прошло нѣсколько дней, плацъ-маіоръ Подушкинъ является поздно вече-

ромъ и съ самымъ таинственнымъ видомъ говоритъ, выдвигая меня:

— Мы съ вами съѣздимъ въ комитетъ и скоро вернемся; вы не безпокойтесь, но прежде мы съ вами поиграемъ въ жмурки, завяжемъ вамъ глаза.

Завязавъ мнѣ глаза, онъ взялъ меня за руку и повелъ изъ каземата. Подъ ногами я чувствовалъ крѣпкій снѣгъ и, двигаясь, ощупалъ сани, въ которыя онъ помогъ мнѣ сѣсть, и мы поѣхали. Не знаю, такъ ли обширна была крѣпость, или нашъ казематъ былъ очень далеко отъ дома, гдѣ собирался комитетъ, только возилъ онъ меня по крѣпости довольно долго. Наконецъ, сани остановились, онъ помогъ мнѣ вылѣзть и, взявъ за руку, ввелъ въ сѣни, потомъ въ слѣдующую комнату, гдѣ сквозь платокъ мелькало много свѣчей и слышался зловѣщій скрипъ перьевъ. Слѣдующая комната тоже оглашалась этою же музыкою, а затѣмъ какъ-то медленно и торжественно отворились большія двери и сквозь платокъ даже я пораженъ былъ большимъ свѣтомъ. Тутъ чья-то рука развязала платокъ и мнѣ представилось неожиданное для меня зрѣлище. Огромный столъ, заставленный восковыми свѣчами, покрытый зеленымъ сукномъ, со множествомъ чернильницъ и воткнутыхъ въ нихъ перьевъ и съ кипами какихъ-то бумагъ. Завязанные глаза были придуманы, вѣроятно, для того, чтобъ зрѣлище судей показалось болѣе поразительнымъ.

Всѣ сидѣвшіе вокругъ стола были важные генералы со звѣздами. Предсѣдателемъ былъ военный министръ Татищевъ, худенькій и уже согбенный старичокъ съ безстрастнымъ, но добрымъ лицомъ; по правую руку сидѣлъ в. к. Михаилъ Павловичъ, по другую сто-

рону князь А. Н. Голицынъ; далѣе порядка, въ какомъ кто сидѣлъ, не помню, генералъ-адъютанты: Левашевъ, Бенкендорфъ, А. Чернышевъ и на мѣстѣ секретаря полковникъ В. Адлербергъ. Всѣ глаза устремлены были на меня и, конечно, негодованіе, смѣшанное съ какимъ-то презрѣніемъ, замѣтно было въ нѣкоторыхъ; въ другихъ же я прочелъ чувства болѣе мягкія, а въ нѣкоторыхъ даже чувство состраданія. Когда сняли платокъ, меня подозвали ближе къ столу. Первый вопросъ былъ сдѣланъ Чернышевымъ, сидѣвшимъ къ краю стола.

— Что васъ побудило отказаться отъ присяги и, возмутивъ батальонъ, выдти на площадь?

— Долгъ присяги императору!

— Кто васъ вывелъ на площадь?

— Мы вышли сами, когда услышали выстрѣлы.

— Кто васъ побудилъ на это дѣло?

— Никто.

— Бестужевъ былъ у васъ?

— Былъ.

Первый допросъ состоялъ изъ вышеизложенныхъ вопросовъ и дѣло кончилось тѣмъ, что мнѣ снова завязали глаза и тѣмъ же путемъ привезли въ мой старый казематъ. Подобнымъ же церемоніямъ и допросамъ подверглись и всѣ другіе мои сотоварищи.

Въ казематъ приходилъ крѣпостной священникъ увѣщевать насъ ничего не скрывать при допросахъ. Увѣщеванія его не имѣли тогда на насъ большаго вліянія, и такъ какъ мы были виновны только въ военномъ возмущеніи за ненарушимость присяги, а другихъ политическихъ преступленій за нами не было, то мы и дали

другъ другу слово, ничего кромѣ присяги не говорить при дальнѣйшихъ допросахъ, не признаваться ни въ своихъ свободныхъ стремленіяхъ, ни въ намѣреніи способствовать перевороту, ставши орудіями тайнаго общества.

Пушечные выстрѣлы возвѣстили намъ о торжествѣ на Іорданѣ. Изъ нашего окна, выходившаго на Неву, мы посматривали на проѣзжающихъ по рѣкѣ и набережной. Намъ также видѣнъ былъ далеко влѣво домъ кн. Долгорукаго на Гагаринской пристани, гдѣ мы провели столько пріятныхъ и счастливыхъ годовъ юности; съ грустью вспоминали мы чудную княгиню Варвару Сергѣевну, представляли себѣ, какъ нашъ поступокъ долженъ былъ раздражить князя и огорчить княгиню; но молодость все это скоро удаляла отъ мыслей и мы снова возвращались къ своей беззаботной веселости. Но это отрадное совокупное заключеніе съ братомъ и друзьями-товарищами скоро должно было прекратиться. Въ одинъ вечеръ, поздно, является къ намъ плацъ-маіоръ Подушкинъ и объявляетъ, что намъ надо распроститься другъ съ другомъ. Одинъ долженъ былъ остаться въ томъ же казематѣ, а какъ по привычкѣ къ старому и по страху къ неизвѣстному каждый изъ насъ хотѣлъ бы остаться въ прежнемъ, то рѣшили бросить жребій и въ старомъ казематѣ остался мой братъ. Разлука была тяжела, такъ что не смотря на то, что мы считали себя стоиками, должны были глотать слезы, заключивъ другъ друга въ братскія объятія. Съ тѣхъ поръ мы уже не видѣлись до того времени, какъ насъ соединили для прочтенія намъ сентенціи. Меня перевели въ какой-то казематъ, не знаю въ какой мѣстности, въ

четыре шага величиною, немного больше гроба, и заключили одного. Тутъ была страшная сырость, а утромъ топили желѣзную печь, которой труба проходила надъ головою. Такъ какъ мнѣ было только 22 года и сложеніе мое не было изъ крѣпкихъ, то при посѣщеніи казематовъ какимъ-то генералъ-адъютантомъ Стрѣкаловымъ, нашли нужнымъ меня перевести. Ночью помощникъ плацъ-адъютанта повелъ меня по какимъ-то дворамъ и переходамъ мимо царскихъ склеповъ, какъ онъ сказалъ мнѣ, къ Невскимъ воротамъ, и меня заключили въ казематъ Невской куртины, также въ 4-хъ аршинное пространство. Тутъ уже въ углу стояла кровать съ шерстянымъ одѣяломъ, подшитымъ простыней; стоялъ небольшой столъ въ углу и на немъ лампадка съ фонарнымъ масломъ, копоть отъ котораго проникала въ носъ и грудь, такъ что при сморканіи и плеваніи утромъ все было черно, пока легкія снова не очищались въ теченіи дня. Огромное окно въ этомъ казематѣ было замазано известкой, только оставалось не замазаннымъ одно верхнее звено.

Утро мое начиналось тѣмъ, что я, вставъ съ постели и умывшись надъ парашей (кадка), молился Богу, по обычаю, который рѣдко въ жизни оставлялъ, развѣ только въ краткіе дни моего невѣрія. Теперь же я молился горячо, предаваясь съ покорностью волѣ Божіей, такъ какъ въ сердцѣ своемъ сознавалъ, что крестъ этотъ я несъ по собственному своему рѣшенію, изъ любви къ человѣчеству. Потомъ я громко пѣлъ „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“, а послѣ того, какъ выпивалъ принесенную мнѣ кружку чаю, я начиналъ ходить по каземату и тутъ уже я пѣлъ всевозможные

романсы, какіе только зналъ; въ числѣ ихъ попадались часто и весьма свободные. Такъ время проходило до обѣда. Утромъ обыкновенно приходилъ гвардейскій инвалидный солдатъ, приставленный къ казематамъ, и выносилъ кадку, затѣмъ онъ же приносилъ чай и уходилъ до обѣда. Сначала они были очень молчаливы, но мало по малу православная русская натура раскрылась и мы часто разговаривали. Ничего суроваго, ничего похожаго на тюремщиковъ въ этихъ людяхъ не было; это были честные, прямодушные, русскіе солдаты и христіане по тѣмъ чувствамъ состраданія, какія они намъ показывали. „Что дѣлать, видно Богу такъ угодно; надо потерпѣть, Господь любитъ терпѣнье“, говорили они, „а тамъ, можетъ, и помилуетъ“. Но о милостяхъ и великодушіи государя болѣе всѣхъ говорилъ Подушкинъ, плацъ-маіоръ, который считалъ своею обязанностью утѣшать заключенныхъ, представляя имъ перспективу лучшаго будущаго, и однажды дошелъ до того, что просилъ меня привезти для него изъ Англіи англійскій сервизъ, когда мы будемъ опять служить на корабляхъ. И, дѣйствительно, эти утѣшенія едва не оправдались.

Однажды, около полуночи, когда я засыпалъ, слышу, что загремѣли засовы у моей двери, и когда я проснулся, вижу передъ собой плацъ-адъютанта Ф. И. Трусова. Я, конечно, встревожился, не зная, чему приписать это появленіе, но онъ скоро успокоилъ меня и такъ обрадовалъ, что я едва къ свѣту могъ угомонить мои мысли и заснуть. Онъ пришелъ передать мнѣ, что слышалъ, какъ въ комитетѣ великій князь Михаилъ Павловичъ сказалъ: „если за офицерами гвардейскаго

экипажа нѣтъ ничего, кромѣ присяги, которую государь прощаетъ, то надо ихъ освободить, такъ какъ некому служить". Изъ этого онъ заключилъ, что вѣроятно завтра насъ освободятъ. Сколько состраданія, доброты, великодушія въ этомъ поступкѣ плацъ-адъютанта, который, казалось, игралъ роль тюремщика! Вмѣсто того, чтобъ идти домой скорѣе отдохнуть отъ тяжелыхъ трудовъ и заботъ тогдашнихъ дней, онъ идетъ въ казематъ, чтобы сообщить слово утѣшенія страждущему узнику. Вотъ каковы наши русскіе тюремщики!

Одиночное, гробовое заключеніе ужасно. Тамъ, гдѣ даютъ книги для чтенія, гдѣ позволяютъ писать, сообщаться съ родными и вообще съ внѣшнимъ міромъ, хотя подъ условіемъ, предписаннымъ закономъ, оно еще сносно, но то полное заключеніе, какому мы сначала подверглись въ крѣпости, хуже казни. Многіе покушались лишить себя жизни, глотали стекла, ударялись объ стѣну, какъ сдѣлалъ генеральнаго штаба офицеръ Заикинъ. Впрочемъ, это съ его стороны было не малодушіемъ. Онъ закопалъ „Русскую Правду" (конституція) Пестеля и, по показанію его младшаго брата, былъ допрашиваемъ о мѣстѣ, гдѣ она была зарыта, и, опасаясь своей слабости, рѣшился убить себя. Другой, проходя съ плацъ-адъютантомъ около рѣки, бросился въ нее, но былъ вытащенъ. Другіе поплатились разсудкомъ; нѣкоторые умерли. Но человѣкъ можетъ перенести очень много, а потому-то и это заключеніе было перенесено. Мы съ братомъ были вѣрующими, хотя только по названію, и не покушались ни на что подобное, а покорились своей участи безропотно. Зато страшно подумать теперь объ этомъ заключеніи! Куда дѣваться

безъ всякаго занятія съ своими мыслями? Воображеніе работаетъ страшно. Какихъ страшныхъ, чудовищныхъ помысловъ и образовъ оно ни представляло! Куда не уносились мысли, о чемъ не передумалъ умъ и затѣмъ все еще оставалась цѣлая бездна, которую надо было чѣмъ нибудь наполнить!

Начало заключенія для меня было сносно. Я былъ покоенъ, думалъ, что судъ не можетъ продолжаться долго, что съ нами чѣмъ нибудь кончатъ. Болѣе вѣроятнымъ мнѣ казалось разстрѣляніе, какъ за военное возмущеніе, къ которому уже и приготовлялись мысли. Я не думалъ, чтобъ это слѣдствіе протянулось болѣе 8-ми мѣсяцевъ. Но по мѣрѣ того, какъ дни проходили за днями и тянулись страшно, отмѣчаемые каждую четверть часа заунывными курантами башенныхъ крѣпостныхъ часовъ, которыхъ одинъ звукъ уже производилъ содроганіе, тоска усиливалась, терпѣніе и спокойствіе истощались, сердце выболѣло, мысли мѣшались и я уже былъ близокъ къ погибели, т. е. къ сумасшествію. Но вотъ въ это самое время приносятъ мнѣ огромную in folio книгу. Смотрю — это библія. Я всей библіи никогда не читалъ и зналъ изъ нея только то, что училъ въ священной исторіи и кой-что еще въ корпусѣ при о. Іовѣ. Я съ жадностью схватился за нее, читалъ и перечитывалъ ее. Вотъ гдѣ было мое спасеніе на этотъ разъ! Какой свѣтъ осіялъ меня изъ этой книги! Сколько утѣшенія пролила она въ мое изнывавшее сердце; сколько отрады, надежды и спокойствія! Изъ нея я только научился познавать Бога такимъ, какимъ Онъ есть въ существѣ своемъ: великимъ, всесвятымъ, правосуднымъ, страшнымъ для ожесточенныхъ только въ невѣріи лю-

дей и столько же благимъ, милосерднымъ къ обращеннымъ грѣшникамъ. Я плакалъ, прочитывая слова Спасителя: „Въ темницѣ быхъ и посѣтисте Мя“.

Съ самаго начала заключенія, смерть Милорадовича, Стюрлера, смерть внезапная столькихъ невинныхъ жертвъ разбила мое сердце, отъ природы мягкое, не злое и сострадательное, такъ какъ я не могъ не брать на себя всего этого кровопролитія, котораго, можетъ быть, не было бы, еслибъ я не поддержалъ Каховскаго въ его колебаніи, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ въ казармы съ Якубовичемъ, о чемъ я уже упоминалъ. Припоминая все это, я не могъ не брать теперь всѣхъ этихъ бѣдствій на свою совѣсть. Напрасно я старался успокоивать ея обличенія разсужденіями, что свобода и благоденствіе народовъ не пріобрѣтаются безъ жертвъ, что и я жертвовалъ собой отъ искренняго сердца, также могъ быть убитъ, семейство мое такъ же какъ и другихъ было бы поражено печалью и облеклось бы въ трауръ, но всѣ эти разсужденія были философическаго свойства, а между тѣмъ эти образы безпрестанно вставали передо мною. Я вспоминалъ несчастнаго раненаго, котораго увидѣлъ въ одномъ домѣ на площади, когда толпа вдавила меня во дворъ, и страшно стонавшаго; я вспоминалъ бѣднаго малютку флейщика, котораго сразило въ голову картечью, вспоминалъ Милорадовича, Стюрлера, Шеншина, Фридрикса, раненыхъ въ Московскомъ полку безумнымъ кн. Щепинымъ, множество несчастныхъ убитыхъ и раненыхъ изъ толпы, — все это часто, часто мнѣ представлялось и днемъ, и ночью, и я тутъ вполнѣ убѣдился, что только съ каменнымъ сердцемъ и духомъ зла ослѣпленнымъ умомъ можно дѣлать рево-

люціи и смотрѣть хладнокровно на падающія невинныя жертвы и на всѣ бѣдствія и страданія, съ ними сопряженныя. Тутъ я увидѣлъ, что не кичиться долженъ былъ своимъ подвигомъ, а каяться въ преступленіи и молиться за несчастныя жертвы, внезапно похищенныя изъ среды своихъ семействъ, и изъ этой жизни и, можетъ быть, съ неочищенною еще совѣстью представшихъ предъ страшнымъ судіей.

Легко сказать и, пожалуй, съ глубокимъ убѣжденіемъ съ пламеннымъ чувствомъ:

„Погибну я за край родной,
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Я жребій свой благословляю".

Я и теперь сознаю въ душѣ, что еслибъ можно было одною своею жертвою совершить дѣло обновленія отечества, то такая жертва была бы высока и свята, но та бѣда, что революціонеры вмѣстѣ съ собой приносятъ преимущественно въ жертву людей, вѣроятно, большею частью, довольныхъ своей судьбой и вовсе не желающихъ и даже не понимающихъ тѣхъ благодѣяній, которыя имъ хотятъ навязать противъ ихъ убѣжденій, вѣрованій и желаній.

Да, наконецъ, въ народахъ, достигшихъ свободы путемъ революціи, всѣ ли достигли ее? это еще вопросъ; и даже достигшіе, достигли ли той свободы, которая дѣлаетъ человѣка истинно свободнымъ по слову Спасителя, истинно счастливымъ, т. е. освобождаетъ-ли человѣка отъ грѣха? конечно не той, которую даетъ революція, а достигаютъ той, которая дѣлаетъ людей не лучшими и счастливѣйшими, а худшими и несчастнѣй-

шими, потому что вслѣдъ за этою насильственною свободою разнуздываются всѣ страсти, усиливаются пороки и преступленія, что намъ доказываетъ статистика.

Письма Рылѣева, Пестеля, слова Каховскаго не показываютъ-ли, что полнаго убѣжденія въ несомнѣнной красотѣ и высотѣ подвига, который они на себя брали, еще ослѣпленные, не было; христіанскіе мученики и въ казематахъ, и на кострахъ, и мукахъ, до послѣдняго вздоха, почитали свой подвигъ святымъ долгомъ, не колебались, не раскаявались, не сомнѣвались, не сожалѣли о своемъ подвигѣ, потому что приносили въ жертву истинѣ себя самихъ, а не проливали крови своихъ ближнихъ. Раскаяніе П. И. Пестеля и письмо К. Ѳ. Рылѣева вовсе не показываютъ малодушія и робости; смерть ихъ на висѣлицѣ доказала ихъ твердость; но это раскаяніе показываетъ ясно, что только тотъ подвигъ высокъ, святъ и никогда не влечетъ за собой раскаянія, въ которомъ добродѣтельный человѣкъ жертвуетъ своимъ счастіемъ, своими радостями, даже своею жизнью, для блага людей и вообще для истины, но только своею жизнью, а не чужою, и не мятежами, не возмущеніемъ всѣхъ страстей и не разнузданіемъ всѣхъ дурныхъ инстинктовъ падшаго человѣчества.

Въ это самое время, когда божественное слово, частью, уже переродило меня, въ одинъ вечеръ приносятъ мнѣ кипу бумагъ; развертываю и вижу пропасть вопросныхъ пунктовъ изъ комитета. Когда я прочелъ ихъ, волосы поднялись на моей несчастной головѣ и я въ эту минуту думалъ, что или меня поразитъ ударъ, или я сойду съ ума. Уже вмѣсто присяги Константину тутъ описывались разговоры наши въ нашей квартирѣ, раз-

говоры, указывавшіе на нашъ образъ мыслей и на наши желанія и стремленія, въ которыхъ высказывались наши взгляды и мечтанія о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда, по примѣру Греціи, Рима, Франціи Америки и пр., будутъ на площадяхъ кипѣть народныя собранія свободныхъ, благороднѣйшихъ, добродѣтельнѣйшихъ республиканцевъ, гдѣ рисовались передъ нашими глазами старый и новые Бруты, поражающіе деспотизмъ. Всѣ эти мечты въ разговорахъ нашихъ приведены въ вопросныхъ пунктахъ во всей подробности и правдѣ, что̀ говорилъ братъ, Арбузовъ, Д. И. Завалишинъ, однимъ словомъ мы были преданы вполнѣ. Кто былъ предатель, тутъ не упоминалось. Требовалось признаніе или отрицаніе. Отрицаніе! Какъ отрицать то, что дѣйствительно было говорено; простое, правдивое сердце возмущалось ложью. Если мы сначала держались присяги, то это потому, что присяга была дѣйствительною причиною возстанія, а какъ мы не были членами общества, то ничего и не знали о томъ, что готовило тайное общество, а вѣрили на слово, что съ отказомъ отъ присяги всей гвардіи можетъ быть измѣнено правленіе къ лучшему и только. Все это было въ туманѣ. А тутъ спрашиваютъ: говорили вы это, говорилъ то Арбузовъ, Завалишинъ?

Вотъ когда наступила страшная борьба въ сердцѣ, и въ то же время адскія мученія. Я недоумѣвалъ, что мнѣ дѣлать, что отвѣчать! Между тѣмъ я зналъ, что насъ только было трое дѣйствительныхъ мечтателей: братъ мой хладнокровнѣе относился къ нашимъ порывамъ, Дивовъ былъ въ другой комнатѣ; другихъ никого никогда у насъ не было, т. е. никто никогда кромѣ

названныхъ лицъ не участвовалъ въ нашихъ бесѣдахъ за трубками и чаемъ. Слѣдовательно, кто нибудь изъ нашей среды объявилъ объ нашихъ разговорахъ, а въ связи съ дѣйствіемъ 14 декабря эти слова получали вѣсъ въ глазахъ комитета и даже въ приговорѣ была правда. „Кто изъ вашихъ товарищей зналъ вашъ образъ мыслей?“ былъ вопросъ Чернышева. „Изъ сдѣланныхъ комитету показаній о нашихъ разговорахъ, видно, что въ нихъ участвовали Арбузовъ, Завалишинъ, братъ, я и больше никто“, въ такомъ смыслѣ отвѣчалъ я на этотъ допросъ словесно; но затѣмъ они больше присылались въ казематъ писанные.

Братъ мой, получивъ тѣ же вопросные пункты, всѣ ихъ отвергъ, подтвердивъ свое прежнее показаніе, что стоялъ за присягу. На другой день, тоже поздно вечеромъ, меня снова повезли въ комендантскій домъ, только уже не въ комитетъ, а въ какую-то особую комнату, гдѣ я неожиданно нашелъ своего брата одного. Радость свиданія была, конечно, очень велика, но вслѣдъ за объятіями онъ спросилъ: „неужели, братъ, ты признался?“ Я отвѣчалъ: „вѣдь, конечно, и тебѣ принесли вопросные пункты и ты видѣлъ, братъ, что мы преданы самымъ измѣнническимъ образомъ, такъ что дни, часы нашихъ бесѣдъ и всѣ слова, нами говоренныя, были во всей подробности показаны; и такъ я подумалъ, что если уже все стало извѣстно относительно нашего образа мыслей и стремленій, то нечего уже болѣе запираться, тѣмъ болѣе, что мы, разставаясь изъ перваго каземата, положили самимъ ничего не говорить кромѣ того, что уже было показано нами о присягѣ, но если какимъ нибудь другимъ путемъ откроются наши

желанія и мечты о свободѣ, то поступать каждый могъ по своимъ соображеніямъ. Я послѣ того самъ не дѣлалъ никакихъ новыхъ показаній, а когда стало извѣстно все, что мы говорили, что могъ передать только кто нибудь изъ насъ: Арбузовъ или Завалишинъ, такъ какъ ни ты, ни я ничего не говорили и не писали, что же осталось дѣлать?“ Въ эту минуту вошелъ генер. Бенкендорфъ и чрезвычайно ласково сталъ говорить брату:

— Вотъ видите, что я сказалъ вамъ правду о признаніи вашего брата.

Затѣмъ онъ сталъ говорить, на какой прекрасной дорогѣ мой братъ стоялъ послѣ наводненія; какъ бы далеко онъ пошелъ и проч. „Но, впрочемъ, прибавилъ онъ, Государь такъ милостивъ, что и теперь, если вы будете откровенны, то все еще можетъ поправиться“. Съ этими словами онъ опять вышелъ, сказавъ намъ, что оставляетъ насъ однихъ на нѣкоторое время, чтобъ мы могли побыть вмѣстѣ и сообразить свое поведеніе въ комитетѣ.

Тутъ мы стали разбирать, кто бы могъ передать наши разговоры и никакъ не могли попасть на истину и думали на Арбузова или Завалишина; о Диковѣ намъ не приходило и въ голову. Затѣмъ насъ разлучили снова, отведя каждаго въ свой казематъ. Когда всѣ наши разговоры и стремленія были, такимъ образомъ, открыты, то я рѣшился въ комитетѣ ничего не говорить собственно отъ себя, но изъ того, что уже было извѣстно, показывать одну правду. Однажды, въ утреннемъ допросѣ Чернышевъ грозно сказалъ мнѣ:

— Если вы будете запираться и не сознаетесь во

всемъ откровенно, ничего не скрывая, то вѣдь мы имѣемъ средства заставить васъ говорить!

На это я ему отвѣчалъ:

— Напрасно, ваше превосходительство вы меня стращаете: рѣшившись на такое опасное дѣло, я хорошо зналъ, чему подвергался, и былъ готовъ на все, слѣдовательно, ваши угрозы на меня не подѣйствуютъ. Я сказалъ вамъ, что буду показывать одну истину изъ того, что вамъ уже извѣстно, и ничего болѣе.

Съ этой минуты Чернышевъ совершенно измѣнился относительно меня и сдѣлался такъ внимателенъ ко мнѣ, что плацъ-адъютантъ, приводившій меня въ разное время въ комитетъ, спросилъ меня однажды:

— Вамъ Чернышевъ не родня-ли?

Я сказалъ, что нѣтъ.

— Отчего-же онъ такъ ласковъ съ вами?

Въ одномъ изъ вопросныхъ пунктовъ меня спрашивали, отъ кого я заимствовалъ республиканскія идеи. Къ стыду своему, сознаюсь, я написалъ, что Дмитрій Перфиловичъ Завалишинъ имѣлъ большое вліяніе на мои убѣжденія; я сказалъ правду, но все же я до сихъ поръ краснѣю, когда вспоминаю это низкое малодушіе, потому-то и свидѣтельствую о немъ и исповѣдую.

Въ эти тяжкія минуты, когда отчаяніе сторожило уже свою жертву, я былъ до того разбитъ физически и нравственно, что кровь хлынула у меня горломъ. Ко мнѣ сталъ ходить докторъ и приказалъ выводить меня на воздухъ. Эти прогулки ограничивались какими-то сѣнями, гдѣ было огромное окно безъ рамы и дверь безъ дверного полотна и куда воздухъ проникалъ свободно. Но, однажды, повели меня на стѣны крѣпости,

откуда вдругъ открылась передо мною давно забытая картина этого міра съ его движеніемъ и суетой. Вдали мелькали экипажи, быстро мчавшіеся по знакомой набережной; открылись великолѣпные дворцы вельможъ и между ними вдругъ я увидѣлъ вдали домъ князя Долгорукаго, при видѣ котораго сильно забилось мое сердце. Тамъ мы росли, лелѣемые великодушною любовью воспитателей нашихъ; мы были такъ счастливы этою любовью, за которую заплатили въ ихъ глазахъ неблагодарностью, потому что они не могли знать, какъ тяжела была и намъ эта жертва, приносимая изъ любви къ отечеству, особенно, когда совѣсть указала заблужденіе. Сколько счастія и сколько радости перечувствовало сердце подъ этимъ благодѣтельнымъ кровомъ, не испытавъ ни на одно мгновеніе какого либо огорченія. Припоминая все это, взглядъ мой стремился проникнуть въ эти знакомыя окна, мечталось видѣть очаровательный образъ несравненной и незабвенной княгини, которой милая, кроткая улыбка такъ часто чаровала насъ, но это было такъ далеко, что еслибъ она и стояла у самаго окна, то глазъ мой никакъ бы не могъ ее видѣть. Но зато какая грустная минута послѣдовала за этимъ гуляньемъ и я уже не желалъ повторять его. Когда отворилися двери моего каземата, я вошелъ въ него, и дверные затворы прозвучали свою обычную пѣснь, мнѣ показалось, что я опустился заживо въ мрачную могилу и нужно было страшное усиліе духа, чтобъ опять прійти въ обычное нормальное для каземата состояніе.

Когда привезли тѣло покойнаго государя и послѣднее звено моего окна было замазано, оставалось одно:

пригнуть нѣсколько жестяныхъ перышекъ вентилятора и однимъ глазомъ смотрѣть на эту печальную церемонію. Потомъ опять верхнее звено смыли. То же повторилось при погребеніи императрицы Елизаветы Алексѣевны. Какъ грустно было мнѣ теперь вспоминать объ нихъ!

Въ моей казематной жизни все было разсчитано. Я ходилъ два часа, потомъ садился на кровать отдыхать и въ это время, чтобъ быть чѣмъ нибудь занятымъ, я выдергивалъ изъ одѣяла безконечную толстую нитку, которою простыня пристегивалась къ одѣялу. Изъ этой нитки я навязывалъ узлы одинъ на другой, такъ что подъ конецъ образовывался порядочный клубокъ, который затѣмъ снова распускалъ; эта работа повторялась нѣсколько разъ въ день. Потомъ становился на окно и смотрѣлъ на проходящихъ. Такъ какъ мой казематъ былъ недалеко отъ Невскихъ воротъ и вплоть до комендантскаго или какого-то дома, хорошенько не знаю, шелъ бульваръ, то тутъ часто проходили мимо меня различныя лица. Иногда проводили мимо меня узниковъ въ баню и я однажды увидѣлъ моего брата, но онъ, конечно, не могъ догадаться, что на него смотрѣлъ его братъ и другъ, котораго сердце забилось. Тутъ была и братская любовь, и жалость, и горькое раскаяніе, что я своимъ фанатическимъ стремленіемъ къ свободѣ увлекъ и его въ несчастіе. Однажды также увидѣлъ проходившимъ по бульвару нашего общаго друга, инженернаго офицера Паризо, съ которымъ мы жили вмѣстѣ у князя Долгорукаго, такъ какъ мать его, m-me Parisot, воспитывала дочерей князя и княгини. Онъ тоже смотрѣлъ на окна съ большимъ вниманіемъ,

но, конечно, не могъ никого видѣть. Часто также утѣшала меня игра дѣтей на бульварѣ, которыхъ голоса были для меня истинной музыкой. Послѣ скуднаго обѣда, состоящаго изъ горячаго и маленькихъ кусковъ жареной говядины, я ложился спать. Около 6-ти часовъ приносили большую кружку чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ. Такъ протекали дни до рѣшенія нашей участи.

Въ день, кажется, 12-го іюля (1826), сколько помню, утромъ я былъ пораженъ какимъ-то необыкновеннымъ движеніемъ въ крѣпости. Тотчасъ я забрался на окно и увидѣлъ кавалерію и пѣхоту, выстраивающихся по всѣмъ фасамъ. Я не зналъ, что̀ это значило, и потому предположилъ, что вѣроятно насталъ конецъ всему и насъ выведутъ и разстрѣляютъ. Не скрою, что сердце мое крѣпко забилось, хотя въ мысляхъ я и былъ приготовленъ къ этому. Тутъ я палъ на колѣни и горячо просилъ Бога простить мнѣ всѣ грѣхи и укрѣпить меня въ минуту казни. Затѣмъ я всталъ и началъ ходить по каземату, придумывая, что сказать передъ смертью.

Вдругъ, слышу скрипъ и грохотъ многихъ дверныхъ засововъ, вскорѣ и у моей двери послышался тотъ же шумъ и дверь моя растворилась. Входитъ плацъ-адъютантъ, приносятъ мой офицерскій сюртукъ и фуражку; я одѣваюсь, иду за нимъ и тихонько спрашиваю:

— Насъ будутъ разстрѣливать?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, вамъ будутъ читать сентенцію.

Въ комнатѣ, куда ввели меня, было уже довольно много товарищей нашего разряда; тутъ были: генералъ М. А. фонъ-Визинъ, полковникъ Абрамовъ, подполковникъ Фаленбергъ, полковникъ Нарышкинъ, маіоръ

Лихаревъ, офицеръ конной гвардіи князь А. И. Одоевскій, армейскіе офицеры: Шишковъ, офицеръ генеральнаго штаба Бобрищевъ-Пушкинъ, армейскій офицеръ грекъ Мазгани, комиссаріатскій чиновникъ Ивановъ, я и братъ.

Тутъ начались объятія, разговоры, разъясненія, но это продолжалось недолго; скоро отворились двери и насъ по списку, одного за другимъ, ввели въ большую залу, уставленную столами, за которыми сидѣли судьи верховнаго уголовнаго суда. Все это было въ лентахъ и звѣздахъ. Всѣ высшіе сановники государства и церкви. Насъ поставили передъ этимъ торжественнымъ собраніемъ, грозно на насъ смотрѣвшимъ, во фронтъ, какъ были мы введены по списку и затѣмъ секретарь или не знаю какой-то важный чиновникъ началъ читать громко. Назвавъ каждаго по чину, по имени и фамиліи, онъ прочиталъ описанныя преступленія, состоявшія въ покушеніи ниспровергнуть государственную власть и законы, въ сознаніи объ умыслѣ на цареубійство, въ участіи въ военномъ возмущеніи, и за таковыя преступленія онъ громко и съ разстановкой произнесъ приговоръ: лишаются чиновъ, орденовъ, дворянства и ссылаются въ каторжныя работы въ рудникахъ на 12 лѣтъ.

Мы, конечно, молча выслушали приговоръ; но онъ не произвелъ на меня большаго впечатлѣнія, такъ какъ я ожидалъ приговора смертнаго, а когда въ молодости человѣку оставляется жизнь вмѣсто смерти, то лучезарная надежда снова посѣщаетъ сердце и приноситъ отраду. Все же, думалъ я, это не казематъ, не страшное для молодости одиночество каземата съ своими неумолимыми мыслями и представленіями; тутъ хотя по

временамъ, но будетъ надъ головою чудное небо, куда мой взоръ уже мысленно привыкъ возлетать изъ глубины каземата; тутъ будетъ лучезарное солнце, прекрасныя облака; тутъ будетъ бездна воздуха, котораго недоставало въ казематѣ; тутъ будутъ товарищи, съ которыми мы будемъ вмѣстѣ дѣлить свою участь, которой горечь много усладится чрезъ это общеніе; тутъ будетъ дружба, сочувствіе, пріятныя умныя бесѣды, можетъ быть, религіозныя, которыя теперь для меня были самыми отрадными, словомъ, послѣ ожиданія смерти это было какъ бы воскресеніемъ для меня, молодого, пылкаго и всегда поэтически настроеннаго. Когда насъ вывели изъ залы, мы снова распрощались другъ съ другомъ, потому что насъ снова размѣстили по казематамъ; но едва только началась заря, снова вывели на какую-то площадь, гдѣ должно было совершиться исполненіе приговора, а несчастныхъ, осужденныхъ на смерть, повели на гласисъ, гдѣ были устроены висѣлицы. Но этого мы не видали, такъ какъ насъ, моряковъ, повели на берегъ, посадили въ арестантское закрытое судно, ввели въ каюту съ двумя маленькими окнами, съ желѣзными рѣшетками и мы поплыли въ Кронштадтъ, чтобы исполненіе приговора совершилось на флагманскомъ кораблѣ. Еще прежде, нежели насъ заключили въ эту плавучую тюрьму, къ намъ на площади подошелъ Дивовъ, бросился намъ на шею и со слезами на глазахъ сказалъ:

— Братья Бѣляевы, простите ли вы мнѣ, вѣдь это я погубилъ васъ всѣхъ!

— Не будемъ вспоминать того, что было, сказали мы, и останемся друзьями, какими мы были.

На кораблѣ адмиралъ Кроунъ, у котораго мы служили прошлый годъ на томъ самомъ флагманскомъ корабле „Сысой Великій“ и который былъ очень расположенъ къ намъ, увидѣвъ насъ, судорожно сложилъ свои руки, поднявъ глаза къ небу, а потомъ прочелъ приговоръ. Затѣмъ надъ каждымъ изъ насъ были сломаны наши сабли, сняты наши сюртуки и потоплены въ морѣ, какъ мундиры сухопутно-военныхъ товарищей были преданы огню, такъ что мы могли сказать, что прошли огонь и воду. На насъ надѣли матросскіе бушлатики и, посадивъ въ ту же арестантскую лодку, повезли обратно въ крѣпость. На набережной судно зачѣмъ-то остановилось и тотчасъ собралась несмѣтная толпа, въ которой многіе узнали своихъ родныхъ и знакомыхъ, но это только издали, такъ какъ лодка стояла по серединѣ Невы. Въ казематы мы вошли ночью и улеглись спать. На другой день, по голосу, мы съ братомъ узнали, что казематы наши были одинъ противъ другаго, а это давало намъ возможность разговаривать откровенно, но, конечно, больше по-французски, такъ какъ могли быть подслушивающіе и, вотъ что значитъ молодость и легкомысліе! мы съ братомъ хохотали до слезъ, чему бы вы думали? тому, что мы теперь были sans façon, что въ учебныхъ разговорахъ переводилось словомъ „безъ чиновъ“.

Послѣ исполненія приговора намъ уже не давали казеннаго чаю, такъ какъ мы поступили на положеніе, вѣроятно, каторжныхъ. Но вдругъ, однажды, мнѣ и брату приносятъ большую корзинку съ сахаромъ, правильными кубиками наколотымъ или распиленнымъ; нѣсколько фунтовъ чаю и цѣлую корзину сахарныхъ сухарей и бу-

лочекъ; все это до самаго нашего отправленія въ Сибирь присылала намъ аккуратно незабвенная княгиня Варвара Сергѣевна Долгорукая, тогда уже возвратившаяся изъ-за границы. Однажды даже, какъ намъ передалъ плацъ-адъютантъ, она пріѣзжала въ крѣпость, чтобъ видѣться съ нами, такъ какъ послѣ сентенціи роднымъ дозволялись свиданія при плацъ-маіорѣ и комендантѣ; но ей комендантъ отказалъ въ свиданіи, какъ не бывшей намъ родной, хотя она по чувствамъ была такой родной, съ какой немногіе изъ кровныхъ могутъ сравниться. Передъ отъѣздомъ въ Сибирь отъ нея же привозилъ мнѣ 200 руб. нашъ добрый пастырь и другъ заключенныхъ, покойный отецъ Петръ, казанскій протоіерей, но я не рѣшился принять денегъ, полагая, что при отправкѣ насъ станутъ обыскивать и будетъ спрошено, кто передалъ мнѣ деньги. Онъ отдалъ ихъ плацъ-маіору, который передалъ фельдъегерю на наши дорожные расходы.

Послѣ сентенціи, когда мы опять были заперты въ казематѣ, вдругъ отворяется моя дверь и входитъ отецъ Петръ съ чашей божественныхъ тайнъ, тѣла и крови Господней. Я палъ ницъ предъ этой дивной чашей нашего Спасителя. Онъ исповѣдалъ меня, далъ именемъ Господа разрѣшеніе моихъ грѣховъ и заблужденій и пріобщилъ св. тайнъ. О, съ какимъ чувствомъ повергся я во прахъ передъ этой божественной чашею! Съ какою любовью, съ какою благодарностью я принялъ эти чудные дары неизреченнаго милосердія, этотъ залогъ отпущенія грѣховъ и умиротворенія совѣсти; послѣ чего и дѣйствительно сердце исполнилось невозмутимаго покоя.

Между дорожными вещами, намъ присланными, были также ваточные шелковые нагрудники, на которыхъ я увидѣлъ что-то написанное чернилами. Написано было: „Александру Петровичу Олинька сшила.“. Эти простыя слова тронули меня до глубины сердца. Олинька эта была горничной дѣвушкой у моихъ сестеръ, когда онѣ жили у княгини.

Послѣ сентенціи думали, что насъ сейчасъ отправятъ по назначенію, однакожъ мы долго оставались въ казематахъ; но теперь противъ меня былъ братъ, а возлѣ полковникъ, теперь безъ чиновъ, Аврамовъ, бывшій командиръ казанскаго полка, прекрасной души человѣкъ, который иначе не обращался къ намъ съ братомъ какъ со словами: mes enfants. Это уже были дни отрады. Мы были очень веселы и часто сообщали другъ другу довольно смѣшныя идеи и беззаботно смѣялись. Въ это время насъ снабжали столомъ даже лучшимъ прежняго, на деньги присылаемыя извнѣ. Въ это время, послѣ пятимѣсячнаго воздержанія, принесли и мнѣ трубку и табакъ, чего я былъ лишенъ въ теченіи 5-ти мѣсяцевъ. Часто приносили намъ книги, Мы прочли многіе романы Вальтеръ-Скотта и Купера по-французски. Отъ души смѣялись надъ продѣлками Жильблаза, котораго герои были нарисованы однимъ изъ товарищей въ этой куртинѣ измаил. офиц. Гандебловымъ, съ которымъ мы были знакомы еще прежде.

Въ 12 часовъ 31-го декабря 1826 года куранты проиграли свои обычныя заунывныя трели, а когда колоколъ пробилъ 12, раздался голосъ Аврамова, поздравлявшій насъ съ новымъ годомъ. Отворилась дверь и, о, чудо! передо мною стоялъ сторожъ съ кривою

полузеленою рюмкой шампанскаго! Я уже упоминалъ, что послѣ сентенціи родственники платили за наше содержаніе и присылали все нужное; конечно, къ этому дню было прислано и шампанское.

Но эти отрадные дни заключенія продолжались недолго. Однажды какъ-то комендантъ вздумалъ пройти по корридорамъ, не заходя въ казематы. Вѣроятно, онъ ходилъ и часто, такъ какъ иногда слухъ уловлялъ какое-то таинственное шествіе по корридору, какой-то шепотъ, но въ этотъ разъ мы ничего не знали объ этомъ посѣщеніи и, на бѣду, что-то говорили съ братомъ; ночью является ко мнѣ крѣпостной офицеръ, бывшій помощникомъ плацъ-адъютанта, объявляетъ, что меня велѣно перевести въ другую куртину, и вотъ мы снова разлучены и, можетъ быть, на вѣки! Крѣпко сжалось сердце, но дѣлать было нечего, какъ слѣдовать съ нимъ вмѣстѣ по дворамъ и переходамъ и войти въ другую клѣтку, гдѣ уже исчезала наша молодая беззаботная радость. Тутъ я уже просидѣлъ до самаго отъѣзда въ Сибирь.

Этотъ послѣдній казематъ былъ скучнѣе прежнихъ. Тутъ не было бульвара, какъ въ Невской куртинѣ и, вообще, разлука съ братомъ производила очень грустное настроеніе. Хотя участь наша была рѣшена, значитъ мучительная неизвѣстность исчезла, хотя намъ давали книги и между романами, помню, была принесена огромная книга: „Путешествіе къ святымъ мѣстамъ“ Григоровича-Барскаго, которая доставила мнѣ много наслажденій, но все же казематъ давалъ себя чувствовать. Одиночное заключеніе, дѣйствительно, ужасно

. . . .

Изъ собственнаго моего опыта, я убѣдился, что одиночное заключеніе страшнѣе смертной казни, окружающей какимъ-то ореоломъ даже безумнаго комуниста въ глазахъ толпы......

Въ этомъ казематѣ я однажды услышалъ голосъ, басомъ пропѣвшій „je suis le capitaine de dragons“ изъ чего я заключилъ, что это былъ А. И. Якубовичъ но я не отвѣчалъ ему, опасаясь новаго перемѣщенія, еще худшаго. Отъ сторожа я только зналъ, что сидѣлъ въ этой куртинѣ, кромѣ Якубовича, офицеръ измайловскаго полка, кажется, Лапа, Вадковскій, другихъ не припомню.

Образъ жизни моей въ этомъ послѣднемъ казематѣ не измѣнился. Та же копоть изъ лампадки съ фонарнымъ масломъ, оставлявшимъ слѣды въ носу и легкихъ, тѣ же страшныя количествомъ блохи. Тѣ же два часа ходьбы по каземату, обѣдъ, отдыхъ и чтеніе до ночи. Но все же тутъ было легче сравнительно съ заключеніемъ до рѣшенія нашей участи, такъ какъ меня поддерживала увѣренность скораго отправленія и, дѣйствительно, я тутъ просидѣлъ только январь мѣсяцъ 1827-го года.

XI.

Отъѣздъ въ Сибирь.

1-го февраля 1827 года около 9-ти часовъ вечера, въ послѣдній разъ загремѣли мои дверные затворы и появился плацъ-адъютантъ Трусовъ, объявившій мнѣ

о нашемъ отправленіи въ Сибирь. Съ чувствомъ я простился съ нимъ, выразивъ ему свою искреннюю благодарность за все доброе участіе, какое онъ во все время заключенія оказывалъ мнѣ. Надѣвъ шубу и теплыя сапоги, я послѣдовалъ за нимъ въ домъ коменданта, гдѣ уже были Нарышкинъ, А. И. Одоевскій и мой братъ. Чрезъ нѣсколько минутъ по лѣстницѣ застучала та же деревяшка, которая при началѣ заключенія произвела на насъ такое непріятное впечатлѣніе перспективой пытки и тотъ же комендантъ Сукинъ произнесъ: „я имѣю высочайшее повелѣніе, заковавъ васъ въ цѣпи, отправить по назначенію". При этомъ онъ далъ знакъ, по которому появились сторожа съ оковами; насъ посадили, заковали ноги и дали веревочку въ руки для ихъ поддерживанія. Оковы были не очень тяжелы, но оказались не совсѣмъ удобными для движенія. Съ грохотомъ мы двинулись за фельдъегеремъ, которому насъ передали. У крыльца стояло нѣсколько троекъ. Насъ посадили по одному въ каждыя сани съ жандармомъ, которыхъ было четверо, столько же, сколько и насъ, и лошади тихо и таинственно тронулись. Городомъ мы проѣхали мимо дома Кочубея, великолѣпно освѣщеннаго, гдѣ стояли жандармы и пропасть каретъ [1]). Взглянувъ на этотъ балъ, одинъ изъ нашихъ спутниковъ, Одоевскій, написалъ потомъ свою думу, озаглавленную „Балъ мертвецовъ".

Когда мы подъѣхали къ заставѣ, насъ съ братомъ посадили въ однѣ сани, а Нарышкина съ Одоевскимъ

---

[1]) Домъ Кочубея—впослѣдствіи домъ III-го отдѣленія. О балахъ въ домѣ Кочубея въ 1827 году см. „Записки кн. Голицына" въ „Рус. Старинѣ", томъ XXX (мартъ).

въ другія; на облучкахъ помѣстилось по одному жандарму въ нашихъ саняхъ, а другіе два помѣстились съ фельдъегеремъ. Теперь уже мы быстро помчались за санями фельдъегеря и колокольчикъ заунывно запѣлъ въ тишинѣ ночи. Звуки эти, давно знакомые намъ при самыхъ счастливыхъ и радостныхъ обстоятельствахъ жизни, теперь пробудили въ душѣ самыя тяжелыя мысли и неумолимая грусть камнемъ налегла на сердце; теперь звуки эти перенесли насъ далеко подъ родной кровъ, въ среду милой семьи, гдѣ представилась мнѣ наша нѣжная, чудная мать, юныя, милыя, любящія сестры, которыя, можетъ быть, въ эту самую минуту проливаютъ слезы о погибели нашей и вѣчной разлукѣ. Да, тяжело быть причиной несчастія и слезъ чьихъ бы то ни было, даже врага; каково же сознавать, что былъ причиной несчастія и слезъ людей самыхъ дорогихъ сердцу!

На станціяхъ мы ближе познакомились съ нашими спутниками, и съ этой поры до самой вѣчной разлуки насъ связывала съ ними самая искренняя задушевная дружба, особенно съ (кн.) Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, который былъ намъ ровесникомъ по возрасту и роднымъ по нашимъ къ нему чувствамъ. Мы скоро увидѣли въ немъ не только поэта, но, скажу смѣло, даже великаго поэта; и я убѣжденъ, что еслибъ собраны были и явлены свѣту его многія тысячи стиховъ, то литература наша, конечно, отвела бы ему мѣсто рядомъ съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ и другими первоклассными поэтами. Онъ былъ очень разсѣянъ, беспеченъ, временемъ до неистовства веселъ, временемъ сумрачно задумчивъ, и хотя конечно онъ не могъ не

сознавать своего дара, но былъ до того апатиченъ, что нужно было безпрестанно поджигать его, чтобъ заставить писать. Большую часть его стиховъ мы съ братомъ и съ Петромъ Александровичемъ Мухановымъ рѣшительно можемъ отнести къ нашимъ усиліямъ и убѣжденіямъ. Первыми его слушателями, критиками и цѣнителями всегда были мы съ Мухановымъ и Ивашевымъ. Но объ немъ разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Помню, что на дорогѣ въ Шлиссельбургъ насъ перегоняли тройки, которыхъ, не смотря на всѣ усилія фельдъегеря, мы не могли перегнать; онъ догадывался, что это были нѣкоторыя изъ супругъ нашихъ товарищей и что чрезвычайно его волновало. На станціи возлѣ нашей комнаты появился кто-то изъ нихъ и онѣ черезъ дверь, запертую конечно, могли перекинуться нѣсколькими словами съ Нарышкинымъ. Когда мы сѣли съ братомъ въ повозку, въ воротахъ подъ сводомъ къ намъ подошла поспѣшно очень молодая дама чудной красоты и, протянувъ руку, хотѣла намъ всунуть пачку ассигнацій. Мы съ братомъ, конечно, отказались, сказавъ ей, что мы деньги имѣемъ у фельдъегеря, но она настаивала на томъ, чтобъ мы взяли, но тутъ раздалось грозное слово: „пошелъ“ и мы разстались, съ чувствомъ пожавъ ей руку. Это нѣжное участіе въ судьбѣ нашей, придававшее столько прелести и безъ того прелестной женщинѣ, эта торопливо протянутая рука съ деньгами до сихъ поръ такъ живо припоминаются мнѣ, какъ будто это было вчера, тогда какъ съ этого дня протекло уже 50 лѣтъ и давно уже этотъ образъ покоится въ могилѣ. На слѣдующей станціи опять въ сторонѣ обогнали насъ тройки, и когда мы вышли изъ по-

возокъ и входили по небольшой лѣстницѣ, то примѣтили стоявшихъ крестьянокъ, но тутъ дамская обувь предала ихъ и показала намъ, что это опять были тѣ же дамы, которыя были и на прежней перемѣнѣ лошадей. Потомъ уже въ Сибири мы узнали, что одна, а именно та, которая давала намъ деньги, была жена Ивана Дмитріевича Якушкина, а другую уже не помню, кажется Наталья Дмитріевна фонъ-Визинъ. Наталью Дмитріевну мы знали въ Сибири и потомъ видѣли въ Москвѣ, а нашу молодую благодѣтельницу не знали, такъ какъ мужъ ея желалъ, чтобъ она не ѣздила къ нему, а осталась въ Россіи для воспитанія сына [1]) и потому никогда не могли ей выразить нашей благодарности за ея намѣреніе помочь намъ. Такъ какъ путь нашъ совершался весьма быстро, станціи только мелькали, такъ сказать, передъ нами, то единственное впечатлѣніе, вынесенное изъ этого путешествія — это утомленіе отъ безпрерывной ѣзды, безпокойство и холодъ отъ оковъ и нѣкоторая отрада, когда черезъ двѣ ночи въ третью останавливались ночевать. Тутъ къ намъ возвращалась наша обычная веселость за чаемъ, а потомъ мы крѣпко засыпали до ранняго выѣзда. Въ Комышковѣ насъ принялъ у себя въ домѣ благороднѣйшій и добрѣйшій старичекъ почтмейстеръ. Онъ принималъ, поилъ, кормилъ и покоилъ всѣ проѣзжавшія партіи нашихъ товарищей, которые всѣ съ чувствомъ благодарили его за гостепріимство.

Въ Тобольскъ мы пріѣхали днемъ и прямо къ полицмейстеру въ домъ. Онъ отвелъ намъ нѣсколько ком-

[1]) Евгенія Ивановича Якушкина.

натъ, съ величайшею любезностью озаботился о нашемъ ночлегѣ, чтобы намъ было покойно, и такъ насъ принялъ, что мы должны были совершенно забыть, что были въ оковахъ ссыльно-каторжные и ѣхали въ рудники. У него мы обѣдали. За столомъ было нѣсколько постороннихъ лицъ, вѣроятно полюбопытствовавшихъ насъ видѣть; разговоръ былъ весьма оживленный и интересный, хотя конечно не политическій. Передъ обѣдомъ насъ возили къ губернатору Дмитрію Николаевичу Бантышъ-Каменскому, который тоже принялъ насъ очень ласково. Помнится, что во время нашего пребыванія въ Тобольскѣ оковы наши были съ насъ сняты, чтобы дать отдохнуть намъ отъ долгаго пути. Тутъ мы простились съ нашими добрыми жандармами которые вмѣсто стражей были буквально нашими усердными слугами. Не помню уже, сколько времени мы пробыли въ Тобольскѣ, но, кажется, болѣе двухъ дней. Затѣмъ мы отправились въ Иркутскъ съ тѣмъ же фельдъегеремъ, только вмѣсто жандармовъ были назначены линейные сибирскіе казаки. По дорогѣ отъ Тобольска до Иркутска мы останавливались въ Томскѣ, гдѣ также были приняты радушно, но уже не помню всѣхъ обстоятельствъ нашей остановки, которая была очень коротка.

Въ Красноярскѣ на станціи насъ посѣтилъ совѣтникъ правленія Коноваловъ, очень любезный и внимательный человѣкъ, который въ разговорѣ разсказалъ намъ о княгинѣ Трубецкой и ея геройской рѣшимости, бросивъ карету, скакать на перекладной. Коноваловъ, кажется, первый устроилъ въ Сибири стеклянный заводъ, и его посуда, стаканы, кувшины для кваса и

молока, расходились по всей Сибири. Тутъ мы не успѣли даже пообѣдать, такъ торопился нашъ фельдъегерь. Когда же выѣхали изъ города, то попросили его заѣхать въ первое село, чтобы пообѣдать. Онъ согласился и мы въѣхали въ первую по дорогѣ избу; но избой я неправильно назвалъ очень хорошій домъ, гдѣ царствовала необыкновенная чистота. Полы, потолки, скамьи изъ кедроваго дерева, все это блестѣло, и на полъ уронивъ хлѣбъ, смѣло можно было его ѣсть. Въ Сибири два раза въ недѣлю все моется, скоблится, а печи бѣлятся. Хозяева, простые крестьяне-сибиряки, очень радушно насъ приняли; такія же опрятныя хозяюшки накрыли тотчасъ столъ и поставили кушанья. Каково же было наше удивленіе, когда этихъ кушаній, похлебокъ, говядины, каши, жареной дичи, пирожныхъ колечекъ съ вареньемъ оказалось до шести блюдъ; превосходный пѣнистый квасъ намъ подали въ стеклянныхъ зеленыхъ кувшинахъ завода Коновалова, а когда мы хотѣли заплатить за обѣдъ, то хозяинъ и хозяйка обидѣлись, сказавъ: „что это вы, господа? у насъ, слава Богу, есть чего подать". Не знаю, какъ теперь, но тогда Сибирь была житницей, въ которой, по выраженію нѣкоторыхъ крестьянъ, они по 20-ти лѣтъ не видѣли дна у своихъ сусѣковъ. Крестьяне старожилы имѣли по 200, 300 штукъ рогатаго скота и 30-ти, по 40 и 50-ти лошадей; словомъ, довольство и необыкновенная чистота, даже въ самыхъ небольшихъ избахъ, особенно послѣ русскихъ дымныхъ и отвратительныхъ хижинъ помѣщичьихъ крестьянъ, поражала. Тутъ-то мы съ торжествомъ говорили: „вотъ что значитъ свобода! Правда, не одна свобода, конечно, совершила это бла-

годенствіе народа, но къ ней еще надо прибавить безграничныя пространства превосходной дѣвственной земли чистѣйшаго чернозема и безпредѣльныя пастбища. Но откуда взялась эта всеобщая, до педантства простиравшаяся, чистота и опрятность, то это поистинѣ непонятно. Край этотъ не имѣлъ никакого сообщенія съ западнымъ цивилизованнымъ міромъ. Нѣкоторые думаютъ, что это было вліяніе извѣстныхъ сибирскихъ администраторовъ, каковы были губернаторъ Трескинъ при генералъ-губернаторѣ Пестелѣ и исправникъ Лоскутовъ, но все же это ихъ вліяніе должно было ограничиваться тѣмъ округомъ, гдѣ дѣйствовало ихъ управленіе; современемъ это вліяніе все же должно было прекратиться; а здѣсь, напротивъ, эта чистота общая губерніямъ всей Сибири: Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской, за Байкаломъ и повсюду.

Иркутскъ не былъ для насъ такъ гостепріименъ. Тутъ насъ привезли прямо въ острогъ, гдѣ отвели, конечно, особое помѣщеніе. Мы съ удовольствіемъ узнали, что часовыми у нашихъ дверей были семеновскіе солдаты, сосланные сюда за семеновскую исторію. Какъ благородно выдержали себя эти чудные солдаты. Эти люди были здѣсь образцомъ дисциплины и безукоризненны въ поведеніи, какъ будто носили въ душѣ воспоминаніе того, что они были первымъ полкомъ въ гвардіи; и не одною только выправкою и фронтомъ, а особенно своимъ благороднымъ поведеніемъ и развитостью; конечно, они были обязаны этимъ своимъ превосходнымъ командирамъ, какъ Потемкинъ, и своимъ ротнымъ командирамъ и вообще всѣмъ офицерамъ, отличавшимся прекраснымъ воспитаніемъ и рыцарскимъ благородствомъ.

Въ Иркутскѣ мы простились съ нашими казаками. До Читы за Байкаломъ, куда насъ теперь везли, уже приходилось пересаживаться изъ саней въ телѣги, такъ какъ былъ уже мартъ мѣсяцъ и снѣгъ вездѣ сошелъ. Байкалъ мы переѣхали еще по льду, на которомъ не было ни снѣжинки; снѣгъ никогда не удерживается на Байкалѣ, такъ какъ онъ замерзаетъ гладко, а не становится торосомъ отъ наноснаго льда. Не смотря на толщину, вода была видна на порядочную глубину. Этотъ переѣздъ дѣлается на однѣхъ лошадяхъ, съ небольшимъ въ два часа, такъ какъ тройки выдерживаемыхъ лошадей несутся почти все это разстояніе въ карьеръ съ небольшими роздыхами.

Мы вышли у пустыннаго, но живописнаго Посольскаго монастыря, который осмотрѣли, руководимые монахами. Въ это время въ монастырѣ было не болѣе четырехъ. Тутъ мы, напившись чаю, отправились далѣе и уже путь нашъ не представлялъ ничего замѣчательнаго.

XII.

Въ Сибири: въ Читѣ и въ Петровскѣ.

Въ Читѣ мы уже нашли многихъ изъ нашихъ товарищей, пріѣхавшихъ раньше насъ. Сначала насъ ввели въ средній казематъ, гдѣ могли помѣститься только четверо. Осматривалъ наши чемоданы, грубо приказывая все вынимать и показывать, очень грубый дослу-

жившійся изъ солдатъ офицеръ и ротный инвалидный командиръ Степановъ, говорившій съ нами языкомъ тюремщика, относясь, разумѣется, какъ къ ссыльно-каторжнымъ и говоря намъ ты. Здѣсь мы переночевали, а на другой день насъ помѣстили въ одну изъ боковыхъ, довольно большую комнату, гдѣ были сдѣланы нары для ночлега и сидѣнья. Въ углу между печью и окномъ могли помѣститься трое и эти трое были Ник. Ив. Лореръ, Нарышкинъ и Мих. Александровичъ фонъ-Визинъ. На большихъ же нарахъ вдоль стѣнъ помѣщались мы съ братомъ, Одоевскій, Шишковъ и еще кто не помню. (Въ углу стояла знакомая парашка). На ночь насъ запирали. Выходить за двери могли не иначе, какъ съ конвоемъ; выходить не куда нибудь изъ тюрьмы, а въ самой тюрьмѣ. Гулять дозволялось по двору, обставленному высокимъ заостреннымъ частоколомъ. Когда наступила весна, въ это время уже пріѣхалъ Г. Лепарскій, который посѣтилъ казематъ и обошелся съ нами очень кротко, сказавъ, что онъ готовъ все сдѣлать, чтобъ облегчить нашу участь, но что въ то же время будетъ строго держаться данной ему инструкціи. Изъ нашихъ товарищей многихъ онъ зналъ во время ихъ службы. Весною онъ дозволилъ намъ заняться устройствомъ на дворѣ маленькаго сада. Мы устроили клумбы съ цвѣтами, обложенныя дерномъ. Посреди сада устроили на круглой насыпи, обшитой дерномъ, цвѣтникъ, а среди его солнечные часы на каменномъ столбѣ. Для утвержденія горизонтальной доски и циферблата употребляли, вмѣсто ватерпаса, длинную прежнюю одеколонную банку съ водой. Устроителемъ былъ Фаленбергъ. Эти работы мы дѣлали въ сво-

бодное отъ казенныхъ работъ время и въ праздники. Казенныя же работы производились при постройкѣ большаго каземата, гдѣ должно было помѣститься потомъ почти все общество и куда насъ къ зимѣ и перевели. Изъ прежнихъ казематовъ одинъ оставленъ былъ подъ лазаретъ, а въ другомъ, называемомъ маленькимъ, помѣщено было, для большаго простора, человѣкъ пять товарищей. Мы копали канавы для фундамента, а какъ земля еще была мерзлая, то прорубали ледъ кирками. Но казематъ этотъ не могъ поспѣть ранѣе зимы. Лѣтомъ работали плотники, а насъ водили на конецъ этого маленькаго селенія зарывать оврагъ. Около этого оврага росло нѣсколько роскошныхъ бальзамическихъ тополей, подъ тѣнью которыхъ мы отдыхали. Тутъ обыкновенно читали, бесѣдовали, играли въ шахматы, и, возвращаясь домой къ обѣду, обыкновенно пѣли и по большей части: „Allons, enfants de la Patrie“, такъ какъ эта пѣсня дѣйствительно подходила къ намъ, разумѣется только этими начальными словами, хотя остальными вовсе не подходила уже къ мирному настроенію, какъ нашему съ братомъ, такъ и большей части товарищей.

Многимъ изъ нашихъ товарищей, имѣвшимъ въ Россіи большое состояніе, оставшееся роднымъ, присылались всѣ журналы и газеты, какъ русскіе, такъ и иностранные. Къ чести правительства, въ этомъ оно было очень великодушно, и даже англійскіе журналы, самые либеральные, намъ передавались исправно. Книгъ посылалось множество, отъ самыхъ серьезныхъ политическихъ, философическихъ до легкихъ романовъ. Тогда въ Россіи наша литература была еще очень скудна и

потому всѣ книги были на французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и весьма немного на русскомъ языкахъ. Комендантъ долженъ былъ пересматривать все, что посылалось, и сначала онъ на каждой книгѣ подписывалъ: „читалъ Лепарскій“, но видя, что количество присылаемыхъ книгъ превышаетъ всякую возможность ихъ прочесть, то онъ уже сталъ выставлять: „видѣлъ Лепарскій“. Эта послѣдняя подпись красуется и теперь хранится у меня на огромной въ 14 томовъ Всеобщей исторіи (Histoire Général).

Сначала изъ нашихъ дамъ, этихъ добрыхъ нашихъ геніевъ, мы застали одну Александру Григорьевну Муравьеву. Потомъ, когда въ ново-выстроенный большой казематъ къ намъ перевели товарищей, бывшихъ въ Благодатскихъ рудникахъ, съ ними пріѣхали княгиня Трубецкая и княгиня Волконская, которыя жили съ ними въ рудникахъ. Онѣ заняли квартиры близь каземата, куда допускались для свиданія съ мужьями и родными два раза въ недѣлю. Въ одно изъ этихъ свиданій чуть было не произошла страшная катастрофа, описанная уже у другихъ декабристовъ въ ихъ записках (Басаргина).

Въ первое лѣто, однажды, мы ходили по своему двору, какъ вдругъ увидѣли подъѣхавшую карету. Нарышкинъ, гулявшій съ нами, узналъ карету своей жены, бросился къ ней, позабывъ, что передъ нимъ частоколъ, а она, когда вышла изъ кареты и увидѣла его за частоколомъ въ оковахъ, упала въ обморокъ. Тутъ началась страшная суматоха между всѣми нами, — кто бѣжалъ за водой, которую все же нельзя было подать сквозь частоколъ, ни черезъ частоколъ очень высокій; нѣкоторые же

изъ товарищей догадались послать за дежурнымъ плацъ-адъютантомъ, который принесъ ключъ отъ воротъ и выпустилъ Нарышкина къ женѣ его, которую сейчасъ же увела къ себѣ Александра Григорьевна Муравьева, увидѣвшая карету и въ это время вышедшая изъ своей квартиры.

Первое время послѣ нашего пріѣзда, конечно, мы не имѣли ни провизіи, ни посуды и ничего устроеннаго для нашего содержанія. Намъ шло по 8 коп., полагавшихся по закону на сосланныхъ въ работы, и конечно мы бы должны были сидѣть на одномъ хлѣбѣ и водѣ, но въ это-то самое время мы имѣли такое содержаніе, которое можно назвать роскошнымъ. Все это присылалось отъ нашихъ дамъ. Чего не приносили намъ отъ этихъ чудныхъ добрыхъ существъ! Чего должно было имъ стоить это наше прокормленіе! Какихъ хлопотъ и заботъ требовало оно отъ нихъ лично, потому что это была дикая пустыня, а не столица, гдѣ съ деньгами можно все устроить, не безпокоя себя. И вотъ теперь только въ первый разъ мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: какъ онѣ это дѣлали? Гдѣ брали все то, что намъ присылали? Откуда могли онѣ доставать такія огромныя количества провизіи, которыя нужны, чтобъ удовлетворить такую артель,—вѣдь насъ было сначала человѣкъ тридцать, а потомъ еще болѣе. Пока не устроилась артель, не былъ выбранъ хозяинъ, опредѣлены повара и чередовались дежурные по кухнѣ, пока это все устроилось, говорю, прошло много времени и во все это время эти великодушныя существа, отказывая, я думаю, себѣ во всемъ, къ чему онѣ привыкли въ прежней жизни, не переставали кормить насъ, можно ска-

зать, роскошно. Кто, кромѣ всемогущаго Мздовоздателя можетъ достойно воздать вамъ, чудныя ангело-подобныя существа! Слава и краса вашего пола! Слава страны, васъ произрастившей! Слава мужей, удостоившихся такой безграничной любви и такой преданности такихъ чудныхъ идеальныхъ женъ! Вы стали, по-истинѣ, образцомъ самоотверженія, мужества, твердости при всей юности, нѣжности и слабости вашего пола. Да будутъ незабвенны имена ваши!

За этими первыми дамами, пріѣхавшими спачала, стали появляться другія: Наталья Дмитріевна фонъ-Визинъ, Юшневская, Янтальцева, Давыдова, баронесса Александра Ивановна Розенъ; въ это же время пріѣхала, по высочайшему соизволенію, Прасковья Ивановна Анненкова, молодая француженка, лично просившая императора дозволить ей ѣхать въ Сибирь и раздѣлить участь отца своего ребенка, а такъ какъ нельзя было ей посвятить себя любимому ею человѣку иначе, какъ ставъ его женою, то она въ самый день пріѣзда или на другой день была съ нимъ обвѣнчана. Потомъ еще пріѣхала невѣстой Ивашева, молодая 20-ти-лѣтняя и прелестная собою Камилла Петровна le Dantue и на другой же день была свадьба. Эта свадьба была дѣйствительно романическою, а спасительною для него тѣмъ, что отвлекла его отъ погубнаго предпріятія бѣжать изъ каземата рѣкою Амуромъ. Разскажу поподробнѣе этотъ эпизодъ, такъ какъ по дружбѣ съ Ивашевымъ мы были почти участниками въ этомъ его предпріятіи.

Какъ Ивашевъ, такъ и я были фантастически настроенныя головы и прозябаніе въ такой жизни, какая

досталась намъ на долю, было не по насъ, къ тому же мы всегда любили сильныя ощущенія: разныя приключенія, опасности имѣли для насъ чудную прелесть. Тутъ передъ нами раскидывалась необозримая, чудная, хотя и дикая, пустынная природа; новыя невѣдомыя страны, гигантская рѣка, все это намъ представлялось въ очаровательныхъ образахъ и манило съ необычайною силою. Мы, конечно, сознавали, что тутъ нужны будутъ большія физическія усилія, лишенія, но затѣмъ намъ представлялся очаровательный отдыхъ подъ кровомъ небеснаго свода, среди дружеской бесѣды, надежда, мечтанія о будущемъ и т. д. Можетъ быть мы и обольщали себя, какъ уже это было испытано мною при слѣдствіи въ казематѣ, но въ этомъ случаѣ мы чувствовали въ себѣ столько рѣшимости и мужества, что готовы были пуститься, очертя голову, въ самое отважное предпріятіе, тѣмъ легче, что тутъ мы рисковали только лично собою. Ивашевъ гдѣ-то вычиталъ и уже пріискалъ какой-то корень, который, при употребленіи его въ пищу, могъ долго поддерживать наши силы. Путь нашъ мы располагали совершить все водой, сдѣлавъ себѣ плотъ, начиная съ рѣки Читы, впадающей въ Ингоду, изъ Ингоды въ Шилку, составляющую съ Аргунью истокъ Амура, и наконецъ Амуромъ до Сахалина и океана.

Взглянувъ на подобное предпріятіе здраво, безъ увлеченія, оно, конечно, было не только гибельно, но и безразсудно; мы же думали не такъ и считали его возможнымъ, надѣясь на то, что никто бы не остановилъ насъ среди огромной, почти пустынной рѣки до океана, гдѣ мы могли встрѣтить американскій корабль. Всего

труднѣе было добраться до нея, но тутъ мы полагались на авось. Въ это самое время, къ счастью нашему, Ивашевъ получилъ отъ сестры своей, Языковой, первое письмо, въ которомъ таинственно спрашивала она его, помнитъ ли онъ такую-то молодую дѣвушку, которая когда-то нравилась ему, которой онъ даже сочинялъ стихи. Онъ отвѣчалъ, что очень помнитъ, а также и то, что она очень нравилась ему, только не понимаетъ, что значитъ этотъ вопросъ. До слѣдующаго отвѣта прошло довольно долго, но письмо это уже стало занимать его и предпріятіе наше пока отложилось. Слѣдующія письма уже разъяснили ему, что если она и теперь еще ему нравится, то онъ можетъ соединиться съ нею, такъ какъ она тайно, въ глубинѣ сердца, любила его и выразила полную рѣшимость выйти за него и раздѣлить съ нимъ его судьбу. Разумѣется, онъ былъ въ восторгѣ; съ дозволенія коменданта, который уже былъ извѣщенъ о разрѣшеніи государя, сталъ устраивать для нея небольшой, но уютный домикъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ его извѣстили о ея пріѣздѣ. Она остановилась у Марьи Николаевны Волконской. Понятно, каково могло быть первое свиданіе. Затѣмъ сдѣланы всѣ распоряженія для свадьбы, которая вскорѣ и совершилась. Хотя эта романическая повѣсть и была кратко описана, но я передамъ ее какъ слышалъ отъ Ивашева. Мать ея, m-me le Dantue, была гувернанткой его сестеръ и дочь жила съ нею. Когда Ивашевъ пріѣзжалъ въ отпускъ, гдѣ постоянно была въ его семейномъ кругу и она, то, конечно, скоро замѣтилъ хорошенькую Камиллу Петровну; оказывалъ ей большое вниманіе, нѣсколько ухаживалъ за ней, писалъ ей стихи,

вѣроятно, нѣжнаго свойства; но хотя все это было какъ пріятное препровожденіе времени, однакожъ и сердце принимало тутъ участіе. Съ отъѣздомъ его въ армію все это кончилось. Но оно не кончилось для молодой дѣвушки съ нѣжнымъ сердцемъ; и съ того времени въ ней возгорѣлась истинная страстная любовь, которую она скрыла въ глубинѣ своего сердца. Когда же постигло Ивашева это несчастіе, она заболѣла нервною горячкой, и какъ мать Ивашева часто бывала у ея постели, то горячечный бредъ больной открылъ ея тайну. Тогда-то она рѣшилась дать единственному сыну своему эту чудную дѣвушку подругой его жизни и тѣмъ облегчить его заточеніе. Когда, по выздоровленіи, мать Ивашева передала ей ея чувства, выразившіяся въ бреду, она сказала ей всю правду; узнавъ и о его чувствахъ къ ней, она, на предложеніе матери, изъявила рѣшимость ѣхать къ нему, чтобъ раздѣлить съ нимъ его участь. Ивашевъ былъ сынъ очень богатыхъ родителей и по своему положенію принадлежалъ къ высшему обществу; онъ былъ уменъ, хорошъ собой, прекрасно образованъ и къ тому еще обладалъ рѣдкимъ музыкальнымъ талантомъ. Извѣстный піанистъ Фильдъ гордился имъ, какъ своимъ ученикомъ. Все это вмѣстѣ взятое, по тогдашнимъ понятіямъ свѣта, конечно, ставило его много выше дочери бѣдной гувернантки.

Въ это время дамы наши уже устроились довольно хорошо, выстроили себѣ хорошенькіе дома, если далеко не подходившіе къ ихъ прежнимъ роскошнымъ жилищамъ, то все же со всѣми удобствами, какія ихъ значительныя средства могли доставить даже и въ такой пустынной странѣ. Онѣ для свиданія съ мужьями должны

были приходить въ казематъ при офицерѣ, но мало по малу строгость эта стала смягчаться и хотя, по ихъ просьбамъ, комендантъ всегда просилъ дать ему время „поконсультоваться“, какъ онъ выражался, конечно съ собою самимъ, а затѣмъ разрѣшалъ прошенія.

Такъ, подъ предлогомъ нездоровья женъ, мужей отпускали къ нимъ въ домъ, но для вида и для донесенія въ Петербургъ онъ требовалъ, чтобы обычныя свиданія были продолжаемы въ казематѣ. Это въ Читѣ.

На другой годъ мы перешли во вновь построенный большой казематъ; среднiй, въ который мы прiѣхали, былъ назначенъ для больныхъ, но тамъ были помѣщены и здоровые; 3-й маленькiй на крутомъ возвышенiи, близь рѣки, также занятъ за неимѣнiемъ мѣста. Въ нашей комнатѣ, которая называлась первымъ нумеромъ, были помѣщены у печки (бар.) Влад. Ив. Штейнгель, чрезъ столъ отъ него были двѣ наши съ братомъ кровати, возлѣ насъ былъ морякъ кап.-лейт. Конст. Петр. Торсонъ, за нимъ, кажется, Пановъ и (кн.) Щепинъ-Ростовскiй, въ углу; въ противоположномъ углу Ив. Александ. Анненковъ, полковникъ Повало-Швейковскiй, далѣе полковникъ Тизенгаузенъ, за нимъ Пав. Вас. Аврамовъ, остальныхъ не помню. Другой казематъ, помню только Кюхельбекера, Бобрищева-Пушкина, Розена, Загорѣцкаго, Басаргина, Шишкова, Тестова, Бесчастнаго. Еще двѣ комнаты противоположныя нашимъ, занимали: Муравьевы, Юшневскiй, Бестужевы, Николай и Михайло, Пущинъ, Свистуновъ, Одоевскiй, Завалишинъ и еще кто уже не припомню. Да и въ этомъ распредѣленiи, по забывчивости, можетъ быть ошибка.

Въ это время изъ присылаемыхъ безпрестанно книгъ уже составилась значительная библіотека, на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ. Всѣ читали и писали съ жадностью, въ праздности были немногіе.

Одежда наша понемногу изнашивалась, нужно было ее возобновить, но гдѣ взять портныхъ и сапожниковъ? И вотъ, начиная съ Бобрищева-Пушкина и др., явилась артель мастеровыхъ, состоявшая изъ слѣдующихъ лицъ: закройщикъ Павелъ Сергѣевичъ Пушкинъ, потомъ братъ мой, Оболенскій, Фроловъ, Загорѣцкій, Кюхельбекеръ и еще не помню. Пушкинъ по математикѣ дошелъ до искусства кроить и работа закипѣла. Помню, что Оболенскій пожертвовалъ мнѣ свое байковое одѣяло, изъ котораго мнѣ было сшито что-то въ родѣ казакина, въ которомъ и былъ сдѣланъ мой портретъ Николаемъ Бестужевымъ, снимавшимъ со всѣхъ насъ портреты. За портными слѣдовала артель столяровъ, въ которой особенно способными оказались тотъ же Пушкинъ, Фроловъ, Загорѣцкій и Кюхельбекеръ. Я также было присоединился къ этой артели и взялъ на себя сдѣлать большой столъ для обѣда и чая въ нашемъ номерѣ. Но увы, хотя я трудился усердно, но, не имѣя никакой способности вообще ко всѣмъ ручнымъ работамъ, да кажется и ни къ чему, столъ мой оказался такимъ, что для употребленія, хотя временнаго, ему понадобилось связывать ноги, а потомъ замѣнить другимъ, болѣе твердымъ. Конечно, это произведеніе моего искусства произвело взрывъ хохота, повторявшагося много дней, какъ только кто нибудь напоминалъ объ этомъ. Пушкинъ же сдѣлалъ для Елизаветы Петровны Нарышкиной большое кресло, такъ какъ она сильно страдала

разными нервными болѣзнями, да и всѣ наши благодѣтельницы часто подвергались сильнымъ болѣзнямъ, конечно вслѣдствіе всего перенесеннаго ими. Тутъ-то являлись во всей силѣ слова Господа: „духъ бодръ, плоть немощна"; другая подвергшаяся также страшной нервной болѣзни была Наталья Дмитріевна фонъ-Визинъ. Болѣзни этихъ двухъ дамъ особенно выдавались по ихъ жестокости, но всѣ дамы наши были подвержены сильнымъ и частымъ болѣзнямъ, а одна изъ первыхъ, Александра Григорьевна Муравьева, тамъ и умерла. Креслу Пушкина суждено было вмѣстѣ съ Нарышкиными переѣхали на Кавказъ, а потомъ въ Россію. Когда отецъ Пушкина увидѣлъ это кресло, работы своего сына, онъ заплакалъ и просилъ его у Елизаветы Петровны, а такъ какъ и ей не хотѣлось разстаться съ кресломъ, то она рѣшила, что по смерти ея кресло перейдетъ къ нему, а послѣ его смерти оно останется въ ея родѣ.

Многіе наши товарищи начали изучать языки, которыхъ прежде не знали. Такъ полковникъ фонъ-Бригенъ, какъ знатокъ, преподавалъ латинскій языкъ и многіе стали заниматься латынью, въ числѣ ихъ былъ и Влад. Ив. Штейнгель, которому и тогда уже было 50 лѣтъ. Мы съ братомъ стали изучать англійскій языкъ. Я учился этому языку еще въ корпусѣ и потому мнѣ приходилось повторять и припоминать, а братъ вовсе не зналъ его. Учителями нашими были Оболенскій, Чернышевъ и другіе, къ которымъ мы прибѣгали за совѣтами. При желаніи, при твердой волѣ, настойчивости, мы скоро овладѣли книжнымъ языкомъ и грамматикой, а чтобъ еще больше укрѣпиться въ языкѣ мы съ братомъ приняли на себя переводъ исторіи паденія

Римской имперіи Гибона; мы раздѣлили этотъ трудъ пополамъ и каждый взялъ шесть томовъ. Переводить исторію легче всякаго другаго сочиненія; къ повѣствовательному слогу скоро привыкаешь и онъ дѣлается очень легкимъ для пониманія; въ трудныхъ же мѣстахъ мы прибѣгали къ Оболенскому или къ кому нибудь изъ знавшихъ хорошо языкъ. Хотя мы имѣли нѣкоторыя способности писать порядочнымъ слогомъ, но тоже въ тонкостяхъ русскаго языка прибѣгали къ знатокамъ языка: Одоевскому, Алекс. Крюкову, Басаргину и другимъ. Такимъ образомъ мы кончили этотъ трудъ въ годъ. У насъ было положено не вставать отъ работы до тѣхъ поръ, пока не кончимъ десять страницъ каждый. Потомъ мы перевели „Красный разбойникъ“ Купера и „Водяная колдунья“ его же. Все это и до сихъ поръ въ рукописяхъ хранится у меня, потому что все это уже потомъ было переведено и издано; мы же не имѣли средствъ, ни возможности для напечатанія.

Нѣкоторые изъ товарищей занимались военными науками, которыя читались Никит. Мих. Муравьевымъ. Розенъ переводилъ „Часы Благоговѣнія“ съ нѣмецкаго. Ник. Алекс. Бестужевъ устроилъ часы своего изобрѣтенія съ горизонтальнымъ маятникомъ; тогда еще онъ, кажется, не являлся. Это было истинное, великое художественное произведеніе, принимая въ соображеніе то, что изобрѣтатель не имѣлъ всѣхъ нужныхъ инструментовъ. Какъ онъ устроилъ эти часы—это по-истинѣ загадка. Помню, что эти часы были выставлены имъ въ полномъ ходу въ одной изъ комнатъ. Эта работа его показала, какими необыкновенными геніальными способностями обладалъ онъ. Словомъ, въ нашей тюрьмѣ

всегда и всѣ были заняты чѣмъ нибудь полезнымъ, такъ что эта ссылка наша цѣлымъ обществомъ, въ средѣ котораго были образованнѣйшіе люди своего времени, при большихъ средствахъ, которыми располагали очень многіе и которыя давали возможность предаваться исключительно умственной жизни, была, такъ сказать, чудесною умственною школою, какъ въ нравственномъ, умственномъ, такъ и въ религіозномъ и философическомъ отношеніяхъ. Еслибъ мнѣ теперь предложили вмѣсто этой ссылки какое нибудь блестящее въ то время положеніе, то я бы предпочелъ эту ссылку. Тогда, можетъ быть, по суетности я бы поддался искушеніямъ и избралъ другое, которое было бы для меня гибельно.

Для нашихъ работъ, по окончаніи лѣта, была построена изба, гдѣ въ большой комнатѣ стояли ручные жернова, на которыхъ положено было смолоть 20 фунтовъ на пару, но и эта работа не требовалась строго, такъ что другіе вовсе не работали, нанимая смолоть за нихъ сторожей, которые, конечно, были рады получать этотъ заработокъ. Мы съ братомъ, Розенъ и еще многіе другіе, по гигіеническимъ причинамъ, работали сами собственно для того, чтобъ дѣлать движеніе для подкрѣпленія здоровья. Другая комната была назначена для отдыха, гдѣ бесѣдовали, читали, играли въ шахматы, а въ другихъ группахъ происходили различныя пренія, всегда серьезныя и научныя или политическія.

Съ Читы еще устроились различные хоры какъ духовныхъ пѣснопѣній и духовныхъ предпочтительно, такъ и разныхъ романсовъ. Многіе имѣли очень хорошіе голоса, пѣвали еще прежде въ салонахъ и знали

музыку. Потомъ уже были присланы и инструменты. У многихъ изъ нашихъ дамъ были въ домахъ рояли. Вадковскій, Өед. Өед., былъ замѣчательный скрипачъ. Также и другіе, еще прежде занимавшіеся музыкой, получили свои инструменты, такъ что могъ составиться прекрасный квартетъ: 1-я скрипка—Вадковскій, 2-я—Николай Крюковъ, альтъ—Алекс. Петр. Юшневскій, а потомъ на віолончели — Петръ Ник. Свистуновъ. Довольно забавно было, что квартетъ долженъ былъ помѣщаться на чердакѣ средняго каземата, такъ какъ въ комнатахъ нельзя было разставить стульевъ по причинѣ наръ и тѣсноты; потомъ, когда перешли въ большой казематъ, то мѣста было довольно.

Были у насъ и гитары, и флейта, на которой игралъ Игельштромъ, а на чеканѣ—Розенъ и Фаленбергъ. Музыка вообще, особенно квартетная, гдѣ игрались піесы лучшихъ знаменитѣйшихъ композиторовъ, доставляла истинное наслажденіе и казематная наша жизнь много просвѣтлѣла. Вскорѣ разрѣшено было многимъ изъ товарищей выстроить небольшія комнаты на дворѣ большаго каземата. Такъ имѣли домики Никита Мих. Муравьевъ, Юшневскій, Вадковскій и другіе. Помню, что въ домикѣ Вадковскаго мы спѣвались къ Свѣтлому воскресенью подъ руководствомъ регента нашего П. Н. Свистунова. Первая Пасха по пріѣздѣ нашемъ была очень грустная. Заутреню служилъ приходскій священникъ, часовъ въ 7 вечера, въ одномъ отдѣленіи каземата, гдѣ мы сначала были помѣщены. Помню только, что тогда еще никого изъ дамъ не было и эта встрѣча свѣтлаго дня, далеко отъ милыхъ сердцу женъ и дѣтей, многихъ такъ разстроила, что

они должны были удалиться, чтобъ скрыть свою слабость.

Когда мы были уже въ большомъ казематѣ, то къ намъ назначенъ былъ изъ Иркутска особенный протоіерей, который служилъ заутреню въ большой столовой залѣ, по возможности, довольно торжественно. На правомъ клиросѣ пѣли свои пѣвчіе подъ регентствомъ Свистунова и очень хорошо. Особенно хороша была музыка „Плотію уснувъ" на три голоса. Мотивъ остался тотъ же, но окончаніе было нѣсколько измѣнено. Тогда уже были наши благодѣтельныя милыя дамы, и слѣдовательно Пасха прошла въ полномъ довольствѣ и очень пріятно. Въ церковь не пускали, кромѣ причастія, которое совершалось въ храмѣ только по постамъ, и тогда снимались оковы. По воскресеньямъ же у насъ устроено было религіозное чтеніе. Это маленькое религіозное общество вѣрующихъ и любящихъ Господа собиралось въ одномъ уголку и чтеніе начиналось апостоломъ, потомъ читалось евангеліе, какая нибудь проповѣдь и кончалось главой изъ „Stunden der Andacht", т. е. „Часы благоговѣнія", переводъ Андрея Евгеніевича Розена, который всегда читалъ ее самъ. Это маленькое общество тотчасъ было прозвано конгрегаціей. Оно состояло изъ Павла Серг. Пушкина, Мих. Мих. Нарышкина, Ник. Ал. Крюкова, Евг. Петр. Оболенскаго, Дм. Иринарховича Завалишина, Ник. Вас. Басаргина, Одоевскаго, меня и брата, Шишкова, Мозголевскаго и другихъ, которыхъ не припомню, да, кажется, я и не забылъ никого. Иногда и не принадлежавшіе къ конгрегаціи заходили слушать. Эти воскресныя чтенія были весьма отрадны. Равнымъ образомъ 12 евангелій въ

великій четвергъ тоже читалось Бобрищевымъ-Пушкинымъ.

Понятно, что въ обществѣ, состоявшемъ слишкомъ изъ ста человѣкъ, въ огромномъ большинствѣ изъ людей съ высокимъ образованіемъ, въ ходу были самыя разнообразныя, самыя занимательныя и самыя глубокомысленныя идеи. Безъ сомнѣнія, при умственныхъ столкновеніяхъ серьезныхъ людей первое мѣсто всегда почти занимали идеи религіозныя и философическія, такъ какъ тутъ много было невѣрующихъ, отвергавшихъ всякую религію; были и скромные скептики и систематически ярые матеріялисты, изучившіе этотъ предметъ по всѣмъ извѣстнымъ тогда и сильно распространеннымъ уже философскимъ сочиненіямъ. Съ другой стороны стояли люди съ чистыми христіанскими убѣжденіями, также хорошо знакомые со всѣми источниками матеріялистическаго характера, обладавшіе и философскимъ знаніемъ, и знаніемъ исторіи какъ церковной, такъ и свѣтской. Конечно, начало этихъ преній имѣло поводомъ насмѣшечки надъ вѣрою, надъ соблюденіемъ праздниковъ, таинствъ, постовъ, надъ церковною обрядностью и т. д. Когда же противники, ознакомившись съ силами одинъ другаго, увидѣли, что не легко поколебать силу христіанскихъ доказательствъ, увидѣли, что религія Христа имѣетъ на своей сторонѣ не только исторію, но и здравую философію, то пренія оживились до того, что во всѣхъ уголкахъ нашихъ уже слышались разговоры религіозно-философическаго содержанія, какъ, пишетъ Гибонъ, было въ Константинополѣ при появленіи Арія. Въ этой борьбѣ представители христіанства были Пав. Серг. Пушкинъ, Н. Крюковъ, Нарышкинъ, Обо-

ленскій, Завалишинъ; много было и другихъ вѣрующихъ, но болѣе всѣхъ выдавался Пушкинъ, истинный и достойный поборникъ христіанства, какъ по своей прекрасной жизни, по силѣ своей вѣры, такъ и по силѣ своей логики. Главная борьба сосредоточивалась на происхожденіи человѣческаго слова. Матеріялисты проводили ту идею, что ското-человѣкъ, происшедшій тогда еще изъ глины, а теперь отъ обезьяны, силами матеріи, какъ и всѣ другія животныя, самъ изобрѣлъ языкъ, начавъ со звуковъ междометія, составляя его изъ звуковъ односложныхъ, двухсложныхъ и т. д. Пушкинъ поддерживалъ, безъ сомнѣнія, сотвореніе человѣка непосредственно божественнымъ дѣйствіемъ, необходимымъ слѣдствіемъ чего было то, что человѣкъ получилъ даръ слова вмѣстѣ съ разумною душою въ тотъ моментъ, когда была она вдохнута въ него божественнымъ духомъ. Много доводовъ приводилось за и противъ этого сотворенія по откровенію и споры длились безконечно. При этомъ общемъ настроеніи Пушкинъ написалъ обширную статью о происхожденіи человѣческаго слова, которая была прочитана всѣми и признана всѣми, даже индиферентными, побѣдоносною, по силѣ логическихъ доводовъ и вѣрности историческихъ данныхъ. Но, конечно, она не могла еще убѣдить людей, привыкшихъ слѣдовать противоположнымъ идеямъ, и вотъ Барятинскій написалъ статью въ опроверженіе статьи Пушкина-Бобрищева на французскомъ языкѣ, вѣроятно потому, что онъ зналъ лучше французскій языкъ, нежели свой природный. Хотя и Барятинскій былъ очень умный и ученый человѣкъ, но опроверженіе его вышло слабое, что̀ подтвердили даже тѣ, которые раздѣляли

его мнѣніе. Эти пренія на насъ съ братомъ, еще очень молодыхъ людей, имѣли сильное вліяніе. Вѣра наша возросла вмѣстѣ съ разумными ея изслѣдованіями, а переводъ философической исторіи паденія Римской имперіи Гибона окончательно утвердилъ насъ въ ней, не смотря на то, что Гибонъ былъ деистъ и смотрѣлъ критически на христіанскую религію. Факты, имъ излагаемые, съ добросовѣстнымъ указаніемъ источниковъ и приведеніемъ многихъ изъ нихъ въ выпискахъ, доказывали намъ неопровержимость этихъ фактовъ, потому что они свидѣтельствовались людьми въ высшей степени чистыми и добродѣтельными, которые согласились бы скорѣе претерпѣть всевозможныя мученія, нежели осквернить уста свои ложью. Другіе же, прочитавшіе Гибона и ставившіе его скептическія мнѣнія выше несомнѣнныхъ фактовъ, утвердились въ невѣріи и стали въ немъ фанатиками. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что нѣкоторые фанатическіе противники христіанства, узнавъ, что мы опасались когда либо издать этотъ полный переводъ, не желая послужить заблужденію многихъ, готовыхъ болѣе вѣрить на-слово прославленнымъ писателямъ, нежели откровенному слову и чистому разуму, рѣшились похитить у насъ этотъ переводъ, чтобы сберечь его до того времени, когда бы представилась возможность издать его. Въ этомъ намъ сознался одинъ изъ нихъ, когда онъ уже обратился къ вѣрѣ, доведенный почти до отчаянія страшными душевными страданіями и омраченіемъ. По обращеніи его, онъ сдѣлался истиннымъ христіаниномъ какъ по вѣрѣ, такъ и добродѣтели. Это былъ Ив. Вас. Кирѣевъ, имѣвшій намѣреніе похитить переводъ Гибона

съ Борисовымъ, Петр. Ив. Они оба были артиллеристы и славные кроткіе люди, готовые на всякое добро, но въ Борисовѣ господствующею мыслью была та, что можно быть добродѣтельнымъ, отвергая Бога. Христіанство они считали робкою религіей, не зная, вѣроятно, и никогда не размышляя о словахъ Спасителя, что „всякій творящій грѣхъ есть рабъ грѣха и что истинная свобода есть возрожденіе человѣка въ христіанствѣ и только истинный христіанинъ истинно свободенъ, еслибъ и былъ даже въ рабствѣ наружномъ".

Кирѣевъ возвратился и умеръ въ Тулѣ христіанскою кончиною, семьяниномъ, а Борисовы, оба брата, къ несчастію, сгорѣли въ Сибири на поселеніи; кажется, старшій сумасшедшій братъ зажегъ ихъ домъ.

Такъ въ трудахъ физическихъ и умственныхъ, въ пріятныхъ живыхъ бесѣдахъ, въ пѣніи, музыкѣ протекла наша затворническая жизнь. Шахматная игра также играла важную роль. Не смотря на заключеніе, эта жизнь имѣла такія сладостныя минуты, что и теперь при одномъ воспоминаніи сердце наполняется пріятными ощущеніями. Въ большомъ казематѣ тоже былъ устроенъ нами садикъ, т. е. посажены были деревья, сдѣланы дорожки, гдѣ мы прогуливались, вспоминая о минувшемъ или мечтая о будущемъ. У многихъ изъ насъ положено было непремѣнно дѣлать движеніе, т. е. ходить по нѣсколько часовъ — это для сбереженія здоровья. Всѣхъ аккуратнѣе въ этомъ былъ Евгеній Андр. Розенъ, котораго мы прозвали Кинофонъ-Кибургъ. Это былъ человѣкъ рыцарскаго характера, прямой, правдивый, всегда важный, серьезный и неуклонно точный въ исполненіи всего, что у него положено было для каждаго часа. Онъ

подверженъ былъ глазнымъ воспаленіямъ и въ это время начиналъ нюхать французскій табакъ, который, оттягивая отъ глазъ приливы, вскорѣ уничтожалъ болѣзнь, но далѣе онъ уже не позволялъ себѣ нюхать, считая прихотью эту привычку. По вечерамъ онъ обыкновенно игралъ на чеканѣ съ Фаленбергомъ и тоже только извѣстное время, оканчивая музыку тоже въ извѣстный часъ, положенный для этого развлеченія. Шутники даже говорили, что у него положено было правило, какою рукою какую часть тѣла мыть въ банѣ. [1])

Къ частоколу въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись дорожки, протоптанныя стопами нашихъ незабвенныхъ добрыхъ дамъ. Каждый день по нѣсколько разъ подходили онѣ къ скважинамъ, образуемымъ кривизнами частокола, чтобы поговорить съ мужьями, пожать имъ руки, можетъ быть погрустить вмѣстѣ, а можетъ быть и ободрить другъ друга въ перенесеніи наложеннаго тяжелаго креста. Сколько горячихъ поцѣлуевъ любви, преданности, благодарности безграничной уносили эти ручки, протянутыя сквозь частоколъ! Сколько, можетъ быть, слезъ упало изъ прекрасныхъ глазъ этихъ юныхъ страдалицъ на протоптанную тропинку. Всю прелесть, всю поэзію этихъ посѣщеній мы всѣ чувствовали сердцемъ; а нашъ милый поэтъ Ал. Ив. Одоевскій воспѣлъ ихъ чудно-звучными и полными чувства стихами!

Для овощей намъ отведено было мѣсто подъ огородъ;

---

[1]) Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ родился 3-го ноября 1799 г., бодрый, энергическій, съ свѣтлымъ умомъ и памятью, онъ проводитъ время въ непрестанныхъ трудахъ, сочиняетъ, переводитъ... Ему принадлежатъ „Записки декабриста". Живетъ на югѣ Россіи.

огородникомъ былъ выбранъ П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ.

Работали, т. е. копали, дѣлали гряды, сами ходя на работу по очереди, а нѣкоторые изъ ретивыхъ работниковъ, какъ Кюхельбекеръ и Загорѣцкій, работали постоянно и дошли до того, что могли работать цѣлый день, наравнѣ съ нанятыми поденщиками. Конечно, для этого требовалось постепенно втянуться въ работу и пріучить свои мускулы къ труду, а потомъ это вошло въ привычку. Овощи были превосходные, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, какъ-то: морковь, свекла, картофель и другіе доходили до огромныхъ размѣровъ.

Многіе занимались изученіемъ агрономіи по Тееру и другимъ писателямъ, а наши огородники приложили теорію къ практикѣ.

Очень пріятны были для всѣхъ насъ лѣтомъ купанья въ р. Читѣ, для чего обыкновенно снимались кандалы. Прекрасная живописная рѣка, теплота воздуха, наслажденіе въ жару погрузиться въ прохладную влагу дѣлали и общее настроеніе веселымъ, и много случалось такого въ этихъ купаньяхъ, что производило общій хохотъ.

Такъ, однажды, Вл. Ив. Штейнгель просилъ Сер. Петр. Трубецкаго поучить его плавать; тотъ подложилъ подъ него руку и показывалъ, какъ надо дѣйствовать руками и ногами, но въ это время какъ-то при движеніяхъ опустилъ руки, чтобы видѣть, держится ли онъ на водѣ; но Влад. Ивановичъ тотчасъ-же погрузился, хлебнулъ водицы, забарахтался, сильно испугался и разсердился, что произвело общій смѣхъ въ тѣхъ, которые видѣли это, но конечно смѣхъ сдержанный, — не могъ

же онъ думать, чтобъ такой серьезный человѣкъ, какъ Сергѣй Петровичъ, захотѣлъ подшутить надъ нимъ.

Не помню, сколько прошло лѣтъ, какъ мы носили цѣпи, но помню, что однажды приходитъ комендантъ и неожиданно объявляетъ намъ милостивое повелѣніе государя со всѣхъ насъ снять оковы. Кто повѣритъ, но скажу истину, намъ стало жаль этихъ оковъ, съ которыми мы уже свыклись въ теченіи этихъ 3-хъ, 4-хъ лѣтъ, и которыя все же были для насъ звучными свидѣтелями нашей любви къ отечеству, для блага котораго мы ложно считали дозволенными даже такія мѣры, какъ революція и кровопролитіе, но все же мы за него носили ихъ.

Не помню также хорошо, чрезъ сколько именно лѣтъ петровскій тюремный замокъ былъ готовъ и намъ объявленъ былъ походъ изъ Читы въ петровскій заводъ, гдѣ онъ былъ построенъ.

Походъ этотъ мы совершили пѣшкомъ. Насъ раздѣлили на двѣ партіи. Одну, нашу первую, велъ плацъ-маіоръ Лепарскій, племянникъ коменданта, а другую самъ комендантъ. При каждой партіи было до 30-ти подводъ подъ нашими пожитками, а на ночлегѣ выставлялось 10-ть войлочныхъ юртъ въ одинъ рядъ.

Противъ этого ряда поставлены были юрты для караульныхъ и начальствующихъ. Походъ этотъ былъ для насъ очень пріятнымъ развлеченіемъ неволи. Мы тутъ увидѣли снова тотъ просторъ, ту необъятную даль уходящую за горизонтъ, ту даль, которая такъ манитъ своею таинственностью странника, особенно послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заключенія, въ которомъ горизонтомъ былъ одинъ высокій частоколъ. Далеко простирающаяся

дорога наша, исчезающая въ оврагахъ и снова выходящая на возвышеніяхъ, увлекала воображаеніе въ какую-то обѣтованную землю, гдѣ какъ будто насъ ожидала тихая, спокойная жизнь среди радостей и наслажденій, отдыха въ милой и любящей семьѣ. Мы, дѣйствительно, пройдя 20 и 25-ть верстъ, отдыхали и тоже въ семьѣ, но только въ семьѣ своихъ друзей и товарищей, а не той семьѣ, которая оплакивала насъ уже нѣсколько тяжелыхъ лѣтъ, а иные изъ нея уже почили, не увидѣвъ своихъ дѣтей, мужей и братьевъ. Но все же очень пріятно было прійдти въ уютную юрту, разостлать свои войлочныя постели, поставить самоваръ и, вдоволь напившись чаю, среди табачныхъ облаковъ, при веселомъ говорѣ, шуткахъ и смѣхѣ, отдохнуть и потомъ, поужинавъ, заснуть крѣпчайшимъ сномъ. Въ деревняхъ и селахъ мы не останавливались и проходили мимо, въ юрты, разставленныя по близости. Выбранный нами хозяинъ, Анд. Евген. Розенъ, имѣлъ привиллегію ѣхать впередъ на подводѣ, чтобы закупить нужную провизію и потомъ изготовить ужинъ, а на дневкахъ и обѣдъ; кухня, тоже въ юртѣ, становилась позади нашихъ юртъ. При переходахъ пріятно было видѣть бѣлѣющія вдалекѣ церкви и разбросанныя около нихъ человѣческія жилища, гдѣ люди жили, трудились, горевали и радовались свободно по своему. Изъ Читы мы шли бурятсккми степями; подводчики и провожатые наши тоже были буряты. Взводъ солдатъ шелъ впереди и взводъ позади партіи. При бурятахъ были ихъ зайсаны, очень щеголеватые и статные люди изъ ихъ дворянства. Буряты имѣютъ страсть къ шахматной игрѣ и на дневкахъ, около

юртъ, всегда составлялись шахматныя партіи, окруженныя толпою азіатцевъ, слѣдившихъ съ величайшимъ интересомъ за игрой, нетерпѣливо высказывая играющимъ свои взгляды. Нѣкоторые изъ зайсановъ играли съ нами и играли такъ хорошо, что одинъ изъ нашихъ лучшихъ игроковъ Ник. Вас. Басаргинъ первую партію проигралъ. Нужно было видѣть общій восторгъ, когда буряты увидѣли своего побѣдителемъ. Впрочемъ, торжество ихъ продолжалось недолго. Басаргинъ, вѣроятно, первую игру игралъ небрежно, но когда увидалъ силу своего противника, то защипалъ свой усъ—это была его привычка, и конечно сдѣлалъ ему матъ. Вообще говоря, азіатцы играли такъ, что могли играть съ хорошими игроками. Иногда случалось намъ располагаться гдѣ нибудь на берегу рѣчки, подъ сѣнью осѣнявшихъ ее деревьевъ, и тогда ночью, когда зажигались кругомъ костры, мы любовались фантастическимъ освѣщеніемъ листвы и проглядывавшей сквозь вѣтви рѣки, бѣлѣвшихся юртъ и темныхъ домовъ, за освѣщеннымъ оазисомъ.

Не смотря на переходъ въ 15-ть, 20-ть, а иногда и 25-ть верстъ, передъ сномъ многіе еще прохаживались взадъ и впередъ передъ юртами, другіе составляли сидящія и стоящія группы въ оживленныхъ разговорахъ, иногда прерываемыхъ смѣхомъ или какими нибудь возгласами. Это бодрствованіе ночью продолжалось, впрочемъ, на концѣ дневки, потому что выступали обыкновенно еще до солнечнаго восхода, слѣдовательно надо было запастись силами. Большая часть изъ насъ были военные и эти переходы многимъ изъ заслуженныхъ

нашихъ воиновъ напоминали ихъ боевые походы, а молодымъ—переходы и передвиженія маневровъ.

Между нами было много живописцевъ, обладавшихъ весьма серьезными дарованіями и потому походъ нашъ былъ изображенъ въ самыхъ живыхъ картинахъ, какъ въ движеніяхъ, такъ и въ стоянкѣ; хотя эти картины были въ маломъ масштабѣ, но онѣ были такъ талантливо набросаны, что всѣ лица были узнаваемы. У нѣкоторыхъ семействъ нашихъ товарищей сохранилось много этихъ видовъ, которыхъ мы, собственно оставшіеся въ живыхъ, до сихъ поръ не можемъ видѣть безъ особеннаго чувства. Уже болѣе полустолѣтія отдѣляетъ насъ отъ этого времени, а какъ живы въ памяти всѣ эти дорогіе образы! Все это было молодо, все весело, все полно стремленій къ высокимъ, хотя и утопическимъ идеаламъ человѣчества; его свобода, счастіе были во всѣхъ сердцахъ, за немногими, можетъ быть, исключеніями. Всѣ безотчетно чего-то ждали, на что-то надѣялись, тогда еще безъ малѣйшаго основанія, химерно, и однакожъ все почти теперь уже осуществилось и осуществляется тѣмъ, кто одинъ только имѣлъ право и обязанность осуществить эти мечты и кто такъ великодушно осуществилъ ихъ. Правъ былъ поэтъ, сказавъ: „не пропадетъ вашъ скорбный трудъ и душъ высокое стремленье“.

Когда мы входили въ гор. Верхнеудинскъ, то множество любопытныхъ сопровождало насъ по городу, въ которомъ мы не останавливались. Когда мы подходили къ Торбогатаю, большому старообрядческому и очень богатому селенію, намъ навстрѣчу вышло пропасть народа. Здѣсь мы были расположены по квартирамъ очень

большимъ и опрятнымъ. Всѣ эти старообрядческія селенія были очень богаты и имѣли большіе и хорошо устроенные дома и даже съ нѣкоторымъ крестьянскимъ комфортомъ. Между молодежью большая часть уже оставила старовѣрческія вѣрованія, конечно, болѣе по равнодушію ко всякому вѣрованію, нежели по сознанію фальши въ ихъ отцовскихъ преданіяхъ, хотя и это они сознавали, но легко и поверхностно. Всѣ почти курили трубки, не смотря на то, что многимъ изъ нихъ доставалось отъ стариковъ. Впрочемъ, у этихъ раскольниковъ не замѣтно было того фанатизма и нетерпимости, какими отличаются закоренѣлые и невѣжественные раскольники въ Россіи. Многіе изъ людей богатыхъ выписывали и читали журналы и газеты, интересовались современностью и охотно входили въ религіозные разговоры съ многими изъ нашихъ, которые хорошо знали церковную исторію.

Торбогатайскіе старовѣры были отличные пахари. Земледѣліе было у нихъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, а какъ ихъ мѣстность вообще гористая, то всѣ склоны горъ были воздѣланы съ большимъ тщаніемъ, что насъ очень удивляло и радовало. Когда мы жили въ Петровскомъ острогѣ, то все хлѣбное продовольствіе намъ привозили изъ Торбогатая. Отсюда мы скоро уже достигли цѣли нашего путешествія.

Петровскій тюремный нашъ замокъ, какъ мы его называли, было огромное деревянное зданіе, выстроенное покоемъ, гдѣ было болѣе 60-ти номеровъ. Снаружи это сплошная стѣна, а внутри, кругомъ зданія, построена была свѣтлая галлерея съ большими окнами, раздѣленная на многія отдѣленія, которыя по галлереѣ отдѣля-

лись одно отъ другаго запертыми дверями и каждое имѣло свой выходъ на особый дворъ, обставленный частоколомъ. Мы были сильно озадачены, увидѣвъ, что комнаты наши или номера были совершенно безъ оконъ и свѣтъ проходилъ черезъ дверь, вверху которой были стекла. Но этотъ свѣтъ былъ такъ малъ, что при затворенной двери нельзя было читать. Когда наши благодѣтельныя дамы увидѣли эту постройку, онѣ пришли въ ужасъ. Такъ какъ комендантъ самъ не могъ ничего сдѣлать, то дамы наши тотчасъ же отправили въ Петербургъ письма, въ которыхъ поставили на видъ, что тюрьма эта лишить зрѣнія всѣхъ, имѣющихся въ ней содержаться. Такъ какъ въ кару, вѣроятно, не входило наше ослѣпленіе, то въ отвѣтъ на эти жалобы получено было разрѣшеніе сдѣлать по одному маленькому, въ одно звено, окну въ наружной стѣнѣ, и то пробито было сверху, такъ что смотрѣть изъ него можно было не иначе, какъ подставивъ столъ, съ полу же былъ видѣнъ клочокъ неба. Но и это было уже благодѣяніе, потому что зимой мы буквально были осуждены на тьму.

Въ нашемъ первомъ отдѣленіи 1-й номеръ былъ занятъ по росписанію Мих. Сер. Лунинымъ, 2-й былъ занятъ служителемъ и сторожемъ солдатомъ, 3-й былъ занятъ мною и братомъ, затѣмъ 4-й—Вадковскимъ, 5-й—Сутгофомъ и Александромъ Муравьевымъ и 7-й, конечный, Ник. Мих. Муравьевымъ.

Во 2-мъ отдѣленіи помѣщались женатые; тутъ были Нарышкинъ, Трубецкой, Юшневскій, Волконскій; помню Волконскаго и Нарышкина, помню потому, что когда, по требованію коменданта, жены переходили въ казематы къ мужьямъ, то у Волконской былъ рояль,

который съ нею переносился въ галлерею передъ номеромъ, и мы часто наслаждались пѣніемъ дуэтовъ Марьи Николаевны Волконской съ Елизаветой Петровной Нарышкиной, а иногда и скрипка Вадковскаго къ нимъ присоединялась. Кромѣ прелести двухъ пріятныхъ и музыкально-обработанныхъ голосовъ, оригинально было то, что эти звуки цивилизованнаго міра, звуки граціозной итальянской музыки раздавались въ глубинѣ каземата, почти на границахъ Китайской имперіи. Тутъ черезъ дверь велись также разговоры, когда кто нибудь изъ дамъ относился къ кому нибудь изъ насъ; и тогда различныя позы вѣжливости, принимаемыя разговаривавшимъ лицомъ, насъ иногда очень смѣшили. Это я говорю о тѣхъ, которые не были коротко знакомы въ семействахъ нашихъ женатыхъ товарищей.

Это пребываніе въ казематахъ нашихъ милыхъ и чудныхъ дамъ продолжалось недолго, такъ требовалось только для формы и затѣмъ снова возвращались въ свои дома, которые и здѣсь были заранѣе построены и мужья отпускались къ нимъ. Нельзя при этомъ не вспомнить добрымъ словомъ нашего добряка коменданта С. Р. Лепарскаго, который дѣлалъ все, что только не нарушало его прямыхъ обязанностей, а какъ на счетъ прямыхъ его обязанностей содержать насъ подъ карауломъ онъ могъ быть совершенно покоенъ, что никто изъ насъ уже не помышлялъ о какомъ нибудь бѣгствѣ, то онъ и давалъ волю своему доброму сердцу, облегчая нашу участь и особенно тѣхъ высокихъ существъ, которыя вчужѣ несли ту же казнь какая постигла ихъ мужей и всѣхъ насъ.

Сверхъ тѣхъ дворовъ, которые принадлежали каж-

дому отдѣленію, къ внѣшней сторонѣ замка или острога въ степь отведено было огромное мѣсто, тоже обставленное частоколомъ, для сада, который при мнѣ еще не былъ устроенъ, а въ мое время это мѣсто служило для прогулокъ лѣтомъ, а для зимы устроены были на высокихъ столбахъ въ 10-ть или 12-ть аршинъ горы, съ которыхъ катались на санкахъ, на лубкахъ, а другіе на конькахъ. Эти горы были устроены такъ, что одна была противъ другой, но въ нѣкоторомъ разстояніи, а между раскатами былъ устроенъ обширный катокъ для катающихся на конькахъ, который содержался въ большой исправности. Лѣтомъ съ высокихъ площадокъ этихъ горъ былъ довольно обширный видъ кругомъ на заводъ, на церковь и на ограничивавшую заводъ степную мѣстность съ пашнями и лугами. Отсюда мы могли участвовать въ богослуженіи Троицына дня, такъ какъ масса народа, не вмѣщавшаяся въ церкви, стояла вокругъ, и намъ видно было, когда они становились на колѣна, что указывало на послѣдовательность чтенія тѣхъ вдохновенныхъ молитвъ за все и за всѣхъ, — молитвъ, которыхъ нельзя слушать безъ слезъ умиленія и горячей любви къ Богу, всѣхъ призывающему къ своей дивной жизни чрезъ покаяніе, сокрушеніе о своихъ грѣхахъ и пріобрѣтеніе тѣхъ добродѣтелей, которыхъ требуетъ его святость.

За этимъ дворомъ возвышалась лѣсистая высота, на которой иногда видны были намъ посѣщавшіе коменданта пріѣзжавшіе сановники.

Въ этомъ замкѣ въ серединѣ устроено было особое большое зданіе для обширной кухни. Оно раздѣлялось на двѣ половины; въ одной были кухни, а въ другой

большая зала для обѣда и для собраній, какъ по дѣламъ артелей, такъ и по другимъ совѣщаніямъ, касавшимся нашего хозяйственнаго и общественнаго порядка.

Въ этой залѣ происходили также публичныя чтенія изъ разныхъ отраслей знанія. Здѣсь читалъ математику по Франкеру Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, который былъ преподавателемъ еще въ муравьевскомъ училищѣ. Спиридовъ читалъ свои записки на исторію среднихъ вѣковъ, Оболенскій читалъ философію, Одоевскій курсъ, имъ составленный, русской словесности, съ самаго начала русской письменности и русскую грамматику его сочиненія. Сколько могу припомнить, Никита Михайловичъ Муравьевъ и Рѣпинъ читали изъ военныхъ наукъ. Другіе читали свои переводы, въ томъ числѣ и мы съ братомъ, кажется, изъ Краснаго морскаго разбойника; Петръ Александровичъ Мухановъ читалъ своего сочиненія повѣсть „Ходокъ по дѣламъ". Свои статьи читали и другіе, какъ-то: Басаргинъ, Николай Бестужевъ и еще не помню.

Это устройство, такъ называемой въ шутку, академіи было самою счастливою мыслью достойно образованныхъ и серьезныхъ людей и она давала настоящую работу тѣмъ, которые принимали на себя чтеніе какого нибудь предмета. Тутъ также были прочтены нѣкоторыя пѣсни изъ поэмы „Василько" Одоевскаго и другія его стихотворенія, изъ коихъ нѣкоторыя и напечатаны.

Работы наши и здѣсь продолжались также на мельницѣ, точно въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ Читѣ; только такъ какъ насъ здѣсь было болѣе числомъ, то выходили на работу по-очередно и по партіямъ, а не

всѣ каждый день. Изъ всего этого видно, что заключеніе было весьма человѣколюбивое и великодушное; мы лишены были свободы; но кромѣ свободы мы не были ни въ чемъ стѣснены и имѣли все, что только образованный, развитой человѣкъ могъ желать для себя. Къ тому еще если прибавить, что въ этомъ замкѣ или острогѣ были собраны люди дѣйствительно высокой нравственности, добродѣтели и самоотверженія, и что тутъ было такъ много пищи для ума и сердца, то можно сказать, что заключеніе это было не только отрадно, но и служило истинной школой мудрости и добра. Сколько прекрасныхъ, чистыхъ сердецъ билось тамъ самою нѣжною и симпатическою дружбою, сколько любви и высокихъ чувствъ хранилось въ этихъ стѣнахъ острога, — чувствъ, такъ рѣдко встрѣчающихся въ обществѣ счастливцевъ!

Немного уже насъ осталось изъ этого истиннаго братства!

Да воздастъ Господь всѣмъ отшедшимъ изъ этого міра въ своемъ дивномъ царствѣ за ихъ братскую чистую любовь.

Одно устройство артели, членами которой были всѣ, но основаніе которой составили одни люди со средствами, уже показываетъ, изъ какихъ людей состояло это тюремное братство. Они столько отдавали въ пользу неимущихъ товарищей, что всѣ выѣзжавшіе на поселеніе снабжались крупными суммами изъ артели, чтобы, пріѣхавши въ мѣста своего поселенія, въ мѣста самыя пустынныя и негостепріимныя, могъ имѣть каждый возможность устроить для себя покойный уголъ и кусокъ насущнаго хлѣба. Когда впослѣдствіи всѣ мы разъѣха-

лись и разсѣялись по разнымъ мѣстамъ Сибири, то и тогда такъ называемая „малая артель“ изъ этихъ же благодѣтельныхъ людей не переставала поддерживать бѣднѣйшихъ изъ товарищей заключенія, находившихся въ безпомощномъ состояніи и часто въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири.

Но вотъ наступилъ и часъ горькой, поистинѣ, разлуки.

Рожденіе великаго князя Михаила Николаевича было ознаменовано сокращеніемъ срока работъ, и нашему 4-му разряду приходилось оставлять эту тюрьму, повидимому, мрачную, а на самомъ дѣлѣ не мрачную, а ярко освѣщенное вмѣстилище многаго прекраснаго, возвышеннаго и благороднаго. Тутъ мы разставались навсегда съ добрыми, преданными, истинымии друзьями; тутъ мы разставались съ тѣми идеальными существами, которыя такъ много услаждали наше заключеніе и оставляли многихъ влачить еще нѣсколько лѣтъ эту жизнь заключенія.

XIII.

Въ Сибири — на поселеніи.

Не помню всѣхъ подробностей нашего отправленія; но помню, что много саней было занято подъ насъ; помню также, что на первомъ ночлегѣ, когда всѣ мы улеглись по лавкамъ и по полу, насъ очень смѣшилъ Николай Ивановичъ Лореръ, приходившій въ нетерпѣ-

ніе отъ пѣнія пѣтуха, который привѣтствовалъ своихъ гостей изъ подъ печи самымъ громогласнымъ и торжественнымъ пѣніемъ. Помню также, на переѣздѣ черезъ Байкалъ, въ одномъ мѣстѣ ледъ по нашей дорогѣ треснулъ и образовался довольно широкій каналъ. Всѣ ямщики перемѣнили свое направленіе и одни отправились направо искать, гдѣ трещина кончилась, а нашъ взялъ влѣво, но видя, что она идетъ далеко, онъ вдругъ поворотилъ назадъ и, отъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе, поворотилъ и, сказавъ: „ну, теперь держитесь крѣпче“, погналъ лошадей во весь духъ. Мы не успѣли еще сообразить, что онъ хочетъ дѣлать, какъ онъ уже перескочилъ со всею тройкою черезъ трещину. Это былъ истинный сальто-мортале. На берегу Байкала къ Иркутску была станція извѣстнаго тогда ямщика Анкудинова, очень богатаго человѣка. Онъ держалъ отличныхъ лошадей, которымъ давалъ овесъ безъ выгреба, поэтому лошади были сыты. Да это было и необходимо, такъ какъ обѣ станціи его были огромныя, одна черезъ Байкалъ верстъ на 50-тъ, а другая къ Иркутску въ 30 верстъ и еще станція по кругоморскому тракту. Онъ хвастался своими лошадьми и, дѣйствительно, было чѣмъ. Помню, что фельдъегерь, по фамиліи Подгорный, бравый молодой человѣкъ, привезшій къ намъ Ѳедора Ѳедоровича Вадковскаго и взявшій у насъ безподобнаго Александра Осип. Корниловича, погрозилъ ему, по фельдъегерскому обычаю, въ случаѣ, если повезутъ его плохо; онъ запрягъ ему тройку страшныхъ звѣрей и самъ взялъ возжи, сказавъ фельдъегерю, чтобы онъ уже не говорилъ ему: тише. Надо прибавить къ этому, что сибиряки-старожилы, во-

обще, какъ народъ свободный, богатый и независимый, весьма горды и малѣйшая обида и угроза ихъ возмущаетъ. Въ наше время дорога къ Иркутску была лѣсомъ, не весьма широка и не пряма. Когда они тронулись, то лошади вдругъ подхватили и деревья только замелькали передъ глазами сѣдоковъ. Тутъ и лихой фельдъегерь струсилъ, тѣмъ болѣе, что онъ везъ Корниловича. Онъ имѣлъ обыкновеніе ѣхать стоя, опираясь на саблю, которая была страшной грозою для ямщиковъ. Но тутъ онъ уже уцѣпился за сани обѣими руками и началъ кричать: „тише, тише, останови, держи“! Но ямщикъ отвѣчалъ: „теперь уже держись, баринъ, я и самъ ихъ не остановлю, только сидите смирно и крѣпче держитесь“. Сильною и опытною рукой онъ правилъ своею тройкой, минуя деревья, выдававшіяся по дорогѣ, въ рытвинахъ всегда предупреждая ихъ и такимъ образомъ всю станцію сдѣлалъ, какъ намъ разсказывалъ самъ, въ часъ и много что въ полтора. Натрусился же и молодецъ-фельдъегерь! Когда пріѣхали на станцію, ямщикъ, потирая ноздри своимъ скакунамъ, спросилъ: „Ну что, ваше благородіе, покойно вамъ было? Такъ въ другой разъ поѣдете, не грозите Анкудинову“.

Берега Байкала очень высоки и лѣсисты. Когда мы любовались красой береговъ, представляя себѣ, какъ они должны быть живописны весною, глаза наши встрѣчали на крутизнахъ дикихъ козъ, которыя съ огромной высоты безъ страха смотрѣли на насъ не трогаясь съ мѣста. На берегу Байкала были поселены впослѣдствіи и нѣкоторые изъ нашихъ товарищей. Въ Иркутскѣ помню, что намъ отвели очень просторную, свѣтлую и чистую квартиру. Тутъ насъ посѣтилъ ген.-губ. Лавин-

скій, весьма любезно разговаривалъ съ нами, но объявилъ, что, по волѣ государя, мы будемъ поселены по одиночкѣ; „это, впрочемъ, впослѣдствіи, сказалъ онъ, можетъ измѣниться, но теперь такъ приказано“. Нашъ поэтъ Одоевскій былъ родственникомъ Лавинскому; онъ, вѣроятно, говорилъ ему о нашей взаимной дружбѣ и такъ вѣроятно заинтересовалъ его, что онъ приказалъ мнѣ написать коротенькую докладную записку, въ которой я просилъ его ходатайствовать предъ государемъ о переводѣ меня къ брату, такъ какъ я назначенъ былъ въ Илгинскій заводъ на Лену, а ему выпалъ жребій поселенія въ городъ Минусинскъ, прекрасное мѣсто на Енисеѣ. Къ намъ приходили нѣкоторыя лица или знакомые съ кѣмъ либо изъ родныхъ нашихъ товарищей, въ томъ числѣ кап.-лейт. Ник. Вукол. Головнинъ, мой товарищъ по выпуску. Онъ командовалъ Байкальской флотиліей. На другой день мы у него обѣдали и провели день очень пріятно между нѣкоторыми его подчиненными офицерами и другими гостями. Когда наступило время нашего отправленія, онъ прислалъ намъ цѣлый мѣшокъ сибирскихъ пельменей, которыхъ достало намъ съ Пушкинымъ на всю дорогу. Бобрищевъ-Пушкинъ ѣхалъ со мной до Верхоленска, гдѣ былъ поселенъ; а я проѣхалъ далѣе до Илгинскаго завода. Выѣздъ нашъ былъ въ достопамятный для меня день кануна Срѣтенія Господня. Когда мы выѣхали изъ крѣпости, насъ провожали до заставы Головнинъ съ моимъ братомъ, гдѣ мы съ нимъ и простились. Конечно, разставаніе съ братомъ было очень грустное. Помнится, что слѣдующая за первою станціею было большое богатое село Аекъ, куда мы пріѣхали уже за-

полночь. Въ 4 часа ударили къ заутрени, и мы съ Пушкинымъ отправились въ церковь. Въ храмѣ, весьма богатомъ и благолѣпномъ, было пропасть народа. Служилъ священникъ, старецъ ста лѣтъ, но еще бодрый и съ глубокимъ чувствомъ произносившій всѣ служебные возгласы. Послѣ заутрени онъ подошелъ къ намъ, спросилъ насъ, откуда и куда мы ѣдемъ; узнавъ же, что мы ѣдемъ на поселеніе и нарочно остались ночевать, чтобы въ этотъ праздникъ быть у заутрени, онъ благословилъ насъ и сказалъ словами Спасителя: „Грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ!“ По возвращеніи на квартиру, мы распорядились отварить пельмени и съ большимъ аппетитомъ пообѣдали. Послѣ обѣда отправились далѣе. Такъ какъ мы съ Пушкинымъ были очень дружны и совершенно единомысленны въ вѣрѣ и въ чувствахъ, то путешествіе наше было очень пріятно.

Хотя мнѣ было очень грустно разстаться съ братомъ, съ которымъ мы были соединены нѣжнѣйшею дружбой, а теперь разставались, можетъ быть, очень надолго, если не навсегда, но полная всепреданность и покорность волѣ Божіей и полная увѣренность въ Его милосердіи ко всѣмъ, призывающимъ его съ вѣрою и любовью, утѣшали меня. Къ тому же я надѣялся, что ему будетъ хорошо въ мѣстѣ его жительства, такъ какъ, по слухамъ, это было одно изъ лучшихъ мѣстъ въ числѣ назначенныхъ для нашего поселенія. Въ Верхоленскѣ мы простились и съ Пушкинымъ, и мое одиночество внезапно охватило меня, такъ что скорбныя чувства уже были готовы овладѣть мною, но и тутъ вѣра и покорность Богу восторжествовали. Наконецъ, я доѣхалъ и до мѣста своего назначенія.

Въ Илгинскомъ заводѣ меня привезли къ управляющему заводомъ Вас. Тимоф. Павлинову. Онъ меня принялъ очень вѣжливо, приказалъ отвести мнѣ квартиру и просилъ навѣщать его. Жена его, Ирина Фоковна, была женщина чудной доброты и самаго кроткаго и тихаго характера. Сколько было въ ней любви и сожалѣнія къ несчастнымъ каторжникамъ, находившимся подъ вѣдѣніемъ ея мужа, и какъ много добра она дѣлала имъ! Отъ нея они получали рубашки, которыя она сама шила и раздавала. Ни одинъ изъ нихъ не уходилъ съ ея двора, не получивъ пищи или одежды; она заботилась о больныхъ, помогала, какъ могла. Зато и они всѣ очень любили и уважали ее; у нихъ былъ сынъ лѣтъ восьми и дочь, Леночка, лѣтъ двѣнадцати, необыкновенно милая и умная дѣвочка. Когда я сталъ съ ними заниматься преподаваніемъ французскаго языка, ариѳметики, исторіи и географіи, то ея прилежаніе и ея успѣхи изумляли меня. Она вовсе не была похожа на своихъ сверстницъ по возрасту; она такъ любила занятія и чтенія, что въ праздники, когда не было классовъ, скучала, и когда я по вечерамъ приходилъ къ нимъ, то она сейчасъ садилась возлѣ меня и старалась что нибудь узнать изъ моихъ разговоровъ, задавая вопросы всегда болѣе серьезные, нежели дѣтскіе. Я къ этому ребенку привязался душой; она была для меня лучшимъ наслажденіемъ въ моемъ изгнаніи и истинною отрадою. Когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришло распоряженіе перевести меня изъ завода въ Балаганскую волость, на Ангарѣ, то мнѣ очень и очень грустно было разставаться съ этимъ семействомъ. Ирина Фоковна была отличная хозяйка; ея домъ былъ какъ

полная чаша, и она снабжала меня въ изобиліи всякой провизіей и это съ самаго моего пріѣзда, почему я изъ благодарности и предложилъ имъ заниматься съ ихъ дѣтьми, отказавшись отъ платы, которую предлагали.

Илгинскій заводъ былъ расположенъ въ ущельѣ при небольшой рѣчкѣ изъ родниковъ. Это было огромное зданіе, день и ночь оглашаемое шумомъ и гамомъ. Иногда при какой-то работѣ раздавалось какое-то очень стройное пѣніе съ уханьемъ. Ночь онъ былъ весь освѣщенъ: паръ стоялъ надъ нимъ и искры выбрасывались изъ трубъ. Я нанялъ себѣ квартиру на одной полугорѣ, на противоположной сторонѣ ущелья, и эта мрачная, хотя величественная картина была безпрестанно передъ глазами. Рѣдкій день проходилъ, чтобъ на дворъ ко мнѣ передъ мои окна не являлись личности, возбуждавшія самыя горькія чувства. Это были несчастные, оборванные, полунагіе, босые каторжники, которые, проходя, останавливались передъ окнами и безъ обычныхъ нищенскихъ выпрашиваній молча стояли до тѣхъ поръ, пока имъ не выдавалось что нибудь; тогда они безмолвно уходили. Это зрѣлище поражало меня въ сердце, особенно когда я увидѣлъ ихъ обнаженными въ страшный морозъ; но одинъ изъ ссыльныхъ, посѣщавшихъ меня, уже уволенный отъ работъ, объяснилъ мнѣ причины этихъ явленій. У рабочихъ была страсть къ игрѣ въ кости и тутъ они все проигрывали даже до рубашки. Посѣщавшій меня былъ урядникомъ донскаго войска; онъ былъ сосланъ за нанесеніе удара кіемъ одному офицеру во время билліардной игры въ Новочеркаскѣ, отъ котораго тотъ умеръ. Ссора произошла въ игрѣ, и хотя онъ не имѣлъ намѣренія его убить, но

все же былъ осужденъ. Его знали и управляющій, и жена его за хорошаго человѣка. Онъ дѣлалъ многіе походы и разсказы его меня очень занимали.

Пріѣхавъ на поселеніе, я былъ лишенъ утѣшенія посѣщать церковь, которая была въ 5-ти верстахъ отъ завода въ Знаменской слободѣ, а мнѣ не дозволялось никуда выѣзжать изъ завода. Я написалъ письмо къ графу Бенкендорфу, въ которомъ представлялъ ему свое религіозное настроеніе и просилъ о разрѣшеніи ѣздить въ Знаменскую слободу. Къ Пасхѣ было получено это разрѣшеніе и мы съ управляющимъ отправились къ заутрени. Не могу описать того чувства духовнаго восторга, которое овладѣло мною при этой дивной заутрени. Уже прошло болѣе 7-ми лѣтъ, какъ я не слыхалъ въ храмѣ пѣнія „Христосъ Воскресе“. И вотъ теперь, среди благоговѣйнаго собранія вѣрующихъ, я слышалъ эту дивную пѣснь, которую ангелы поютъ на небеси. Въ этотъ день и въ ночь у меня сильно болѣла голова и я почти больной поѣхалъ къ заутрени, такъ что, войдя въ эту массу народа, мнѣ почти сдѣлалось дурно и я долженъ былъ выйдти изъ церкви. Но когда запѣли первый „Христосъ воскресе“, то я воскресъ съ его воскресеніемъ. Послѣ заутрени мы закусили до обѣдни въ домѣ священника, а послѣ обѣдни должны были у него же совершить разговѣнье; затѣмъ уѣхали домой. Передъ Пасхой я говѣлъ и пріобщался св. тайнъ. Духовнымъ отцомъ моимъ былъ отецъ Петръ, священникъ одной церкви, къ приходу которой заводъ былъ приписанъ. Это былъ истинный христіанинъ и истинный священникъ; онъ былъ человѣкъ пожилой, но очень живой и бодрый, еще стараго церковнаго воспитанія,

то есть не былъ въ семинаріи, но былъ очень любознателенъ и развитъ. Онъ въ теченіе своей жизни собралъ очень порядочную библіотеку и очень любилъ читать; по апостольской же ревности своей и добродѣтелямъ былъ истиннымъ пастыремъ своихъ духовныхъ дѣтей. Онъ зналъ всѣхъ своихъ прихожанъ, часто посѣщалъ ихъ всѣхъ и всегда съ ласкою и назидательнымъ словомъ; а когда узнавалъ объ обращающихся на путь истины, то уже часто навѣщалъ ихъ и всегда съ евангеліемъ, которое читалъ имъ громко и затѣмъ объяснялъ, убѣждалъ и воспламенялъ въ нихъ любовь къ Господу и Искупителю. Я зналъ многихъ, которыхъ вся жизнь сдѣлалась вполнѣ христіанскою и между ними были нѣкоторые изъ поселенцевъ, такъ что общество этихъ людей, поистинѣ, напоминало первыхъ христіанъ по жизни, благочестію и ревности. Съ своимъ религіознымъ направленіемъ, какъ мнѣ пріятно было увидѣть тутъ подобіе первыхъ христіанъ съ тою же простотою сердца и чистыхъ нравовъ, съ тою же братскою любовью, съ тою же готовностью на всякое доброе дѣло и съ тѣмъ же бодрствованіемъ надъ своими внутренними движеніями; а въ этомъ только во всѣ вѣка, во всѣхъ народахъ и познаются истинные христіане, составляющіе истинную вселенную апостольскую церковь. Одинъ изъ нихъ былъ старикъ-поселенецъ и старушка его жена. По ихъ добрымъ дѣламъ и глубокому благочестію и ревности эта пара напоминала нѣсколько Прискиллу и Аккилу ап. Павла. Они были люди довольно зажиточные и никто изъ нуждавшихся не проходилъ мимо ихъ оконъ, чтобы они не помогли ему. Я у нихъ останавливался, пріѣзжая къ заутрени или послѣ

Пасхи ко всенощной, когда я и ночевалъ у нихъ. Единомысленные въ вѣрѣ скоро связываются узами христіанскаго братства, что было и между нами. У меня было нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, которыя я привозилъ съ собою и читалъ имъ. Тутъ былъ также одинъ казачій пятидесятникъ, въ параллель римскому сотнику; одинъ старецъ съ больными ногами, едва ходившій, но, не смотря на это, каждый годъ странствовавшій къ чудотворцу Иннокентію, котораго мощи почиваютъ въ монастырѣ около Иркутска. Тѣ, которые ходили съ нимъ на это богомолье, разсказывали мнѣ, что во время этого странничества онъ не только не отставалъ, а опережалъ другихъ изъ партіи. Еще одна дѣвица, отказавшаяся отъ замужества и совершенно посвятившая свою жизнь Богу и дѣламъ благочестія. При этомъ нельзя не замѣтить, какъ много значитъ такой духовный руководитель, какимъ былъ отецъ Петръ; никто изъ тѣхъ, которые посвятили себя служенію Богу и благочестію, не располагали, по крайней мѣрѣ въ мое время, удалиться изъ міра, а всѣ жили въ обществѣ и конечно много способствовали своимъ примѣромъ обращенію другихъ и поддержанію добрыхъ христіанскихъ нравовъ. Каждую ночь, по древнему обычаю, они зажигали свѣчи или лампады передъ образами и совершали свою полунощную молитву; утромъ же всѣ принимались за свои обычныя занятія. Очень оригинально было разсужденіе старушки, о которой я упоминалъ. По ея понятію, животное, закалываемое для пищи человѣка, этимъ самымъ удостаивается великой чести и, такъ сказать, радуется, служа для питанія человѣческаго тѣла, которое вмѣщаетъ въ себѣ без-

смертную душу, созданную по образу и подобію Божію; дохлая же скотина дѣлается смрадною добычею звѣрей и собакъ. Отецъ Петръ, по окончаніи обѣдни выходя изъ церкви, всегда подавалъ милостыню нищимъ, но въ то же время всегда обращался къ нимъ съ назиданіемъ, представляя имъ страшный грѣхъ тунеядства и ложнаго нищенства, за которое постигнетъ ихъ гнѣвъ Божій, а истиннымъ нищимъ внушалъ, что, принимая милостыню, они этимъ самымъ принимали на себя обязанность усердно молиться за благотворителя.

За строгость своихъ правилъ въ исполненіи его духовныхъ обязанностей отецъ Петръ нѣкоторыми былъ не любимъ. Такъ, однажды, во время говѣнія, въ день причастія онъ не хотѣлъ причастить св. тайнъ командовавшаго въ заводѣ гарнизонною ротою офицера за то, что онъ пріѣхалъ уже послѣ заутрени. Когда тотъ сталъ ему возражать съ неудовольствіемъ за эту строгость, приводя какія-то причины, то онъ сказалъ: „въ такомъ случаѣ, послушайте чтеніе заутрени“, и приказалъ клирику тотчасъ же начать чтеніе. Словомъ, это былъ истинный и добрый пастырь своихъ овецъ и вполнѣ сознавалъ свою отвѣтственность передъ великимъ пастыреначальникомъ и Господомъ.

Когда уже разлилась Лена и всѣ рѣки, въ маѣ мѣсяцѣ, пришло повелѣніе, о которомъ я упоминалъ, перевести меня изъ завода въ Балаганскую волость на Ангарѣ. Это извѣстіе было для меня очень прискорбно, потому что мнѣ тутъ жить было очень пріятно. Искренняя пріязнь семейства Василья Тимофеевича, его чудной жены, ихъ милыхъ, любившихъ меня дѣтей, замѣнявшихъ мнѣ далекихъ родныхъ, чрезвычайно услаж-

дала мою жизнь. Когда я заболѣлъ простудой, я никогда не забуду ихъ нѣжной заботливости обо мнѣ, ихъ участія и попеченія. Для служенія мнѣ дали мальчика лѣтъ двѣнадцати, котораго я училъ грамотѣ и, такъ сказать, воспитывалъ. Сначала онъ боялся спать одинъ въ ожиданіи моего возвращенія, а когда я внушилъ ему, что ему бояться не должно, такъ какъ мы всегда охраняемы Богомъ и его ангелъ невидимо находится съ нами, то этотъ 12-ти-лѣтній мальчикъ съ такою вѣрою принялъ это внушеніе, что съ тѣхъ поръ всегда спалъ одинъ въ моей избѣ, которая была отдѣлена отъ хозяйскаго дома цѣлымъ дворомъ. Я рѣдко въ мою продолжительную жизнь встрѣчалъ дѣтей этого возраста, которыя съ такою любовью учились и такъ усваивали наставленія. Я жилъ у одного раскольника, тоже отставнаго каторжника и также бывшаго донскаго казака, у котораго была жена тоже одного толка съ нимъ. Онъ былъ очень зажиточенъ, торговалъ омулями, былъ совершеннѣйшимъ типомъ нашихъ закоренѣлыхъ раскольниковъ, исполняя по старинѣ всѣ обычаи старины и въ томъ числѣ непремѣнно каждую субботу ходилъ въ баню вмѣстѣ съ своею женою.

У меня было много духовныхъ книгъ, въ томъ числѣ большая библія, съ которою я не разставался, и какъ онъ меня частенько навѣщалъ, то я часто съ нимъ разговаривалъ, иногда касаясь и ихъ заблужденій. Я ему разъяснилъ, что причина раскола есть невѣжество ихъ отцовъ, которые неправильно называли себя старовѣрами, ибо исправленныя церковныя и богослужебныя книги были исправлены по тѣмъ первоначальнымъ богослужебнымъ книгамъ, которыя мы получили

отъ грековъ вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою и которыя были принесены первыми проповѣдниками. Онъ помалчивалъ, иногда поддакивалъ, но не знаю, соглашался или нѣтъ. Однажды онъ, прійдя ко мнѣ, сказалъ: „вотъ я вижу, ты человѣкъ ученый, у тебя много и книгъ, скажи-ка, правда ли то, какъ насъ учили о табакѣ, что когда Господь сотворилъ міръ, то дьяволъ сказалъ ему: „вотъ, Господи, ты все сотворилъ, дай и мнѣ что нибудь сдѣлать". Господь позволилъ и онъ воткнулъ въ землю палку и изъ нея выросъ табакъ". Тутъ я взялъ библію и прочелъ ему всѣ шесть дней творенія. Онъ задумался, а я сказалъ: „вотъ видишь, какъ васъ обманываютъ и конечно по внушенію того же дьявола; ну, гдѣ тутъ говорится о табакѣ?" На это онъ указалъ, что гдѣ-то апостолъ говоритъ о зломъ корнѣ, это-то и есть табакъ. Я ему прочелъ то мѣсто посланія къ евреямъ, гдѣ говорится объ этомъ, и старался объяснить ему, что не должно брать отдѣльно какое нибудь слово, а надо взять вмѣстѣ всѣ слова наставленія апостола, который говоритъ: „наблюдайте, чтобъ кто не отпалъ отъ благодати Божьей", вотъ о чемъ говоритъ апостолъ, чтобы между вами не возникъ какой нибудь горькій корень и тутъ же прибавляетъ, чтобъ не было у васъ какого блудника или нечестивца, — вотъ что значитъ горькій корень. Во времена апостоловъ еще не знали и не слыхали о табакѣ, то какже онъ могъ говорить о немъ? Онъ задумался, но не сказалъ ни слова. Жена его была славная, добрая старушка, очень ласкала моего Ивана и хорошо его кормила. Она и мнѣ тоже готовила кушанье и очень вкусно, а главное опрятно. Когда я былъ боленъ, случилось, что каша у нея въ

печи вышла изъ горшка и стала возлѣ; изъ этого она заключила, что я, должно быть, умру.

Въ заводѣ жила на квартирѣ также осужденная въ работы, но, конечно, никогда не работавшая полковница (въ Сибири вообще осужденные въ работы дворяне освобождаются отъ нихъ, а только числятся), сколько помню, по фамиліи Полянская, Прасковья Андреевна. Какъ она разсказывала, то была невинною жертвой преступленія своего мужа, который былъ изобличенъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Она уже очень давно была въ Сибири, жила сначала съ мужемъ, а потомъ одна и часто переводилась изъ одного мѣста въ другое. Она жила въ селеніи, расположенномъ въ два ряда по ущелью, которое было выстроено и заселено отставными каторжниками и ихъ семействами. Освобожденные до срока или по ихъ неспособности, или болѣзни, или за хорошее поведеніе, они жили своими домами, занимались хлѣбопашествомъ, а нѣкоторые торговлей; у нея была очень чистенькая, свѣтленькая квартира изъ трехъ комнатъ. Она не утратила своихъ дворянскихъ привычекъ и потому вся обстановка ея квартиры была очень прилична, хотя и проста. Въ заводѣ много разныхъ мастеровыхъ и потому за деньги можно все имѣть. Дочь хозяина, котораго семья жила въ другой половинѣ, дѣвушка, прислуживала ей. Она бывала также и у Ирины Фоковны, которая поддерживала ее и снабжала всѣмъ. Это была женщина очень умная и какъ принадлежавшая къ не бѣдному классу дворянъ (у нея было 200 душъ), то и въ образованіи была представительницей дворянскихъ дамъ, наиболѣе развитыхъ. Я ее часто посѣщалъ, и какъ она была очень рели-

гіозна, читала много св. писанія, то ея сообщество было для меня очень пріятно, тѣмъ болѣе, что она всегда встрѣчала меня съ особеннымъ радушіемъ и любовью. Задачей своей жизни она поставила возможное обращеніе на путь истины заблудшихся сектантовъ, которыхъ тамъ было много. Между ними особеннаго вниманія заслуживалъ одинъ молоканъ-субботникъ. Это былъ фанатикъ въ полномъ значеніи слова. Онъ и сосланъ былъ за то, что растопталъ ногами образъ Богородицы. Онъ ненавидѣлъ христіанство вообще и особенно не могъ слышать преблагословеннаго имени Іисуса Христа. Когда она пробовала обратить его ко Христу, то онъ сказалъ ей: „не говорите мнѣ объ этомъ имени, я не могу слышать его, у меня вся внутренность поворачивается“, такъ что въ этомъ она уже отчаялась, какъ говорила мнѣ. Онъ сталъ посѣщать также и меня и просилъ книгъ. У меня были съ собою бесѣды митрополита Михаила. Я сказалъ ему: „если хочешь, вотъ какія у меня книги“. Первый томъ съ портретомъ преосвященнаго онъ не взялъ, а взялъ другой. Когда я съ нимъ покороче познакомился, то увидѣлъ, что это былъ человѣкъ не дюжинный, а весьма развитой. Онъ пропасть читалъ, зналъ даже Локка, Декарта, Бэкона. Кромѣ русскаго, другихъ языковъ онъ не зналъ. Когда я выразилъ ему мое удивленіе на это, онъ сказалъ: „читалъ я все это, но это философія“. Эта философія не отвлекла его отъ библіи, которую онъ толковалъ въ іудейскомъ смыслѣ. По седмицамъ Даніиловымъ онъ выводилъ заключенія къ настоящему времени. Какъ видно, онъ начитался талмудистскихъ толкованій и другихъ іудейскихъ мудрецовъ. Михаилъ у него, какъ кажется, означало, во-

цареніе истины, и все въ этомъ родѣ. Я хотя самъ тогда не былъ очень силенъ въ писаніяхъ св. отцевъ, но все-таки настолько зналъ ихъ, чтобы противопоставить ему ихъ истинное толкованіе; но тогда въ это короткое время это толкованіе было безуспѣшно. Внѣ его фанатизма, который не поддавался ни на какую уступку, это былъ человѣкъ съ прекрасными качествами. Много дѣлалъ добра нуждающимся, былъ очень кротокъ, строго нравственной жизни, такъ что я хотѣлъ было дѣйствовать на него, затронувъ струну его сердца, дѣйствовать на его добрыя и кроткія чувства. Я старался представить передъ его глазами божественный образъ Спасителя въ тѣхъ его чертахъ, гдѣ такъ ясно и такъ увлекательно выражается бездна его любви къ человѣчеству, его кротость, его благость и снисходительность къ людямъ грѣшнымъ, его готовность всегда принимать кающихся и проч. Онъ слушалъ молча; видно, что эти черты на него дѣйствовали, но потомъ вдругъ сказалъ: „ахъ, Александръ Петровичъ, вы не знаете... но я не могу вамъ сказать всего того, что я...“; онъ махнулъ рукой, не досказавъ слова. Но я понялъ, что онъ подразумѣвалъ какое нибудь видѣніе, которое принялъ за откровеніе свыше. На это я сказалъ ему: „любезный другъ, вѣдь сатана иногда принимаетъ видъ и свѣтлаго ангела“; онъ ничего не сказалъ и ушелъ. Мнѣ душевно было жаль этого человѣка.

Можетъ быть, Господь за его добрыя дѣла и привлечетъ его къ себѣ. Еслибъ онъ встрѣтился съ человѣкомъ образованнымъ и въ то же время твердымъ и просвѣщеннымъ христіаниномъ, который бы заставилъ его полюбить себя, то думаю, можетъ быть, онъ обра-

тился бы. Онъ имѣлъ свой домъ, табачную лавочку и снабжалъ всѣхъ нюхательнымъ табакомъ и въ томъ числѣ Палагею Андреевну.

Когда извѣстіе о моемъ отъѣздѣ распространилось между рабочими завода, то интересно привести одно психическое явленіе, которое доказываетъ, что нѣтъ человѣка, у котораго не сказывался бы тотъ внутренній голосъ, который вложилъ Творецъ въ сердце каждаго человѣка, — только человѣка изъ всѣхъ живущихъ тварей, какъ существа разумнаго. Возбудить этотъ голосъ совѣсти въ падшемъ преступникѣ — вотъ благородная задача правителей! Мнѣ предстояла дорога горами и лѣсомъ на колесахъ или плыть Леной. Дорога лѣсомъ была небезопасна, такъ какъ тамъ кочевали обыкновенно бѣглые съ завода и могли напасть и ограбить; но вотъ приходитъ ко мнѣ мой пріятель урядникъ и разсказываетъ, что вчера въ обществѣ каторжниковъ поставлено было сообщить всѣмъ и дать знать, что если я поѣду горами и кто нибудь изъ нихъ тронетъ меня, то съ нимъ расправятся своимъ собственнымъ судомъ,— и это за какой нибудь кусокъ холста и рубашку или какую нибудь копѣйку! И это въ средѣ отверженныхъ, глубоко развращенныхъ людей! Если же въ сердцѣ есть благодарность, это дитя любви, то это сердце, при благомъ воздѣйствіи на него слова любви, можетъ скоро украситься многими добродѣтелями и возвратить утраченное добро. Повторяю, вотъ задача правителей!

Послѣ многихъ разсужденій рѣшено было, что мнѣ покойнѣе будетъ плыть Леной. Распростившись со своими знакомыми и съ сердечнымъ чувствомъ сожалѣнія съ милымъ семействомъ, которое было истинною отра-

дою въ моемъ изгнанническомъ одиночествѣ, и съ милой ученицей моей, я былъ душевно растроганъ, такъ какъ видѣлъ, что и они раздѣляли мое чувство. Ученица моя сдѣлала такіе успѣхи, что отецъ не хотѣлъ оставить неоконченнымъ начатое развитіе и хотѣлъ помѣстить ее куда нибудь въ Москвѣ, что потомъ и исполнилъ, какъ писалъ мнѣ въ Минусинскъ. Мы сѣли въ тарантасъ съ Васильемъ Тимофеевичемъ, который взялъ и сына своего проводить меня и отправить къ пристани. Тутъ уже была готова большая лодка съ гребцами и мы отплыли.

Днемъ наше плаваніе было очень пріятно.

Лѣвый берегъ Лены составляютъ высокія горы, одѣтыя лѣсомъ, чрезвычайно живописныя, такъ что я, любитель природы, съ восторгомъ любовался чудной картиной гигантской рѣки съ ея величественными, хотя и дикими берегами. Правый берегъ имѣлъ бичевникъ, и лодку нашу влекли довольно быстро двѣ лошади, которыя смѣнялись по станціямъ. Когда же наступали завечера, то необъятныя тучи комаровъ, какъ пологъ, закрывали лодку, такъ что не было возможности дышать. Это была истинная пытка для меня. Рабочіе всѣ были вымызаны дегтемъ, да и все это народъ былъ привычный къ этимъ неудобствамъ мѣстности, но я рѣшительно не зналъ куда дѣваться. Мнѣ дали съ собою огромный пологъ, подъ которымъ я и скрывался ночью; отъ духоты сонъ мой былъ очень плохой. На третій день нашего плаванія мы увидѣли скачущаго по горному берегу тропинкой, на огромной высотѣ, казачьяго урядника, съ сумкой черезъ плечо, въ сопровожденіи казака и еще провожатыхъ. Мнѣ сказали, что это на-

рочной изъ Иркутска, такъ какъ это былъ обычный способъ отправленія правительственныхъ депешъ, а такъ какъ я ожидалъ своего перевода въ Минусинскъ къ брату, то что-то внутри меня сказало, что урядникъ везетъ высочайшее повелѣніе. Это такъ и было. Только что мы остановились обѣдать и я велѣлъ сварить себѣ уху изъ великолѣпнаго налима съ молоками и принялся обѣдать, какъ вошелъ пріѣхавшій урядникъ и передалъ провожавшему меня депешу, гдѣ повелѣвалось довезти меня до Верхоленска, а тамъ взять П. С. Бобрищева-Пушкина и ѣхать вмѣстѣ въ Иркутскъ, такъ какъ государь соизволилъ перевести меня къ брату въ Минусинскъ, а Бобрищева-Пушкина къ брату же его въ Красноярскъ.

Я былъ въ восторгѣ и изъ глубины души возблагодарилъ великодушнаго государя. Въ тѣхъ обстоятельствахъ жизни, въ какихъ мы находились, всякое добро, всякое снисхожденіе, намъ оказанное, возбуждали въ сердцѣ чувство глубокой благодарности. Оно и понятно: мы были лишены всѣхъ правъ, насъ можно было терзать, уничтожать, лишить даже того, что потребно для жизни и дыханія. И когда въ этомъ безвыходномъ положеніи вамъ оказываютъ уваженіе, вниманіе, пріязнь, стараются заставить васъ позабыть о томъ, что вы уже не въ томъ положеніи, въ какомъ были прежде, и что для всѣхъ окружающихъ васъ какъ будто этимъ несчастіемъ стали еще выше, когда, говорю, видимъ на себѣ все это, понятно, что сердце такъ умягчается, наполняется такою любовью къ людямъ, что кажется, будто оно прежде не чувствовало такъ сильно, не могло такъ любить, какъ теперь. Несчастливцу надо немного,

чтобы сдѣлать его счастливымъ. Вотъ поданная рубаха обнаженному, хотя бы и игрою въ кости, но отъ этого не менѣе страдающему отъ холода; кусокъ хлѣба голодному, слово утѣшенія угнетенному скорбію, — какія благородныя чувства благодарности породили въ каторжникахъ и какъ смягчили ихъ черствыя чувства!

Узнавъ о великодушномъ разрѣшеніи государя соединить меня съ братомъ, я уже былъ счастливъ, хотя все же это была ссылка, тоже положеніе внѣ закона, но я былъ веселъ, доволенъ; я былъ счастливъ въ самомъ несчастіи.

Въ Верхоленскъ мы приплыли послѣ сильной грозы и намъ разсказывали, что въ эту грозу рыбака на рѣкѣ убило молніей. При выходѣ изъ судна мнѣ показали квартиру Бобрищева-Пушкина, куда я и отправился; крѣпко мы обнялись съ нимъ и отъ сердца возблагодарили Господа. Пушкинъ своею вѣрою и истинно христіанскою жизнью вполнѣ уподоблялся первымъ христіанамъ.. Онъ еще въ нашемъ заключеніи велъ жизнь по образцу первыхъ христіанъ. Такъ, онъ недѣлю работалъ (я уже упомянулъ прежде, что онъ былъ отличный закройщикъ, портной и превосходный столяръ), въ субботу же въ вечерню онъ складывалъ всѣ свои орудія, зажигалъ лампадку передъ образомъ и занимался чтеніемъ библіи и другихъ религіозныхъ книгъ, или благочестивою бесѣдою, или молитвой. Онъ, какъ между нами, былъ твердымъ и побѣдоноснымъ поборникомъ вѣры во Христа и его ревностнымъ ученикомъ, такъ онъ жилъ и здѣсь, дѣлая добро, ухаживая за больными, помогая, чѣмъ могъ, нуждающимся, бесѣдуя о царствіи божіемъ и, вѣроятно, эта жизнь его была плодотворна, потому

что, когда мы ѣхали улицей большаго села, то насъ постоянно останавливали выбѣгавшіе изъ домовъ жители и прощались съ нимъ горячими объятіями. Всѣ почти плакали, разставаясь съ нимъ. Образцомъ его христіанскаго смиренія служитъ слѣдующій разсказъ. Онъ не пропускалъ ни одной божественной службы; какъ прежде еще въ казематѣ привыкъ читать при служеніи, то и здѣсь онъ читалъ на клиросѣ. Такъ какъ онъ хорошо читалъ и внятно, то священникъ всегда поручалъ ему чтеніе, особенно великимъ постомъ, когда много чтенія при богослуженіи. Эта привиллегія не понравилась одному дьячку, потому ли, что имъ овладѣла зависть за это предпочтеніе, было ли ему унизительно,—только онъ сталъ питать вражду противъ Пушкина и старался ему вредить какъ только могъ. Пушкинъ съ радостью бы перенесъ всѣ эти навѣты и клеветы, но его сокрушало дурное и опасное состояніе ближняго, и вотъ, вспомнивъ божественныя слова Спасителя: „добромъ побѣждайте всякое зло“, онъ во времи говѣнья, передъ исповѣдью, нашелъ его гдѣ-то и упалъ къ нему въ ноги, прося простить его и не питать на него злобы. Онъ вспомнилъ, что Христосъ велѣлъ оставить даръ свой предъ алтаремъ и прежде примириться съ братомъ, если онъ имѣетъ нѣчто на тебя. Врагъ его, зная, что Бобрищевъ-Пушкинъ человѣкъ благороднаго рода, „нѣжнаго“, какъ народъ выражается, воспитанія, умный, ученый, кланяется ему въ ноги, былъ такъ пораженъ этимъ смиреніемъ и побѣжденъ, что съ этой минуты до самаго отъѣзда Пушкина былъ искренно ему преданъ.

Пріѣхавши вмѣстѣ съ нимъ въ Верхоленскъ, мы теперь съ нимъ ѣхали и обратно, но теперь съ чувствомъ

болѣе отраднымъ. Я ѣхалъ къ брату моему и другу въ Минусинскъ, областной городъ на Енисеѣ, который славился въ Сибири хорошимъ климатомъ, гдѣ даже на бахчахъ росли и дозрѣвали арбузы и дыни, хотя не крупные. Тамъ еще прежде насъ былъ поселенъ нашъ товарищъ изъ нижняго разряда Серг. Ив. Кривцовъ, въ то время уже опредѣленный на Кавказъ; Бобрищевъ-Пушкинъ ѣхалъ въ Красноярскъ, губернскій городъ, гдѣ могъ найти образованное общество, гдѣ уже былъ одинъ изъ нашихъ товарищей Семенъ Григ. Краснокутскій, бывшій оберъ-прокуроръ сената, разбитый параличемъ и невладѣвшій ногами; онъ былъ сосланъ просто на поселеніе. Правда, что радость Пушкина была отравлена; онъ просился туда, чтобы взять на свое попеченіе сумасшедшаго своего брата, лишившагося разсудка въ отдаленной ссылкѣ и переведеннаго въ Красноярскъ для пользованія, но все же онъ могъ облегчить его положеніе и могъ надѣяться привести его въ сознаніе. Теперь мы ѣхали лѣтомъ, когда природа представлялась намъ во всей своей красотѣ, съ самыми разнообразными живописными видами. По дорогѣ вездѣ виднѣлись богатыя села съ двухъ-этажными домами, окна которыхъ съ занавѣсками были уставлены цвѣтами и другими растеніями. Въ такихъ селахъ пріятно было остановиться. Чистота образцовая вездѣ. Въ дверяхъ, въ симетрическомъ порядкѣ, разставлены были земледѣльческія орудія, телѣги, бороны, плуги, сбруя — все это подъ тесовыми навѣсами; конюшни полныя лошадьми, превосходно содержимыми. Это довольство, лучше сказать, богатство и благоустройство поражали и восхищали насъ, и когда мы сдѣлали сравненіе съ

нашими помѣщичьими селеніями, съ ихъ курными избами, бѣдностью, неопрятностью, забитымъ населеніемъ, то это сравненіе было очень грустно. Правда, что благоденствію много способствовали страшный просторъ, дѣвственная почва, огромные лѣса, безчисленныя стада крупнаго и мелкаго скота, табуны лошадей, но все же свобода сибиряковъ, никогда не знавшихъ крѣпостнаго права, свободный трудъ болѣе всего способствовали ихъ процвѣтанію.

Когда я видѣлъ Наслѣдника в. к. Александра Николаевича (нынѣ, 1878 г., царствующаго Государя Императора) еще мальчикомъ, катавшимся за Нарвской заставой въ 1824 году на Камчатскихъ собакахъ, могли ли мы думать тогда, что этотъ царственный отрокъ, на нашихъ глазахъ рожденный и возраставшій, еще при нашей жизни совершитъ великое дѣло обновленія отечества, исполнитъ нашу завѣтную мечту, которую мы хотѣли осуществить революціей, мятежами и кровопролитіемъ! Могли ли мы думать, что онъ совершитъ это возрожденіе движимый одними высокими побужденіями своего сердца, въ которомъ, по выраженію апостола, не тѣсно помѣщается весь его многомилліонный народъ, что онъ освободитъ не только свой русскій народъ, но и всѣ иноплеменные народы, подвластные Россіи и даже тамъ уничтожитъ неволю, гдѣ невольничество досягало почти временъ доисторическихъ, какъ въ Бухарѣ. Какая революція могла бы совершить безъ потоковъ крови то, что совершилъ божественною благостію вознесенный и увѣнчанный царь! Не чудо ли это божественнаго всемогущества и милосердія? Въ нѣсколько дней совершить то, чего другіе или, лучше сказать, всѣ народы дости-

гали многія столѣтія и достигали страшными потрясеніями, злодѣяніями, бѣдствіями, извращеніемъ человѣческаго разума, отрицаніемъ Бога и всего святаго! Онъ осѣнилъ себя всесильнымъ знаменіемъ креста, которымъ посѣнить себя воззвалъ и народъ свой, и Господь не постыдилъ его вѣры и его упованія! Россія возрождена, путь къ добру, правдѣ и счастію указанъ и проложенъ! О, еслибы мы всѣ, русскіе, шли этимъ путемъ вѣры въ Господа нашего Іисуса Христа подъ водительствомъ огненнаго столпа нашей православной апостольской церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины и исполняли бы заповѣди его, каждый на томъ мѣстѣ, гдѣ поставленъ, а не слѣдовали бы чуждымъ намъ ученіямъ ложнаго мудрствованія и безбожія,—то какое благоденствіе водворилось бы между нами!

Пріѣхавъ въ Иркутскъ, мы пробыли тутъ нѣсколько дней; помню, что были у губернатора Цейдлера, гдѣ обѣдали вмѣстѣ съ капитаномъ Головнинымъ. Тутъ я опять встрѣтился съ моимъ товарищемъ капитаномъ Ник. Вик. Головнинымъ, начальникомъ тамошней флотиліи, который каждый день присылалъ за нами къ обѣду свой экипажъ и мы проводили у него цѣлый день. Если онъ еще живъ, то да приметъ свидѣтельство сердечной благодарности стараго товарища и однокашника. Благородный, прямодушный, честный морякъ и не могъ поступить иначе съ товарищемъ и другомъ въ несчастіи; но какъ не всѣ имѣли тогда мужество принять съ отверстыми объятіями политическаго преступника, хотя и товарища, а иногда и роднаго, страшась навлечь на себя гнѣвъ царя, передъ которымъ немногіе не трепетали, то это дѣйствіе моего товарища

и друга показываетъ, какими высокими благородными качествами онъ обладалъ.

Распростившись съ добрымъ другомъ, мы отправились въ Красноярскъ и на пути остановились въ Илгинской казенной фабрикѣ у добраго друга нашего, поэта и товарища А. И. Одоевскаго. Недолго пробывъ у него, мы съ нимъ разстались и для этой жизни и навсегда, потому что болѣе уже не видались. Онъ умеръ отъ тифозной горячки на Кавказѣ, куда былъ опредѣленъ вмѣстѣ съ другими по ходатайству бывшаго тогда Наслѣдникомъ, нынѣ (1878 г.) славно-царствующаго Государя-Освободителя. Въ Красноярскѣ мы посѣтили Сем. Григ. Краснокутскаго, у котораго съ Бобрищевымъ-Пушкинымъ и пробыли весь этотъ день. Онъ поселился на квартирѣ, взявъ къ себѣ своего брата, который не былъ совершенно сумасшедшимъ, а только помѣшаннымъ, все и всѣхъ узнавалъ. Затѣмъ, простившись съ Бобрищевымъ-Пушкинымъ и Краснокутскимъ, я уже одинъ отправился въ Минусинскъ къ брату, куда и пріѣхалъ дня черезъ два или три.

XIV

Минусинскъ.

Пріѣхавъ въ Минусинскъ, я подъѣхалъ прямо къ дому окружнаго начальника. Въ это самое время онъ передавалъ какія-то распоряженія секретарю Окружнаго Совѣта. Когда я хотѣлъ войти въ залъ, гдѣ онъ хо-

дилъ, то, увидя появившуюся какую-то фигуру, запыленную и запачканную, онъ безстрастно сказалъ: „подожди, братецъ“. Я отступилъ въ прихожую. Надо сказать, что на мнѣ былъ сѣрый байковый казакинъ, сшитый изъ байковаго одѣяла товарища нашего Евгенія Петровича Оболенскаго, своими портными товарищами, между которыми былъ и онъ самъ. Это было въ Петровскомъ острогѣ. Я пріѣхалъ 8-го іюля, время самыхъ сильныхъ жаровъ, когда сухость смѣняется иногда дождемъ и грязью; пріѣхалъ на перекладной, то наружность моя должна была представляться особенно интересною, и надо удивляться, что онъ не бросилъ всѣ дѣла и не обратился съ любопытствомъ ко мнѣ. Затѣмъ, отпустивъ секретаря, онъ позвалъ меня. Когда я объявилъ ему, что присланъ на поселеніе и назвалъ свою фамилію, онъ очень обрадовался, сказалъ, что уже давно они съ братомъ моимъ ожидали меня, такъ какъ получено было увѣдомленіе отъ генералъ-губернатора о моемъ переводѣ. Онъ дружески расцѣловался со мной, тотчасъ послалъ за братомъ и велѣлъ дать чаю. Нужно ли описывать, какое счастіе было снова увидѣться съ братомъ и другомъ и заключить друга друга въ объятія! Теперь намъ уже казалось, что мы вполнѣ счастливы, — такъ немного нужно человѣку, только что освободившемуся отъ оковъ и выпущенному на свѣтъ Божій изъ тюрьмы. Мы были еще молоды, мнѣ не было 30-ти лѣтъ, а братъ былъ тремя годами моложе меня. Наши политическія страсти уже улеглись, а разумъ настолько просвѣтился истинною вѣрою, размышленіемъ и безпристрастнымъ изученіемъ религіозно-философическихъ вопросовъ, что уже ясно видѣлъ всю пагубу кро-

вавыхъ революцій. Слѣдовательно, намъ теперь на поселеніи, гдѣ мы ожидали оставаться навсегда, предстояла новая жизнь. Мы должны были трудиться для своего безбѣднаго содержанія, могли пользоваться нѣкоторою свободою заводиться и заниматься хозяйствомъ, что было въ нашемъ вкусѣ и характерѣ, наслаждаться чудною природой, которую всегда страстно любили—и этого для насъ пока было довольно.

Пробывъ нѣкоторое время у окружнаго начальника, мы отправились на квартиру брата, съ обѣщаніемъ возвратиться вечеромъ. У него по вечерамъ всегда собирались нѣсколько человѣкъ ему близкихъ, играли въ бостонъ, который не мѣшалъ и разговорамъ, иногда очень занимательнымъ. Квартира брата состояла изъ трехъ комнатъ, изъ которыхъ я и занималъ одну.

На этой квартирѣ мы прожили болѣе года, пока наши сестры не стали намъ пересылать небольшой капиталецъ, отдѣленный намъ изъ общей суммы, накопленной для семейства незабвенною нашею матерью. Тогда мы наняли другую квартиру, особенный домикъ въ 5 комнатъ, гдѣ и устроились очень хорошо. Затѣмъ мы стали придумывать, какое намъ избрать занятіе, чтобы получать доходъ съ нашихъ денегъ. Но прежде описанія нашей дѣятельности въ Минусинскѣ, считаю не лишнимъ описать какъ самый городъ, такъ и его обитателей.

Главный центръ Минусинскаго округа былъ тогда маленькій городокъ, называемый Минусинскомъ, имѣвшій съ дюжину широкихъ улицъ, одну хорошенькую каменную церковь, зимой теплую, и при ней богадѣльню, гдѣ содержались старые и увѣчные, гостиный дворъ по-

рядочной архитектуры съ колоннами, присутственныя мѣста, двѣ площади, словомъ, все нужное или необходимое для города. Онъ очень недавно переименованъ въ городъ изъ села Минусы, жители котораго только съ тѣмъ согласились сдѣлаться мѣщанами, чтобъ имъ оставить всѣ ихъ поля, луга, пастбища, сѣнокосы, и не измѣнять ихъ прежнихъ земледѣльческихъ занятій. Въ то время они исключительно продолжали заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Даже самые богатые не оставляли земледѣлія и скотоводства и то и другое было доведено у нихъ, какъ и у другихъ сибиряковъ-старожиловъ, до весьма значительныхъ размѣровъ, такъ что отъ двухъ до трехъ сотъ головъ и до 30, 40 десятинъ посѣвовъ имѣли многіе крестьяне. Послѣ посѣва всѣ жители близь Енисея занимались рыболовствомъ, чтобы запасаться рыбой на посты, а нѣкоторые изъ стариковъ все лѣто проводили за самоловами для добыванія красной рыбы и на продажу, но это такіе, у которыхъ было кому работать въ полѣ и безъ нихъ. Вообще благосостояніе сибиряковъ-старожиловъ было замѣчательно. Интеллигенцію Минусинска составляли чиновники разныхъ вѣдомствъ, которыхъ считаю долгомъ помянуть добрымъ словомъ за то участіе и ту пріязнь, какую всѣ они оказывали намъ во все время нашего тамъ пребыванія.

Минусинскій округъ былъ подъ управленіемъ окружнаго начальника, который, по Положенію Сперанскаго, былъ нѣчто въ родѣ губернатора и предсѣдалъ въ Окружномъ Совѣтѣ. Эту должность при нашемъ пріѣздѣ занималъ коллежскій совѣтникъ Александръ Кузьмичъ Кузьминъ, человѣкъ лѣтъ сорока, высокій, тол-

стый, нѣсколько рябой, но съ пріятнымъ, симпатичнымъ выраженіемъ лица. Онъ воспитывался въ лѣсномъ корпусѣ, былъ уменъ, хорошо образованъ, начитанъ и остроуменъ. Всѣ подчиненные очень любили его за доброту, снисходительность и вѣжливое обращеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не былъ слабъ по службѣ, хотя характеръ имѣлъ самый мягкій и строго преслѣдовалъ злоупотребленія и особенно кляузу. Онъ ненавидѣлъ кляузы и потому былъ противникомъ даже грамотности въ народѣ. Въ такомъ образованномъ либеральномъ человѣкѣ, странно было видѣть противника грамотности въ народѣ, о чемъ мы съ нимъ иногда и спорили; но онъ былъ убѣжденъ, что при тогдашнихъ нравахъ и невѣжествѣ народа, грамотность, говорилъ онъ, есть язва: выучился писать, и тотчасъ же давай писать кляузныя прошенія, а какъ за это платятъ, то и подбивать на кляузы мало-мальски чѣмъ нибудь недовольнаго человѣка.

Но изъ того, что спичками производятъ пожары и ими отравляются, нельзя же запрещать ихъ производство.

Александръ Кузьмичъ очень любилъ свой городъ Минусинскъ и нѣсколько гордился имъ. Оно и понятно; его заботливости городъ былъ обязанъ тѣмъ, что скоро сталъ очень приличнымъ деревяннымъ городомъ. Климатъ въ Минусинскѣ довольно мягкій и хотя морозы доходятъ до 30-ти и 35°, но не надолго, средняя же температура довольно высока. Лѣтомъ жары въ наше время доходили до 32 въ тѣни по Реомюру. Въ одномъ только Минусинскомъ округѣ росли на бахчахъ арбузы, хотя и не крупные, но это за отсутствіемъ вся-

кихъ плодовыхъ деревьевъ, кромѣ китайскихъ яблоковъ пигмеевъ, и это преимущество округа Минусинскаго дѣлало его какою-то обѣтованною землею для сибиряковъ и поселенцевъ.

Съ Александромъ Кузьмичемъ мы были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Еще до моего пріѣзда, онъ съ братомъ составили товарищество на табачную плантацію и у нихъ въ этотъ годъ хорошо выросъ и дошелъ табакъ, который тамъ сильно требуется инородцами. Табакъ, для нихъ пригодный, махорка, очень крѣпкій и цѣнимый ими тѣмъ выше, чѣмъ болѣе онъ поднимаетъ дерева, какъ они выражаются. Такъ какъ это не для всѣхъ понятно, то надо объяснить пріемы ихъ куренія. Мы потомъ по дѣламъ часто бывали въ ихъ улусахъ и юртахъ и присмотрѣлись къ нимъ. Сидя у костра, всегда флегматическій татаринъ-курильщикъ, прежде всего, беретъ березовое полѣно, нарочно приготовленное и высушенное, наскабливаетъ ножемъ извѣстное ему по крѣпости табака количество тонкихъ стружекъ, вынимаетъ изъ кармана узенькій, продолговатый, кожаный кисетъ, въ которомъ съ табакомъ затянута маленькая мѣдная китайская трубочка, называемая гамзой; насыпаетъ на ладонь въ стружки табакъ, тщательно и долго мѣшаетъ, затѣмъ набиваетъ трубку, беретъ и кладетъ уголь на устье трубки, закуриваетъ, щелчкомъ скидываетъ уголь и въ двѣ-три затяжки втягиваетъ въ себя, какъ видно изъ физіономіи, съ величайшимъ наслажденіемъ весь дымъ трубки, потомъ вытряхиваетъ золу, непремѣнно опять завязываетъ и прячетъ въ глубочайшій карманъ кисетъ, конечно, очень не надолго: они много и часто курятъ.

На слѣдующее лѣто еще продолжался посѣвъ табаку, а уже потомъ мы занялись хлѣбопашествомъ и этотъ посѣвъ оставили, такъ какъ уборка его, разсыповка, развѣска и разсушка дѣло довольно сложное. Но въ Шушѣ, гдѣ жилъ смотритель поселеній Илья Васильевичъ Кутузовъ, посѣвъ табаку у него былъ въ ходу, и у него же дѣлались даже сигары. Это была особенная охота нашего товарища Фаленберга, жившаго вмѣстѣ съ Кутузовымъ, съ которымъ познакомлю далѣе.

Какъ я сказалъ, у Александра Кузьмича, вечеромъ, всегда собирались на бостонъ, бесѣду и ужинъ. Эти вечера всегда были очень пріятны, по великорусскому обществу, которое тутъ собиралось, а извѣстно, что встрѣча съ земляками въ отдаленныхъ и пустынныхъ странахъ всегда почти производитъ дружескія и пріятныя отношенія. Но вспоминая объ этихъ вечерахъ, нельзя не вспомнить очень забавнаго казуса, случившагося въ началѣ его пріѣзда окружнымъ начальникомъ и съ началомъ его вечеровъ. Какъ окружному начальнику, ему, по положенію, назначался ординарецъ или вѣстовой изъ забайкальскихъ казаковъ. Эти такъ называемые казаки были просто мужики-хлѣбопашцы и скотоводы, не имѣвшіе въ себѣ ничего похожаго на казаковъ дѣйствительныхъ. Не менѣе того, казакъ этотъ долженъ былъ сидѣть въ прихожей у окружнаго начальника до самой ночи, и теперь уже въ первый разъ одѣтый въ казачій синій кафтанъ, что конечно ему было весьма неудобно и неловко. Что дѣлать одному весь вечеръ какъ не спать, и вотъ онъ забирался на сложенный обѣденный столъ, такъ какъ стульевъ, по новости, въ прихожей не полагалось, а сѣсть на полъ—долго вста-

вать, если неравно позовутъ: и такъ, облокотившись на стѣну возлѣ печки, онъ началъ дремать подъ говоръ и споръ играющихъ въ карты, конечно, усиленно прогоняя сонъ; но долѣе 10 часовъ борьбы не могъ выдержать, заснулъ и вслѣдъ за этимъ съ грохотомъ слетѣлъ со стола. Въ первый разъ этотъ стукъ, конечно, заставилъ всѣхъ соскочить со своихъ мѣстъ и посмотрѣть, что случилось, но когда увидѣли опрокинутый столъ и испуганную фигуру казака, расхохотались и забыли. Такъ какъ казаки смѣнялись, то эти продѣлки иногда повторялись, конечно, изрѣдка. Когда это повторялось, то Александръ Кузьмичъ съ своею флегматической улыбкою только замѣчалъ: „а, падаетъ казакъ, значитъ больше 10-ти часовъ, господа, и пора закусить".

У Александра Кузьмича въ Россіи были родные; онъ имѣлъ тамъ маленькое имѣніе, а служба съ тогдашнимъ жалованьемъ для него, недозволявшаго себѣ никакихъ другихъ безчестныхъ доходовъ, не представляла достаточныхъ средствъ, особенно когда онъ сталъ семьяниномъ, а потому онъ скоро вышелъ въ отставку. Онъ пріѣхалъ въ Сибирь холостымъ и уже тутъ женился и также оригинально, какъ оригиналенъ былъ его характеръ, вся его жизнь и его взгляды на жизнь. Мы у него бывали каждый день и замѣтили, что, не смотря на свою флегму, онъ былъ способенъ и къ нѣжнымъ чувствамъ, но никакъ не думали, чтобы онъ женился. Противъ него, на другой сторонѣ улицы, жила молодая и прелестная вдовушка покойнаго ветеринарнаго врача, у которой онъ бывалъ, правда, довольно часто, но онъ посѣщалъ и многіе другіе семейные дома, и по-

тому изъ этого нельзя было заключить о его намѣреніи. Но вотъ однажды, когда мы жили во флигелѣ у казначея въ домѣ противъ церкви, видимъ Александра Кузьмича прогуливающагося тихимъ шагомъ, какъ онъ всегда гулялъ, подъ руку съ Екатериной Петровной, такъ звали вдовушку, и проходя мимо насъ завернувшихъ въ церковь. Черезъ полчаса они вышли и тѣмъ же порядкомъ, тихой прогулкой возвратились домой; а на другой день узнаемъ, что они обвѣнчались. Тотчасъ же всѣ служащіе и живущіе въ городѣ его знакомые отправились къ нему съ поздравленіями. Мы съ братомъ также отъ души поздравили его; и какъ жена его была дружески расположена къ намъ, то мы еще болѣе сблизились съ ними. Старшая дочь была въ возрастѣ ученія, они просили насъ давать ей уроки. Болѣе занимался съ нею братъ, а когда онъ уѣзжалъ на пашню, то я заступалъ его мѣсто на время. Послѣ женитьбы онъ оставался не болѣе года и уѣхалъ въ Россію. Весь городъ провожалъ его съ искреннимъ сожалѣніемъ, и, дѣйствительно, лучшаго начальника и добрѣйшаго, пріятнѣйшаго человѣка не легко найти. Но какъ вся жизнь наша проходитъ въ свиданіяхъ и разставаніяхъ до самаго конца жизни, то и мы съ нимъ разстались. Какъ чудны пути Божіи въ судьбахъ человѣческихъ! Можно ли было думать, прощаясь съ нимъ навсегда, что мы встрѣтимся съ нимъ въ Россіи, уже совершенно въ другихъ обстоятельствахъ. Товарищъ нашъ Сергѣй Ивановичъ Кривцовъ, поселенный до насъ въ Минусинскѣ, по возвращеніи съ Кавказа, сдѣлался опекуномъ дѣтей брата его, Павла Ивановича Кривцова, и предложилъ Кузьмину управленіе ихъ имѣніемъ въ Балашовскомъ уѣздѣ. Мы

съ нимъ увидѣлись въ этомъ имѣніи по возвращеніи съ Кавказа, гостивши у сестры, которой имѣніе было въ сосѣдствѣ, а послѣ его смерти я занялъ его мѣсто, по предложенію опекуна, съ котораго и началъ свое русское хозяйственное поприще, потомъ продолжавшееся 18 лѣтъ.

На мѣсто Александра Кузьмича, окружнымъ начальникомъ поступилъ бывшій исправникомъ Петръ Аѳанасьевичъ Меркушовъ, тоже человѣкъ очень хорошій. Конечно, онъ уступалъ Александру Кузьмичу въ солидномъ образованіи, но его пріемы и обращеніе были весьма приличны и вообще онъ держалъ себя съ достоинствомъ.

За окружнымъ, по важности мѣста, слѣдуетъ городничій. Въ теченіи семилѣтняго пребыванія нашего въ Минусинскѣ, городничихъ перемѣнилось трое. Первый, съ которымъ мы сошлись дружески, былъ Илья Алекс. К., добрый и благородный человѣкъ, очень набожный, не пропускавшій въ праздники ни заутрени, ни обѣдни и щедро подававшій милостыню. Онъ хотя былъ человѣкъ одинокій, но какъ градоначальникъ, то у него также собирались по временамъ на вечера, а иногда обѣды и завтраки. Но это бывало тогда, когда онъ былъ въ нормальномъ положеніи, по временамъ же онъ страдалъ болѣзнью запоя, хотя сознавалъ вполнѣ всю тяжесть и всю грѣховность для христіанина этой все же произвольной болѣзни, такъ что однажды онъ прислалъ за мною и говоритъ: „что мнѣ дѣлать! я погибаю. Если остановиться, боюсь удара!“ Я на это ему сказалъ: „не бойтесь этого, и если бы васъ постигла смерть вслѣдствіе того, что вы рѣшились для Бога пожертвовать

даже жизнію, чтобы исполнить долгъ христіанина, вы получите полное отпущеніе грѣховъ". Онъ такъ и сдѣлалъ. Это былъ человѣкъ прекрасной души. По выходѣ его, былъ короткое время старичокъ оригиналъ, выходящій изъ ряда всѣхъ оригиналовъ, какъ думаю, и изъ всѣхъ городничихъ. Невѣжество его было образцовымъ: онъ еще вѣрилъ въ сказочнаго змѣя-горынича, въ чудо-юдо, и когда добивались у него толкованія, то выходило, что онъ такъ называлъ крокодила. Все, что онъ въ многолѣтней своей жизни видѣлъ и слышалъ, такъ перепуталось въ его головѣ, что легче было понять человѣка, говорящаго на непонятномъ языкѣ, нежели его. Службу свою онъ называлъ шагами „и вотъ, говорилъ онъ, я шагнулъ и сюда въ городничіе!" Прежде онъ служилъ на Аландскихъ островахъ, гдѣ былъ, кажется, смотрителемъ госпиталя, и тамъ-то, какъ разсказывалъ, онъ видѣлъ чудо-юдо и змѣя-горынича. За змѣя-горынича онъ, вѣроятно, принималъ какой нибудь метеоръ, а за чудо-юдо онъ могъ бы принять кита, но киты не заходятъ въ Балтійское море и потому это осталось тайной. Подобное невѣжество въ человѣкѣ, бывшемъ судьею въ Каинскѣ, какъ разсказывали, и наконецъ городничимъ, конечно, замѣчательно; но этому прошло уже болѣе 40 лѣтъ, значитъ воспитаніе его и грамотности относятся еще къ прошлому или къ началу этого столѣтія, да еще въ Сибири, и потому неудивительно.

Вотъ уже 30 лѣтъ прошло, какъ я служилъ на Кавказѣ, и тогда еще встрѣчались офицеры, знавшіе свое дѣло, порядочнаго поведенія, закаленные въ походахъ, т. е. достойные полнаго уваженія, но которыхъ необразованность или, лучше, невѣжество въ самыхъ простыхъ

и обыденныхъ явленіяхъ природы были поразительны. Для образчика разскажу, какъ однажды въ экспедиціи въ Чечнѣ, послѣ дневной перестрѣлки и сожженія нѣсколькихъ черкесскихъ хуторовъ и стоговъ сѣна, во время стоянки лагеремъ, мнѣ случилось вечеромъ прогуливаться съ однимъ изъ старыхъ кавказскихъ офицеровъ передъ палаткой. Между разговорами, зная, что я прежде служилъ въ морской службѣ, онъ разспрашивалъ меня о морѣ, и когда я разсказывалъ ему о моихъ плаваніяхъ океаномъ, онъ вдругъ спрашиваетъ меня: „скажите, пожалуйста, Александръ Петровичъ, какъ вы на морѣ избавляетесь отъ радуги?“ Не понимая, что онъ хотѣлъ сказать, я спросилъ: „какъ отъ радуги?“ — „Да вѣдь радуга всасываетъ воду и если попадетъ подъ нее корабль, то она вѣдь можетъ всосать его вмѣстѣ съ водой“. Тутъ только я и понялъ вопросъ и объяснилъ ему, что̀ такое радуга. Онъ полагалъ, что корабль, попавшійся подъ радугу, можетъ быть увлеченъ въ другое воздушное плаваніе по этому великолѣпному небесному каналу: какъ до сихъ поръ Жюлю Верну не пришло въ голову описать подобное путешествіе? Какъ ни чуденъ былъ городничій въ Минусинскѣ, но жена его была возлѣ него совершенной аномаліей, указывавшей на то, какъ составлялись тогда, а иногда, можетъ быть, и теперь еще, браки. Она была хороша собой, умна, пріятна и вообще прилична въ полномъ смыслѣ слова. Дѣти ихъ были прелесть, старшая дочь лѣтъ 14-ти обѣщала быть красавицей. Сама она воспитывалась въ Петербургѣ; но что удивительно, такъ это то, что дамы въ Сибири безъ особеннаго воспитанія, безъ серьезнаго образованія, выросшія въ этой сибирской глуши, тогда еще могли до-

стигать такой степени такта, приличія, любезности, что нельзя было не удивляться, откуда все это взялось; а между тѣмъ это было такъ дѣйствительно.

Третьимъ городничимъ былъ Ел. Анд. Онъ когда-то служилъ коммисаромъ на военномъ кораблѣ, то есть завѣдующимъ всѣми корабельными матеріалами и провизіей, подчиненный вполнѣ морскому начальству, начиная съ вахтеннаго лейтенанта и далѣе. Такъ какъ мы были прежде морскими офицерами и еще служили въ гвардейскомъ экипажѣ, то это обстоятельство очень расположило его къ намъ, такъ что мы пользовались особенною его пріязнью. Онъ былъ вдовецъ, жилъ одинокимъ, но по временамъ къ нему пріѣзжала меньшая дочь, которая воспитывалась въ губернскомъ городѣ и жила съ замужнею сестрою. Это была дѣвушка восхитительной красоты, нѣсколько восточнаго типа и въ уровень съ своею красотою была умна, развита не по лѣтамъ умственно и очаровательна. Во время ея посѣщеній Минусинска, мы, конечно, очень часто бывали у нихъ, приглашаемые отцемъ, такъ какъ она находила удовольствіе въ нашемъ обществѣ.

За городничимъ слѣдовалъ домъ исправника г. Шихутскаго, не помню имени, человѣка очень хорошаго и честныхъ правилъ. Впрочемъ, въ Сибири въ наше время исправникамъ не нужно было брать взятокъ, такъ какъ волости, очень богатыя въ то время, общей раскладкой собирали суммы и платили имъ жалованье, зная, что казеннымъ нельзя было жить. Домъ этотъ былъ для насъ самымъ пріятнымъ пріютомъ. Жена его Анна Ивановна, урожденная Коновалова, дочь красноярскаго совѣтника, того самаго, который встрѣтилъ насъ, когда

насъ провозили съ Нарышкинымъ и А. И. Одоевскимъ въ Читу. Она была хорошо воспитанная дама, очень умная, пріятная, обладавшая въ обращеніи тою милою непринужденною простотою, которая такъ привлекательна въ молодой и хорошенькой женщинѣ. Меньшая сестра ея, съ нею жившая, во всемъ соотвѣтствовала ей. Онѣ обѣ играли на фортепьяно, у нихъ часто составлялись танцы и вообще было всегда очень весело. Ихъ милое домашнее общество, когда не было гостей, было особенно пріятно.

Далѣе слѣдуетъ казначей. Это былъ высокій, худощавый, крѣпкаго сложенія господинъ съ самымъ простымъ выраженіемъ въ лицѣ, на которомъ однакожъ нельзя было не замѣтить свойства умныхъ сибиряковъ— нѣкоторой дозы хитрости. Онъ былъ очень оригиналенъ во всѣхъ своихъ пріемахъ, какъ-то втягивалъ въ себя воздухъ и при каждомъ утвержденіи или разсказѣ всегда прибавлялъ свою поговорку: „да, пра, безъ изъятія". У него прежде былъ одноэтажный небольшой домъ противъ церкви; Алекс. Кузьмичъ подбилъ его распространить домъ пристройкой и сдѣлать мезонинъ. За лѣсомъ тамъ дѣло не стояло и вотъ домъ перестроенъ, огромный мезонинъ перекинутъ, черезъ весь домъ, который и сталъ красою этой мѣстности; но тутъ случилась та бѣда, что такъ какъ парадныя комнаты были велики и высоки, съ огромными окнами, то домъ, сколько ни топили, былъ очень холоденъ, потому что все тепло поднималось въ мезонинъ, чему конечно былъ очень радъ докторъ Дмитрій Васильевичъ Раевскій, занимавшій весь мезонинъ. Его это обстоятельство очень сердило и особенно, если кто нибудь замѣчалъ ему объ этомъ. Къ

тому же еще, такъ какъ роль архитектора выполнялъ какой нибудь подрядчикъ изъ крестьянъ, то мезонинъ, не приходившійся на капитальныхъ стѣнахъ, осѣлъ и полы въ немъ покосились. Мы у него иногда проводили вечеръ и, входя въ комнаты, хотя не ощущали живительной теплоты, прійдя къ нему въ сильный морозъ, но, не желая огорчать его, говорили: „а что, Дмитрій Гаврилычъ, у васъ, кажется, тепло"; тогда онъ, улыбаясь, поднималъ кверху свою костлявую руку и, затягивая воздухъ, говорилъ: „да, пра, безъ изъятія". У него также бывали званые вечера, на которые, какъ и на всѣ другіе, мы всегда бывали приглашаемы, гдѣ также танцовали. За ужиномъ онъ никогда не садился за столъ, а ходилъ вокругъ, наблюдая, чтобъ никто не отказывался отъ обносимаго блюда и тотчасъ же приступалъ съ умилительною просьбою. Но особенно оригинальное обыкновеніе его было идти съ лакеемъ, обносившимъ вино. Грѣшно подшучивать надъ тѣми, кто насъ радушно принималъ, еще радушнѣе угощалъ, но это не будетъ подшучиваніемъ, а простымъ описаніемъ особенности, при которой, помимо всей признательности моей и всей оцѣнки его доброты и радушія, нельзя было внутренно не улыбнуться. Когда за ужиномъ лакей предлагалъ разныя вина, называя каждое, то если кто отказывался, онъ около самаго уха самымъ тихимъ умоляющимъ голосомъ повторялъ: „пожалуйста"; при второмъ отказѣ повторялось тоже „пожалуйста", но послѣ третьяго, убѣдившись, что гость болѣе пить не могъ, онъ обращался къ лакею, ожидавшему дѣйствія слова „пожалуйста", вдругъ перемѣнялъ тонъ и уже басомъ, грозно, говорилъ: „не безпокой". Другую про-

тивоположность, но въ томъ же родѣ представлялъ секретарь, у котораго также бывали вечера и съ ужиномъ. У этого произносилось тоже слово „пожалуйте“ и также по нѣсколько разъ сряду: „пожалуйте“, но серьезнымъ, безъ повышенія, голосомъ, отрывочно, безстрастно, какъ бы командуя и не допуская возраженія.

Казначейство въ Минусинскѣ было образцовымъ по порядку, строгой отчетности и ревностному исполненію обязанностей всѣхъ у него служившихъ. Сынъ его отъ перваго брака, молодой человѣкъ, былъ совершенный снимокъ съ отца, такъ онъ былъ похожъ на него, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Этотъ скромный и тихій юноша любилъ свою службу до страсти; и то, что на другого производило бы одуряющую скуку, для него было наслажденіемъ. Мѣсячные отчеты, подведенные итоги, до полушечной точности, его радовали, какъ игрушка ребенка; онъ разсказывалъ объ нихъ съ восторгомъ. Можно сказать, что по честности, аккуратности, это казначейство, съ казначеемъ во главѣ и его сыномъ, было дѣйствительно образцовымъ.

Затѣмъ слѣдуетъ окружной докторъ Дмитрій Васильевичъ Раевскій, тульскій помѣщикъ и воспитанникъ Московскаго университета. Вскорѣ за Кузьминымъ и онъ уѣхалъ въ Россію. Это былъ очень пріятный, умный, добрый человѣкъ, хорошій врачъ. Онъ-то жилъ въ мезонинѣ у казначея и похищалъ всю зиму его тепло.

Въ Минусинскѣ командовалъ инвалидной ротой Александръ Кузьмичъ Милютинъ, у котораго мы также часто бывали. Жена его, Юлія Ивановна, добрая, милая женщина, очень благоволила къ намъ и всегда

дружески принимала. У нихъ много было дѣтей, малъ-мала меньше, которыхъ нѣжный отецъ часто самъ нянчилъ, припѣвая: „милая, хорошая моя, чернобровая, похожа на меня“, но на бѣду бровей-то у него и не было. Въ этомъ домѣ неизбѣжно и постоянно была игра въ мельники, которая продолжалась безконечно, что крайне утомляло насъ, хотя всѣ другіе партнеры играли съ наслажденіемъ. Кто проигрывалъ послѣдній, тотъ довершалъ зданіе на сукнѣ стола—и это продолжалось иногда до 12 часовъ. Но нельзя не помянуть добрымъ и благодарнымъ словомъ это милое, радушное и гостепріимное семейство. Вотъ все то доброе, простое общество, между которымъ мы прожили 7 лѣтъ нашей ссылки. Все это, собственно говоря, городское чиновное общество, а надо вспомнить также и тѣхъ гражданъ, мастеровыхъ-старожиловъ, мѣщанъ и другихъ, съ которыми судьба свела насъ въ страннической нашей жизни.

Кузнечнымъ мастерствомъ въ Минусинскѣ занимался только одинъ мѣщанинъ, а остальные были поселенцы скопцы, сосланные за эту секту. Тамъ былъ одинъ очень хорошій слесарь, двое хорошихъ сапожниковъ, одинъ изъ нихъ, изъ Петербурга, поселенецъ, работалъ такъ, что и въ Петербургѣ былъ не послѣднимъ; а другой—сосланный черкесъ, который тамъ пріютился, женился и вовсе не жалѣлъ о своихъ горахъ и разбояхъ. Было и нѣсколько очень замѣчательныхъ портныхъ. Главнымъ изъ нихъ считался жидокъ; но прежде онъ имѣлъ соперниковъ въ тріумвиратѣ портныхъ, очень оригинальныхъ, тоже изъ поселенцевъ, изъ коихъ знаменитѣйшимъ былъ по имени Трофимъ, который во время

своего процвѣтанія выстроилъ даже себѣ большой домъ и былъ въ силѣ. На этомъ домѣ красовалась вывѣска съ надписью по-русски: Трофимъ портной; а по-нѣмецки Trochen dip, т. е. „Трофимъ воръ"; этой нѣмецкой надписи, разумѣется, никто не понималъ, но она придавала важность его заведенію и онъ былъ очень доволенъ. А эту штуку сыгралъ съ нимъ его благодѣтель Сер. Ив. Кривцовъ, декабристъ, жившій тамъ на поселеніи. Этотъ Трофимъ, наконецъ, спился съ кругу и, конечно, продалъ бы этотъ домъ, еслибы не вмѣшалось городское начальство, такъ какъ онъ имѣлъ маленькаго сына. Физіономія этого человѣка была чрезвычайно забавна. Толстый и большой носъ, туповатые на выкатѣ глаза, огромный подбородокъ и большой ротъ, гдѣ виднѣлись два-три зуба, и наконецъ маленькій ростъ и кривыя ноги. Онъ имѣлъ страшное самолюбіе, ненавидѣлъ своего соперника жидка и приходилъ въ ярость, когда его съ нимъ сравнивали. Не смотря на это, онъ пропился и принужденъ былъ наняться къ жиду въ работники. Казалось бы, безславіе его было несомнѣнно; не тутъ-то было; когда мы замѣчали ему объ этомъ, то онъ, плутовски выглядывая поверхъ огромныхъ очковъ, сидѣвшихъ безъ всякихъ обоймовъ на его носу, наклонясь къ уху, шопотомъ увѣрялъ, что тотъ взялъ его для того только, что самъ не умѣлъ скроить фрака, который ему заказали. Думаю, что изъ всѣхъ портныхъ это былъ изъ самыхъ комичныхъ, даже комичнѣе Куперовскаго въ „Красномъ корсарѣ". Другой изъ тріумвирата былъ нѣкогда унтеръ-офицеръ гвардейскаго егерскаго полка. До сихъ поръ онъ не могъ удержаться, чтобы не стать во фронтъ, когда говорилъ съ кѣмъ нибудь

изъ чиновниковъ. И когда былъ выпивши, то очень часто принималъ то направо, то налѣво, точно по командѣ. Онъ шилъ очень порядочно, но также былъ подверженъ припадкамъ запоя, и когда мы ему выговаривали и стыдили его, то онъ отвѣчалъ: что у него уже такая натура, вотъ только перегуляю два дня и опять пошелъ на цѣлый годъ; но эта перегулка часто продолжалась по мѣсяцу и болѣе, такъ что разъ онъ все пропилъ и когда очнулся, то увидѣлъ себя въ необходимости идти на пріиски и наняться на цѣлый годъ въ простые рабооники. Поправившись, онъ опять возвратился въ городъ, нанялъ работниковъ и къ нему тоже пошелъ Трофимъ. Третій было извѣстенъ подъ нѣмецкой фамиліей Шнейдеръ, хотя имѣлъ русскую и былъ чистый русакъ. Это былъ авантюристъ, человѣкъ очень не глупый и страшный пройдоха; по его словамъ, онъ нѣкогда ворочалъ сотнями тысячъ, но, обанкрутившись, попалъ въ Сибирь. Онъ былъ и кожевникомъ, и свѣчникомъ, лилъ свѣчныя формы и наконецъ тоже сдѣлался портнымъ; во всѣхъ ремеслахъ ему не было подобнаго, по его словамъ и самолюбію. Весь этотъ тріумвиратъ нѣсколько разъ пропивался и опять поправлялся. Въ одинъ изъ такихъ перепоевъ прежде другихъ поправился Николай, бывшій егерь. Онъ нанялъ работниковъ и въ томъ числѣ двухъ изъ своихъ товарищей. Такимъ образомъ весь тріумвиратъ снова сидѣлъ чинно на верстакѣ. Когда же мы по одиночкѣ спрашивали у нихъ, то каждый увѣрялъ, что онъ хозяинъ, а тѣ два— работники. Недолго продолжалось это торжество трезвости и трудолюбія; случились крестины у Николая; вкусивши завѣтнаго напитка, всѣ они запили, снесли

въ кабакъ все свое житье, кто что успѣлъ, и исчезли. Одинъ босой, въ одной рубашкѣ, въ страшный морозъ, пробирался къ тещѣ въ село Тель за 40 верстъ, и, на удивленіе всѣхъ, пробрался и опять чинно засѣлъ на верстакъ, но уже шилъ однѣ деревенскія однорядки. Таковъ былъ скончавшійся цехъ портныхъ въ городѣ Минусинскѣ. Впрочемъ, кромѣ „слабости", всѣ эти портные были очень добрые люди.

Городъ имѣлъ также кожевниковъ, разумѣется, самыхъ плохихъ. Хорошій товаръ привозили изъ Казани и Томска, сыромятныя же кожи для сбруи дѣлали всѣ горожане у себя дома. Столярный цехъ имѣлъ своимъ представителемъ старшаго московскаго иконостащика, но который здѣсь дѣлалъ только рамы. Онъ былъ человѣкъ князя Долгорукаго и всегда съ умиленіемъ и слезными гримасами разсказывалъ о прежней своей славѣ, о почетѣ, въ которомъ былъ онъ у управителя, о нашествіи французовъ, съ интересными и длинными подробностями; все это онъ всегда разсказывалъ съ слезными гримасами, утирая глаза; но когда отнималъ руки, то ни одной слезинки не было. Наконецъ, тамъ былъ шляпникъ, по фамиліи Шляпниковъ, который дѣлалъ валенки и въ то же время шляпы. Одинъ крещеный жидокъ шилъ фуражки. Иногда наѣздомъ бывали обойщикъ, печникъ, штукатурщикъ, шорникъ, шерстобиты, колесники, словомъ въ Минусинскѣ было очень мало настоящихъ ремесленниковъ, но можно было все имѣть, только съ терпѣніемъ.

Во всѣхъ странахъ свѣта, при самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, люди всегда находили, находятъ и до

скончанія вѣка будутъ находить, чѣмъ развлекать и услаждать свою жизнь.

Такъ и въ Минусинскѣ составлялись гулянья перваго мая и въ Троицынъ день; а при Александрѣ Кузьмичѣ однажды устроилось довольно далекое плаваніе цѣлой флотиліей, сперва по Енисею, а потомъ по Абакану, рѣкѣ, въ него впадающей, въ инородническую Абаканскую думу, расположенную на самомъ берегу. Въ большомъ домѣ думы расположилось все общество; тутъ пили чай, послѣ того гуляли по улицамъ татаръ, которые были очень довольны видѣть такое большое городское общество и самого окружнаго начальника, почтить котораго пріѣхалъ самъ Тайша, ихъ властелинъ, особа очень важная, при появленіи котораго всѣ его подданные падаютъ ницъ. Послѣ ужина былъ устроенъ фейерверкъ, на который собрались всѣ иногородцы изъ дальнихъ и ближнихъ улусовъ. Ихъ восторгъ и удивленіе выражались въ самыхъ разнообразныхъ возгласахъ; а когда пустили шутиху, то вся толпа пустилась бѣжать, сперва съ криками ужаса, а потомъ съ хохотомъ, когда убѣдились, что вреда отъ этого огня не было. Потомъ на ночь все общество размѣстилось какъ попало, дамы по комнатамъ, а мущины въ большомъ залѣ и по юртамъ. На другой день въ экипажахъ возвратились въ городъ.

Все чиновное общество Минусинска осенніе вечера проводило за картами; разумѣю одну мужскую половину: дамы же обыкновенно собирались поболтать кой о чемъ и чаще, разумѣется, здѣсь какъ и вездѣ, о нарядахъ и модахъ, почерпаемыхъ изъ какого нибудь губернскаго образчика; иногда потанцовать подъ скрипку какого нибудь музыканта, вырощеннаго на крѣпостной

почвѣ и за что нибудь сосланнаго на поселеніе. О музыкѣ мы тамъ совершенно забыли, кромѣ, впрочемъ, церковной, такъ какъ мы пѣли еще прежде въ Петровскомъ казематѣ, подъ управленіемъ нашего регента Петра Николаевича Свистунова [1]), а теперь здѣсь на клиросѣ. Во всемъ городѣ было одно фортепьяно у жены исправника. Но ни однѣ имянины не проходили безъ вечеровъ и ужиновъ даже роскошныхъ по обилію кушаній, винъ и закусокъ. На всѣ эти вечера и обѣды мы были радушно приглашаемы и раздѣляли общія удовольствія кромѣ танцевъ. Въ танцахъ же первенствовалъ изъ присланныхъ туда, уволенный съ работъ нѣкто Лаптевъ, очень оригинальная личность. Онъ былъ роднымъ братомъ бывшему когда-то корпуснымъ командиромъ генералу Лаптеву и сосланъ въ каторжную работу за то, что выдралъ за бороду священника во время выноса Св. Даровъ и причащенія. Онъ леталъ въ экосезѣ со всевозможною претензіей на грацію, и когда мы замѣчали ему, не безъ лукавства, о его ловкости, то онъ говорилъ: „о! я въ экосезѣ всегда экселировалъ“. Онъ былъ уже при Павлѣ I гвардейскимъ, помнится, преображенскимъ офицеромъ. Былъ большой любезникъ съ дамами и помогалъ имъ въ вышиваніи по канвѣ: эту работу онъ, не знаю, какъ и гдѣ выучившись, дѣйствительно исполнялъ недурно, по отзывамъ дамъ. Безъ сомнѣнія, въ свое время онъ былъ въ лучшемъ обществѣ по своему званію гвардейскаго офицера, по богатству и родству. Онъ занимался также поэзіей и писалъ стихи, немного напоминавшіе Третьяков-

---

[1]) Нынѣ живетъ въ Москвѣ.

скаго. Это былъ типъ тогдашняго русскаго образованнаго по тому времени дворянства, съ московскимъ акцентомъ, протянутою пѣвучею рѣчью. Онъ говорилъ по-французски, читалъ энциклопедистовъ, Вольтера и набрался, вѣроятно, той умственной чепухи, которая и подвигнула на его хвастливо-безбожный поступокъ. Но въ наше время онъ уже отрезвился и конечно считалъ свой поступокъ безбожнымъ. Ему въ то время уже было 60 лѣтъ, но, не смотря на свои лѣта, онъ очень любилъ танцовать и выдѣлывалъ съ строгою точностію всѣ тогдашнія па. За нимъ слѣдовали кавалеры, которые конечно отдавали ему первенство и можетъ быть старались достигнуть того-же совершенство не знаю только, успѣшно-ли.

Изъ этого можно видѣть, что въ Минусинскѣ, не менѣе всѣхъ другихъ уѣздныхъ городовъ, жили общественною жизнью, веселились по своему, и обильно угощали гостей. Думаю, что начало этому положилъ Александръ Кузьмичъ, затѣмъ его преемникъ, выстроившій себѣ прекрасный большой домъ, съ большимъ заломъ, гдѣ могли танцовать безъ всякаго стѣсненія. На святкахъ играли въ фанты, наряженные разъѣзжали по домамъ, вездѣ принимались и угощались. Но надо замѣтить одну черту въ угощеніи, собственно принадлежащую Минусинску или вообще тому краю. Это—угощеніе неподслащенною и крѣпчайшею наливкой, непремѣнно передъ чаемъ подаваемою; другая особенность, это—настойчивое подчиваніе, что конечно доказываетъ прекрасное качество хозяевъ — ихъ радушное гостепріимство и твердое желаніе, чтобы гость былъ вполнѣ упитанъ, упоенъ и вынесъ изъ дома полное довольство.

Въ наше же время начала развиваться въ Минусинскомъ округѣ золотопромышленность; городъ много оживился пріѣздомъ разныхъ повѣренныхъ, горныхъ штегерей, прикащиковъ и другихъ служащихъ на пріискахъ. Сбытъ произведеній увеличился, какъ усилилась съ золотой горячкой и порча патріархальныхъ нравовъ. Для розысковъ золота пріѣхали капиталисты и первымъ—екатеринбургскій купецъ Михайло Григорьевичъ Крюковъ, молодой человѣкъ очень пріятной наружности. Онъ явился съ визитомъ къ окружному въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, съ круглой шляпой—полнымъ джентльменомъ. Тутъ и мы съ нимъ познакомились, и какъ насъ очень интересовало это дѣло для будущихъ нашихъ хозяйственныхъ плановъ, и какъ онъ оказался человѣкомъ очень практичнымъ и очень хорошимъ, то мы скоро сошлись съ нимъ. На слѣдующій годъ онъ же пріѣхалъ съ родственниками своими Яковомъ Ивановичемъ Расторгуевымъ и Александромъ Петровичемъ Колесниковымъ. Золото уже было найдено, пріиски и контора были устроены. На эти то пріиски мы начали потомъ поставлять свои произведенія: муку, крупу, говядину. Колесниковъ былъ юноша лѣтъ шестнадцати, очень умный, скромный, съ прекраснымъ направленіемъ, котораго мы съ братомъ и всѣ наши товарищи очень любили. Дядя его Яковъ Ивановичъ Расторгуевъ, тогда еще молодой человѣкъ, только что начинавшій золотопромышленную карьеру, теперь уже отецъ 16 или 17-ти дѣтей, истинный патріархъ, и какъ я узналъ выдающійся общественный дѣятель въ своемъ краѣ. Я недавно здѣсь въ Москвѣ увидѣлся съ нимъ и это свиданіе произвело на меня самое отрадное

впечатлѣніе. Вотъ, подумалъ я, въ какихъ людяхъ сила Россіи, а ихъ конечно много,—много невѣдомыхъ и невидимыхъ. Вмѣсто очень молодаго человѣка, искателя золота, теперь предо мной стоялъ человѣкъ съ окладистой черной съ просѣдью бородой, крѣпкаго сложенія, съ умнымъ выраженіемъ лица, горячій патріотъ, но патріотъ чисто русскаго закала, безъ малѣйшей примѣси чего либо чуждаго; правда, нѣсколько старой Руси, но гораздо больше новой, по идеямъ прогресса, свободы, но свободы, въ строго русскомъ православномъ духѣ. Третій изъ нашихъ друзей, Михаилъ Григорьевичъ Крюковъ, въ томъ же родѣ и духѣ, но онъ, къ несчастью, ослѣпъ еще въ молодыхъ лѣтахъ и потомъ умеръ.

XV.

Жизнь въ Минусинскѣ.

Теперь приступлю къ описанію нашей жизни. Жизнь наша въ Минусинскѣ впослѣдствіи была очень дѣятельна; но сначала мы не знали еще за что взяться; наконецъ рѣшились заняться рыболовствомъ, такъ какъ Енисей чрезвычайно богатъ всевозможными сортами рыбы. Недолго думая, мы наняли рыбака за 10 руб. ассиг. въ мѣсяцъ, купили лодки самоловы (это большіе крючки, бичевками привязанные къ толстой веревкѣ, называемой хребтинкой). Ловъ производился слѣдующимъ образомъ: поперегъ рѣки съ одного конца хребтины бросаютъ якорь, чтобъ не снесло веревки тече-

ніемъ, а съ другаго конца поплавокъ; такимъ образомъ самоловъ, протянутый на значительное пространство, пересѣкаетъ часть рѣки и рыба, проходящая подъ самоловомъ, зацѣпляемая крючкомъ, останавливается; рыбакъ на лодкѣ беретъ хребтину отъ поплавка и, вынимая ее постепенно, осматриваетъ крючки, и на которомъ оказывается рыба, онъ ее снимаетъ и бросаетъ въ лодку.

Когда все было готово для ловли, мы на двухъ лодкахъ отправились изъ города про протоку Енисея внизъ по теченію. Въ одной лодкѣ съ рыбакомъ были всѣ самоловы и принадлежности ловли, а въ другой, меньшей, отправились мы вдвоемъ съ братомъ; одинъ правилъ рулемъ, а другой веслами. Берега Енисея восхитительны! Это высокія скалистыя горы, съ самыми фантастическими и разнообразными очертаніями. Иногда эти утесы нагромождены одни на другіе, какъ будто какая-то страшная сила внезапно окаменила волновавшую массу и она стала хребтомъ горъ. Иногда эта массы дѣйствительно представлялись въ видѣ гигантскихъ волнъ, внезапно какою-то силою превращенныхъ въ твердыя скалы, такъ что сохранили видъ волнъ, съ загнутыми когда-то пѣнящимися верхушками.

Наконецъ изъ протока мы выплыли въ самый Енисей, котораго ширина съ островами простирается на нѣсколько верстъ. Въ руслѣ своемъ, окраенномъ гигантскими по высотѣ берегами, быстрота его почти водопадная. Вся поверхность его въ тихую погоду покрыта безчисленными кругами. Хотя мы нѣкогда были моряками и не трусливыми, но видъ огромной рѣки, помчавшей нашу маленькую ладью, страшное теченіе, по-

падавшіеся огромные корни (вѣковыя деревья), вырванные водой съ низменныхъ мѣстностей берега, озадачили насъ, и мы съ братомъ, переглянувшись, увидѣли, что надобно было работать веслами изъ всѣхъ силъ, чтобы переплыть поперегъ такой рѣки къ другому берегу. Здѣсь мы на островѣ, по указу рыбака, должны были расположиться; а быстротой теченія насъ могло снести такъ далеко, что ночь застигла бы насъ однихъ гдѣ нибудь у берега, откуда подняться намъ, незнакомымъ съ мѣстностью, не было никакой возможности. По счастію и по снаровкѣ моряковъ, мы, наконецъ, пристали къ острову, называемому Березовымъ. Съ нами былъ самоваръ, чай, сахаръ, бѣлый и черный хлѣбъ, кострюли и все нужное для кочеванья. Дѣло шло уже къ вечеру и мы съ рыбакомъ едва успѣли поставить самоловы. Затѣмъ мы принялись за чай, и каждый пойметъ, какъ онъ былъ пріятенъ, послѣ такихъ усиленныхъ трудовъ, какъ переправа на греблѣ черезъ такую широкую и быструю рѣку; съ какимъ наслажденіемъ мы выпили по нѣскольку стакановъ и выкурили по нѣскольку трубокъ. Мы расположились подъ тѣнью великолѣпнаго тополя, замѣнивъ столъ стволомъ другаго тутъ же лежавшаго дерева, а стулья обрубками, обдѣланными топоромъ рыбака. Разложили костеръ, устроили рогульку для котелка и затѣмъ, къ ночи, работникъ отправился осмотрѣть самоловы: не попалась ли какая нибудь рыба на крючекъ. Не доплывя еще до половины хребтинки, онъ снялъ порядочную стерлядку, которую и сварили на ужинъ. Хотя уха была безъ всякихъ гастрономическихъ приправъ, кромѣ, впрочемъ, луку, который у насъ былъ съ собой, но она была такъ вкусна,

что думаю, ни одинъ изъ богатыхъ гастрономовъ не ѣлъ своей роскошной ухи съ такимъ удовольствіемъ. Послѣ ужина, помолившись Господу, мы разостлали свои войлоки, укрылись шинелями и подъ гулъ теченія гигантской рѣки и оклика ночныхъ птицъ уснули сладчайшимъ сномъ. Островъ былъ расположенъ у подошвы высокой конусообразной горы, какъ разъ противъ протока, называемаго быстрымъ по чрезвычайной быстротѣ теченія, который отдѣлялъ островъ отъ берега. Гора эта, чрезвычайно живописная, называлась Самохваломъ. Преданіе говорило, что она такъ названа потому, что одинъ туземецъ изъ Енисейскихъ инородцевъ, наѣздникъ, похвалился, что съѣдетъ съ нея верхомъ до низменной полосы берега, на которой росли огромныя деревья. Гора такъ крута, что онъ, пустившись въ этотъ путь, не могъ сдержать коня, который покатился вмѣстѣ съ сѣдокомъ и, кружась съ страшною быстротою, былъ убитъ и унесенъ Енисеемъ.

Осмотрѣнные самоловы доставили еще нѣсколько стерлядей и другихъ рыбъ, которыя и были на привязи пущены въ воду. Затѣмъ, собравъ свои вещи, мы отправились домой, а рыбакъ нашъ занялся устройствомъ шалаша для себя и для нашего пріѣзда.

Мы неоднократно посѣщали свои самоловы, которые потомъ переносили съ одного мѣста на другое. Промысломъ этимъ мы занимались нѣсколько мѣсяцевъ; увидѣвъ, что онъ кромѣ своего стола давалъ не болѣе того, что стоилъ намъ рыбакъ, мы его прекратили, имѣя всегда рыбу очень дешево, такъ какъ фунтъ красной рыбы продавался по двадцати копѣекъ ассигнаціями. Правда, что эта новая для насъ кочевая жизнь среди

чудной природы была восхитительна и доставляла самыя чистыя, высокія наслажденія, но по трудности переѣздовъ, перекочевки съ одного мѣста на другое и по ничтожной выгодѣ, мы его оставили.

Въ самомъ началѣ нашей жизни въ Минусинскѣ пріѣхалъ богатый золотопромышленникъ Кузнецовъ и, видя, что мы не имѣемъ еще занятій, предложилъ намъ мѣсто на своихъ пріискахъ съ жалованьемъ по четыре тысячи рублей; это для насъ было бы очень хорошо, но какъ при этомъ нужно было выѣхать изъ города на пріиски, то окружной начальникъ спросилъ генералъ-губернатора, тотъ представилъ объ этомъ въ III-е отдѣленіе, откуда было въ этомъ ходатайствѣ отказано. Когда было намъ отказано въ пріискахъ, получено было предписаніе окружному начальнику устроить на берегу Енисея овчарни на 7000 русскихъ овецъ и присланы были мериносовые производители. Это былъ опытъ, не помню, самого ли правительства или какой нибудь компаніи, о которыхъ, впрочемъ, тогда еще не было и помина, но все же опытъ былъ очень удаченъ, такъ какъ въ третьемъ колѣнѣ уже овцы имѣли очень тонкую шерсть. Окружной начальникъ опредѣлилъ временноуправляющимъ овчарней моего брата, пока онъ не получитъ разрѣшеніе свыше. Представленіе ходило нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ онъ и занимался овцеводствомъ, но потомъ былъ полученъ отказъ. Въ это время для этого занятія мы купили первую свою лошадь и легонькую телѣжку, въ которой и ѣздили въ овчарню, расположенную на островѣ по другой сторонѣ протока Енисея. Потомъ купили бѣговыя дрожки, санки и мало по малу стали обзаводиться.

Находя, что, живя на наемной квартирѣ, неудобно было имѣть огородъ, который бы доставилъ намъ пріятную и полезную работу, мы купили небольшой домикъ, состоявшій изъ двухъ чистыхъ комнатъ и передней. Площадь передъ домомъ лѣтомъ покрывалась травой и представляла зеленѣющійся лугъ. Дворъ былъ обширный, покрытый тесомъ, амбары, кладовая изъ превосходнаго лѣса, а за дворомъ, сзади усадьбы, былъ огородъ и большое мѣсто. Купивши домикъ, мы наняли пахатную землю, оставленную прежними владѣльцами, конечно, за безцѣнокъ, въ количествѣ шестидесяти или семидесяти десятинъ. Купили лошадей, бороны, наняли работниковъ и сдѣлались въ полномъ смыслѣ фермерами.

Пашня наша была въ двадцати верстахъ отъ города на значительной возвышенности. Почва была превосходный черноземъ. Мы наняли такихъ работниковъ, которые сами дѣлали и плуги, и бороны, разумѣется то, что въ нихъ было изъ дерева, а желѣзо покупали и оковывали въ кузницѣ, которой хозяиномъ былъ скопецъ Герасимъ, отличный человѣкъ, у котораго была хорошенькая взрослая дочь и, что было удивительно между этими фанатиками, не принадлежавшая къ сектѣ.

Вмѣсто рыболовнаго кочеванія мы стали вести кочевую жизнь земледѣльческую, пока не устроились окончательно. Первый годъ мы устроили себѣ шалаши, называемые въ Сибири станаши. Это очень хорошее и теплое помѣщеніе. Вбиваются крѣпко въ землю четыре столба, довольно толстые, на нихъ кладутся и крѣпко утверждаются перекладины, а къ перекладинамъ наклонно прикрѣпляются толстыя доски, одѣваются дерномъ и прижимаются драначками. Сверху оставляется

отверстіе для дыма, въ серединѣ выкладывается кирпичемъ мѣсто для огня, на очагѣ варятъ кашу, щи, тутъ же и кипятится вода для чая.

Первый годъ мы устроили для себя такой станъ и въ немъ кочевали до осени, а между прочимъ начали строить большую избу для рабочихъ, и такъ какъ она была пятистѣнная, то возлѣ рабочей казармы была наша комната, свѣтлая и очень уютная. Около избы былъ устроенъ токъ для молотьбы, а по обѣимъ его сторонамъ два овина для сушки сноповъ зимой. Эта изба была выстроена красиво, съ большимъ кольцомъ и покрыта тесомъ. Вокругъ и далѣе расположены были группами большія, хотя и рѣдкія березы. Въ близь лежащемъ оврагѣ бѣжалъ родникъ, откуда брали воду для питья и чая. Кромѣ родника на пашнѣ были выкопаны небольшіе пруды для поенія и купанія лошадей и коровъ.

Первый годъ, какъ я упомянулъ, мы кочевали въ такъ называемомъ станѣ, въ которомъ одна сторона была наша, а другія двѣ занимали работники съ своими котомками. Когда земледѣліе сдѣлалось нашимъ постояннымъ занятіемъ, мы съ братомъ чередовались по недѣлѣ. Въ понедѣльникъ одинъ изъ насъ уѣзжалъ на пашню, а другой оставался дома и занимался въ школѣ, которую мы устроили по просьбѣ мѣщанъ, крестьянъ близь лежащихъ селъ и нѣкоторыхъ чиновниковъ. Небольшое количество учебниковъ грамматики, географіи, исторіи и ариѳметики было у насъ съ собой; ариѳметику же мы преподавали по Франкеру съ лекцій Бобрищева-Пушкина, читавшаго въ Петровскомъ еще казематѣ. Конечно, ученіе наше ограничивалось правиль-

нымъ чтеніемъ, хорошимъ и нѣсколько правильнымъ письмомъ, основными краткими понятіями о географіи, священной и русской исторіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ мы имѣли утѣшеніе видѣть учениковъ нашихъ поступившихъ одного въ казначейство, другаго въ волостное правленіе писаремъ, а другихъ теперь уже не припомню, Школа имѣла въ разное время до двадцати учениковъ. Главная наша цѣль была, съ развитіемъ ума, внушить правила чистой нравственности, разумной религіозности, честности и уничтоженія дурныхъ привычекъ, въ чемъ, какъ кажется, мы съ помощію Божіею и успѣли. Между учениками нашими былъ и татаринъ, сынъ тамошняго кочевника, богача Чирки Каркина, который просилъ помѣстить его у насъ въ домѣ на жительство и по окончаніи ученія подарилъ намъ жеребца своихъ табуновъ. Далѣе я еще упомяну о немъ.

Устроившись въ своей жизни, мы, чтобы не совсѣмъ погрязнуть въ матеріальныхъ заботахъ, начали переводить съ англійскаго языка „Завоеваніе Гренады" Вашингтона Ирвинга. Мы еще въ Минусинскѣ кончили переводъ, который и до сихъ поръ хранится у меня въ рукописи; на пашню же брали книги для чтенія въ свободное время. На пашнѣ въ станѣ мы помѣщались довольно удобно. Отгороженное досками мѣсто, чтобъ не разваливалось постланное сѣно, покрывалось ковромъ, а на ночь простыней. Бѣдствіе мое сначала заключалось въ томъ, что въ этомъ зимнемъ станѣ гнѣздились мыши, съ которыми я никогда не могъ ужиться, но тутъ моимъ избавителемъ былъ мой крестникъ Петръ, который стрѣлялъ въ нихъ изъ лука безъ промаха, какъ только покажется какая нибудь изъ нихъ. Передъ сномъ онъ

обыкновенно тщательно перебивалъ сѣно и осматривалъ дернъ. Въ дождливое время всѣ работники забирались въ станъ. Вмѣсто чая они дѣлали себѣ настой изъ кореньевъ шиповника, которыя выпаривали, и довольно густой настой пили, находя его очень вкуснымъ. Всѣхъ другихъ пить этотъ чай научилъ крестьянинъ изъ поселенцевъ Тихонъ, большой краснобай, очень умный и знаменитый сказочникъ. Онъ зналъ пропасть сказокъ, изъ коихъ нѣкоторыя были очень забавны; разсказываемыя съ присказками русскаго юмора, онѣ часто дѣйствительно возбуждали искренній хохотъ. Убирали мы сѣно и хлѣбъ съ найма и подесятинно, и съ копны. Онъ былъ въ числѣ этихъ работниковъ. Въ рабочіе дни, еще на зарѣ, лошади уже запрягались въ сабаны и отправлялись пахать. Сабаны — это небольшіе плуги, передѣланные и упрощенные изъ большихъ малороссійскихъ плуговъ, весьма удобные; они не имѣютъ рѣзака, а два сошника, изъ коихъ одинъ съ загнутымъ перомъ вмѣсто рѣзака и называется муженькомъ, а другой плоскій — женкой. Ими пахать очень легко и можно пахать мелко и глубоко. Сибиряки, поднимая пласты, берутъ очень мелко, сберегая плодоносный черноземъ, а послѣ извѣстнаго періода времени, прибавляютъ глубины, чтобы захватить свѣжей земли, что составляетъ тоже удобреніе; къ тому же тамъ система переложная, конечно, по обилію земель. Только одинъ хлѣбъ снимается, а на другой годъ земля отдыхаетъ, но не пустуетъ, порождая сорныя травы, а пашется, боронуется и во второй разъ пашется къ осени, такъ что на слѣдующій годъ она готова къ посѣву подъ борону или подъ соху. Гречи тамъ тогда не сѣяли, только мы ввели ея посѣвъ. Какъ

по Волгѣ господствуетъ каша пшенная, въ Великороссіи—гречневая, такъ въ Сибири—ячменная или ячневая. Мы сѣяли гималайскій ячмень многоплодный. Вмѣсто ржи, тамъ сѣется яровая рожь или ярица. Изъ нея хлѣбъ гораздо бѣлѣе противъ озимой ржи.

Когда наша изба и горница были готовы, мы подняли изъ города образа и на всѣхъ поляхъ служили молебны. Крыльцо было убрано вѣтвями, полы травой и цвѣтами. Послѣ молебна, образа были внесены въ избу, все окроплено святой водой, затѣмъ послѣдовало угощеніе чаемъ и пирогами. Образа несли мы сами, ученики наши и работники, на разстояніи отъ города двадцати верстъ.

На пашнѣ мы вставали вмѣстѣ съ зарей, когда запрягали лошадей, обходили всѣ работы, посѣвъ, бороньбу, пахату. Свѣжій утренній воздухъ, напитанный ароматомъ цвѣтовъ, усыпанныхъ брилліантами росы, уже съ утра радостно настроивалъ чувство; и во время этой хозяйственной прогулки, я обыкновенно выполнялъ свою утреннюю молитву и какъ сладостна была эта молитва среди чудной природы и уединенія! Сколько благодарныхъ чувствъ возникало въ душѣ, при воспоминаніи всего тяжело уже минувшаго; въ такомъ настроеніи я былъ совершенно доволенъ своей судьбой.

Обойдя всѣ работы, я возвращался въ домъ, гдѣ уже на разложенномъ огнѣ на очагѣ кипѣлъ чайникъ. Петръ уже приготовилъ посуду и я принимался за чай, выкуривалъ свою трубку, читалъ или писалъ свой дневникъ. Это было время отдыха. Потомъ снова ходилъ по работамъ, что продолжалось цѣлый день. Когда возвращались лошади и работники, я также возвращался съ

ними. Лошадямъ задавали кормъ, а работники садились обѣдать. Кушанье какъ имъ, такъ и намъ готовила стряпуха, жена одного изъ нихъ. Когда работники обѣдали, мы иногда садились возлѣ нихъ, слушали ихъ разговоры, въ которыхъ и сами принимали участіе.

Несмотря на неразвитость нашего простаго народа, бесѣды съ ними были очень занимательны. Кромѣ того, что они чрезвычайно практичны во всемъ, что касается ихъ быта, но имъ доступны по простому здравому смыслу и болѣе серьезныя, даже отвлеченныя идеи, конечно болѣе изъ бытовой или религіозной сферы, такъ какъ православіе глубоко проникло во весь нашъ народный организмъ, и проникло незамѣтно, не смотря на то, что народъ нашъ не имѣлъ воспитанія и, къ сожалѣнію, рѣдко слышалъ даже и проповѣдь, но онъ какъ бы съ молокомъ матери всосалъ вѣру, и вѣру правую, и крѣпко держится ея. Проведя много лѣтъ моей жизни въ близкомъ сообщеніи съ простымъ народомъ, я убѣдился въ этомъ. Наши реформаторы обыкновенно говорятъ, что русскій крестьянинъ, какъ дикій, покланяется иконамъ, кака идоламъ, что ставятъ въ упрекъ ему, и даже православію. Но наши мыслители-реформаторы, неимѣющіе понятія о своей церкви и своемъ народѣ, основываютъ свои мнѣнія всегда на какомъ нибудь непремѣнно извращенномъ фактѣ. Сколько я видѣлъ изъ разговоровъ съ ними, я убѣдился, что народъ нашъ покланяется иконѣ не какъ доскѣ или холсту, вмѣщающему въ себѣ силу, а покланяется изображеннымъ на нихъ Спасителю, Богородицѣ и тѣмъ прославленнымъ самимъ Богомъ святымъ, въ которыхъ онъ обиталъ при жизни ихъ во времени, какъ обитаетъ въ вѣчности. Что въ

народѣ развито суевѣріе и иногда весьма грубое, то это справедливо; но суевѣріе есть достояніе большинства людей, многихъ очень образованныхъ и даже самихъ безбожниковъ.

Всѣ наши работники были ссыльные поселенцы, то есть по закону преступники; и вотъ что я долженъ сказать о нихъ съ полнымъ безпристрастіемъ, а именно, что всѣ они, за исключеніемъ одного, были не только хорошіе, но и очень хорошіе люди. Наступившая ли реакція въ ихъ внутреннемъ состояніи, или то, что каждый человѣкъ есть смѣшеніе добра и зла, и что даже въ тотъ моментъ, когда онъ совершалъ зло, его увлекала какая нибудь страсть, мгновенно имъ овладѣвшая, а прирожденное добро только уступило въ ту пору, чтобы снова и крѣпче утвердить свою власть, — только наши работники-поселенцы, то есть ссыльные, осужденные закономъ, вѣроятно уже были въ томъ состояніи, когда отступившее нѣкогда добро снова овладѣло ихъ природой; я тутъ не разумѣю тѣхъ злодѣевъ, которые подъ вліяніемъ духа зла совершенно извращаютъ природу человѣка и дѣлаютъ ее звѣрообразною.

Первый работникъ нашъ былъ Яковъ Петровъ, сосланный изъ Саратовской губерніи еще по помѣщичьему праву, по наговору бургомистра, какъ онъ разсказывалъ, а по правдѣ или неправдѣ — знаетъ Богъ и его совѣсть, но у насъ онъ жилъ шесть лѣтъ вплоть до нашего отъѣзда на Кавказъ и во все время былъ честнѣйшимъ и добросовѣстнымъ работникомъ. Другой былъ владимірецъ Никифоръ, очень бойкій и умный человѣкъ — типъ великоруса, грамотный и способный на всякую работу. Третій — Андронъ, литовецъ, очень

кроткій и совѣстливый человѣкъ. Четвертый — саратовецъ Кононъ, звали же его работники Кона Егоровичъ, маленькій человѣкъ и большой говорунъ. Этотъ былъ сосланъ за первый опытъ конокрадства вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, подговорившимъ его, еще молодаго, на этотъ подвигъ. Онъ у насъ жилъ тоже шесть лѣтъ и былъ отличнымъ работникомъ. Всѣ эти люди были трезваго поведенія, хотя въ храмовые праздники и другіе случались съ ними и прорухи, забирали ихъ въ полицію, откуда, протрезвившись, посылали намъ прошенія объ ихъ освобожденіи, обѣщаясь уже впредь не довести себя до такого сраму. Мы ихъ, разумѣется, освобождали съ хорошей головомойкой и дѣло шло своимъ порядкомъ. Одинъ изъ неудачныхъ работниковъ былъ Гаврило, котораго и физіономія не обѣщала добраго, но въ это время намъ нужно было прибавить работниковъ и мы его взяли. Онъ былъ сосланъ за бродяжничество, какъ онъ разсказывалъ. Мы указывали ему вредъ такой жизни, которая вела его къ преступленіямъ, но онъ не сознавался и увѣрялъ, что теперь уже намѣренъ оставить такую жизнь, къ которой было пристрастился, и хочетъ жить честно на одномъ мѣстѣ. „А то бывало, говорилъ онъ, какъ кукушка закукуетъ, то такъ и тянетъ въ лѣсъ“. И дѣйствительно, какъ только закуковала кукушка, онъ въ одну безлунную ночь, собравъ лопать своихъ товарищей (такъ въ Сибири называютъ вообще одежду), скрылся, то есть бѣжалъ и конечно въ лѣсъ, такъ что кукушка оказалась сильнѣе его рѣшимости жить на одномъ мѣстѣ. Не знаю, что удержало его сѣсть на одну изъ лошадей нашей конюшни. Посовѣстился ли онъ того, что нарушилъ свое обѣщаніе намъ,

или опасался, что за лошадь его сильнѣе будутъ преслѣдовать. Съ тѣхъ поръ мы о немъ не слыхали. Но самый оригинальный изъ нашихъ работниковъ былъ такъ называемый Кона Егоровичъ, бывшій конокрадъ. Онъ оставилъ въ Россіи молодую жену и маленькаго сына, которыхъ выписывалъ пріѣхать къ нему; мы обѣщались помѣстить ее у насъ стряпухой къ работникамъ, а сына воспитывать. На его письма не было отвѣта, такъ что онъ наконецъ потерялъ надежду, полагая, что она вышла замужъ. Однажды черезъ Минусинскъ проводили партію ссыльныхъ и вдругъ Кононъ является къ намъ и проситъ позволенія жениться. Мы сначала подумали, что онъ нашелъ невѣсту между горожанками, а оказалось, что онъ проситъ взять женщину изъ партіи ссыльныхъ, отправлявшихся далѣе. Мы старались представить весь рискъ такого выбора, но оказалось, что ему крѣпко приглянулась одна молодая женщина, кунгурская горожанка, и онъ уже имѣлъ ея согласіе. Нечего было дѣлать, какъ исполнить его желаніе, и мы черезъ окружнаго начальника въ тотъ же день устроили это дѣло.

На другой же день была свадьба, и я долженъ былъ благословить ихъ. Его Варя, дѣйствительно, оказалась очень недурна собой, не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, и не смотря на все то, что она должна была перенести, бывши подъ судомъ, конечно заключенная въ острогѣ, сдѣлавши нѣсколько тысячъ верстъ съ партіей, сохранила всю свою южную свѣжесть. Съ тѣхъ поръ мнѣ уже не было другаго имени, какъ „батюшка родимый“. Не знаю, за что она была сослана, мы не поднимали этой завѣсы, за которой скрыты человѣческія страсти,

человѣческія преступленія, причины ихъ и побужденія; но въ новой жизни своей она оказалась кроткою женщиной, работящею кухаркой и вѣрною женою; по крайней мѣрѣ не было у насъ случая проявленія какого либо неудовольствія между мужемъ и женою или несогласія.

Временнымъ работникомъ былъ тоже у насъ изъ казанскихъ татаръ, преоригинальная личность какъ по наружности, такъ и по флегматическому характеру. Однажды за обѣдомъ на нашей полевой заимкѣ работники, которые любили его за его кроткость, подшучивая, уговаривали его вступить въ крещеную вѣру, доказывая ему, что Магометъ его былъ не пророкъ, а обманщикъ. Онъ съ обычной своей флегмой кротко отвѣчалъ: „христіанская вѣра добрая вѣра и наша тоже вѣра добрая, а еслибъ она была худая вѣра, то царь не строилъ бы намъ мечетей, а велѣлъ бы креститься“. Я старался объяснить ему, что царь не строитъ и не приказываетъ строить мечетей, а дозволяетъ, потому что лучше какая нибудь вѣра, чѣмъ никакой; церковь наша не позволяетъ никого насильно крестить, а креститъ тѣхъ, которые пожелаютъ, и то прежде еще обучатъ закону Божію; онъ какъ будто уразумѣлъ доводъ и замолчалъ. Вотъ какое понятіе о терпимости имѣютъ наши невѣжественные инородцы и это особенно можно относить къ сибирякамъ-язычникамъ, которымъ прямое покровительство оказываютъ наши же христіанскія власти: какъ было прежде, такъ и продолжается теперь, по свидѣтельству миссіонеровъ. Безъ сомнѣнія, это оттого, что между этими полу-цивилизованными чиновниками царствуетъ общее нашей интеллигенціи равнодушіе къ

вѣрѣ. Эти великіе философы считаютъ равными всѣ вѣры, потому что сами не имѣютъ никакой. Этотъ флегматическій татаринъ однажды удивилъ насъ своимъ спартанскимъ подвигомъ. Онъ почему-то находилъ нужнымъ пускать себѣ кровь ежегодно. Когда пришло это время, онъ просилъ насъ позвать фельдшера для операціи, но мы просили нашего доктора, хорошаго знакомаго, осмотрѣть его и ежели нужно—пустить ему кровь. Докторъ, осмотрѣвъ, нашелъ ненужнымъ кровопусканіе и что-то прописалъ ему. Крайне недовольный отказомъ, онъ отправился къ себѣ и шиломъ самъ себѣ прокололъ жилу; какъ онъ ее нашелъ и какъ совершилъ эту операцію—это осталось для насъ тайной. Когда я увидѣлъ его съ забинтованной рукой, онъ улыбнулся, довольный, что надулъ доктора.

Наша кухарка, она-же и экономка, которая завѣдывала всѣмъ нашимъ хозяйствомъ и бѣльемъ, была туземка, смѣшанной русской и татарской крови, сирота, воспитанная въ домѣ священника и выданная замужъ противъ воли за туземца, жившаго въ работникахъ у того же священника. Это была молодая женщина двадцати двухъ лѣтъ, очень хороша собой и, по своей честности, способности и преданности, была для насъ съ братомъ истиннымъ кладомъ. Мужъ ея жилъ на Абаканѣ у одного думскаго письмоводителя. Она была такъ хороша, а главное такъ умна, что впослѣдствіи, когда овдовѣла, уже послѣ нашего отъѣзда на Кавказъ, на ней женился нашъ товарищъ и другъ Н. А. Крюковъ.

Зимой мы также чередовались съ братомъ и по недѣлямъ жили на заимкѣ (по здѣшнему хуторъ), такъ какъ тамъ производилась молотьба пшеницы, овса, яч-

меня, ярицы и это время конечно было поскучнѣе, не то что лѣтомъ. Но вотъ черезъ три года пріѣхали въ Минусинскъ, тоже на поселеніе, Крюковы, наши товарищи, и такъ какъ они пріобрѣли также пашню, по нашему примѣру, и около насъ, то мы уже жили на заимкѣ съ Николаемъ, съ которымъ были дружны еще въ нашемъ заключеніи. Какая была радость, когда въ одинъ прекрасный лѣтній день, мы увидѣли остановившуюся у нашихъ воротъ бричку и выходящихъ изъ нея нашихъ друзей и товарищей! Какъ крѣпко обнялись мы, сколько разспросовъ объ оставшихся товарищахъ и о нашихъ милыхъ незабвенныхъ дамахъ; они-же разспрашивали о нашемъ бытьѣ-житьѣ; разспросамъ и отвѣтамъ не было конца и только поздняя ночь и сонъ положилъ имъ конецъ. Помню, что въ эту самую памятную ночь была гроза, лилъ дождь и у насъ, подъ шумокъ, украли изъ кладовой провизію.—Съ ихъ пріѣздомъ и полевыя занятія наши стали много пріятнѣе, потому что намъ всегда сопутствовалъ Николай. Это былъ человѣкъ кипучей дѣятельности, онъ полюбилъ хозяйство и повелъ дѣло очень хорошо. Братья Крюковы оба служили во второй арміи, тогда еще подъ начальствомъ графа Витгенштейна; старшій былъ его адъютантомъ кавалергардскаго полка, а младшій генеральнаго штаба. Онъ прежде былъ въ университетскомъ пансіонѣ, кончилъ-же въ училищѣ колоновожатыхъ у Николая Николаевича Муравьева. Они также купили домъ недалеко отъ насъ, завели домашнее хозяйство, которое исключительно принялъ на себя Александръ Александровичъ. Онъ былъ большой гастрономъ и не любилъ полеваго хозяйства, которымъ занимался исклю-

чительно меньшой братъ; вставалъ и ложился онъ поздно, проводя вечера у окружнаго Петра Аф. или у кого нибудь, гдѣ собирались на бостонъ и вистъ. Одно воскресенье положено было обѣдать у насъ, а другое у нихъ. Если кто нибудь изъ знакомыхъ пріѣзжалъ въ городъ, то останавливался или у насъ, или у нихъ. Вмѣстѣ съ ними пріѣхалъ тоже на поселеніе Ив. Вас. Кир., который и жилъ у насъ; потомъ еще пріѣхалъ съ большимъ семействомъ И. Осиповичъ Моз., такъ что наше общество увеличилось значительно.

Все, что пріѣзжало въ городъ изъ образованнаго класса людей, какъ-то: ученые, иностранцы, пріѣзжавшіе попытать счастья па золотѣ, или ученые, командируемые съ какою нибудь ученою цѣлью,—все это группировалось около насъ. Между этими господами были личности очень пріятныя.

Такъ, два года сряду посѣщалъ Минусинскъ берлинецъ Лессингъ, потомокъ писателя, какъ онъ заявлялъ. Онъ ѣздилъ въ Саянскія горы для барометрическаго измѣренія горъ. Это былъ славный молодой человѣкъ, очень умный, ученый, занимательный, но въ то же время и нѣсколько забавный по своему нѣмецкому самолюбію. Напримѣръ, онъ выдавалъ себя за хорошаго ѣздока, тогда какъ былъ очень плохимъ. Онъ возилъ съ собой уральское казацкое сѣдло, находя его очень покойнымъ для долгой верховой ѣзды, что и справедливо. Ему привели даже оттуда казачью лошадь. Однажды мы собрались съ нимъ на тетеревей оба верхомъ. Подо мной была молодая игреневая лошадь, ходившая иноходью, до того покойная въ ѣздѣ, что я дѣлалъ на ней бывало верстъ тридцать, ѣздивши въ улусы за покупкой

скотины и пріѣзжалъ домой, какъ будто не ѣздилъ. Возвращаясь съ охоты, неудачной, такъ какъ тетеревей не видѣли, я замѣтилъ, что нѣмецъ мой на рыси былъ не совсѣмъ по себѣ, фигура его изображала это. Мнѣ пришло въ голову испытать его наѣздничество и я сталъ понемногу прибавлять иноходи; вижу, что его стало крѣпко привскидывать; видя же сбоку его страждущую физіономію, хохоталъ внутренно. Онъ нѣсколько времени крѣпился, но, наконецъ, не выдержалъ и взмолился ломаннымъ русскимъ языкомъ, и мы поѣхали шагомъ, но я едва могъ сдержать разбиравшій меня хохотъ. При отъѣздѣ въ Саянскъ, онъ пожелалъ и насъ сдѣлать маленькими участниками его ученыхъ работъ, оставивъ намъ свой стеклянный термометръ, и просилъ дѣлать метеорологическія наблюденія, что и исполнялось братомъ аккуратно, записывалось и потомъ передано ему.

Потомъ былъ у насъ астрономъ Ѳедоровъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ того времени: кажется онъ былъ помощникомъ Струве на Пулковской обсерваторіи. Онъ былъ командированъ для астрономическаго опредѣленія широтъ многихъ изъ Сибирскихъ городовъ. Это была чудная и симпатичная личность, какую рѣдко можно встрѣтить: что за кротость, что за безмятежное спокойствіе, что за мягкость и ровность характера. Мы съ братомъ просто влюблены были въ этого чуднаго человѣка и съ большимъ сердечнымъ сожалѣніемъ съ нимъ разстались, — такъ онъ привязалъ насъ къ себѣ въ теченіи одной или двухъ недѣль своего пребыванія. Мы часто бывали у него во время его наблюденій, которыя дѣлались черезъ каждыя полчаса и въ свобод-

ное время смотрѣли въ его огромный телескопъ. Этотъ чудный небесный міръ долженъ имѣть огромное вліяніе на духъ человѣка и астронома. Смотря въ огромный телескопъ, какъ будто отдѣляешься отъ земли и чувствуешь себя въ воздушномъ пространствѣ. Эти свѣтлые безчисленные міры, быстро проплывающіе, недосягаемыя пространства въ таинственной тишинѣ ночи, поистинѣ имѣютъ что-то чарующее и можетъ ли разумное мыслящее существо не сознавать то необъятное, непостижимое величіе существа, опредѣлившаго ихъ мѣсто и ихъ движеніе! Поистинѣ, небеса повѣдаютъ славу Божію! Вотъ почему, думалъ я, эта чудная натура такъ гармонична, такъ возвышенна и такъ привлекательна. Казалось, астрономъ Θедоровъ только частію своего существа былъ на землѣ, а вся остальная принадлежала небу, и дѣйствительно онъ вскорѣ перешелъ въ эти обители свѣта, бывъ еще очень молодымъ.

Иногда пріѣзжалъ въ городъ главный комиссіонеръ по откупамъ богача Рязанова, золотопромышленника и откупщика, Дм. Ф. Ѣз., человѣкъ очень образованный, хорошаго общества, чрезвычайно пріятный, благороднѣйшій по своимъ правиламъ и добрѣйшій по сердцу. Мы его очень полюбили и были связаны дружбой до самаго нашаго выѣзда. Изъ всего этого можно видѣть, что недостатка въ пріятномъ обществѣ въ Минусинскѣ не было.

Въ Читѣ мы одно время занимались изученіемъ земледѣлія и вообще хозяйства, читали по этому предмету книги съ Константиномъ Петровичемъ Торсономъ, который основательно изучилъ этотъ предметъ

и написалъ нѣсколько весьма интересныхъ проектовъ объ улучшеніи экономическаго положенія Россіи. Не знаю, сохранились-ли гдѣ эти рукописи, но онѣ были замѣчательны по своей строгой отчетливости, новизнѣ взгляда и показывали, какими разнообразными свѣдѣніями обладалъ этотъ человѣкъ. Нужно сказать, что онъ еще во время службы отличался своими свѣдѣніями, своею изобрѣтательностію и новѣйшее вооруженіе того времени корабля, который отвозилъ въ Ростокъ покойнаго Николая Павловича съ семействомъ, еще великимъ княземъ, было поручено ему по его и имъ выполненному проекту. Торсонъ дѣлалъ кругосвѣтную кампанію лейтенантомъ въ экспедиціи для открытія у южнаго полюса, съ знаменитымъ нашимъ капитаномъ Белинсгаузеномъ. Въ числѣ экономическихъ вопросовъ, значительное мѣсто занимали у Торсона машины, облегчающія и упрощающія тяжелый земледѣльческій трудъ. Онъ сдѣлалъ чертежъ 4-хъ-конной молотилки-вѣялки-сортировки Дамбалея; но такъ какъ эта машина имѣла пропасть чугунныхъ колесъ, такъ что въ Сибири устройство подобной машины было немыслимо, то Константинъ Петровичъ придумалъ всѣ эти колеса замѣнить деревянными кругами съ ремнями, а такъ какъ ремни требовались толстые постромошные, то за недостаткомъ этого, онъ придумалъ къ механизму простыя веревки. Когда хлѣбопашество наше устроилось и усилилось, то мы съ братомъ вздумали приступить къ постройкѣ молотильной машины Дамбаля, весьма сложной. Всѣ чертежи и съ размѣрами частей, поставленные Константиномъ Петровичемъ были намъ переданы, такъ какъ мы ранѣе его выѣзжали на посе-

леніе, и вотъ мы отыскали мастеровъ столяровъ, въ числѣ коихъ былъ и московскій иконостащикъ Звѣревъ, и принялись за дѣло. Впрочемъ этимъ дѣломъ преимущественно занимался братъ, который былъ больше знакомъ съ механикой, чѣмъ я, похвалиться не могу, хотя проходилъ ее въ курсѣ Гамалея; но между нами была та разница, что братъ вышелъ въ первомъ десяткѣ отличныхъ, а я въ 30-хъ обычныхъ. Покончивъ части, приступили къ самому остову. За городомъ была выкопана яма, гдѣ должна была помѣщаться нижняя часть, сортировка зерна, другая для привода. Приводъ состоялъ изъ центральнаго на шипахъ столба, вершиной своей входившаго въ подшипникъ перекладины. Огромнаго размѣра колесо было утверждено на немъ, а въ окружность вбиты желѣзныя рогульки, чтобъ канатъ не скользилъ и не сдавалъ. Молотильный барабанъ сдѣланъ былъ деревянный съ березовыми кулаками, обитыми желѣзными толстыми полосами; подъ барабаномъ была вѣялка, съ деревянными гладкими дощаными скатами, откуда зерно скатывалось внизъ, просѣевалось и падало въ три отдѣленія: самое тяжелое, среднее и легкое или азатки. Впереди барабана были грабли съ желѣзными зубцами, все изъ дерева. На пробу собрались многіе знакомые изъ города. Рожь молотилась очень чисто, ячмень и овесъ хуже, такъ что приходилось его перебивать другой разъ. Но все же дѣло было сдѣлано и машина отправлена на пашню.

Сверхъ земледѣльческой нашей дѣятельности мы были въ сношеніи съ золотыми пріисками и, поставляя имъ муку, крупу и говядину, а все это требовало частыхъ разъѣздовъ, для чего у насъ была сформирована

славная тройка лошадей. Въ корню была небольшаго роста рысистая лошадь, а пристяжные оба красавца, особенно правая, была прекрасно сложена, съ хорошенькою маленькою головой, чудными глазами, какъ будто арабской породы. Сносливость сибирскихъ лошадей замѣчательна: однажды братъ передъ праздникомъ Рождества ѣздилъ въ округъ для покупки хлѣба, что продалось до сочельника; на пути къ дому онъ остановился въ нѣкоторыхъ деревняхъ, но не надолго, и возвратился вечеромъ, сдѣлавъ 100 верстъ не кормя. Взявшись поставлять говядину, мы ѣздили за скотомъ въ улусы и были у богача Чирки-Каркина, котораго сынъ учился у насъ. Этотъ маленькій инородецъ имѣлъ до ста табуновъ лошадей, около ста головъ въ каждомъ, до 4,000 рогатаго скота и до 10,000 овецъ; и такъ какъ такое количество скота конечно привлекало къ себѣ большія стаи волковъ, то у него, смѣшно сказать, на звѣря полагалось до восьмидесяти головъ. Быки его зиму и лѣто паслись въ степи и были такъ дики, что стороннему человѣку пѣшкомъ нельзя было показаться, все это вдругъ бросалось на него и въ такомъ случаѣ оставалось одно средство спасенія, какъ намъ разсказывали, это ложиться на землю, чтобы не быть посаженнымъ на рога.

Ставка Чирки-Каркина въ Улжѣ, по множеству юртъ, для семейства, родичей, прислуги представляла особый улусъ. Юрта его была очень большаго размѣра, но и тутъ тѣ же неизмѣнные сундуки, ковры, обычный посереди юрты огонь, надъ которыми навѣшаны котелки съ бараниной и неизмѣннымъ кирпичнымъ чаемъ, какъ и во всѣхъ юртахъ. Хозяева татары очень радушны и

когда принимаютъ русскихъ изъ почетныхъ гостей, то угощаютъ весьма щедро. У Чирки-Каркина тутъ же устроенъ деревянный домъ для зимы по образцу сибирскихъ. Деревянныя скамейки со спинкой и ручкой, грубой работы стулья, шкафы съ посудой и проч. У Чирки-Каркина имѣлся и фамильный чай и сахаръ; большею же частью тамъ съ чаемъ употребляютъ китайскій леденецъ.

По нашимъ хлѣбнымъ поставкамъ намъ съ братомъ случалось часто ѣздить по округу и останавливаться у крестьянъ, которые, въ случаѣ пріѣзда въ городъ, останавливались у насъ. Когда дѣла наши приняли довольно обширный объемъ, мы, продавъ свой маленькій домъ, купили большой о шести комнатахъ съ террасой. Черезъ сѣни была большая свѣтлая изба съ высокими палатями и съ комнаткой у печи для кухарки, такъ что пріѣзжіе помѣщались свободно, а въ конюшнѣ ихъ лошади. На дворѣ была еще большая изба для работниковъ. Когда мы останавливались у знакомыхъ нашихъ крестьянъ, то намъ отводили обыкновенно горницу. Всѣ крестьянскіе дома въ Минусинскомъ округѣ строились по одному русскому образцу: съ одной стороны была горница, съ другой изба, раздѣленная сѣнями. Стѣны горницы у многихъ были разрисованы масляною краской; изображались тутъ и рощи, и летящія птицы, и дикія козы, и охотники, стрѣляющіе лѣвой рукой, словомъ всѣ фантазіи странствующаго художника тутъ были истощены; а между тѣмъ какъ внутренней штукатурки тамъ не употреблялось, и стѣны были гладкія и ровныя изъ превосходнаго строеваго лѣса, то этотъ способъ успѣшно препятствовалъ раз-

множенію клоповъ и таракановъ. Въ переднемъ углу горницы помѣщался кивотъ съ образами, въ другомъ кровать съ ситцевыми занавѣсками, пуховиками и чистой простыней съ одѣяломъ. Угощеніе сибиряковъ вполнѣ выражало тогда и ихъ благоденствіе, и образцовое русское гостепріимство. Чего не наставятъ бывало на столъ радушныя и добрыя хозяюшки! „Что есть въ печи — все на столъ мечи“, по пословицѣ; а когда случалось пріѣзжать въ какой нибудь праздникъ, особенно храмовой, то тутъ уже не было конца угощенію. Столъ, какъ въ Пасху, постоянно заставленъ кушаньями; гости одни приходятъ, другіе уходятъ. Приходящія разсаживаются около стола по скамейкамъ и стульямъ, а старшая хозяйка тотчасъ же является съ рюмками, графиномъ съ виномъ на подносѣ, обходя всѣхъ гостей и не допуская отказа. Въ это самое время она припѣваетъ и ей подтягиваютъ присутствующіе. Всѣ, конечно, мужчины и женщины въ праздничныхъ одеждахъ. По улицамъ пѣніе и хороводы безконечные и безконечное щелканіе кедровыхъ орѣховъ. Группы крестьянъ, уже конечно подпившихъ на радостяхъ праздника, ходятъ по улицамъ, обнявшись, съ громкою пѣснью. Мнѣ случилось ночевать въ такой праздникъ и помню, что я не могъ спать, потому что пѣніе и клики не умолкали и продолжались всю ночь, да и дверь безпрестанно то отворялась, то затворялась.

Для покупки же хлѣба намъ случалось ѣздить и въ казенныя вновь устроенныя поселенія. Поселенцы хорошаго поведенія, которые все же составляютъ около половины всего населенія, успѣшно занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, и такъ какъ земли имъ

были отведены превосходныя и вѣроятно никогда не паханныя, то у нихъ хлѣба на продажу было много. Однажды намъ пришлось пріѣхать въ одно изъ этихъ поселеній вечеромъ, и помню, что, сторговавшись и купивъ хлѣбъ, я имѣлъ неосторожность, выдавая задатокъ продавцу, дать ему замѣтить оставшуюся у меня пачку денегъ. За то, когда мы сѣли въ сани, то порядочно побаивались, вспоминая, что это былъ одинъ изъ поселенцевъ, который если бы и не самъ захотѣлъ напасть на насъ, то могъ передать другимъ товарищамъ; а мошенниковъ между ними было много, и къ тому же оружія у насъ никакого не было. Когда мы выѣхали, была уже ночь, и дорога лежала черезъ дѣвственный лѣсъ съ вѣковыми соснами, лиственницей и елью гигантскихъ размѣровъ. Хотя тройка наша мчалась быстро, но мы все же озирались по сторонамъ, пока не выѣхали изъ лѣсу и не пріѣхали на ночлегъ.

Во время зимнихъ разъѣздовъ, иногда при очень сильныхъ морозахъ, одежда наша состояла изъ полушубка внутри и сверху благодѣтельной сибирской дохи, изъ шкуръ дикой козы шерстью наружу. При всей легкости своей, въ ней никакой морозъ не страшенъ. Случалось намъ, когда узнавали, что продавались сходно кобычки, дѣлать и довольно опасныя путешествія въ кочевья, въ большіе морозы, и благодѣтельная доха всегда выручала.

Въ путешествіяхъ нашихъ, намъ случалось также видѣть и такія картины, которыя только и возможны въ безграничныхъ пространствахъ сибирскихъ и азіатскихъ степей. Такъ, однажды, ѣхавши съ нашимъ докторомъ, мы увидѣли незнакомую еще намъ, но очень

интересную картину. На высокомъ берегу, видимъ, стоитъ большой табунъ лошадей въ кучѣ и разъяренный жеребецъ, съ поднятыми гривою и хвостомъ, защищаетъ свой табунъ отъ трехъ волковъ. Мы видѣли, что одинъ волкъ бросался къ табуну, чтобы заставить его выдти изъ каре, въ которое загналъ лошадей съ матками и жеребятами жеребецъ или хозяинъ табуна, какъ тамъ его называютъ, но жеребецъ не допускалъ его, а бросался на него, становясь на дыбы, чтобы копытами ударить его; другіе волки лежали растянувшись на землѣ въ сторонѣ, ожидая момента, когда жеребецъ, увлекшись за волкомъ, отдалится отъ табуна, что случается съ молодымъ жеребцами, которымъ поэтому хозяева и не ввѣряютъ табуна; тогда они бросаются на табунъ, который, шарахнувшись, разбредется и уже представитъ имъ легкую добычу. Но пока табунъ былъ у насъ въ виду, волкамъ не удался ихъ маневръ, потому что умный жеребецъ никогда не увлекался погоней за волкомъ, а тотчасъ возвращался къ табуну сперва тихо, чтобы завлечь волка, а потомъ обскакивая табунъ вокругъ. Много разъ также случалось видѣть какъ передъ бурей и грозой жеребецъ собираетъ въ кучу табунъ, исполняя при этомъ свою обязанность довольно безцеременно, такъ что и зубами, и копытами заставляетъ стягивать безпечныхъ.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что главный промыселъ Сибири, это—бѣлка и соболь. Осенью обыкновенно собираются артели инородцевъ татаръ и русскихъ звѣропромышленниковъ (ясашные платили подать мѣхами) и цѣлыми партіями конныхъ проходятъ черезъ городъ Минусинскъ. Они уходятъ обыкновенно на нѣсколько не-

дѣль въ тайгу, съ винтовками и собаками; берутъ съ собой лѣтомъ приготовленную сушеную птицу, баранину, рыбу, хлѣбъ и сухари. Въ хорошіе года, когда урожай на кедровые орѣхи изобиленъ, промышленники имѣютъ хорошій заработокъ. Все это охотники-стрѣлки, бьющіе въ голову, чтобы не портить мѣха. Правда, что они стрѣляютъ съ козелъ или рогулекъ, которые всегда при нихъ у сѣдла, или у винтовки.

Въ большомъ ходу была охота и на медвѣдей, и намъ случалось видѣть такихъ охотниковъ, которые подходили подъ сорокъ. Сороковаго, не знаю почему-то, уже тамъ боятся какъ роковаго. Такъ какъ вообще звѣриный промыселъ всегда сопряженъ съ опасностями, то обыкновенно разсказывается множество разныхъ случаевъ иногда и чудеснаго избавленія, а иногда и несчастія. Разскажу объ одномъ случаѣ счастливомъ. Въ тридцати верстахъ отъ Минусинска есть село Каменка, гдѣ жилъ нашъ пріятель казачій урядникъ Серебренниковъ. Его сынъ или внукъ учился у насъ. Онъ былъ человѣкъ состоятельный, имѣлъ прекрасный домъ, славную семью и хотя тамошній уреженецъ, но былъ довольно развитъ, читалъ св. писаніе и былъ очень гостепріименъ. Съ нимъ-то случилось происшествіе, которое едва не стоило ему жизни. Одинъ годъ въ Сибири выгорѣла въ Барнаульскомъ округѣ тайга, такъ называютъ тамъ дремучій лѣсъ, и медвѣди, выгнанные пожаромъ, разбрелись всюду и во множествѣ появились въ нашемъ округѣ. Даже опасно было ѣхать или идти куда нибудь изъ города. Однажды верховой возвращался въ городъ и за двѣ или за три версты на него напалъ медвѣдь; онъ ускакалъ, но медвѣдь преслѣдо-

валъ его почти до города. Въ этотъ-то медвѣжій набѣгъ Серебренниковъ, Ив. Сем., ходилъ куда-то и съ нимъ для предосторожности была рогатина. Возвращаясь домой, онъ, въ полуверстѣ или менѣе отъ села, видитъ огромнаго медвѣдя, идущаго прямо на него; онъ кинулся за большое дерево, медвѣдь за нимъ, Серебренниковъ хотѣлъ хватить его рогатиной, но медвѣдь лапой сломалъ рогатину и наконецъ повалилъ его, уже взобрался на него, чтобы, конечно, добраться до его черепа. Тотъ не испугался, а сталъ изъ подъ медвѣдя натравливать собаку, съ нимъ бывшую; таежная опытная собака тотчасъ начала его хватать за задъ, который составляетъ слабое мѣсто звѣря, и онъ тотчасъ же слѣзъ съ казака и сѣлъ на задъ, обороняясь отъ собаки. Молодая собака измѣнила и убѣжала. Какъ только онъ освободился изъ подъ медвѣдя, тотчасъ бросился бѣжать въ село. На встрѣчу ему мужикъ; онъ разсказываетъ ему наскоро случай и приглашаетъ идти вмѣстѣ, а мужикъ отвѣчаетъ ему: пойду, если половина шкуры моя; онъ не согласился и побѣжалъ въ домъ за винтовкой, осмотрѣлъ ее и къ медвѣдю. Опытная таежка собака, отбѣгая и опять забѣгая къ заду, задержала медвѣдя; Серебренниковъ прицѣлился и медвѣдь упалъ мертвый. Нужно сказать, что Иванъ Семеновичъ и прежде хаживалъ на медвѣдей. Проѣздомъ въ Шунъ мы всегда у него останавливались, въ этотъ же разъ видимъ Серебренникова съ бородой, а онъ прежде всегда брилъ бороду, спрашиваемъ, что это значитъ? Онъ указываетъ на огромную медвѣжью шкуру, прибитую къ стѣнѣ, и тутъ разсказываетъ намъ случай, при-

бавивъ, что подъ медвѣдемъ далъ обѣтъ не брить бороды.

Въ наше время въ шестидесяти верстахъ отъ города, въ Минусинскомъ округѣ, начали устраивать и устроили казенныя поселенія для сосланныхъ на поселеніе, подъ руководствомъ смотрителя этихъ поселеній Ильи Васильевича Голенищева-Кутузова, отставнаго капитана арміи. Тогда правительство рѣшило всѣхъ поселенцевъ вывести изъ волостей, гдѣ они были приписаны, въ особыя нарочно выстроенныя для этого селенія и водворить вмѣстѣ. Думаю, что эта мѣра не была полезна въ то время. Селенія красивыя, правильныя, воздвигались быстро подъ руководствомъ Ильи Васильевича, но, проѣзжая эти красивыя селенія, какая-то грусть охватывала при видѣ этихъ пустынныхъ улицъ. Ни одного женскаго лица, ни одного ребенка или кой-гдѣ, какъ исключеніе. Можетъ быть впослѣдствіи, когда поселенцы переженились, обзавелись семьями, хозяйствомъ, расплодились, эти селенія и стали богатыми и многолюдными селами, но тогда это была пустыня. Соединенные въ общества, составивъ отдѣльныя отъ старожиловъ группы, эти міазмы общества скоро образовали изъ себя шайки грабителей и воровъ; и еслибъ не удивительная энергія смотрителя, то жители Минусинскаго округа были бы раззорены. Поселенцы, когда жили по волостямъ, были работниками у богатыхъ сибиряковъ, жили среди ихъ семействъ; обѣдали, ужинали съ хозяевами, у которыхъ смѣнялось до шести кушаній; слѣдовательно, живя среди порядочныхъ людей и такого изобилія, нѣкоторые и сами исправлялись, оставляя свои прежнія дурныя наклонности, и

сами потомъ дѣлались хозяевами. Но все же нельзя не сказать, что ссыльные имѣютъ вредное вліяніе на край. Другіе же поженились на сибирячкахъ, хотя это было такъ же трудно, какъ трудно бѣлокожему американцу открыто жениться на цвѣтнокожей, такъ какъ сибиряки-старожилы народъ гордый и у нихъ считалось позоромъ отдать дочь за ссыльнаго.

По этому случаю разскажу одинъ интересный эпизодъ. У одного богатаго сибиряка жилъ въ работникахъ молодой поселенецъ, красивый, ловкій, трудолюбивый, кажется москвичъ, котораго старикъ хозяинъ очень полюбилъ. Помимо отца и дочка полюбила молодца, но они знали, что на ихъ соединеніе никогда не послѣдуетъ согласія. Вотъ они придумали, чтобъ онъ укралъ ее, какъ тамъ выражаются. По гордости сибиряковъ поселенцы иначе не женятся, а, въ видахъ населенія края, отъ синода разрѣшено вѣнчать такія свадьбы безъ всякаго изслѣдованія; самыя свадьбы называются тамъ крадеными. Онъ подговорилъ лихую тройку быть готовою и объявилъ хозяину, что намѣренъ жениться; тотъ одобрилъ его намѣреніе, обѣщалъ наградить и все приготовить къ свадьбѣ и принять въ работницы его жену. Въ назначенный часъ храмъ освѣтился, священникъ съ причтомъ готовы и вотъ примчалась тройка. Невѣста, нарядно одѣтая, подъ покрываломъ вступаетъ на приготовленную ткань, принимаетъ зажженную свѣчу и обрядъ начинается. Старикъ же хозяинъ сторожитъ у дверей, не впуская любопытныхъ, изъ опасенія, чтобъ погоня не разстроила свадьбы. Когда вѣнчаніе кончилось, тѣмъ же порядкомъ поѣхали къ дому; и когда молодые поклонились по обычаю отцу въ ноги, то онъ

тутъ только увидѣлъ, что вмѣсто чужой неизвѣстной молодой, у ногъ его лежала его дочь и не вставая просила прощенія. Старикъ погнѣвался, пошумѣлъ и благословилъ.

Къ Ильину дню мы обыкновенно ѣздили въ с. Шушъ къ Ильѣ Васильевичу Кутузову, упомянутому выше смотрителю поселеній, на его имянины. Это былъ самый гостепріимный, самый радушный хозяинъ и, какъ человѣкъ, въ своемъ родѣ замѣчательный, то съ нимъ надо нѣсколько познакомить читателя. Онъ былъ большаго роста, съ живыми сѣрыми глазами, довольно большимъ носомъ и быстрыми движеніями, былъ очень уменъ, образованъ, но злой языкъ его былъ остеръ какъ бритва. Это былъ бичъ всѣхъ чиновническихъ нечистыхъ продѣлокъ, не щадилъ ни низшихъ, ни высшихъ, и, по его рѣзкому замѣчанію, „русскимъ государствомъ въ сущности правили столоначальники“—такъ мало, по его мнѣнію, было способныхъ начальствующихъ. Мы его очень любили и уважали за его честность, безкорыстіе и прямоту, хотя и спорили съ нимъ по нѣкоторымъ взглядамъ. Его энергія и дѣятельность были изумительны; онъ управлялъ вновь устроенными казенными поселеніями, такъ что ему одному Минусинскій округъ былъ обязанъ своею безопасностью отъ поселенцевъ, теперь собранныхъ вмѣстѣ и образовавшихъ шайки воровъ и мошенниковъ. Только его желѣзная рука удерживала ихъ. Правда, что строгость его доходила иногда до жестокости, какъ разсказывали. Но онъ находилъ эту жестокость единственнымъ средствомъ спасенія для населенія. Онъ навелъ на мошенниковъ такой страхъ, что они лучше готовы были идти подъ кнутъ, нежели по-

пасть къ смотрителю. Онъ даже однажды едва не поплатился жизнью за свою грозную дѣятельность. Къ нему привели двухъ пойманныхъ воровъ и бродягъ; это было лѣтомъ, онъ вышелъ къ нимъ на террасу, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ быстро выхватилъ изъ сапога ножъ и нанесъ ему рану въ животъ, но, къ счастью, не прорѣзалъ кишекъ и онъ остался живъ. По выздоровленіи онъ поѣхалъ по поселеніямъ, и когда старосты, послѣ этого случая, для его безопасности ставили большой караулъ, онъ отпускалъ караулъ и приказывалъ растворить всѣ двери. Онъ имѣлъ необыкновенныя полицейскія способности, и на европейскомъ поприщѣ былъ бы извѣстенъ какъ одинъ изъ тѣхъ поистинѣ великихъ полицейскихъ агентовъ, которые стяжали такую огромную славу въ своей странѣ и литературѣ. Съ началомъ пріѣзда его въ Сибирь, губернаторъ Красноярска, временно, до пріѣзда назначеннаго, поручилъ ему должность полиційместера и въ мѣсяцъ съ чѣмъ нибудь онъ открылъ и перехваталъ цѣлыя шайки, въ ихъ притонахъ, которыми служили дома, какъ открылось, многихъ изъ незапятнанныхъ до того гражданъ города. Посредствомъ своей полиціи, выбранной имъ изъ помилованныхъ мошенниковъ, онъ зналъ о грабительствѣ прежде, нежели поступало къ нему объявленіе или жалоба. Весь округъ былъ оцѣпленъ его тайными агентами. Когда онъ вышелъ въ отставку и занялся устройствомъ чугунно-плавильнаго завода, то крестьяне думали, что теперь уже пришелъ конецъ ихъ благосостоянію, хотя онъ не даромъ былъ семь лѣтъ смотрителемъ и устроителемъ поселеній. Онъ съумѣлъ ихъ пріучить къ труду, всегда благодарному тамъ, много увеличить

благоденствіе порядочныхъ людей, такъ что и дурные прежде — стали держаться хозяйства и бродяжничество много уменьшилось. Однимъ словомъ, этотъ человѣкъ исполнилъ свое назначеніе. При всей его строгости, желѣзной волѣ и силѣ характера, это былъ человѣкъ самый кроткій въ домашнемъ быту, добрый и нѣжный мужъ; дѣтей у нихъ не было, но они воспитали премилую дѣвочку по имени Поленька, которую онъ любилъ со всею нѣжностью отца.

Поселившись въ Шушѣ, ближайшемъ мѣстѣ отъ завѣдываемыхъ поселеній, онъ пригласилъ жить съ собою Петра Ивановича Фаленберга, нашего товарища, выстроилъ уютный домикъ, завелъ хозяйство и довелъ его до самаго цвѣтущаго состоянія; и все это въ такой глуши, какъ село на пустынныхъ берегахъ Енисея.

Такъ какъ у насъ было много работы дома, то мы ѣздили въ Шушъ одинъ разъ въ годъ, въ Ильинъ день. День его имянинъ былъ днемъ самымъ пріятнымъ для всѣхъ насъ, изгнанниковъ, гдѣ забывалось все тяжелое минувшее, все далекое, дорогое и милое, подъ впечатлѣніемъ радушія и сердечной дружбы этого человѣка, почему я и рѣшаюсь, въ память этой дружбы къ намъ и его гостепріимства, описать одинъ изъ дней его имянинъ, составлявшихъ, можно сказать, для насъ эпоху.

Когда мы всѣ собрались въ Шушъ, я съ братомъ, Кирѣевымъ и Крюковымъ, то обыкновенно пріѣзжали наканунѣ Ильина дня какъ разъ къ чаю.

Домъ его, хотя простой архитектуры, былъ довольно обширенъ и уютенъ. Петръ Ивановичъ Фаленбергъ тутъ имѣлъ особое помѣщеніе; комнатъ было сколько нужно: спальня, кабинетъ, дѣтская, диванная, гостиная,

залъ довольно обширный, буфетъ, двѣ прихожія, словомъ домъ былъ самый хозяйственный, свѣтлый, съ террасами; мебель прекрасная и все своего домашняго мастерства. Пріятно вспомнить и самыя тѣ жилища, гдѣ обитатели давно уже ждали васъ, съ обращенными на дорогу взорами и гдѣ уже ожидали васъ дружескія объятія, гдѣ виднѣлись радостныя лица, съ любовью встрѣчавшія васъ.

Самоваръ уже кипѣлъ, чай розлитъ и мы усаживаемся вокругъ этого семейнаго средоточія. Превосходнѣйшія сливки, превосходное печеніе и все это домашнее. Прислуга ихъ, одна молодая и хорошенькая женщина, была замѣчательна по своей удивительной способности все умѣть дѣлать и услужить такъ, какъ бы могли служить четыре человѣка ловкихъ лакеевъ. Она пекла крендели и сухари, она дѣлала различныя соленія, варила варенья, водицы, наливки, служила за столомъ, за чаемъ, ходила за барыней, была превосходной прачкой, словомъ, эта женщина была все въ домѣ и сверхъ того была вѣрна, кротка, услужлива и искренно привязана.

Послѣ шестидесяти-верстнаго пути, конечно, чай имѣлъ свою прелесть, тутъ же былъ и превосходный варенецъ и творогъ со сливками. Напившись чаю и закусивши, прошлись по улицѣ, а по возвращеніи домой тотчасъ поставили пюпитръ и Петръ Ивановичъ Фаленбергъ съ Николаемъ Крюковымъ начали дуэтъ на скрипкахъ, приготовившись каждый у себя дома. Илья Васильевичъ, Алекс. Александровичъ и нѣкоторые изъ стороннихъ гостей сѣли за бостонъ. Послѣ ужина въ оживленныхъ разговорахъ пробило часъ и милая хозяйка Екатерина Петровна, пожелавъ всѣмъ пріятнаго

сна, удалилась въ свою спальню. Вслѣдъ затѣмъ на диванахъ послали и намъ постели и мы скоро заснули въ самомъ веселомъ настроенiи.

Въ восемь часовъ благовѣстили къ обѣднѣ. Подавались длинныя и очень покойныя дроги и всѣ ѣхали въ церковь. Мы съ братомъ и Николаемъ Александровичемъ занимали правый клиросъ, такъ какъ всегда пѣли и въ Минусинскѣ обѣдню Бортнянскаго.

Возлѣ стояли любители подтягивать, между которыми былъ Михаилъ Ивановичъ Свѣшниковъ, жившiй въ Шушѣ, уже выпущенный „на пропитанiе", офицеръ сосланный въ работу за выстрѣлъ въ полковаго командира и потомъ въ себя. Эта личность очень оригинальная и въ то же время очень забавная по своему огромному самолюбiю, которое подавало поводъ ко многимъ шуткамъ надъ нимъ. У него былъ басъ, и еще наканунѣ приготовили держать нѣкоторыя басовыя ноты и тѣмъ удержать въ границахъ его оглушительный, но рѣдко вѣрный голосъ. Послѣ обѣдни всѣ отъ души поздравили имянинника и Екатерину Петровну.

Послѣ обѣдни священникъ съ причтомъ служилъ молебенъ, а затѣмъ хозяинъ всѣхъ гостей пригласилъ въ столовую, гдѣ на большомъ столѣ красовался великолѣпный имянинный и огромной величины пирогъ.

Послѣ закуски, гуляли и посѣщали его заведенiя, которыя были замѣчательны тѣмъ, что вполнѣ соотвѣтствовали нуждамъ пустыннаго края и были весьма важны, какъ образцы для будущей промышленности, съ какою цѣлью онъ ихъ и устроивалъ. Первое посѣщенiе было сдѣлано конной мельницѣ, стоявшей на ближайшемъ дворѣ; потомъ зашли въ кожевню, гдѣ вкопанные въ

землю чаны наполнены были кожами, лежавшими въ квасу, и были также готовыя. Тутъ хозяинъ съ торжествомъ показывалъ доброту и мягкость отдѣлки. Изъ кожевни проходили въ столярную, гдѣ работали разную мебель, а также сѣдла для азіатцевъ-туземцевъ. Знаменитый мастеръ этого заведенія назывался Сергѣй Кондратьевичъ. Это былъ человѣкъ дѣйствительно съ геніальными способностями. Онъ дѣлалъ все, и линейки, и сани, и качалки для тайги (золотопромышленники перевозили на свои золотые промыслы своихъ дамъ въ качалкахъ, родъ носилокъ, утвержденныхъ и прикрѣпленныхъ къ сѣдлу), а также и тарантасы. Онъ былъ и мельникомъ, и столяромъ дѣйствительно превосходнымъ. Словомъ, этотъ человѣкъ все умѣлъ дѣлать и дѣлать отлично, такъ что Илья Васильевичъ намѣревался, какъ онъ шутилъ, заказать ему фортепіано.

Потомъ проходили въ шорную, гдѣ дѣлались хомуты, шили уздечки подъ руководствомъ тоже замѣчательнаго по своему искусству Иван. Алекс., къ сожалѣнію, горькаго пьяницы и табачной напехи, какъ его величали. Отсюда проходили въ мастерскую, гдѣ шьютъ обувь для пріисковъ и для базара. Изъ этого обзора уже видно, какъ предпріимчивъ и дѣятеленъ былъ этотъ человѣкъ. Сколько труда и настойчивости положилъ онъ на устройство всѣхъ этихъ разнообразныхъ заведеній. Надо было и покупать хлѣбъ для мельницы, весь сырой матеріалъ, пріискивать мастеровъ, за всѣмъ наблюдать и все это при его многотрудной и опасной казенной службѣ смотрителя и устроителя казенныхъ поселеній, при его служебной перепискѣ, безпрестанныхъ разъѣздахъ, такъ что надо было удивляться, какъ его

достаетъ на все это. Правда, что ему во всемъ помогала его жена и Петръ Ивановичъ Фаленбергъ, жившій съ ними въ одномъ домѣ. Еще позабылъ упомянуть, что у нихъ же была табачная плантація и выдѣлывались сигары.

Когда, обойдя всѣ заведенія, мы возвратились домой къ обѣду, то уже нашли многихъ гостей. Въ этотъ день обыкновенно съѣзжалось къ имянинпику много знакомыхъ. Окружной начальникъ Петръ Афонасьевичъ Меркуловъ и управляющій питейными сборами уже пріѣхали, потомъ вошла дородная молодая дама, довольно красивая и щеголевато одѣтая, въ сопровожденіи мужа своего, волостнаго писаря. По походкѣ этого господина, легкой и плавной, можно было узнать бывшаго танцовальнаго учителя губернскаго города Красноярска, тоже сосланнаго на поселеніе. Было нѣсколько и золотопромышленниковъ, въ числѣ которыхъ былъ очень красивый и благородной наружности молодой человѣкъ Александръ Ивановичъ Кованько, отставной горный инженеръ съ Анной на шеѣ, и теперь управляющій въ золотопромышленной компаніи, человѣкъ дѣльный, умный, веселый и острякъ; съ ними же вошелъ Александръ Филипповичъ Фроловъ, нашъ товарищъ декабристъ, поселенный въ Шушѣ, и Михайло Ивановичъ Свѣшниковъ, о которомъ уже было упомянуто. Тутъ былъ и Иполитъ Александровичъ Корсакъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, сосланный по дѣлу польской революціи, изъ помѣщиковъ Минской губерніи. Онъ былъ поселенъ въ Шушѣ и со всѣми нами былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Онъ глубоко чтилъ Александра I-го за дарованную Польшѣ конституцію и былъ

сторонникомъ искренняго соединенія Польши съ Россіей съ условіемъ общей и свободной конституціи, что было завѣтнымъ желаніемъ и всѣхъ декабристовъ. Независимость же Польши съ передачей ей русскихъ губерній, какъ утверждали нѣкоторые, никогда не была въ намѣреніяхъ Сѣвернаго общества, что по крайней мѣрѣ заявляли всѣ вожаки общества, бывшіе съ нами въ заключеніи. Мы всѣ любили Корсака и дѣйствительно это былъ благородный полякъ; онъ съ своей стороны также былъ очень преданъ намъ. Помнится, что сосланъ былъ за то, что получалъ письма отъ сына его, бывшаго эмисаромъ за-границей. Затѣмъ пріѣхали двое золотопромышленниковъ, уже намъ извѣстные, Расторгуевъ и юноша Александръ Петровичъ Колесниковъ.

Таково было общество, которое славно обѣдало, славно веселилось и танцовало у радушнаго хозяина.

Наша свобода въ разъѣздахъ и дѣлахъ уже была намъ разрѣшена свыше. Стѣсняемые прежде, мы писали графу Бенкендорфу, начальнику жандармовъ, и просили его ходатайства предъ государемъ о разрѣшеніи намъ снимать въ аренду казенныя земли, дѣлать промышленныя постройки и вообще просили, чтобы намъ была предоставлена свобода дѣйствія для своего содержанія, такъ какъ мы не прибѣгали къ пособію правительства, которое неимущимъ изъ декабристовъ выдавало по 200 руб. На это письмо послѣдовало милостивое высочайшее повелѣніе не стѣснять насъ въ нашей хозяйственной дѣятельности, и разрѣшено снимать въ аренду казенныя земли на общемъ законномъ основаніи, съ публичныхъ торговъ. Тогда мы сняли землю пахатную

и сѣнокосную, нѣсколько сотъ десятинъ, а для скотоводства—островъ, прилежащій къ городу и отдѣленный отъ него протокомъ Енисея, за 15 руб. ассигнац. Пахатную и сѣнокосную землю сняли по 5 коп. за десятину; таковыя были тогда тамъ цѣны!

На островѣ, въ пяти верстахъ отъ города, мы устроили заимку съ дворами для скота, съ избой для пастуховъ и чистою комнатою для нашего пріѣзда. У насъ было до 200 головъ рогатаго скота, въ томъ числѣ 20 коровъ доилось и продавалось масло, быки-же продавались нагульными гуртовщикамъ. Мѣстоположеніе нашей заимки было поистинѣ восхитительное. На самомъ берегу, на такъ называемой тамъ забокѣ, то есть низменной полосѣ берега, подходящей къ самой рѣкѣ, былъ выстроенъ небольшой домикъ. Отъ самой забоки берегъ поднимался уступами на огромную высоту. На уступахъ, какъ бы громадныхъ ступеняхъ гигантской лѣстницы, по обѣимъ сторонамъ, были раскинуты прелестныя березовыя рощи, а вершина представляла огромный каменистый кряжъ, составлявшій берегъ Енисея. Видъ съ высокаго берега на гигантскую рѣку съ ея лѣсистыми островами былъ поразительно величественъ. Заимка наша съ татарскими юртами внизу представлялась въ видѣ карточныхъ домиковъ. Въ юртахъ помѣщались пастухи, татары съ ихъ семьями: мужья пасли скотъ, а жены и дочери доили коровъ и пасли телятъ. Молочное хозяйство было ввѣрено мѣщанкѣ нашего города, женѣ одного изъ нашихъ работниковъ Егора Керобкова, честнаго человѣка и отличнаго пахаря. Жена же Пелагея была бойкая, умная молодая женщина, всегда хорошо одѣтая и вполнѣ чи-

стоплотная, какъ всѣ сибирячки. Ея молочное заведеніе было образцовымъ: что за чистота посуды, полотенцевъ, цыдильниковъ, горшковъ и всей молочной принадлежности. Мы часто съ знакомыми нашими дамами и мужчинами пріѣзжали на заимку, чтобы полюбоваться чудными видами Енисея, который весь виденъ во всю его ширину со всѣми зеленѣющимися островами, какъ на ладони, а, нагулявшись, вдоволь отдохнуть въ чистой избѣ, напиться чаю, поѣсть сливокъ, простокваши и варенца. Все это у Пелагеи было превосходно. Иногда и Илья Васильевичъ изъ Шуши съ семьей, Фаленбергомъ и другими нашими товарищами пріѣзжалъ на нашу прелестную заимку. Но было время, когда удовольствіе гулянья отравлялось тучами мошекъ и комаровъ. На сѣнокосѣ, тоже близь города, и на берегу рѣки, сѣрая лошадь была неузнаваема подъ попоной сплошнаго комара. Работники вымазывали себѣ дегтемъ все лицо и шею. По скошеніи травы и уборкѣ сѣна этотъ бичъ исчезалъ. Мошка же налетала по временамъ съ вѣтрами изъ Барабинской степи.

Но предпріимчивость наша не ограничилась однимъ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ: мы вознамѣрились поставлять на пріиски наши земледѣльческія произведенія. Для этого мы рѣшились купить мѣсто въ 5-ти верстахъ отъ города на рѣкѣ Минусѣ и построить мельницу, и тотчасъ приступили къ дѣлу. Лѣсъ намъ привозили дешево по 20 к. а. за 4-хъ саж. бревно, мельница имѣла два этажа, но верхній этажъ составляла одна чистая, для нашего пріѣзда, комната. Всю работу кончили къ осени и пустили въ ходъ. Она была въ одинъ поставъ, работала весьма успѣшно, и мы уже

радовались совершеніемъ дѣла, какъ вдругъ, въ одну октябрскую ночь, плотину, которая была очень высока, такъ какъ для успѣшнѣйшей работы мы сдѣлали колесо наливное, прорвало у берега, противоположнаго строенію. Мы не оробѣли и съ весной вторично запрудили мельницу и начали работать, поставивъ срубъ въ прорванномъ мѣстѣ, который нагрузили камнями, но какъ послѣдняя работа дѣлалась въ субботу на воскресенье, то нѣкоторую часть сруба не успѣли набить камнями, и пошабашили. Вода была въ полномъ подъемѣ, срубъ выдержалъ одинъ день напора, и затѣмъ его снова своротило и вода ушла. Кажется, этого было бы довольно, чтобъ остановить насъ; но не тутъ-то было: мы съ новой энергіей принялись за поправку, и на этотъ разъ всю плотину одѣли досками, сомкнутыми въ пазы, проконопаченными и засмоленными; доски или одежда входила въ пропаженные лежни, положенные въ выкопанную до крѣпкаго грунта канаву, и также проконопаченные и засмоленные. Отъ прорваннаго мѣста прорыли канаву до самаго грунта въ берегѣ, на нѣсколько сажень, положили огромные пропаженные лежни, и на лежняхъ въ столбы утвердили деревянную стѣну, которая соединялась съ плотиной у нижнихъ лежней, и обѣ стороны забора забили землей и затромбовали. Казалось бы, такая работа должна была устоять. Вода была поднята, ставни закрыты и мы только ожидали полнаго накопленія воды, чтобы молоть. Наступилъ Покровъ Божіей Матери. Мы съ братомъ шли къ заутрени, что во всѣ праздники всегда исполняли; какъ, уже подходя къ церкви, слышимъ, что кто-то въ темнотѣ называетъ насъ по имени; это былъ житель Ма-

лой Минусы, и возвѣщаетъ намъ, что мельницу нашу опять прорвало. Да будетъ воля Божія! сказали мы и вошли въ церковь. Уже не могу теперь сказать—стали бы мы снова за нее приниматься, но какъ въ эту зиму мы получили отъ сестеръ извѣстіе, что по высочайшему повелѣнію опредѣлены солдатами на Кавказъ, куда мы и уѣхали въ мартѣ мѣсяцѣ, то мельница наша и осталась разрушенною. Мельница эта или, лучше сказать, наше упорство стоило намъ много денегъ, которыя очень бы пригодились во время семилѣтняго пребыванія нашего на Кавказѣ.

Для насъ милость эта Государя была совершенною нечаянностію. Она радовала насъ тѣмъ, что подавала надежду увидѣть милыхъ родныхъ и свою дорогую родину, но и печалила тѣмъ, что оканчивалась наша хозяйственная дѣятельность, совершенно измѣнилось теченіе жизни, къ которой мы уже привыкли, и оставляли добрыхъ друзей, насъ полюбившихъ.

Передъ самымъ нашимъ переводомъ на Кавказъ, женился нашъ товарищъ Петръ Ивановичъ Фаленбергъ. Невѣста его была изъ Саянска, дочь одного казачьяго урядника. Жена его въ Россіи, которую мать отговорила ѣхать къ нему въ Сибирь различными ухищреніями, умерла и онъ былъ свободенъ, хотя и до смерти ея они, по закону, были разведены. Всѣ наши товарищи были на его свадьбѣ. Дѣвишникъ происходилъ въ домѣ отца невѣсты, по всѣмъ обычаямъ русской старины. Послѣ вѣнчанія былъ обѣдъ, а вечеромъ пѣсни и пляска. Мы присоединились къ общему хору и свадебнымъ играмъ. Между пѣснями были и очень интересныя, съ прекрасными мотивами; я помню одну, ко-

торая пѣлась всѣми дѣвицами, составлявшими кругъ: „Вы, бояре молодые“ и проч.; при этомъ пѣніи одна изъ дѣвицъ круга ходила съ платкомъ, приплясывая плавно, а платокъ бросала кому нибудь изъ сидящихъ молодыхъ казаковъ, который выходилъ къ ней и вмѣстѣ проходили, приплясывая въ кругѣ тихо и плавно, въ тактъ пѣсни, а затѣмъ пѣсня переходила въ речитативъ со словами: „ужъ и я твой кумъ, ужъ и ты моя кума, гдѣ мы сойдемся—тамъ обоймемся, гдѣ мы свидимся—поцѣлуемся“; а затѣмъ протяжно снова повторялось: „вы, бояре-ль молодые“ и проч. Въ это время молодая разносила угощеніе. При этомъ много оживленія придавала игра на скрипкѣ Н. А. Крюкова, очень хорошаго музыканта, и наше участіе въ хорѣ.

Свадьба для Петра Ивановича была очень счастлива. Жена его была преданная и нѣжная подруга, и вполнѣ усладила его изгнанническую жизнь. Она скоро усвоила себѣ всѣ образованные пріемы и могла стать въ уровень съ своимъ мужемъ, принимая конечно во вниманіе, что для женщины и не нужны тѣ обширныя и спеціальныя свѣдѣнія, какія, по прежней его службѣ генеральнаго штаба и по его образованію, имѣлъ мужъ. Онъ имѣлъ отъ нея сына и дочь, которая была замужемъ, кажется, въ Харьковѣ и своею смертію такъ поразила 80-ти-лѣтняго отца, что онъ тотчасъ же послѣ извѣстія умеръ. Сынъ его, вмѣстѣ съ сыномъ Фролова, тоже нашего товарища, кончилъ курсъ въ высшемъ военномъ училищѣ, выпущены въ конную артиллерію. Онъ вызвалъ къ себѣ своихъ родителей и нарочно для этой цѣли изъ конной артиллеріи перешелъ въ корпус-

ные офицеры одной изъ московскихъ военныхъ гимназій, но по смерти отца къ нему пріѣхала одна мать.

Отпраздновавъ свадьбу нашего товарища и друга, мы стали готовиться къ отъѣзду. Домъ свой мы продали, а хозяйство съ лошадьми, скотомъ во всемъ объемѣ передали нашему многосемейному товарищу Николаю Осиповичу Мозалевскому, сначала изъ третьей части дохода, а послѣ его смерти, которая скоро послѣдовала, отдали совсѣмъ его вдовѣ. Во время жизни онъ пересылалъ намъ на Кавказъ нашу часть дохода.

Неожиданный переводъ нашъ на Кавказъ связанъ съ нашимъ отрочествомъ и нашею юностью, съ воспоминаніемъ о тѣхъ безподобныхъ и благодѣтельныхъ существахъ, которыя насъ воспитали и любили какъ родныхъ своихъ дѣтей. Въ заключеніи нашемъ въ Читѣ и Петровскомъ, писать писемъ къ роднымъ намъ не дозволялось, а потому, когда черезъ семь лѣтъ насъ выпустили на поселеніе и когда мы соединились съ братомъ, первая наша мысль была выразить имъ нашу благодарность за ихъ родительскую любовь къ намъ и за ихъ благодѣянія. Изъ писемъ сестеръ мы узнали, что въ этомъ году княгиня Варвара Сергѣевна Долгорукая скончалась, потому рѣшились писать князю. Въ письмѣ этомъ мы откровенно сознавали свои заблужденія, объяснили ему, что въ нашемъ фанатическомъ ослѣпленіи мы были искренни, и тогда считали своимъ священнымъ долгомъ всѣ привязанности и родственныя чувства—принести въ жертву своему несчастному убѣжденію. Если мы по наружности и казались неблагодарными передъ ними, такъ какъ воспитаны въ домѣ высшаго государственнаго сановника, и, участвуя

въ возмущенiи, мы какъ бы компрометировали домъ его, но въ то же время мы увѣряли его, что этотъ порывъ безумной молодости, это ослѣпленiе ни на одну минуту не ослабили и не измѣнили нашихъ чувствъ, не охладили нашей любви и благодарности, которыя никогда не изсякнутъ въ нашемъ сердцѣ. Въ заключенiе мы увѣдомляли его, что живемъ очень хорошо, трудимся, ни въ чемъ не нуждаемся и просимъ его не думать, чтобы какiя нибудь другiя соображенiя, кромѣ чувствъ нашихъ, побудили насъ написать ему; и онъ бы совершенно не понялъ насъ, еслибъ увидѣлъ въ этомъ письмѣ и въ выраженiи нашихъ чувствъ желанiе подвинуть его къ какому бы то ни было ходатайству о насъ, чего мы никакъ не желали. Получивъ это письмо, князь былъ такъ растроганъ, что тотчасъ-же поѣхалъ къ государю и сталъ просить его сдѣлать ему единственную милость, помиловать его питомцевъ, и показалъ письмо. Государь принялъ его ходатайство и далъ повелѣнiе опредѣлить насъ рядовыми въ одинъ изъ полковъ Кавказской армiи.

Вотъ какъ мы попали на Кавказъ.

И какъ чудны пути Божiи и какъ безпредѣльна Его благость къ намъ грѣшнымъ. Мы прошли Кавказъ, соединились съ нѣжно любящими родными, и потомъ я еще былъ такъ счастливъ, что не желалъ ничего болѣе въ мiрѣ. Сверхъ всего этого я снова и лично могъ убѣдиться въ отеческой любви нашего благодѣтеля князя Долгорукаго, который принялъ меня съ отверзтыми объятiями, когда я былъ въ Петербургѣ, принялъ какъ блуднаго сына, возвратившагося подъ кровъ отчiй.

XVI

Отъѣздъ на Кавказъ.

Былъ мартъ мѣсяцъ 1840 г. и приближалось время нашего отъѣзда на Кавказъ. Мы были такъ счастливы общею любовью, что проводы наши продолжались нѣсколько дней. Каждый день насъ приглашалъ кто нибудь на прощальный обѣдъ, и каждый вечеръ мы проводили гдѣ нибудь посреди всѣхъ нашихъ друзей. Въ это время пріѣзжалъ въ городъ Дмитрій Федоровичъ Ѣздаковъ, главный коммиссіонеръ и компаніонъ Рязанова, о дружбѣ котораго я уже упоминалъ прежде, и у него-то, въ домѣ управляющаго откупомъ, гдѣ онъ стоялъ, мы проводили вечера, которые никогда не изгладятся изъ памяти, такъ много было тутъ самой искренней и самой горячей дружбы.

Какъ нарочно предъ нашимъ отъѣздомъ Александръ Кузьмичъ Малютинъ, отставной подполковникъ, бывшій здѣсь прежде начальникомъ инвалидной роты, разыгрывалъ въ лотерею свою зимнюю повозку, и какъ разъ выигрышъ палъ на мой билетъ, такъ что мы съ братомъ въ этой повозкѣ доѣхали до Екатеринбурга. Впрочемъ еще много не доѣзжая до Екатеринбурга, зимняя дорога исчезла, и мы, купивши тарантасныя дроги, поставили на нихъ свою повозку, и такъ продолжали свой путь. При выѣздѣ нашемъ, насъ провожало до десяти саней. Тутъ были всѣ наши товарищи, Колесниковъ, Илья Васильевичъ Кутузовъ; съ одними мы разстались на вѣки, съ другими увидѣлись.

Отслуживъ у себя напутственный молебень Господу

Богу, мы распрощались съ домашними, работниками и работницами нашими, учениками, сосланными черкесами, просившими насъ попросить о ихъ возвращеніи Владикавказскаго начальника, если представится возможность, что вскорѣ и устроилось, и напутствуемые добрыми и конечно искренними пожеланіями и слезами, не безъ скорби и съ нашей стороны, отправились въ путь. Дѣйсвительно, эти люди такъ усердно и вѣрно служили намъ болѣе шести лѣтъ сряду, такъ были преданы намъ, что нельзя было не почувствовать сердечной скорби, разставаясь съ ними навсегда. Первая почтовая станція, 25 верстъ, скоро показалась, и при горячихъ дружескихъ объятіяхъ, причемъ нельзя было не уронить нѣсколько слезинокъ, мы разстались.

Первая остановка наша по выѣздѣ изъ Минусинска была въ нашемъ губернскомъ городѣ Красноярскѣ, гдѣ мы пробыли нѣсколько дней. Тутъ мы увидѣлись съ поселенными товарищами нашими Василіемъ Львовичемъ Давыдовымъ, Михаиломъ Фотичемъ Митьковымъ и Спиридовымъ, у котораго и остановились. Обѣдали и вечера проводили среди милаго семейства Давыдовыхъ. У нихъ было четверо дѣтей, еще маленькихъ, изъ которыхъ одинъ мальчикъ былъ съ замѣчательными способностями къ рисованію. Онъ еще пяти лѣтъ своими маленькими рученками нарисовалъ переправу ихъ черезъ какую-то рѣку, при переѣздѣ изъ Петровска въ Красноярскъ. Впослѣдствіи онъ уже былъ полнымъ и извѣстнымъ художникомъ и что же?—мнѣ пришлось, въ Москвѣ, провожать на могилу прахъ его.

Прощаясь съ ними, невольная грусть прокралась въ сердце. Столько лѣтъ, проведенныхъ вмѣстѣ въ заклю-

ченіи, братская любовь, соединявшая насъ всѣхъ, была такъ крѣпка, что разставаніе на вѣчную, можетъ быть, разлуку, не могло не расшевелить сердца. Къ Василію Львовичу я, сверхъ того, питалъ особенное сочувствіе. Какъ-то въ Читѣ я заболѣлъ и слегъ въ постель, помнится, у меня была горячка. За мной, конечно, ухаживалъ или братъ, или другіе друзья, жившіе со мною въ одной комнатѣ; но вотъ изъ другаго отдѣленія приходитъ къ моей постели Василій Львовичъ Давыдовъ и почти не отходитъ отъ меня. Столько участія, столько чувства онъ показалъ мнѣ, что съ той самой поры сердце мое вполнѣ предалось ему.

Михаилъ Фотичъ Митковъ, прекраснѣйшій и въ то же время очень оригинальный человѣкъ, жилъ совершеннымъ философомъ Онъ имѣлъ хорошенькую небольшую квартиру, которая содержалась въ самой педантической чистотѣ, меблированная съ большимъ вкусомъ и комфортомъ. Тутъ буквально нельзя было найти пылинки. У него была большая библіотека. Чтеніе было его страстью, а другою страстью, какъ и у меня, была вѣрность часовъ, которые онъ каждый день самъ повѣрялъ по солнечнымъ часамъ, устроеннымъ Павломъ Сергѣевичемъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ, который въ это время уже былъ переведенъ въ Тобольскъ. Объ этихъ солнечныхъ часахъ надобно сказать нѣсколько словъ. Онъ устроилъ ихъ на одномъ удобномъ мѣстѣ, провелъ меридіанальную линію около солнцестоянія, распредѣлилъ правильно, по вычисленію, часы и кончилъ работу. Вотъ приходитъ къ Краснокутскому тамошній батальонный командиръ и, встрѣтивъ тутъ Бобрищева-Пушкина, говоритъ:

— Ну, Павелъ Сергѣевичъ, какъ я вамъ благодаренъ за часы, только они стояли не на мѣстѣ, и я перенесъ ихъ противъ обвахты, тутъ самое мѣсто для нихъ.

— Что же вы это сдѣлали? называя его по имени, говоритъ Пушкинъ, вѣдь теперь надо снова проводить меридіанальную линію.

— А зачѣмъ? я вѣдь ихъ переносилъ бережно и какъ стояли, такъ и поставилъ.

Нечего было другаго дѣлать, какъ снова проводить линію, времени еще было немного послѣ солнцестоянія.

Простившись съ Васильемъ Львовичемъ, Александрой Ивановной, съ Спиридовымъ и Митковымъ, мы пустились далѣе. Въ Ялуторовскѣ мы нашли другихъ нашихъ товарищей: Василья Карловича Тизенгаузена, Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола. Мы посѣтили всѣхъ нашихъ и пріятно провели этотъ день у Муравьева, который незадолго передъ тѣмъ пріѣхалъ въ Ялуторовскъ изъ Бухтармы, гдѣ женился на племянницѣ директора таможни, очень милой, пріятной и хорошенькой особѣ. Мы хотя лично не были знакомы съ Матвѣемъ Ивановичемъ прежде, но тутъ, встрѣтившись, были приняты какъ давнишніе, старые друзья! Тизенгаузенъ жилъ одинъ, совершеннымъ пустынникомъ, въ большомъ домѣ, преоригинально имъ самимъ построенномъ и потомъ сгорѣвшемъ. Обойдя всѣхъ товарищей, мы этою же ночью отправились далѣе на Тюмень, Камышловъ и Екатеринбургъ. Въ Камышловѣ мы подъѣхали къ почтовой станціи и посѣтили стараго почтмейстера, который такъ радушно принималъ всѣхъ нашихъ товарищей, проѣзжавшихъ въ Читу. Мы снова

благодарили его за его великодушное гостепріимство, что непремѣнно исполняли и всѣ возвращавшіеся наши товарищи.

Въ Екатеринбургѣ мы остановились у пріятеля нашего минусинскаго золотопромышленника Мих. Григ. Крюкова, въ его большомъ домѣ. Мы прожили у него нѣсколько дней, гуляли по городу, заходили къ разнымъ экипажнымъ мастерамъ, и, при его содѣйствіи, промѣняли свою повозку съ дрогами на дорожный очень покойный тарантасъ. Онъ познакомилъ насъ съ своей женой, очень представительной и красивой женщиной; и все время, что мы у нихъ пробыли, они угощали насъ съ самымъ радушнымъ гостепріимствомъ. На дорогу снабдили насъ превосходною паюсною икрою и другими закусками. Когда мы прощались съ ними, могли ли тогда думать, что послѣ многихъ лѣтъ намъ придется еще увидѣться съ нимъ въ Саратовѣ, но уже слѣпцомъ, ощупью распознавшимъ насъ съ братомъ.

Теперь чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ сильнѣе становилось нетерпѣніе наше, при мысли о свиданіи съ милыми и нѣжными сестрами. Одна изъ нихъ просила разрѣшенія ѣхать къ намъ, чтобы раздѣлить жизнь свою съ нами, но не получила разрѣшенія. Ближайшимъ отъ Екатеринбурга городомъ была Пермь, затѣмъ Казань, поразившая насъ своимъ поистинѣ столичнымъ видомъ: прекрасныя, величественныя зданія, многолюдство, торцовая мостовая, множество церквей, изъ которыхъ нѣкоторыя очень древнія.

Пробывъ въ Казани дня два, мы выѣхали уже прямо въ Симбирскъ. Вотъ уже 16 лѣтъ прошло, какъ мы изъ Ершова выѣхали въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ не

видѣлись съ родными, а мать наша скончалась нѣсколько лѣтъ ранѣе нашего возвращенія, благословивъ насъ заочно уже на смертномъ одрѣ своемъ. Пріѣхали въ Симбирскъ прямо на станцію; на станціи мы разспросили домъ Родіонова, гдѣ сестры жили по приглашенію хозяина. Мы наняли городскаго извощика, сѣли на линейку, тамошній въ то время извощичій экипажъ, и съ сильнымъ, радостнымъ біеніемъ сердца отправились разыскивать домъ; но чтобъ нетерпѣніе наше еще болѣе возрасло, то какъ нарочно немощенныя улицы были такъ затоплены грязью, что лошадь останавливалась черезъ каждые десять, пятнадцать шаговъ, и мы болѣе часу и даже двухъ часовъ тащились до дома. Но, наконецъ, остановились у воротъ и, узнавъ, что квартира сестеръ на дворѣ, во флигелѣ, мы съ помощью извощика и еще человѣка изъ дома понесли наши чемоданы. Дверь была заперта, но въ окно увидала насъ горничная сестеръ и, уже знавшая о нашемъ пріѣздѣ, съ восторженно блестящими глазами, въ волненіи, подбѣжала къ намъ съ привѣтствіями самыми сердечными и сказала, что господъ нѣтъ дома, но что она сейчасъ сбѣгаетъ за ними.

Мы вошли въ комнаты и не прошло пяти минутъ, какъ по очереди заключали въ свои объятія плачущихъ радостными слезами нашихъ поистинѣ чудныхъ сестеръ. Къ намъ могли выѣхать только двѣ жившія въ Самарѣ, остальныя три жили: двѣ подъ Москвой, а одна—въ имѣніи. Сколько утѣшенія, радости, счастія дала намъ всѣмъ эта чудная минута свиданія — выразить вполнѣ невозможно, какъ невозможно выразить всю полноту, всю прелесть той недѣли, которая съ этой ми-

нуты потекла для насъ такимъ свѣтлымъ, хотя и очень коротенькимъ ручейкомъ. Мы могли пробыть тутъ только двѣ недѣли.

Въ Симбирскѣ у сестеръ было много знакомыхъ, которые, конечно, стали и нашими. Тутъ жилъ князь Юрій Сергѣевичъ Хованскій, сотоварищъ юности нашей, котораго мы еще знали въ Петербургѣ: онъ лицеистъ и бывалъ у Долгоруковыхъ. Жена его была сестра нашего друга и товарища Василья Петровича Ивашева. Онъ уже на поселеніи, лишившись своей жены, которая, какъ я упоминалъ, такъ романически пріѣхала къ нему невѣстой, чтобы посвятить ему всю свою жизнь, хотѣлъ проситься на Кавказъ, но ровно черезъ годъ соединился съ своимъ нѣжнымъ, самоотверженнымъ другомъ въ вѣчности. Послѣ него остались дочь и сынъ, которые были взяты его сестрой, а ихъ теткой княгиней Хованской. Тутъ же мы видѣли и другую сестру его, Языкову, которая письмомъ своимъ пробудила вновь его уснувшія чувства къ дѣвушкѣ, ставшей въ заключеніи его женой. Излишне говорить, съ какимъ дружескимъ радушіемъ мы были приняты всѣми этими лицами, столь близкими намъ по чувствамъ дружбы къ ихъ единственному брату, такъ рано похищенному изъ ихъ среды и тогда, когда счастіе свиданія съ нимъ было такъ близко. Сестры были очень дружны съ одной прелестной молодой дамой Софьей Львовной Каракозовой, которая часто бывала у нихъ. Мужъ ея былъ очень болѣзненъ, страдалъ страшно подложечными болями, отъ чего вскорѣ и умеръ. Понятно какимъ наслажденіемъ было для насъ это избранное общество очаровательныхъ по уму, красотѣ, изяществу

дамъ, послѣ стольких лѣтъ отчужденія. Правда, наши благодѣтельныя дамы, жены нашихъ товарищей, по своему высокому положенію въ свѣтѣ, изяществу, воспитанію, были на той же высотѣ съ тѣмъ обществомъ, которымъ мы теперь наслаждались, но мы, заключенные, очень мало изъ тюрьмы ихъ видѣли, но зато какъ много чувствовали и какъ сильно въ благородномъ сердце запечатлѣли ихъ милый образъ, хотя мимолетно уловленный сквозь щели нашего тюремнаго частокола.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ изъ Самары, гдѣ служилъ докторомъ по удѣльнымъ имѣніямъ, мужъ старшей сестры нашей Францъ Петровичъ Паулеръ, весьма искусный, ученый врачъ, а что еще лучше — прекраснѣйшій человѣкъ, съ которымъ сестра была совершенно счастлива; еще помню его совѣтъ на Кавказѣ— пить больше чаю и непремѣнно послаще, что и исполняю до сихъ поръ. Онъ могъ пробыть только одинъ день, такъ какъ долженъ былъ ѣхать по своей обязанности.

Такіе счастливые часы, дни, недѣли летятъ быстро, а потому и срокъ нашего отъѣзда наступилъ скоро. Сестрамъ мы сдали излишнія вещи, стараясь какъ возможно облегчить для себя предстоявшую намъ кочевую жизнь, и въ тарантасѣ нашемъ стало еще просторнѣе.

День нашего отъѣзда былъ 1-го мая 1840 года.

Мы уже простились наканунѣ со всѣми нашими знакомыми, но проводить насъ пришелъ князь Хованскій и безподобная Софья Львовна. Она пожелала намъ скорѣе возвратиться съ Кавказа и, конечно, героями. Первое ея желаніе исполнилось, такъ какъ мы возвратились послѣ семи лѣтъ, но послѣднее осталось втунѣ

и мы возвратились обыкновенными изъ обыкновенныхъ. Собирались мы съ милѣйшимъ барономъ Ипполитомъ Александровичемъ Вревскимъ, тогда еще капитаномъ генеральнаго штаба, по своему желанію временно командовавшимъ Куринскимъ батальономъ, отбить у черкесовъ, чтобъ попасть въ герои, пушку, которую ставили они на горѣ противъ лагеря, но они всегда заблаговременно ее увозили, а потомъ и вовсе перестали таскать и громить нашъ лагерь подъ Уйсъ-Унгуромъ и геройство не состоялось. Это былъ годъ несчастный Ичкеринской экспедиціи генерала Грабе. Вревскій же палъ въ Мзгинскихъ горахъ генералъ-лейтенантомъ, начальникомъ отряда, уже въ 1850 г., и палъ героемъ.

Распростившись съ сестрами, мы сѣли въ свой тарантасъ и отправились на югъ—

И мы на югъ, въ страну,
Гдѣ яхонтъ неба рдѣетъ
И гдѣ изъ розъ себѣ гнѣздо природа вьетъ...

Стихи нашего незабвеннаго А. И. Одоевскаго, сказанныя имъ экспромтомъ, сидя съ Мих. Мих. Нарышкинымъ въ тарантасѣ на пути къ Кавказу.

На пути между Симбирскомъ и Саратовомъ мы проѣхали города Сызрань, Хвалынскъ; первый былъ замѣчателенъ тогда превосходнымъ пшеномъ, здѣсь произростаемымъ, другой замѣчателенъ тѣмъ, что болѣе походилъ на село, нежели на городъ. Вся эта дорога идетъ по нагорному берегу Волги и, подходя къ Вольску, представляетъ восхитительное мѣстоположеніе. Вольскъ расположенъ на самомъ берегу рѣки и съ горы виденъ какъ на ладони, такъ что можно пере-

считать всѣ улицы и сады при каждомъ домѣ. Самъ городъ очень красивъ и имѣлъ тогда много хорошихъ каменнымъ домовъ, между которыми особенно выдается домъ знаменитаго Алексѣя Петровича Сапожникова съ огромнымъ садомъ; имъ же выстроенъ тамъ великолѣпный каменный храмъ; самъ онъ принадлежалъ къ единовѣрческой церкви. Отъ Вольска до Саратова 120 верстъ и потому мы скоро пріѣхали въ Саратовъ.

Изъ Симбирска мы выѣхали 1-го мая, была полная и роскошная весна и уже вполнѣ одѣтый лѣсъ, вечеромъ и ночью оглашаемый пѣніемъ соловьевъ, которыхъ мы уже давно не слыхали. Въ Сибирь они не заглядываютъ. Вообще дорога наша была очень пріятна и по экипажу очень покойна.

XVII.

На Волгѣ.

По пріѣздѣ въ Саратовъ первой заботой нашей было отыскать фабриканта Шехтель, къ женѣ котораго мы имѣли письмо отъ нашего юноши Александра Петровича Колесникова, который письмами своими давно познакомилъ съ нами ихъ семейство. Сыскать ихъ было не трудно; какъ только мы вошли на Московскую улицу, увидѣли магазинъ братьевъ Шехтель, откуда и проводили насъ къ нимъ въ домъ. Въ этомъ домѣ мы нашли три семейства трехъ братьевъ Шехтель, жившихъ вмѣстѣ. Двое изъ нихъ женаты на двухъ сестрахъ, можно

сказать, красавицахъ. Когда объ насъ доложили, вышла къ намъ старшая, Анна Ивановна, и мы увидѣли, что красота ея была еще выше того, какъ мы себѣ представляли, а умомъ, грацiей, прелестью милаго обращенiя она совершенно плѣнила насъ. Вслѣдъ за нею вошла младшая сестра, Елизавета Ивановна, и эта была новое очарованiе. Онѣ были очень похожи другъ на друга, но эта была повыше ростомъ, ей было только 18-ть лѣтъ и эта юность еще болѣе придавала прелести ея замѣчательной красотѣ. У Анны Ивановны тогда была дочь лѣтъ пяти, а у Елизаветы Ивановны былъ первый ребенокъ и еще грудной. Когда она держала на рукахъ своего младенца, то поистинѣ самый генiальный художникъ нашелъ бы ее достойной своей кисти. Описанные въ письмахъ Александра Петровича К—ва можетъ быть слишкомъ пристрастно, мы были приняты съ отверстыми объятiями. Старшiй братъ, мужъ Анны Ивановны, Францъ Осиповичъ, по наружности составлялъ совершенную противоположность своей прелестной женѣ, впрочемъ можетъ быть вполнѣ соотвѣтствуя ей по своимъ внутреннимъ качествамъ; они жили очень хорошо. Тогда же мы познакомились и со вторымъ братомъ Алонзiемъ Осиповичемъ. Третiй былъ въ отъѣздѣ, но жена его Марья Кондратьевна была съ ними. Насъ оставили обѣдать; обѣдало еще нѣсколько постороннихъ знакомыхъ. Послѣ обѣда хозяева показали намъ свою ситцевую фабрику, которая работала эту матерiю и дѣла ихъ тогда были въ самомъ цвѣтущемъ состоянiи. Потомъ мы отправились по городу и на пристань, гдѣ цѣлый день кипѣла самая оживленная и шумная дѣятельность. По ихъ желанiю, этотъ вечеръ, какъ и всѣ

другіе, пока мы жили въ Саратовѣ, провели у нихъ. Всѣ дамы играли на фортепіано и обѣ сестры пѣли и мы весь вечеръ наслаждались ихъ пѣніемъ, иногда присоединялись къ нимъ въ припѣвахъ одного, еще тогда новаго для насъ, романса: „Ты не повѣришь, какъ ты мила“, что вполнѣ могло и должно было относиться къ этимъ, поистинѣ, милымъ дамамъ. Давно уже не слыхавъ музыки, которую мы страстно любили, отвыкнувъ въ Сибири отъ дамскаго общества, понятно, что этотъ и другіе вечера у нихъ были для насъ очень пріятны.

Анна Ивановна была хорошо знакома съ губернаторшей Екатериной Ивановной Бибиковой, родной сестрой нашихъ несчастныхъ товарищей Муравьевыхъ-Апостоловъ. Одинъ (Сергѣй) умеръ на висѣлицѣ 13-го іюля 1826 г., другой (Ипполитъ) застрѣлился,× а третій×× былъ на поселеніи въ Ялуторовскѣ, котораго мы видѣли проѣздомъ и который нынѣ живетъ въ Москвѣ. Она знала отъ Анны Ивановны, что мы должны были проѣхать, и просила извѣстить ее, когда мы пріѣдемъ, чтобы видѣться съ нами. На другой же день она прислала за нами экипажъ, приняла насъ какъ родныхъ,— такъ и мы смотрѣли на нее; всѣ родные товарищей нашихъ также были родные и намъ,—такъ крѣпко связала насъ общность идей, участи и братская любовь. Много было пролито ею слезъ, при разныхъ тяжелыхъ и горькихъ воспоминаніяхъ; сколько разспросовъ о житьѣ оставшагося брата, о томъ, какъ онъ переноситъ свое заточеніе и проч. Она не знала, какъ выразить намъ свое сочувствіе; угощала насъ, сама накладывала кушанья за завтракомъ, а узнавъ, что мы куримъ, приказала подать трубки. Такъ какъ намъ странно каза-

× убитъ въ [illegible] 2 января 1826 [illegible] комиссіи).
×× Матвѣй.

лось курить при ней и мы отказывались, помня, что въ наше время при дамахъ еще не курили, то она непремѣнно требовала, чтобъ мы курили, увѣряя, что теперь все это измѣнилось, сами дамы и дѣвицы курятъ и что это вездѣ принято.

Простившись съ нею съ искреннимъ и самымъ горячимъ родственнымъ чувствомъ, мы, провожаемые ея добрыми желаніями, въ ея же экипажѣ, отправились къ Шехтель, гдѣ насъ ожидали къ обѣду. Такъ какъ мы рѣшились плыть рѣкой до Астрахани, то послѣ обѣда отправились съ Алонзіемъ Осиповичемъ на пристань, гдѣ нашли хозяина большаго дощаника, плывшаго въ Астрахань, и условились съ нимъ. Проведя послѣдній день въ этомъ миломъ обществѣ, мы на другой день простились съ ними, не скрываю истины, простились съ грустью. Взаимная симпатія въ короткое время сблизила насъ и обратилась въ дружбу, которая продолжалась потомъ по возвращеніи нашемъ съ Кавказа въ теченіи многихъ лѣтъ. Теперь уже многихъ лицъ изъ этихъ семействъ не стало, и въ живыхъ остается одна Анна Ивановна съ дочерью, тоже вдовою; но дружба къ нимъ въ моемъ сердцѣ жива до сей поры, какъ будетъ всегда.

Дождавшись, когда наши гребцы, которыхъ было десять, по пяти въ смѣнѣ, запасли себѣ хлѣба, пшена, масла и прочей провизіи, помѣстились у веселъ, а хозяинъ, онъ же и лоцманъ, на кормѣ, мы вошли въ свою лодку.

Саратовская пристань еще и въ то время, то есть въ 1840-мъ году, представляла очень оживленную картину. Пропасть народа суетилось всюду. Одни приготовлялись

плыть, другіе ихъ провожали; возгласы, прощанія, крики разнощиковъ, стукъ молота, трёканье рабочихъ, все это разносилось въ воздухѣ какимъ-то неопредѣленнымъ гуломъ. Тутъ было видно множество судовъ всякаго размѣра. Первое мѣсто тогда занимали такъ называемыя разшивы, подымавшія грузъ до 18,000 пудовъ. Этотъ родъ судовъ показываетъ нѣкоторыя мореходныя притязанія. На нихъ есть одна большая, съ смоленымъ такелажемъ, мачта; въ кормѣ есть каюта, на подобіе какой нибудь корабельной каюты, только безъ претензій; одинъ огромный парусъ внизу и небольшой топсель вверху. Нижній парусъ такъ великъ, что его ставятъ безопасно только въ небольшой вѣтеръ, а если вѣтеръ засвѣжѣетъ, то его чрезвычайно трудно убирать съ такими первобытными приспособленіями, какія существуютъ на этихъ судахъ. Другія волжскія суда носили разныя названія: косныя, корбасы, шитики, тифинки, мокшаны, осланки, дощаники большіе и малые и проч. Они имѣютъ и мачту, но такелажъ не смоленный. Большія вмѣщаютъ отъ 10 до 11,000 пудовъ. Суда, плывущія внизъ по Волгѣ, довольно скоро совершаютъ свой путь. При обыкновенной погодѣ, изъ Саратова въ Астрахань поспѣваютъ въ недѣлю, а при хорошемъ вѣтрѣ—въ пять дней и менѣе. Вверхъ по рѣкѣ разшивы тянутся или бичевой или завозами.

На дощаникѣ для насъ отгородили въ кормѣ мѣсто и сдѣлали навѣсъ отъ солнца и дождя и тутъ мы могли сидѣть очень покойно и, сидя, спать.

Хозяинъ дощаника, онъ же и кормчій, былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, бѣлокурый, съ голубыми выразительными глазами и съ умной физіономіей. Одѣ-

тый въ легкое полукафтанье, перетянутый шелковымъ кушакомъ, въ круглой съ маленькими полями шляпѣ, въ полосатыхъ шароварахъ, стройный и красивый, онъ имѣлъ видъ истиннаго лоцмана волжскаго типа. Въ теченіи нашего плаванія, мы, судя по немъ, убѣдились, что волжскіе лоцмана знаніемъ своего дѣла и смѣтливостью не уступятъ своимъ собратамъ норвежскимъ и англійскимъ лоцманамъ, правда, что тѣхъ арена — океанъ.

Когда же мы вышли изъ среды судовъ, стоявшихъ у берега, на середину рѣки, по командѣ лоцмана: „молись Богу“, всѣ сняли шляпы и произнесли краткую молитву, конечно, самую искреннюю, въ которой каждый поручалъ себя храненію Всеблагаго Промысла, затѣмъ весла упали на воду, и берегъ побѣжалъ отъ взоровъ. Долго еще намъ виднѣлся Саратовъ съ своими домами, церквами и лѣсомъ мачтъ, но, наконецъ, все это слилось въ одну массу и потонуло.

Странническая жизнь, не только произвольно избираемая, но и невольная, все же имѣетъ и свою прелесть. Сколько встрѣчаешь людей, которыхъ полюбишь всѣмъ сердцемъ, которыми бываешь любимъ взаимно, среди которыхъ жилось такъ отрадно, такъ полно и пріятно!—а такъ какъ человѣкъ живетъ чувствомъ, то вотъ онъ уже и счастливъ, хотя и мгновенно. Разлука грустна, конечно, но зато какъ сладостны самыя минуты разлуки, сладостны тою любовью, которая при этомъ всегда выражается. Притомъ чего стоятъ одни воспоминанія, переносящія въ милую среду и какъ бы возвращающія утраченное? Затѣмъ разнообразіе встрѣчаемыхъ предметовъ, прекрасные виды, чудныя кар-

тины природы, иногда до того очаровательныя, что невольно мелькаетъ мысль: вотъ бы гдѣ пріютиться и воткнуть свой страннической посохъ. Но вотъ еще новый край, новые люди и опять такіе симпатичные, добрые, любящіе; и къ этимъ, какъ къ прежнимъ, сердце чувствуетъ влеченіе, испытываетъ сладость дружескаго общенія и такъ далѣе и далѣе и еслибъ объѣхать весь міръ и черезъ нѣкоторыя разстоянія проживать въ безчисленныхъ мѣстахъ земнаго шара, нѣтъ сомнѣнія, что эти наслажденія любить и быть любимымъ повторялись бы до самаго конца странствія и явилась бы безконечная цѣпь привязанностей, грустныхъ разставаній, радостныхъ встрѣчъ, дружескихъ союзовъ, воспоминаній и все это до той чудной страны, какъ вѣруемъ, гдѣ всѣ способные къ чистой любви соединятся на вѣчную радость вѣчной любви, въ томъ, кто самъ есть безконечная любовь.

Пока эти фантастическія мысли пробѣгали въ головѣ, наша ладья быстро плыла „внизъ по матушкѣ по Волгѣ". Поставили мачту, подняли парусъ и подъ водорѣзомъ еще сильнѣе закипѣла влага, бросая брызги негодованія на дерзкую, которая такъ свободно и съ такою силою раздвигала ее по обѣ стороны, пролагая себѣ путь. Пѣнистыя волны играли вокругъ рѣзвою толпою, то ударяя бока нашей ладьи какъ бы со злобою, то отражаясь въ безсиліи, обдавали насъ своими брызгами. Тутъ лоцманъ закричалъ: „на крюкъ парусъ!". Сначала вѣтеръ былъ нѣсколько съ боку, теперь-же, при поворотѣ по колѣну рѣки, сталъ попутнымъ, а потому и нужно было выставить большую поверхность паруса. Вѣтеръ засвѣжѣлъ еще болѣе, парусъ дрогнулъ, встрепенулся, какъ

бы привѣтствуя своего могучаго гостя и наша ладья понеслась еще быстрѣе.

До сихъ поръ мы плыли при облачномъ небѣ, но съ усиленіемъ вѣтра тучи разсѣялись, засіяло солнце и освѣтило прекрасную картину. На правомъ нагорномъ берегѣ постоянно пробѣгали то луга и пастбища со стадами, то поля съ пшеницей бѣлотуркой, то живописныя группы березовыхъ или дубовыхъ рощей. На самомъ берегу рѣки мелькали богатыя и красивыя села со многими церквами, затоны съ рыболовными снарядами, челноки рыбаковъ, скользившихъ по всему пространству рѣки; суда подъ парусами, плывшія по разнымъ направленіямъ, всюду жизнь, питаемая благодѣтельною рѣкою. Умѣренный, а далѣе и теплый климатъ, легкость сообщенія, благодарная почва дѣлаютъ волжское народонаселеніе самымъ богатымъ и самымъ дѣятельнымъ. Нижегородская ярмарка прежде всѣхъ снабжаетъ своихъ приволжскихъ потребителей всѣми возможными товарами, почти по ярмарочной цѣнѣ. Уже въ продолженіи ярмарки, торговцы средней руки нагружаютъ суда и развозятъ товары повсюду; Астрахань также ихъ первыхъ снабжаетъ произведеніями юга; превосходныя яблоки растутъ по берегамъ Волги, изобилующимъ огромными фруктовыми садами; желѣзо какъ въ сыромъ видѣ, такъ и въ мануфактурныхъ издѣліяхъ здѣсь получается раньше всѣхъ изъ Перми и съ ея многочисленныхъ заводовъ. Посредствомъ ея волшебнаго моста, произведенія богатой Сибири разливаются во всѣ части государства — и вотъ почему Волгу можно назвать золотымъ мостомъ.

Солнце уже склонялось къ горамъ, когда въ отдале-

ніи открылось село Ахматъ, гдѣ мы должны были на часъ остановиться, велѣть развести на берегу огонь для чайника и взять сливокъ для чая. Въ это время роскошный майскій вечеръ, радужный и благоуханный, сходилъ на землю въ потухающихъ лучахъ солнца, разливая вмѣстѣ съ прохладою какую-то невыразимую нѣгу во всей природѣ. Наконецъ, солнце опустилось къ горамъ, коснулось земли и, напечатлѣвъ пламенный поцѣлуй на ея челѣ, скрылось. На мгновеніе какъ бы румянецъ стыдливости пробѣжалъ по ея ланитамъ; наша ладья коснулась берега и остановилась.

Когда мы напились чаю, завѣса ночи уже скрыла отъ насъ горы и опустилась на всѣ предметы, насъ окружавшіе, когда мы отвалили отъ берега. Низменный лѣвый берегъ и днемъ видѣнъ только въ отдаленіи, теперь же онъ скрылся совершенно и одна брызганная масса воды насъ окружала. Кое-гдѣ мелькали огоньки на рыбныхъ тоняхъ и въ селеніяхъ, которыя проходили. Равномѣрные удары веселъ пяти могучихъ гребцовъ, сопровождаемые ихъ тихимъ гармоничнымъ пѣніемъ, иногда лай собакъ, крикъ ночныхъ птицъ, ободрительные, по временамъ, возгласы кормчаго — вотъ все, что только нарушало тишину ночи. Ладья наша неслась незамѣтно по теченію Волги и только разсѣкаемая влага своимъ кипѣніемъ свидѣтельствовала о быстротѣ хода. Завернувшись въ шинели отъ свѣжаго ночнаго воздуха, мы долго наслаждались, прислушиваясь къ тихому и чрезвычайно пріятному пѣнію нашихъ гребцовъ и настроенные величественною, краснорѣчивою тишиною ночи, мы съ живымъ чувствомъ въ тайникѣ сердца принесли свою обычную передъ сномъ ве-

чернюю молитву Господу Богу. Между тѣмъ незамѣтно зажглись небесныя свѣтила, какъ безчисленныя лампады въ великолѣпномъ храмѣ, и отразились въ водѣ. Мы плыли какъ бы въ воздушномъ пространствѣ, въ средоточіи какого-то гигантскаго шара, имъ объятые со всѣхъ сторонъ. То былъ истинно нерукотворенный храмъ Божій, освѣщенный миріадами небесныхъ свѣтилъ, въ которомъ также происходило всеночное бдѣніе. Тутъ какъ будто слышался звучный голосъ, возвѣщающій величіе Творца въ шестипсалміи и пророчествахъ и вдохновенныя пѣсни, славословящія Его пришествіе и совершенное Имъ спасеніе человѣчества.

Съ этими молитвенными мыслями мы уснули самымъ сладкимъ сномъ. Говоръ и колебаніе насъ разбудили, то была смѣна гребцовъ. Когда они размѣстились, кормчій снова скомандовалъ: „міръ, Богъ на помочь, молись Богу!“. Послѣ молитвы гребцы погрузили свои весла и ладья тронулась. Въ это время взошла луна и золотые лучи ея затрепетали въ струяхъ Волги и освѣтили всѣ окружающіе насъ предметы какимъ-то чуднымъ фантастическимъ свѣтомъ. Направо опять обозначались высокія горы, но теперь уже не въ томъ улыбающемся видѣ какъ днемъ; напротивъ, онѣ стояли передъ нами какъ какіе-то великаны, съ грознымъ нахмуреннымъ челомъ, съ самымъ непріятнымъ выраженіемъ и непроницаемою тьмою у ихъ подножія, куда не проникали лучи свѣта. Ладья наша, послушная кормилу, быстро поворотила и побѣжала отъ нихъ на середину, какъ бы устрашившись этого грознаго явленія. „Орлики“, такъ называлъ гребцовъ лоцманъ, „навались, молодцы, близка Сувать“, скомандовалъ онъ.

Сувать—это водоворотъ, образующійся отъ стремнинъ и большихъ камней на днѣ, производящихъ спорное теченіе въ извилинахъ, иногда очень крутыхъ, Волги, и отъ впадающаго въ этомъ мѣстѣ горнаго потока. Удвоенныя усилія гребцовъ показали, что они вполнѣ сознавали важность предостереженія. Не прошло минуты, какъ ладья наша понеслась съ неимовѣрною быстротою. Вода неистово забушевала, кидалась во всѣ стороны, кипѣла и клокотала какъ въ котлѣ; съ воплемъ отражалась отъ берега, ударяла въ бока лодки, пѣнилась, шумѣла, обдавала брызгами, какъ бы готовясь поглотить свою жертву. Чрезвычайныя усилія гребцовъ и кормчаго съ кормиломъ, его возбудительные возгласы, показывали, что опасность была дѣйствительная. Глазъ не могъ слѣдить за быстротою этого водянаго вихря; все пространство пучины было покрыто бѣлою кипящею пѣною, и освѣщаемое луною, лучи которой дробились на милліоны искръ, представляло грозную, но въ то же время великолѣпную картину. Нѣсколько минутъ мы мчались, какъ въ водопадѣ, этою бездною, какъ вдругъ, опять все стало тихо вокругъ: ладья наша поплыла своею обычною скоростью; лоцманъ снова покойно сѣлъ; гребцы по прежнему безпечно и лѣниво стали погружать свои весла въ тихую поверхность; золотая полоса луннаго свѣта опять тихо затрепетала въ сонныхъ струяхъ. Тихое и поистинѣ гармоническое пѣніе бурлаковъ, смѣшанное съ журчаніемъ воды, пріятное колебаніе шлюпки и мы снова погрузились въ сладкій сонъ.

Послѣ полуночи, толчокъ и суматоха снова насъ разбудили и мы, проснувшись, увидѣли, что небеса уже

были закрыты тучами, и луна не свѣтила болѣе. Темнота приняла теперь какой-то сѣроватый цвѣтъ тумана, и смѣшала всѣ предметы въ одну общую массу, и только на нѣсколько саженъ можно было различить и самую воду.

Дощаникъ нашъ сидѣлъ на мели и гребцы, упираясь веслами, употребляли всѣ усилія столкнуть его. Хозяинъ дощаника, лоцманъ, имѣлъ помощника, который не имѣлъ ни его бдительности, ни его знанія Волги. Онъ, при наступившей темнотѣ, потерялъ фарватеръ и посадилъ насъ на мель, когда хозяинъ спалъ. Это положеніе во время ночи, когда ничего не было видно, въ случаѣ бури, могло быть не безопасно, потому что и днемъ надо хорошо знать Волгу, чтобы проводить суда безопасно. Къ счастію, лоцманъ нашъ обладалъ въ высшей степени всѣми качествами превосходнаго лоцмана; онъ тотчасъ взялся за руль, приказалъ гребцамъ выдти изъ шлюпки на мель и толкать ладью въ ту сторону, которую считалъ ближайшею къ фарватеру; быстрымъ взглядомъ онъ окинулъ непроницаемую мглу и, приказавъ грести, повелъ свою послушную ладью сквозь туманъ и мракъ, съ такою увѣренностью и съ такимъ хладнокровіемъ, какъ бы это было среди бѣлаго дня. Продолжавшееся довольно долго плаваніе глубиною, его увѣренность, выговоръ помощнику показывали, что съ такимъ лоцманомъ можно было спать покойно, и видя, какъ смѣнившиеся бурлаки, четверо, укладывались на двухъ аршинахъ и вслѣдъ затѣмъ захрапѣли, мы также скоро погрузились въ фантастическій міръ сновидѣній.

Когда мы проснулись, природа уже готовилась встрѣчать восходъ солнца, этого свѣтлаго величественнаго

гостя, котораго псалмопѣвецъ такъ поэтически уподобляетъ жениху, выходящему изъ брачнаго чертога. Роскошныя одежды свѣта, въ безконечномъ разнообразіи цвѣтовъ и видовъ, облекали фантастическія группы легкихъ облаковъ, рисовавшихся на горизонтѣ. Ароматическій запахъ растеній наполнялъ воздухъ и, восходя къ небесамъ, служилъ какъ бы благовоннымъ фиміамомъ, возносимымъ благодарною землею къ ея Творцу. Пернатыя, уже пробудившіяся отъ сна, воспѣвали свои радостныя привѣтствія тому свѣту, кто единымъ своимъ присутствіемъ разливалъ на все жизнь и радость; стада, выходившія на пастбища, также по своему выражали свое участіе въ радости общей; даже рыбы безгласныя, своими вольными беззаботными движеніями и играніями выражали свою любовь къ этому дивному, благому гостю, образу Творца ихъ и Творца всяческихъ! Душа ли безсмертная человѣка, Его образъ и подобіе, просвѣщенная Его свѣтомъ, не восхвалитъ Его при своемъ пробужденіи, матеріальномъ и духовномъ? О, безъ сомнѣнія, она воспоетъ Ему въ глубинѣ существа своего и чувствами сердца, и умомъ, и устами!

Вотъ на горахъ зажглись маяки, показавшіе приближеніе солнца, затѣмъ въ большомъ селеніи, на лѣвомъ берегу, засвѣтились мгновенно, какъ отъ электрической нити, кресты всѣхъ трехъ церквей; такъ Церковь живаго Бога, этотъ ковчегъ спасенія человѣковъ, какъ предстательница предъ Господомъ о грѣхахъ нашихъ, первая принимаетъ свѣтъ благодати и передаетъ ее чадамъ своимъ. Такъ она же, возвышаясь надъ селеніями человѣческими, принимаетъ на себя удары молніи, гнѣвъ Божій и умилостивляетъ Его крестною жертвою Главы

своего. Наконецъ, показалось и лучезарное чело; масса золота разлилась на всѣ предметы; плодотворными устами коснулось оно жаждущей его любви земли и воспылало въ поднебесьи! Еще нѣсколько времени мы плыли на позлащенной поверхности и потомъ пристали къ берегу не доходя Камышина, обращаясь къ вещественному отъ поэтическаго величественнаго зрѣлища. Тутъ мы пили чай.

Камышинъ одинъ изъ красивыхъ Волжскихъ небольшихъ городовъ. Онъ расположенъ на самомъ берегу Волги и набережная его обстроена очень хорошенькими домами съ мезонинами и балконами. Онъ имѣлъ 6-ть каменныхъ церквей и множество садовъ, придающихъ ему много прелести. Яблоки его и арбузы славятся по всей Россіи. Населеніе, какъ тогда мы слышали, пользовалось вездѣ самою доброю славою. Всѣ жившіе тамъ съ удовольствіемъ вспоминаютъ о его радушномъ гостепріимствѣ, простотѣ и чистотѣ нравовъ, о его веселости и музыкальномъ настроеніи ея обитателей, что особенно выдается въ праздники. Уѣздъ этотъ большею частью заселенъ выходцами изъ Малороссіи.

Погода стояла прекрасная, днемъ уже становилось очень жарко. Вѣтеръ то стихалъ, то снова наполнялъ парусъ и тогда наша ладья, увлекаемая вѣтромъ и теченіемъ, быстро мчала насъ на югъ все дальше и дальше отъ дорогихъ сердцу родныхъ. Впереди была для насъ солдатская неволя, жизнь, которую снова намъ суждено было пройти, чтобъ этимъ путемъ смиренія и терпѣнія имѣть право возвратиться на родину. Мы тогда еще не знали, что Кавказъ встрѣтитъ насъ дружескими объятіями товарищей, чудной величественной природой,

подаритъ намъ доблестныхъ благодарныхъ друзей между закаленными воинами его, введетъ въ среду милыхъ, добрыхъ, очаровательныхъ семействъ и что онъ будетъ для насъ во всю жизнь самымъ пріятнымъ, сладостнымъ воспоминаніемъ. Берега, которые показывались въ отдаленіи, быстро приближались и также быстро убѣгали туда, откуда мы плыли. Въ этотъ же день мы миновали нѣмецкія колоніи, останавливаясь у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Дома ихъ вообще хороши, комнаты опрятны и удобны. Постели съ безконечными перинами и подушками. Стѣны украшены во всѣхъ домахъ разными картинами съ изображеніями католическихъ святыхъ,—эти колоніи большею частью католическаго исповѣданія,— и другими видами изъ прежней ихъ родины; у одной изъ стѣнъ шкафъ съ чайной посудой и прочими приборами. Мужчины носятъ русскую одежду, но женщины и дѣвушки носятъ полосатыя нѣмецкія юбки, съ кофточкой и платкомъ на головѣ. Красотой онѣ не замѣчательны, но очень скромны, и, конечно, нѣкоторыя недурны собой. Тутъ мы запасались сливками для чаю и пшеничнымъ мягкимъ хлѣбомъ.

Въ этотъ же день миновали мы высокій курганъ, составляющій мысъ между Волгою и впадающею въ нее рѣчкою. Онъ трудно доступенъ съ трехъ сторонъ, а въ отдаленное время былъ и вовсе неприступенъ. Тутъ стоялъ станомъ знаменитый атаманъ разбойниковъ Стенька Разинъ. На Волгѣ есть мѣста, напоминающія о разбойническихъ подвигахъ двухъ атамановъ, отъ которыхъ двѣ рѣчки получили свое названіе, рѣчки Парашка и Ульянка, изъ чего можно видѣть, что на Волгѣ это ремесло когда-то было въ большомъ ходу. Мѣстами

на берегу встрѣчается уединенный крестъ надъ могилою какого нибудь умершаго въ пустынѣ бѣднаго бурлака, встрѣчались кресты съ оградой и надписью, показывавшею, что тутъ покоится прахъ какого нибудь судохозяина или прикащика; простой же крестъ, обдѣланный наскоро, указываетъ на бѣднаго бурлака. Бѣдняга пришелъ сюда издалека, чтобъ заработать пропитаніе своей семьѣ, женѣ и дѣтямъ — и вотъ вмѣсто хлѣба и радостнаго мужа, приходитъ вѣсть о его кончинѣ вдали отъ родного кладбища. Здѣсь лежитъ онъ забытый повидимому, но молитва пловцовъ, всегда сердечная, а также и матери церкви, возносится и за него къ престолу Всевышняго и вмѣсто забвенія вселяетъ этого забитаго труженика въ свѣтлую обитель, великолѣпнѣйшую безъ сравненія всѣхъ царскихъ чертоговъ, въ среду неумолкающаго гласа празднующихъ во вѣки!

До Царицына весь нагорный берегъ почти постоянно живописенъ. Всѣ селенія, по немъ расположенныя, сѣятъ пшеницу, занимаются рыбной ловлей, но преимущественно судоходствомъ. Камышинскія яблоки развозятся повсюду, а также и камышинскіе арбузы. Яблоки такъ называемаго чернаго дерева особенно хороши. Всѣ вообще селенія богаты, многолюдны, опрятны, что относится и къ станицамъ Астраханскаго казачьяго полка. Недостатокъ лѣса восполняется сплавомъ лѣса съ Верховья Волги, Камы, Вятки и другихъ. Цѣлое лѣто плывутъ эти безконечные плоты съ лѣсомъ и все это исчезаетъ незамѣтно. Здѣсь русское народонаселеніе расположено по берегу рѣки, а на нѣкоторое разстояніе отъ берега, и далѣе въ глубь страны, тянутся степи подъ названіемъ Калмыкскихъ. Здѣсь ведется порода

калмыкскихъ лошадей, красивыхъ, очень крѣпкихъ. Скотоводство есть ихъ основное хозяйство. Калмыкскіе бараны по своей крупности и курдючному салу въ огромномъ количествѣ скупаются скотопромышленниками, отовсюду наѣзжающими. Рогатый скотъ мелокъ, но, говорятъ, очень молоченъ.

Мы приплыли къ Царицыну въ то же самое время, какъ крестный ходъ съ образами, хоругвями, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, вышелъ на воду; это былъ день Преполовенія. Съ сердечною радостью мы встрѣтили священное шествіе, какъ знаменіе напутственнаго благословленія нашему странствію; отслушали молебенъ, освященіе воды и, предоставляя свою судьбу водительству Преблагаго Промысла Божія, мы съ отраднымъ чувствомъ пустились въ путь. На другой день, послѣ Царицына, миновали маленькій городокъ Черноярскъ, который вѣроятно получилъ свое названіе отъ яровъ темнаго цвѣта, такъ какъ всѣ яры, составляющіе отъ Царицына берега Волги, сыпучіе пески; тутъ уже горы уклоняются на западъ къ Дону, а Волга течетъ между низменнымъ лѣвымъ берегомъ луговой стороны и ярами правой. Яры эти въ большую воду сильно подмываются и обрушаются съ страшнымъ трескомъ и это обрушеніе есть причина обмеленія Волги и ея устьевъ. Въ годъ холеры (1831 г.), городское кладбище было болѣе 50 сажень отъ берега, а когда мы проѣзжали въ 1840 году, уже кости человѣческія торчали изъ берега. Во многихъ при-приволжскихъ селеніяхъ берегъ защищаютъ отъ воды тыномъ изъ лозы, которая, пуская корни и въ плетеніяхъ своихъ перенимая и задерживая ихъ, связываетъ и предохраняетъ отъ напора воды, хотя

конечно не совершенно, но все же предохраняетъ. Около этого мѣста попутные вѣтры насъ оставили, такъ что мы пошли на веслахъ.

Чѣмъ ближе къ устью, тѣмъ чаще встрѣчаются рыбные промыслы. Наконецъ, уже тутъ добывается такое множество рыбы, такъ называемой бѣшанка, что изъ нея добывался тогда одинъ жиръ, а остатки отъ операціи выбрасывались и собирались въ стога или кучи, отъ которыхъ зловоніе распространялось по всей окрестности, и проплывать этой вонючей полосой было очень непріятно. Въ настоящее время, эта бѣшанка, подъ названіемъ тарани, составляетъ предметъ потребленія во всей Россіи и для бѣднаго люда замѣняетъ селедку по своей дешевизнѣ.

Въ тотъ же день послѣ обѣда мы прошли Толоконную гору, экваторъ бурлаковъ. Всѣ новички, въ первый разъ плывущіе въ Астрахань, должны проходить ее пѣше, а какъ это гора сыпучаго песку, на которой нога погружается по колѣно, то нежелающіе мучиться должны платить выкупъ, который идетъ на выпивку экипажу въ ближайшемъ кабакѣ на берегу, къ которому и пристаютъ нарочно для этого. Мы также должны были заплатить выкупъ по настоянію нашихъ веселыхъ бурлаковъ, хотя и не принадлежали къ экипажу.

Къ захожденію солнца мы пристали къ одной станицѣ Астраханскаго казачьяго полка, гдѣ была полковая штабъ-квартира. Большой домъ полковаго командира окруженъ былъ большимъ садомъ съ бесѣдкой и прекраснымъ цвѣтникомъ. Огромные вѣтвистые орѣшники, яблони и другія фруктовыя деревья юга, образуя тѣнистыя аллеи, придаютъ ему большую прелесть, впро-

чемъ это особенно было прелестью для насъ, выѣхавшихъ изъ края, гдѣ нѣтъ никакихъ фруктовыхъ дедевьевъ. Яры здѣсь уже кончаются и берега мѣстами украшаются красивыми группами деревъ и зелеными полянами; но часто встрѣчаются и безплодныя, песчаныя или солонцеватыя пространства.

Хотя солнце закатилось ясно и великолѣпно, и вѣтеръ стихъ совершенно, но красноватый видъ заката и и облаковъ показывалъ, что съ полночи или съ восхожденіемъ солнца будетъ сильный вѣтеръ. Мы не ошиблись: на зарѣ задулъ вѣтеръ, сперва перемѣнный, такъ что временемъ могли ставить парусъ, но потомъ онъ установился, и намъ противный, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе онъ усиливался, но мы все еще подавались впередъ на веслахъ, но наконецъ онъ такъ разсвирѣпѣлъ, и волненіе развело такое сильное, что мы должны были у одной маленькой деревеньки остановиться. Волга представляла видъ еще не забытаго нами бурнаго моря съ бѣлоснѣжными волнами. Ширина ее къ низовью такъ огромна, что дѣйствительно могла напомнить море. Смотря на эту величавую картину, мы увидѣли вдали стаю птицъ, которыя вились надъ однимъ мѣстомъ. Онѣ вились надъ какимъ-то предметомъ, но буря мѣшала имъ воспользоваться. Это былъ трупъ несчастнаго утопленника. Его несло теченіемъ внизъ, но волны, набѣгая противъ теченія, оспаривали свою добычу и хотя медленно, но увлекали его за собою, дикою пляскою торжествуя свою побѣду. На Волгѣ каждый годъ погибаетъ много людей и часто по русской безпечности. Рабочіе, плывующіе въ Астрахань, до того загружаютъ иногда суда, что отъ воды остается одинъ вершокъ. Въ

тихую погоду они счастливо достигаютъ Астрахани, но вдругъ начинается буря, волны заливаютъ судно, бѣдняки спѣшатъ къ берегу и часто, не достигнувъ еще его, погружаются на дно; хорошо плавающіе спасаются, но много погибаетъ. Съ нынѣшними благодѣтельными спасательными лодками, несчастные случаи должны много уменьшиться.

Послѣ полудня вѣтеръ началъ стихать; погода разгулялась и мы плыли, быстро уносимые теченіемъ и парусомъ, безпрестанно минуя острова, изъ коихъ одинъ былъ такъ привлекателенъ, такъ манилъ къ себѣ своею яркою зеленью, своими картинными деревьями и живописнымъ видомъ, что мы пожелали пристать къ нему. Природа была здѣсь во всемъ блескѣ юной весенней красоты своей, благоуханна, очаровательна! Скрытая отъ шумнаго міра въ уединенныхъ водахъ Волги, она тѣмъ не менѣе цвѣла здѣсь и восхищала, какъ чудная раковица, въ уединеніи нечаянно открытая. Мы прогулялись по высокому берегу, любуясь заходящимъ солнцемъ, тихимъ вѣяніемъ майскаго вѣтерка, который также нѣжно прикасался къ зеленымъ молодымъ листьямъ деревъ, какъ хорошенькіе пальчики къ клавишамъ фортепіано. Въ этомъ шелестѣ также своя музыка, выполняемая рукою невидимаго артиста. Воздухъ оглашался пѣніемъ рыбаковъ, челноки которыхъ скользили по всѣмъ направленіямъ широкой Волги. Тутъ были загорожены обширные садки съ рыбою всѣхъ родовъ и величинъ, гдѣ плѣнники рѣзвились безпечно и не подозрѣвая того, что имъ уже не гулять болѣе по широкому раздолью.

Насладившись вдоволь и прелестною картиной, и

тѣми сладостными чувствами, какія всегда производили на насъ красоты природы, мы отъ острова пристали къ казачьей станицѣ, гдѣ въ уютномъ опрятномъ домикѣ одной казачки напились чаю, и отправились далѣе. Отсюда уже намъ открылся гигантскій соборъ Астрахани, о которомъ слышали легенду, а можетъ быть и истинную исторію о строителѣ собора, который будто бы, сведя уже куполъ, вдругъ скрылся неизвѣстно куда, и только по минованіи нѣсколькихъ лѣтъ явился и, увидѣвъ, что храмъ и куполъ выдержали свою громадность, докончилъ зданіе. Видѣніе собора было мгновенное, потомъ онъ опять скрылся. Когда въ вечернее плаваніе ставили парусъ, то бурлаки наши обыкновенно напѣвали свои чудныя пѣсни. Случилось такъ, что у всѣхъ нашихъ гребцовъ были прекрасные и чрезвычайно симпатичные голоса, такъ что слушать ихъ, поистинѣ, было наслажденіемъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ было столько сладкой грусти и прелести, что бывало удерживаешь дыханіе, чтобъ не проронить ни одного звука. Эта чарующая русская пѣснь, какъ мнѣ кажется, есть вѣрное выраженіе души русскаго народа. Вѣдь онъ не зналъ и не знаетъ музыкальнаго искуства, законовъ гармоніи, размѣра, такта. Почему же пѣснь его такъ чаруетъ и вызываетъ столько самыхъ сладкихъ чувствъ? Самая грусть ея такъ пріятна, что желалъ бы даже усвоить ее себѣ и не разлучаться съ нею, какъ съ лучшимъ наслажденіемъ.

По захожденіи солнца стали снова собираться тучи, вѣтеръ засвѣжѣлъ и мы плыли очень быстро; но къ полночи онъ такъ „скрѣпнулъ“, выраженіе моряковъ, что мы должны были по причинѣ темноты пристать къ

одному рыболовному стану и стоять до разсвѣта, старательно прикрѣпившись къ берегу. Съ разсвѣтомъ мы пустились въ нашъ послѣдній путь на веслахъ, и вскорѣ намъ открылась Астрахань, цѣль нашего плаванія. Городъ окруженъ и перерѣзываемъ Волгой и представляется какъ бы на островѣ. Подходя къ нему, вѣтеръ намъ сталъ съ боку, мы поставили парусъ, ладья понеслась, какъ бы раздѣляя общее нетерпѣніе. Миновавъ множество судовъ, только что приставшихъ и другихъ отплывшихъ, мы остановились у пристани. По командѣ: „молись Богу", всѣ сняли шляпы и возблагодарили Господа за счастливо оконченное плаваніе.

Мы остановились въ гостинницѣ, ближайшей къ пристани. Это большое каменное зданіе возлѣ караванъ-сарая. Изъ нашихъ оконъ верхняго этажа видна была старинная крѣпость съ высокою каменною стѣною и соборомъ. Соборъ замѣчателенъ своею своеобразною архитектурою и высотою. Кругомъ всего собора идетъ широкая галлерея. Мы были у обѣдни. Служба совершалась, какъ вездѣ на православной Руси въ соборныхъ храмахъ, благоговѣйно съ прекрасными пѣвчими.

Во время двухдневнаго нашего пребыванія, мы не успѣли ознакомиться съ городомъ. Военнымъ губернаторомъ былъ генералъ Тимирязевъ, котораго тогда не было въ городѣ. Жена его, родная сестра нашего товарища Ѳедора Ѳедоровича Вадковскаго, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, пригласила насъ къ себѣ и такъ же какъ Бибикова въ Саратовѣ, приняла насъ радушно и ласково, разспрашивая о братѣ и всѣхъ подробностяхъ нашей жизни въ заключеніи. Отъ нея мы отправились бродить по городу. Насъ очень занимали пестрота и

густота населенія, вѣроятно пріѣзжаго, потому что всѣ улицы были полны толпившимся народомъ. Тутъ встрѣчались типы и одѣяніе всѣхъ возможныхъ восточныхъ племенъ, даже до индійцевъ—поклонниковъ огня.

Безъ сомнѣнія все это здѣсь витало по торговымъ дѣламъ. Это была еще пора большаго процвѣтанія города, который впослѣдствіи, по разнымъ, какъ говорятъ, стѣсненіямъ и измѣненіямъ административнымъ, нѣсколько упалъ. Съ нашими нынѣшними азіатскими владѣніями, онъ безъ сомнѣнія долженъ будетъ сдѣлаться очень важнымъ складочнымъ мѣстомъ. Оживленіе и разнообразіе города произвело на насъ очень пріятное впечатлѣніе и мы бы съ удовольствіемъ пробыли въ немъ дольше, но пора была приближаться къ цѣли нашего путешествія. Въ Тифлисѣ отъ корпуснаго штаба зависѣло наше опредѣленіе въ службу, назначеніе полка и мѣсто служенія.

На другой день послѣ обѣда наши вещи перенесли въ лодку, которая и перевезла насъ на другой берегъ, гдѣ ожидали двѣ почтовыя тройки. Послѣ покойнаго и помѣстительнаго тарантаса и покойнѣйшаго путешествія водой, намъ было не совсѣмъ пріятно возсѣсть на телѣгу съ нашими вещами, которыхъ у насъ было довольно много и потому сидѣть намъ было очень неудобно.

XVIII.

Кавказъ.

Дорога отъ Астрахани къ Кизляру идетъ степями. Множество озеръ, поросшихъ камышами, плодили цѣлыя стада дикихъ гусей, безпрерывно пролетавшихъ надъ головами и оглашавшихъ воздухъ своими криками. Селеній уже тутъ нѣтъ, кромѣ рѣдкихъ хуторковъ и калмыцкихъ кибитокъ.

На первую станцію мы пріѣхали еще засвѣтло, гдѣ и напились чаю. Тутъ мы въ первый разъ услышали о тарантулахъ и даже видѣли одного пробѣжавшаго по комнатѣ. Станціонный смотритель бросился его отыскивать, но онъ уже исчезъ. Онъ указалъ намъ на масло, настоенное тарантуломъ, какъ на самое дѣйствительное средство въ случаѣ укушенія. Слѣдующую станцію мы уже проѣхали ночью. Это была первая южная ночь въ степи. Въ тишинѣ этой ночи только слышенъ былъ конскій топотъ нашихъ двухъ троекъ, переливы колокольчиковъ и жужжаніе насѣкомыхъ, гнѣздившихся въ несмѣтномъ множествѣ въ роскошной травѣ. На слѣдующей станціи намъ посовѣтовали уже запастись водой для чая, такъ какъ далѣе будутъ двѣ станціи безводныхъ, или съ такой водой, которая негодится для чая. Тутъ уже начались песчаныя озера, гдѣ можно ѣхать только шагомъ. Нѣкоторыя простирались на 7-мь и даже на 10-ть верстъ и эти переѣзды были чрезвычайно скучны и утомительны, особенно въ солнечный день. Однажды ночью намъ даже случилось потерять дорогу, какъ въ нашихъ снѣжныхъ равнинахъ, такъ

что ямщикъ остановился и пошелъ отыскивать дорогу. Въ сильный вѣтеръ, особенно ночью, это даже и не безопасно, не смотря на то, что это не безграничныя пространства какихъ нибудь знаменитыхъ песчаныхъ степей, какъ сибирской Гоби или Африканской Сахары, потому что никакая лошадиная сила не выдержитъ тащить повозку по этимъ цѣльнымъ сыпучимъ пескамъ, доходящимъ иногда до оси колеса.

За три станціи до Кизляра, мы уже увидѣли донскихъ казаковъ, стоящихъ здѣсь на посту на случай появленія хищниковъ, которые скрываются въ камышахъ Терека, высматривая, гдѣ можно чѣмъ-нибудь поживиться. Отсюда уже начинались слухи о дѣлахъ на линіи, о набѣгахъ хищническихъ партій, о нѣкоторыхъ похищеніяхъ женщинъ около Кизляра и въ его садахъ.

Все это насъ очень занимало, какъ новичковъ, ѣдущихъ къ тѣмъ самымъ хищникамъ, о которыхъ разсказывали такіе ужасы. Особенно воинственный видъ принимали тутъ станціонные смотрители, которые были истинными героями въ воображаемыхъ опасностяхъ. Изъ казаковъ на одной станціи случился бывшій подъ Ахульго въ прошломъ 1839-мъ году. Можно себѣ представить, съ какимъ любопытствомъ мы разспрашивали и съ какимъ вниманіемъ слушали разсказы объ этомъ штурмѣ, гдѣ было такъ жарко и гдѣ легло такъ много нашихъ кавказскихъ героевъ. Послѣ мирныхъ земледѣльческихъ занятій, эта повѣсть о битвахъ, гдѣ свирѣпый врагъ обдираетъ, уродуетъ свои несчастныя жертвы и ругается надъ ихъ трупами, гдѣ падаютъ солдаты отъ незримой руки незримаго врага, произвела на насъ различныя впечатлѣнія. Иногда онѣ были во-

инственны и воспламеняли насъ; но когда мы представляли себѣ нашъ высокій санъ рядовыхъ, между которыми по ихъ подвигамъ, ихъ силѣ, мы были пигмеи, уже разслабленные и казематомъ, многолѣтнимъ заключеніемъ и оковами, украшавшими насъ нѣсколько лѣтъ, то, повторяю, когда мы все это представляли себѣ, то какое-то тайное чувство, не совсѣмъ воинственное, закрадывалось въ сердце. Мы еще не знали, что насъ ожидаетъ, какіе подвиги потребуются отъ насъ. Слышали мы, что солдаты тамъ, какъ безплотные духи, ходятъ безъ устали по 70 и 80-ти верстъ, а за себя мы могли поручиться за 20 какихъ нибудь, или много, за 30 верстъ, и то не каждый день и не съ солдатскимъ ружьемъ, патронами и сухарями.

Миновавъ Кизляръ, ибо станція въ 15-ти верстахъ отъ него, мы стали приближаться къ Тереку. Пески еще продолжались, но уже измѣняли свой сыпучій безплодный характеръ и произращали кой-какую траву, полынь, репье и др. Кой-гдѣ показывались оазисы, съ группами деревъ, калмыкскими кибитками и казачьими хуторами. По пескамъ тутъ уже появляются бочки съ арбузами, дынями, огурцами и неизбѣжными здѣсь гигантскими тыквами.

Разстояніе отъ Астрахани до Кизляра 380 верстъ, а отъ Кизляра до Наура, гдѣ мы выѣзжали на линію, 80 верстъ. По мѣрѣ приближенія къ Тереку, растительность становилась болѣе цвѣтущею. Тутъ уже встрѣчали мы многочисленныя стада крупнаго и мелкаго скота, а также табуны лошадей. Погода въ это время стояла пасмурная и напрасно взоры наши искали увидѣть Кавказскій хребетъ, но однажды какъ-то тучи раз-

бѣжались и намъ показались его снѣжныя вершины; но это было мимолетное видѣніе, тотчасъ же исчезнувшее. Затѣмъ открылась линія въ видѣ зеленой полосы, которую составляютъ множество станичныхъ садовъ, раскинутыхъ по Тереку, и высокій пятиглавый храмъ замѣчательной старинной архитектуры. Это была станица Науръ. Неподалеку отъ воротъ, по длинной улицѣ, ведущей на площадь, намъ отвели чистенькую уютную комнату казачьяго дома, какъ видно зажиточнаго, да впрочемъ и всѣ казаки не бѣдны и немного встрѣчаешь тамъ бѣдныхъ по какимъ нибудь несчастнымъ обстоятельствамъ. Молодой хозяинъ былъ въ экспедиціи, оставались одна молодая хозяйка и отецъ его, старый казакъ. Она приняла насъ очень радушно, много говорила съ нами, проворно подала самоваръ, такъ какъ наступалъ уже вечеръ, и не отказалась съ нами напиться чаю. Мы съ чаемъ всегда курили трубки, а такъ какъ комната была небольшая, то дыму было довольно. Въ это время подошла къ окну сосѣдка за огнемъ, и какъ только отворили окно, смѣючись сказала: „да ты, кума, видно печь затопила". Послѣ чаю мы прошлись по станицѣ. По разнымъ мѣстамъ на площадяхъ раздавались хороводныя пѣсни молодыхъ казачекъ и подростковъ, а на скамейкахъ у воротъ, важно и тихо бесѣдуя между собой, сидѣли старики. На большой главной площади стояла церковь, домъ полковаго командира, канцелярія, полковая школа, а далѣе площадь была обстроена большими домами, съ палисадниками, осѣненными огромными бѣлыми акаціями, разливавшими благоуханіе по всей площади во время ихъ цвѣтенія. Дома эти принадлежали прежнимъ начальствовавшимъ

лицамъ полка, гдѣ теперь жили ихъ семейства, съ которыми впослѣдствіи мы были связаны самыми симпатичными узами дружбы, и тутъ, могу сказать, въ числѣ многихъ другихъ мѣстностей Кавказа сосредоточиваются пріятнѣйшія воспоминанія нашей жизни на Кавказѣ, но объ нихъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Ночью пошелъ небольшой дождь, а по утру усилился до ливня. Медлить было невозможно и мы отправились дальше; доѣхавъ до станицы Гамогаевской, остановились ночевать; хотя было еще рано, но насъ такъ промочило, что нужно было обсушиться; къ тому же ночью по линіи въ это время не ѣздятъ, кромѣ важныхъ лицъ, нарочныхъ и почты, которымъ дается конвой казаковъ. Утромъ мы пріѣхали въ г. Моздокъ. Всѣ станицы расположены по Тереку. Мѣстами по рѣкѣ высовываются песчаныя отмели, а у береговъ и дальше берега виднѣются плавучія мельницы, которыя здѣсь возможны по быстротѣ теченія. На другомъ берегу расположены аулы черкесовъ, прежде долго жившихъ здѣсь мирными сосѣдями и кунаками казаковъ и назывались мирными, а теперь уже опустѣлые, такъ какъ Шамиль въ 1839 году увелъ все ихъ народонаселеніе въ горы. Далѣе обозначаются черныя лѣсистыя горы, оплотъ хищныхъ чеченцевъ, а за ними выказываютъ свои бѣлыя вершины снѣговыя горы Кавказскаго хребта, одѣтыя облаками какъ бы покрываломъ, скрывающимъ первозданную бѣлизну ихъ отъ палящихъ лучей южнаго солнца.

Днемъ по большой дорогѣ безпрерывно тянутся обозы или съ товарами, или съ провіантомъ. Здѣсь на Кавказѣ перевозочная повозка называется арбой: это родъ ящика, утвержденнаго на оси двухъ колесъ огромнаго

размѣра, въ два съ половиною и слишкомъ аршина въ діаметрѣ, и потому они удивительно легки на ходу. Въ такой арбѣ пара воловъ или буйволовъ легко везетъ 80 и до 100 пудовъ. Приближеніе этихъ обозовъ еще далеко слышно по чудовищной музыкѣ, поражающей слухъ. Рѣдко и плохо смазанныя оси, при тихомъ движеніи, производятъ такой скрипъ, какого нигда, конечно, и никогда не случалось слышать пріѣзжему. Эту музыку, какъ видно, очень любятъ волы и всѣ кавказскія племена.

По всей линіи разставлены въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, примѣрно верстахъ въ двухъ, казачьи посты съ вышкой, устроенной на четырехъ высокихъ столбахъ съ площадкой, гдѣ сидитъ постоянно часовой. На каждомъ такомъ пикетѣ находилось по три конныхъ казака. Часовому открывался Терекъ и степь по обѣ стороны рѣки. Въ двадцати верстахъ расположены большіе посты съ избой, дворомъ, стогомъ сѣна, куда на ночь съѣзжаются всѣ казаки съ единичныхъ постовъ.

По большой дорогѣ днемъ часто встрѣчались экипажи частныхъ лицъ одни, а съ начальными лицами и ихъ семействами—съ казачьимъ конвоемъ. Нѣтъ ничего живописнѣе казака или горца (такъ какъ отличать одного отъ другаго незнающему трудно) на своемъ лихомъ конѣ. Костюмъ его бѣлая или желтая черкеска изъ верблюжьяго сукна, родъ широкаго свободнаго полукафтанья, безъ воротника, открытый на груди; изъ подъ черкески виднѣется щегольской бешметъ изъ канауса, или какой нибудь шелковой матеріи, по краямъ обшитый галунами съ низкимъ стоячимъ воротничкомъ. На

груди по обѣ стороны черкесскіе сафьяные патроны, также обшитые галунами; кожаный, довольно широкій поясъ всегда съ серебряной насѣчкой стягиваетъ его станъ, тонкій и эластичный. Нога обута въ щегольской сафьянный чевякъ, также обшитый галуномъ. Поверхъ чевякъ на панталоны надѣты суконныя ноговицы, идущія снизу нѣсколько выше колѣнъ, расшитыя узорчато галунами. На головѣ папаха, круглая, обшитая мѣхомъ шапка. За спиной винтовка въ чехлѣ изъ войлока. За поясомъ огромный кинжалъ, большею частью съ серебряной насѣчкой. Въ кобурѣ съ правой стороны большой азіатскій пистолетъ, а за поясомъ другой. Тонкая нагайка надѣта на кисть правой руки. Нагайка на концѣ своемъ имѣетъ плоскій ремень, показывающій, какъ казаки и черкесы берегутъ и жалѣютъ своего коня. Мчится онъ обыкновенно пригнувшись къ шеѣ лошади, на которой сидитъ такъ же свободно и покойно, какъ бы сидѣлъ на мягкомъ диванѣ. Все это, конечно, извѣстныя вещи, но по первому ихъ впечатлѣнію, на насъ произведенному, какъ и многаго другаго, я не могъ изгладить изъ моихъ воспоминаній, да вѣроятно и не каждому читателю знакомо какъ это, такъ и многое другое въ моихъ воспоминаніяхъ.

Изъ Галючая до Моздока станица Стадеревская, живописно расположенная на высокомъ берегу Терека. Не доѣзжая, тянется роща съ огромными старыми деревьями, что уже кромѣ садовъ въ станицахъ рѣдкость. Я думаю, что отъ этой рощи станица получила названіе Стадеревской. На Кавказской линіи и вообще на Кавказѣ почти каждый шагъ ознаменованъ какимъ нибудь кровавымъ событіемъ, а потому по праву принадлежитъ намъ,

потому что купленъ, поистинѣ, цѣною дорогой крови. Не говоря о набѣгахъ, здѣсь безпрестанно разскажутъ вамъ о какомъ нибудь частномъ кровавомъ происшествіи, все это конечно въ 1840-хъ годахъ. Незадолго до нашего пріѣзда, около 8 часовъ вечера, изъ Стадеревъ къ Галючаю ѣхала тройка; конечно, это было рисковано, такъ какъ осенью въ это время уже темно. Въ повозкѣ сидѣло двое: одинъ — повѣренный по виннымъ откупамъ, другой—армянинъ. Ничего не опасаясь и разговаривая между собою, они вдругъ видятъ блескъ, и вслѣдъ за нимъ выстрѣлъ. Лошади шарахнулись и замялись; армянинъ, сидѣвшій по лѣвую сторону, успѣлъ выпасть изъ повозки и ползкомъ добрался до травы и спрятался. Повѣренный былъ изрубленъ и ограбленъ, ямщикъ раненъ, но на выстрѣлъ прискакали казаки, хищники скрылись въ темнотѣ ночи, а ямщикъ и армянинъ были спасены.

Другой недавній случай: между Стадеревами и Моздокомъ лѣсомъ ѣхала почта. Солнце еще било въ дерева, какъ тамъ говорятъ, значитъ свѣтло. Вдругъ спереди выстрѣлъ, ямщикъ быстро поворачиваетъ лошадей въ гору, гдѣ настоящая почтовая дорога, а низомъ и лѣсомъ ѣздятъ для сокращенія пути. Хищники были верхами и погнались за почтой, но не могли перегнать; старались схватить почтальона, который забился подъ облучокъ, но не успѣли. У горы они ихъ остановили. Когда лошади вынесли повозку на гору въ безопасное мѣсто и они остановились, то въ ту же минуту коренная пала. Пуля попала ей въ грудь, но хомутомъ зажало рану, и пока она скакала, не ощущала ее, а какъ только остановилась, кровь хлынула изъ раны и она тутъ

же издохла. Съ такими разсказами ямщика мы пріѣхали въ Моздокъ часовъ въ 12-ть и, заказавши хозяйкѣ обѣдъ, пошли бродить по городу.

Моздокъ городъ довольно значительный по своей торговлѣ и довольно многолюдный. Онъ имѣетъ 6 церквей русскихъ и армянскихъ; много большихъ деревянныхъ и каменныхъ домовъ всегда съ садомъ изъ фруктовыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Большинство жителей занимается шелководствомъ. Улицы правильныя и широкія, а лавокъ съ товарами такое множество, что рѣдко найдешь столько въ любомъ губернскомъ городѣ. Населеніе состоитъ изъ русскихъ, армянъ и осетинъ, занимающихъ весь форштадтъ и всѣ ближайшія къ форштадту улицы. Къ городу же примыкаетъ и станица горскаго казачьяго полка. По своему положенію на Терекѣ, слѣдовательно въ сосѣдствѣ Малой Кабарды, которая въ годъ нашего пріѣзда вся почти возмутилась, городъ, извѣстный горцамъ по своему богатству, неоднократно подвергался опасностямъ отъ нападенія многочисленныхъ партій. Такъ въ тотъ самый годъ, когда мы были въ Моздокѣ, 26 іюня 1840 года, на разсвѣтѣ былъ густой туманъ, что въ тѣхъ мѣстахъ часто бываетъ, а когда онъ поднялся, жители съ ужасомъ увидѣли на томъ берегу огромную конную партію черкесовъ, которые, не находя брода и не осмѣливаясь пуститься вплавь подъ нашими выстрѣлами, колебались и не знали на что рѣшиться, хотя частію уже были разграблены ими мирные аулы князя Бековича. Къ несчастію, они увидѣли паромъ князя, посредствомъ котораго поддерживалось сообщеніе съ другимъ берегомъ и съ городомъ и тотчасъ же завладѣли имъ; одни стали переправляться на паромѣ, другіе подъ

его прикрытіемъ пустились вплавь. Въ городѣ, кромѣ гарнизонной роты, другихъ войскъ не было, но, по счастію, въ это время проходила куда-то одна рота, которая съ городской тотчасъ же заняла ворота и валъ, защищаемый колючимъ кустарникомъ, какъ это и во всѣхъ станицахъ служитъ превосходной защитой. Осетины, храброе племя, взялись за оружіе и разставились по валу, русскіе всѣхъ сословій также вооружились и приготовились; а армяне, по своему обыкновенію, начали запирать ставни и сносить свое имущество въ подвалы и погреба, куда спустили и свои семейства и попрятались сами. Моздокскій первой гильдіи купецъ, человѣкъ очень богатый, Улухановъ, имѣвшій большое семейство, понадѣялся увезти свое семейство на свой хуторъ, верстахъ въ двадцати отъ города, посадилъ жену и дочерей-дѣвицъ въ коляску и отправилъ ихъ изъ города. Къ несчастію, въ это самое время передовые черкесы уже успѣли переправиться черезъ рѣку въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, и такъ какъ изъ города ихъ приняли мѣткими выстрѣлами, то одни отступили и остановились, другіе же, видя скачущую коляску, бросились за ней, догнали ее и заворотили назадъ лошадей, посадили чеченца кучеромъ и, конвоируя свою добычу, направились прямо на паромъ и перевезли ихъ на другой берегъ. Хищническая партія не могла сдѣлать ничего болѣе какъ раззорила ближайшій хуторъ, захватила нѣсколько плѣнныхъ осетинъ, скотъ и, слыша конскій топотъ скачущихъ изъ Павлодельска, Стадеревъ и Галючая казаковъ, бросилась въ безпорядкѣ черезъ Терекъ съ значительной потерей. Казаки горскаго полка, которыхъ дома было очень немного, встрѣтили хищниковъ

еще на переправѣ, засѣвши за толстое дерево, лежавшее на берегу, а потомъ бросились въ свою станицу, отбили нападавшихъ чеченцевъ и преслѣдовали ихъ съ ожесточеніемъ. Много тутъ было частныхъ подвиговъ неустрашимости и нѣсколько прекрасныхъ жертвъ. Такъ, при этомъ нападеніи погибъ одинъ нашъ кабардинскій князь, полковникъ нашей службы, скакавшій со своего хутора на тревогу. Встрѣченный толпой чеченцевъ, онъ долго сражался одинъ, но, окруженный со всѣхъ сторонъ, палъ героемъ на трупы враговъ; жаль, что позабылъ его фамилію. Семейство моздокскаго гражданина было потомъ выкуплено, что, конечно, стоило большихъ суммъ; но краса этого семейства, младшая дочь, стала любимою женою Шамиля до конца его жизни, раздѣляя съ нимъ и его плѣнъ въ Калугѣ. Всѣ, читавшіе плѣненіе княгини Орбельяни, знакомы съ нею. Потомъ она, ставъ матерью, уже сама не захотѣла вернуться, хотя ее и выкупали.

Это происшествіе послужило къ тому, что городъ лучше укрѣпили и обставили пушками, такъ что онъ смѣло можетъ теперь отбить всѣ покушенія непріятеля, которыя повторялись неоднократно и въ слѣдующихъ годахъ.

Обойдя городъ, мы вышли на береговую набережную Терека, гдѣ намъ представилось очень интересное зрѣлище. Множество мальчиковъ, женщинъ и дѣвушекъ всякаго возраста ловили лѣсъ, проносимый быстрою рѣкою. Терекъ и при малой водѣ имѣетъ очень быстрое теченіе, а теперь, въ большую воду, онъ свирѣпѣлъ ужасно. Несмотря на опасное положеніе на крутомъ берегу, который могъ безпрестанно обрушиться, подмы-

ваемый быстриной, все это стояло на самой оконечности берега и закидывало кручья за каждымъ деревцомъ, вѣткой или сучкомъ, сопровождая эти операціи оглушительными криками. А уже если несло карчу или какую нибудь массивную штуку, то они забывали обо всемъ и бросались съ такимъ неистовствомъ, что страшно было смотрѣть. Эта операція часто имѣла несчастныя послѣдствія, такъ какъ тутъ Терекъ очень глубокъ и даже были запрещенія полиціей, но въ Моздокѣ недостатокъ въ топливѣ такъ великъ, и какъ съ этими операціями уже сроднилось населеніе, то никакое запрещеніе не имѣетъ дѣйствія. Особенную ревность и живость тутъ выказывала одна осетинка лѣтъ 17-ти. Это была одна изъ тѣхъ южныхъ красавицъ, передъ которыми остановишься невольно, гдѣ бы ее ни встрѣтилъ. Осетинки вообще очень красивы, но эта передъ ними была идеаломъ. Она была въ своемъ національномъ костюмѣ довольно грубой матеріи, что показывало ея бѣдное положеніе. Жилищемъ ея была сакля на берегу Терека, куда она вошла съ другой женщиной, была ли то мать ея или другая какая нибудь родственница, мы не имѣли желанія и поводовъ узнавать. Лицо ея выражало восхищеніе, когда ей удавалось перехватить и положить возлѣ себя какой нибудь сучекъ; густые, какъ смоль, черные волосы ея, раскинувшіеся отъ ея усиленныхъ и въ то же время самыхъ граціозныхъ движеній, роскошными прядями падали по ея плечамъ необыкновенной бѣлизны. Она была высока, стройна и вообще прелестна.

Для сѣвернаго жителя всякій южный иноплеменный городъ представляетъ особенный интересъ: другія физіономіи, другая одежда, другіе нравы и обычаи; но

на Кавказѣ то пріятно, что, не смотря на различіе племенъ и нарѣчій, все же себя чувствуешь въ Россіи, потому что тутъ-же слышишь русскій говоръ, видишь русскія лица и одежды и знаешь, что и здѣсь ты у себя дома. Армяне, мущины, всѣ говорятъ по-русски, но женщины въ то время почти не говорили по-русски. Въ настоящее время, когда я переписываю свои воспоминанія, въ эпоху такого движенія и повсемѣстныхъ школъ мужскихъ и женскихъ, безъ сомнѣнія и кавказскій прекрасный полъ уже усвоилъ русскую рѣчь. Когда мы съ ними заговаривали, то хотя онѣ и понимали насъ, но всегда отвѣчали съ улыбкой, очень мило, искаженнымъ русскимъ словомъ, но въ то же время давали понять, что говорить по-русски не могутъ. Вообще армяне очень красивое племя. Мущины по большей части имѣютъ правильныя черты, большіе черные глаза, черные волосы и прекрасные бѣлые зубы. Женщины были бы прелестны по тонкимъ чертамъ лица, матовой бѣлизнѣ и нѣжности кожи лица и по чуднымъ глазамъ, чуднымъ чернымъ и роскошнымъ волосамъ, если бы не выдающійся по величинѣ носъ отъ природы и необыкновенная бѣлизна отъ бѣлилъ и румянъ, которыя, къ сожалѣнію, у нихъ въ большомъ употребленіи. Онѣ вообще очень бѣлы и еслибъ не глупый обычай румяниться и бѣлиться, то красота ихъ очень бы много выиграла. Широкая одежда съ длиннымъ шлейфомъ, перехваченная до таліи поясомъ и застегнутая на груди дорогими застежками у богатыхъ превосходно очерчиваютъ ихъ тонкій и стройный станъ, а длинное покрывало, отброшенное назадъ, придаетъ много прелести ихъ костюму и ихъ красотѣ. Мужской полъ одѣвается или

по-европейски, или по-черкесски, иные же носятъ армяно-персидскій съ разрѣзанными рукавами кафтанъ и высокую изъ мерлушекъ шапку. Внутри домовъ они живутъ по восточному. Есть комнаты, гдѣ обыкновенно и принимаются всѣ посѣтители, въ каковую помѣстили и насъ, съ диванами, зеркалами, столами и стульями; но внутреннія семейныя отдѣленія всегда почти съ нарами, покрытыми коврами, или широкими низкими диванами, на которыхъ постоянно сидитъ, поджавши ноги, прекрасный полъ за работой и всегда почти съ пѣніемъ или говоромъ. Подумаешь, о чемъ, кажется, могутъ говорить онѣ съ однѣми и тѣми же членами семейства, и однакожъ говоръ у нихъ не прекращается и постоянно слышатся женскія иногда очень нѣжныя и гармоничныя голоса; но вообще пѣсни ихъ однообразны, монотонны и хотя случаются иногда нѣкоторыя варіаціи, но весьма рѣдко. Немногія изъ прелестныхъ пѣвицъ позволяютъ себѣ разнообразить ихъ своими фантазіями.

Восточные жители вообще гостепріимны и моздокскія принимаютъ пріѣзжихъ очень радушно, особенно военныхъ. Хорошенькая хозяйка приготовила намъ кушанье изъ нашей провизіи и по нашему заказу очень хорошо. Обѣдъ подали на хорошемъ обыкновенномъ сервизѣ и съ непремѣннымъ на востокѣ судкомъ съ пряностями. Къ намъ пришли возвратившіеся изъ школы сыновья хозяевъ и очень развязно поздоровались съ нами. Армянскія дѣти прелестны; тѣ, которыхъ мы видѣли, были красавчики, съ большими черными глазами, блестящими черными волосами, милымъ выраженіемъ умнаго лица: они были такъ милы, что мы восхищались ими. Съ дѣтскаго возраста уже проявляется тотъ коммерческій

характеръ народа, котораго торговля есть жизненная стихія. Общественная школа въ Моздокѣ, какъ мы могли замѣтить, въ весьма хорошемъ положеніи была въ то время. Всѣ армяне въ школахъ обучаютъ своихъ дѣтей, которыя выказываютъ большія способности. Мы изъ любопытства задавали имъ нѣсколько вопросовъ изъ ариѳметики, географіи и русской грамматики и убѣдились, что учатъ ихъ или учили тогда съ толкомъ, а также давалось имъ, какъ говорили намъ, хорошее нравственное направленіе.

Изъ Моздока дорога идетъ на Павлодольскую станицу и оттуда на Екатериноградъ, штабъ-квартиру Горекачъ казачьяго полка. Здѣсь мы и остановились на квартирѣ одного австрійскаго выходца, какими-то судьбами поступившаго вольноопредѣляющимся въ линейные казаки, тогда занимавшаго должность станичнаго писаря. Жена его полька, молодая, хорошенькая брюнетка, очень развязная и пріятная, кромѣ того, что накормила насъ очень вкуснымъ обѣдомъ, очень пріятно занимала насъ своими разговорами. Всѣ проѣзжіе останавливаются у нихъ, и потому на Кавказѣ всѣ помнятъ хорошенькую Екатериноградскую писарьшу.

Въ годъ 1840 нашего пріѣзда отъ Екатеринограда до Владикавказа еще не было правильнаго почтоваго сообщенія. Если и были лошади, то въ самомъ ограниченномъ числѣ, такъ что мы, ѣхавшіе по Высочайшему повелѣнію и по казенной подорожной, должны были ѣхать на вольныхъ. До этого времени всѣ проѣзжающіе оттуда отправлялись съ такъ называемой оказіей, т. е. съ колонной изъ двухъ ротъ пѣхоты и одного, а иногда и двухъ орудій, но съ устройствомъ постовъ и воен-

ныхъ поселеній по всей дорогѣ, тогда уже ѣздили просто, но все же необходимо было оружіе, ибо и тогда еще случались частные случаи нападенія.

По дорогѣ до Владикавказа, мы останавливались въ казачьихъ домахъ, гдѣ намъ отводили квартиры. Первая станица Пришибная, далѣе Урюкская и за нею Николаевская. На пути къ Урюку, на другомъ берегу Терека, виднѣлись развалины башни, какъ намъ сказали, древняго города Джулета. Николаевская станица была прежде военнымъ поселеніемъ и въ томъ году, когда мы проѣзжали, поселенцы были обращены въ казаковъ и причислены къ Владикавказскому казачьему полку. Кажется, года за два до 1840 года они были поселены на этомъ мѣстѣ. Мѣстоположеніе селенія безподобное, на высокой горѣ, оно окружено роскошной растительностью, съ тремя прелестными кристальными горными рѣчками. И однакожъ, не смотря на это, климатъ для переселенцевъ оказался столь губительнымъ, что болѣе половины ихъ погибло, половина же, оставшаяся въ живыхъ, была похожа на мертвецовъ, такъ они были блѣдны и худы. На слѣдующій годъ, хотя смертность и продолжалась, но потомъ уменьшилась и остатокъ уже примирился съ несчастною мѣстностью.

По дорогѣ къ Никольской станицѣ встрѣчается такое множество магометанскихъ кладбищъ съ каменными памятниками и курганами, что невольно наводитъ на мысль о значительномъ населеніи, здѣсь обитавшемъ. Одинъ господинъ, какъ намъ разсказывали, изъ любопытства началъ раскопку одного изъ нихъ, надѣясь найти что нибудь интересное, но всѣ жители удержали его, сказавъ, что это кладбище погибшихъ отъ чумы,

здѣсь не такъ давно свирѣпствовавшей, которая только и помогла намъ покорить Кабарду Большую и Малую, уже опустошенныхъ моромъ, и еслибъ раскопать эти могилы, то чума могла бы снова распространиться. На этой же дорогѣ встрѣчается Минаретскій постъ, гдѣ прежде былъ военный госпиталь. Названіе свое онъ получилъ отъ высокаго минарета прелестной арабской архитектуры. Это высокая круглая башня, съ спиральною лѣстницею, внутри которой муэзины восходили на галлерею и призывали на молитву правовѣрныхъ. Отъ галлереи башня еще поднималась на большую высоту, но, къ сожалѣнію, эта часть была разрушена русскими ядрами по приказанію какого-то вандала въ маіорскомъ чинѣ. По разсказамъ туземцевъ, этотъ минаретъ и другія развалины были остатками города Татартука. Безчисленное множество подписей по стѣнамъ минарета показываютъ, что всѣ проѣзжавшіе здѣсь непремѣнно посѣщали эту башню. Она точно стоитъ здѣсь какъ бы стражемъ, охраняющимъ прелестныя горныя долины. Отсюда горный кряжъ, называемый Дигорскимъ мысомъ, почти упирается въ Терекъ и почти заслоняетъ дорогу, которая огибаетъ его по самому берегу Терека, довольно широкаго тутъ и тихаго. Проѣзжая тутъ подъ этой горой, почти отвѣсно возвышающейся, вправо, въ этотъ узкій проходъ дорога постепенно идетъ въ гору почти до самаго Николаевскаго поселенія. Затѣмъ горы раздвигаются, удаляясь отъ Терека и составляя отроги, которые служатъ ступенью великаго хребта, гдѣ владычествуетъ Казбекъ, по-грузински Мзинвари, и другіе соединяются съ Кабардинскими возвышенностями,

составляющими первую ступень отъ востока къ западу, гдѣ уже владычествуетъ Эльбрусъ за Кубанью.

Отъ Минарета начинается чудная растительность этого благословеннаго края. На роскошныхъ пастбищахъ пасутся многочисленныя стада рогатаго скота и табуны лошадей. Окрестныя горы одѣты богатымъ строевымъ лѣсомъ, и потому называются Черными; по берегу Терека и другимъ небольшимъ свѣтлымъ рѣчкамъ и ручьямъ живописно раскинуты аулы осетинъ, карабулаковъ, а по дорогѣ безпрерывно тянутся обозы арбъ, запряженныхъ волами и буйволами, которыхъ тутъ множество. Это большая дорога въ Тифлисъ и изъ Тифлиса, но тогда еще обозы доходили только до Владикавказа, а далѣе горнымъ ущельемъ слѣдовали на вьюкахъ, смотря по времени года. Впрочемъ дорога уже была разработана, хотя мѣстами еще не была додѣлана и работа продолжалась.

До Николаевскаго поселенія пасмурная погода постоянно скрывала отъ насъ снѣговой хребетъ, который появлялся только изрѣдка между облаками. Неопытный глазъ съ трудомъ различаетъ отъ облаковъ эти воздушныя вершины, и только когда мы подъѣзжали къ селенію, хребетъ открылся передъ нами во всемъ своемъ величіи. Въ первый еще разъ мы его увидѣли ясно, такъ какъ облака или тучи разсѣялись. Какая-то мечтательность овладѣваетъ воображеніемъ, когда смотришь на этихъ гигантовъ, подпирающихъ небеса. Кажется, что будто съ этихъ вершинъ, озаренныхъ въ эту минуту заходящимъ солнцемъ и облитыхъ золотомъ, одинъ шагъ въ ту свѣтлую страну, куда стремится душа человѣка. Кажется, что эта видимая близость къ небесамъ и имъ

придаетъ что-то неземное, но когда взойдетъ человѣкъ на эти заоблачныя вершины, тогда только онъ увидитъ, что высота небесъ также неизмѣримо-безпредѣльна какъ для нихъ, такъ и для насъ, странствующихъ въ этой юдоли. Такъ-то, поистинѣ, ничтожно все земное величіе и вся гордость мудрецовъ міра, которые, роясь въ грязи матеріи и открывая ея законы, не хотятъ видѣть, что самые законы этой матеріи болѣе всего указываютъ на недосягаемую высоту, вѣчно стоящую надъ вершинами человѣческаго знанія.

По дорогѣ между Екатериноградомъ и Владикавказомъ надо переѣзжать множество горныхъ потоковъ, которые тихи и скромны въ обыкновенное время, но страшны и свирѣпы во время дождей и вешняго таянія снѣговъ. Изъ всѣхъ переправъ, тогда была самая опасная черезъ рѣку Бѣлую подъ самой Николаевской станицей. Эта рѣка сама по себѣ небольшая, тиха и не очень глубока въ сухое время, но намъ пришлось переѣзжать ее весною, когда она дѣлается проѣздною только утромъ, когда таянія горныхъ снѣговъ еще не началось, вчерашняя вода уже сбѣжала, а ночной холодъ въ горахъ остановилъ таяніе; но послѣ полудня уже нельзя проѣхать въ бродъ. Мы передъ вечеромъ спустились къ рѣкѣ за версту до самой переправы; но вотъ приближается мѣсто поворота черезъ рѣку; глубина увеличивается, телѣга погружается болѣе и болѣе, наполняется водой; вся масса бѣшенной рѣки ударяетъ въ бокъ телѣги; въ глазахъ рябитъ, лошади какъ будто впередъ не подвигаются, а кажется, что ихъ самихъ мчитъ рѣка съ ужасающею быстротою, телѣга то поднимается на камни, то опускается снова и брызгами обдаетъ какъ пролив-

нымъ дождемъ; тянется время безконечно: на воду нельзя смотрѣть, чтобъ не закружилась голова; но вотъ наконецъ высокій противоположный берегъ близится, глубина уменьшается. Ускоренное біеніе сердца утихаетъ и отрадный вздохъ облегчаетъ грудь.

Черезъ рѣку Бѣлую давно уже было предположено устроить мостъ и привезенные большіе камни давно лежатъ на берегу, но почему то онъ все не строится. Командовавшій войсками генералъ Гурко, однажды, тоже подвергался опасности на этой переправѣ, и помнится, что у него были утоплены чемоданы. Потомъ уже, съ пріѣздомъ графа Воронцова, мостъ былъ, кажется, построенъ и, значитъ, путешественники избавились отъ этой страшной переправы.

Изъ Николаевска мы переѣхали на ст. Ардонъ, гдѣ находится штабъ-квартира Владикавказскаго полка. Владикавказскій полкъ состоялъ весь изъ малороссіянъ. Казаки еще донашивали свои малороссскіе казацкіе кафтаны, но когда были причислены къ линейному казачьему войску, то стали носить обыкновенныя линейскія черкески. Женщины еще сохраняли тогда одежду малороссійскую. Казаки вообще живутъ очень опрятно и въ довольствѣ. Обиліе земли, плодородная почва, прекрасный климатъ, частые дожди, снабжаемые сосѣдними горами и лѣсами—все это вмѣстѣ дѣлаетъ здѣсь жизнь очень пріятною и льготною. Не смотря на то, любовь къ родинѣ такъ сильна въ нихъ, что всѣ они мечтаютъ о возвращеніи на родину. Полкъ этотъ былъ сформированъ патріотическимъ усердіемъ малороссійскаго дворянства для польской войны, а по окончаніи оной неожиданно былъ отправленъ на Кавказъ. Бывшіе женатыми

соединились здѣсь со своими семействами, которыя были присланы на счетъ правительства. Холостые тогда еще не женились, нарочно надѣясь по истеченіи 15-ти лѣтняго срока возвратиться на родину, а въ случаѣ женитьбы они должны были оставаться навсегда въ кавказскомъ линейномъ войскѣ. Эти свѣдѣнія намъ передавали тогда сами казаки.

На послѣдней къ Владикавказу станицѣ отъ станицы Архонтской пошелъ дождь и послышались отдаленные раскаты грома, который усиливался по мѣрѣ приближенія нашего къ горамъ. Мы успѣли пріѣхать въ Владикавказъ не сильно промоченные, но только что въѣхали на дворъ заѣзжаго дома и заняли отведенную намъ комнату, какъ гроза съ дождемъ разразилась во всей силѣ Нѣтъ ничего величественнѣе, какъ гроза во Владикавказѣ. Каждый ударъ грома повторяется безконечными отголосками въ сосѣднихъ горахъ и ущельяхъ, и гулъ не умолкаетъ. Видишь молнію, разсѣкшую воздухъ въ грозномъ блескѣ, а отличить слѣдующій за нею ударъ можно только по новому гулу, усиленному новыми басовыми аккордами. Музыка достойна этихъ гигантовъ, вершинъ которыхъ не досягаютъ и самыя молніи! Когда гроза проходитъ и тучи разрываются, роскошныя воздушныя ткани гирляндами опоясываютъ ихъ станъ и тогда представляется взору восхитительная картина: открывается заоблачное чело этихъ гигантовъ, блестящая бѣлизна ихъ вершинъ, а у подошвы раскинуты аулы съ бѣлыми саклями, осѣненными группою роскошныхъ деревьевъ.

XIX.

Владикавказъ и Тифлисъ.

Крѣпость Владикавказъ составляетъ ключъ къ горному проходу въ Грузію и за Кавказъ. Онъ имѣетъ обширный форштатъ, съ нѣсколькими правильными и широкими улицами, красивыми домами и садами почти при каждомъ домѣ, большую площадь съ соборомъ посрединѣ, общественный садъ и бульваръ по берегу шумнаго Терека. Сверхъ собора была грузинская и полковая церковь, обширный гостиный дворъ, значительная торговля, что придавало ему видъ оживленнаго города и указывало на то, что онъ будетъ современнымъ, что и осуществилось въ настоящее время. Тутъ была прекрасная каменная гостинница, въ которой былъ залъ благороднаго собранія, гдѣ собиралось большое общество и были оживленные танцы. Площадь обстроена большими домами красивой архитектуры съ большими окнами и балконами, откуда открывались во всѣ стороны самые прелестные виды. Къ сѣверу разстилалась обширная равнина, обставленная къ западу черными осетинскими горами, у подошвы которыхъ и на высотахъ виднѣлись частые осетинскіе аулы. Къ востоку Галаховскія горы, гдѣ въ 7-ми верстахъ отъ крѣпости обитало Галаховское враждебное и весьма воинственное племя. Эти горы, своими мрачными лѣсами и утесами, напоминали воображенію красоту Хищническихъ горъ, о которыхъ упоминается въ псалмахъ. Къ югу возвышается снѣговой хребетъ, увѣнчаный двухъ-главымъ Казбекомъ. На

нижнихъ ступеняхъ хребта и тутъ также расположены были осетинскіе и карабулакскіе аулы.

Во Владикавказѣ мы провели одинъ день, запаслись провизіей и на другой день поѣхали въ Тифлисъ, куда дорога идетъ Тагаурскимъ ущельемъ. До самаго ущелья верстъ 7 дорога ровная, а на 7-й верстѣ поднимались въ гору по узкой дорогѣ; одна слабая ограда отдѣляетъ отъ обрыва. Внизу Терекъ до сихъ поръ еще не очень быстрый. Отсюда начинается уже замѣтное возвышеніе его русла, гдѣ быстрота его становится водопадною. Постоянный ревъ его такъ силенъ, что надо кричать у самаго уха, чтобы быть услышаннымъ. На 13-й верстѣ стоялъ Балтинскій постъ, состоящій изъ редута и нѣсколькихъ землянокъ для солдатъ. Выше выглядываютъ осетинскіе аулы и возлѣ небольшой замокъ съ круглыми башнями дома Дударовыхъ.

Около Балты Терекъ бѣжитъ по довольно просторной долинѣ и тутъ у осетинъ устроено нѣсколько небольшихъ плавучихъ мельницъ съ колесами на водѣ, движущимися силою быстраго теченія. Отсюда ущелье съуживается и нѣкоторое разстояніе дороги идетъ искривленною линіей сквозь толщу скалы, взорванной порохомъ надъ пропастью. Затѣмъ дорога опять идетъ по расширяющейся долинѣ, ровная какъ шоссе, до самаго Ларса. Тутъ уже Терекъ съуживается и бѣлой пѣной мчится съ ужасной быстротой и оглушительнымъ ревомъ. Тутъ снова показываются снѣжныя вершины главнаго хребта. Влѣво ущелье, называемое Махонданъ, на полугорѣ котораго стоялъ замокъ Джерахскаго владѣльца и живописно раскинутый аулъ. На другой сторонѣ ущелья возвышается другой замокъ у рѣчки Чси,

замокъ, называемый Кайтухана, у котораго нашъ постъ и пушки, направленныя въ Жирахское ущелье. Въ Ларсѣ замокъ съ сторожевою башнею, тоже Дударова, офицера нашей арміи, который живетъ тутъ. Въ обстановкѣ его жизни было кое-что европейское, какъ-то: мебель, убранство комнатъ, гостепріимное угощеніе и въ то же время магометанское, какъ-то: неизбѣжный гаремъ. Въ Ларсѣ стояла гарнизономъ рота линейнаго батальона. Тутъ выстроены казармы съ бойницами, нѣсколько каменныхъ саклей, въ которыхъ помѣщаются женатые солдаты. Нѣсколько орудій были направлены по ущелью, откуда могъ пробраться коварный врагъ. Домъ коменданта или военнаго начальника смотрѣлъ уютно, какъ убѣжище, скрытое въ глубинѣ гигантовъ, надъ нимъ воздымающихъ свои вершины. Въ противуположность этой грозной и мрачной обстановкѣ, для смягченія этой картины, глазъ пріятно пораженъ видомъ знакомаго европейскаго костюма дамъ, гуляющихъ по склонамъ этихъ великановъ, среди изумрудной зелени, подъ сѣнью огромныхъ орѣшниковъ. Тутъ ужъ я позавидовалъ этимъ уединеннымъ воинамъ, обитающимъ въ такихъ очаровательныхъ мѣстахъ, гдѣ кажется можно проводить цѣлые дни въ созерцаніи чудныхъ красотъ природы и особенно если можно подѣлиться ощущеніями съ доброй, нѣжной и еще хорошенькой женой. Правда, что здѣсь потребуется отъ женщины много сомоотверженія и мужества, ибо могутъ случиться небезопасные набѣги хищниковъ. Во время нашего проѣзда тутъ опасности не было, но въ прошлое же вторженіе Шамиля, Ларсъ подвергался нападенію одной изъ отдѣльныхъ его партій. Но есть еще

опасный врагъ въ этихъ мѣстностяхъ, это горныя снѣжныя лавины. Случалось, что поселеніе засыпалось ими и разрушались дома, которые потомъ вновь выстраивались изъ тѣхъ же камней, отодвигаясь нѣсколько отъ прежняго мѣста. Но красота всего этого ущелья, его чудное величіе такъ поразительны, что можно пренебречь всѣми опасностями, ради того наслажденія, которое чувствуешь въ душѣ. Тутъ на каждомъ шагу новая картина, одна другой лучше, такъ что вся дорога въ горахъ, отъ начала до конца, есть безпрерывный рядъ восторговъ для любителя природы.

За Ларсомъ ущелье болѣе съуживается. На этой дорогѣ лежитъ такой огромной величины камень, что недоумѣваешь, откуда могъ онъ бытъ сброшенъ, такъ какъ около этого мѣста горы не представляютъ ничего такого, чтобы указывало на причину его присутствія здѣсь. Далѣе отъ этого мѣста дорога идетъ снова подъ навислыми скалами. Иногда приходилось проѣзжать подъ такою навѣсною скалою, которая, казалось, держится одною жилкой и кажется ожидаетъ вашего проѣзда, чтобы обрушиться. Терекъ бушуетъ и реветъ неистово. Тутъ переѣзжаютъ черезъ него на правую его сторону по каменному и очень прочному мосту, а чрезъ нѣкоторое разстояніе по другому такому же мосту опять на лѣвую. По всему этому пути встрѣчаются землянки для солдатъ рабочихъ ротъ. Дорога или вновь прокладывается ими или поправляются испорченныя мѣста. Вся эта мѣстность до Даріала, поистинѣ, поразительна картинами страшнаго величія и въ то же время разрушенія. Тутъ скалы и утесы, набросанные одни на другіе, огромностью своею и хаотическимъ безпорядкомъ пре-

восходятъ всѣ другія мѣста. Вокругъ всюду лежатъ огромные обломки, безмолвные свидѣтели гигантской борьбы. Высота горъ громадна, облака не дерзаютъ касаться ихъ вершинъ, солнце появляется на какой нибудь часъ и потомъ снова мракъ ночи, среди которой утесы представляются какъ бы тѣнями осужденныхъ языческаго тартара, на вѣчное заключеніе въ этомъ мѣстѣ мрака и смерти; ревъ Терека — это ихъ дикій вопль отчаянія.

Здѣсь лошади почтовые превосходны, ѣдешь по какому-то заключенному пространству, кругомъ гигантскія стѣны, подъѣзжаешь вплоть и все еще передъ вами ограда, досягающая небесъ, но только что хочешь убѣдиться въ томъ, что нѣтъ проѣзда, вдругъ глазъ усматриваетъ издали что то похожее на лазейку, куда надо, кажется, пролѣзать съ усиліемъ—но, къ удивленію, лошади скачутъ также быстро, стѣна раздвигается и снова цвѣты и деревья, растущія въ расщелинахъ, привѣтствуютъ васъ. По третьему мосту снова переѣзжаютъ на другую сторону до Дарьяла.

Дарьяльское ущелье, которое на пути къ станціи Казбеку, замѣчательно на мои глаза тѣми же хаотически набросанными камнями и утесами; но исторически оно знаменито своимъ древнимъ замкомъ или, лучше сказать, его развалинами, стоявшими еще во время нашего проѣзда. Преданіе или легенда говоритъ, что это былъ замокъ царицы Дарьи, бравшей дань съ проходящихъ мимо товаровъ. Нѣкоторые полагаютъ, что здѣсь проходила чрезъ ущелье знаменитая стѣна, подъ которой пробѣгалъ Терекъ. Все это дѣло археологовъ, я же описываю только то, что видѣлъ самъ именно, что на этомъ

мѣстѣ виднѣлись развалины и что еще тогда были видны ступени лѣстницы, высѣченной въ скалѣ, по которой спускались къ Тереку за водой по закрытому прежде ходу. Отъ Дарьяла до Казбека девять верстъ. На этой дорогѣ переѣзжаютъ мостъ черезъ рѣчку Кистинку. Эта дорога такая же ужасная, какъ и во всемъ ущельѣ,—всюду хаосъ: то проѣзжаешь по узенькой дорожкѣ, надъ ужасающею пропастью, на днѣ которой Терекъ свирѣпѣетъ какъ разъяренный звѣрь; или снова проѣзжаешь подъ навислыми скалами, изъ которыхъ одна, упавши, конечно обратила бы (расплюснула) экипажъ, сѣдоковъ и лошадей въ какой нибудь листъ бумаги. Но зато на этомъ разстояніи наслаждаешься всѣми сильными ощущеніями. Тутъ и страхъ, и изумленіе, и восторгъ и сверхъ того чувство отрадное, когда глазъ вдругъ встрѣчаетъ на высотѣ прелестную живописную кистинскую Гумтъ. Но это только пріятный и короткій отдыхъ, потому что тотчасъ же снова ѣдешь надъ пропастями, та же дикость, тѣ же препятствія и опасности. Иногда поднимаешься въ гору по крутизнѣ сажень полтораста, потомъ столько же спуска, а на 8-й верстѣ взбираешься еще выше, а вправо все тотъ же бѣшеный Терекъ со своимъ неумолкающимъ ревомъ. Тутъ снѣжныя вершины показываются сзади, а впереди открываются развалины Цвекляура. Подъѣзжая къ станціи, еще подъемъ на крутую высоту, гдѣ обдаетъ то холодомъ, то тепломъ и по отлогой горной дорогѣ спускаешься къ станціи.

Не доѣзжая станціи, переѣхали такъ называемую бѣшенную Баму, гдѣ Терекъ во время таянія снѣговъ или сильныхъ дождей мчитъ за собой цѣлыя массы

камня и разрушаетъ все встрѣчающееся на пути. Подъѣзжая къ станціи, вправо открывается тотъ исполинъ, видѣнный уже болѣе нежели за 200 верстъ разстоянія. Онъ имѣетъ двѣ вершины, одна нѣсколько ниже другой. Величіе его поразительно. Вѣчные снѣга составляютъ непроницаемый покровъ его. Облака одѣваютъ только станъ его, никогда не досягая вершины. Онъ здѣсь истинный владыка Кавказскаго хребта, который предъ нимъ смиряется. По всѣмъ вѣроятностямъ, нѣкогда онъ извергалъ пламя, въ горахъ находятъ много признаковъ лавы и много находится горнаго хрусталя. Нынче вмѣсто лавы каждые 7 лѣтъ съ вершинъ Казбека скатываются снѣжныя массы или лавины, называемыя здѣсь завалами, которые часто совершенно преграждаютъ дорогу и запружаютъ Терекъ. Мы проѣзжали послѣ одного изъ такихъ заваловъ, по огромнымъ снѣжнымъ толщамъ, гдѣ подъ ихъ сводами бушевалъ Терекъ, прорвавшій себѣ дорогу. Кажется, при этомъ завалѣ погибло семейство одного маіора, имъ внезапно застигнутое.

Влѣво по прелестной дорогѣ разстилается грузинская деревня Горчеты, а на вершинѣ Черной горы виднѣется церковь во имя Пресвятой Троицы и монастырь, построенный царицей Тамарой еще въ XII-мъ столѣтіи. Зданіе давно уже опустѣло, но три раза въ году сюда стекаются поклонники и богомольцы и совершается богослуженіе.

Деревня Казбекъ расположена очень тѣсно. Всѣ строенія изъ шиферныхъ или аспидныхъ плитъ. Домъ владѣльца генерала Казбека обнесенъ каменной стѣной, передъ домомъ каменная церковь, гдѣ подъ колоколь-

ней покоится его прахъ; за церковью заѣзжій домъ, куда и примчали насъ кони.

Всѣ эти заѣзжіе дома по Тифлисской дорогѣ называются дворцами, потому что, выстроенные и устроенные для проѣзда государя, очень хороши. Вездѣ большія комнаты съ хорошею мебелью и зеркалами и покойными диванами. Тутъ у открытаго окна мы расположились пить чай, не спуская глазъ съ чернаго Казбека, освѣщаемаго заходящимъ солнцемъ, котораго вершина горитъ еще долго послѣ наступленія сумерекъ. Когда мы пустились въ путь къ станціи Коби, уже стало совершенно темно, во многихъ селеніяхъ по ущельямъ и высотамъ зажглись огоньки, что при такой дикой мѣстности, гдѣ на каждомъ шагу утесы, обрывы, пропасти и слышенъ одинъ только ревъ кипящей рѣки подъ ногами, огоньки эти чрезвычайно отрадны. Мысль уносится и проникаетъ въ эти освѣщенные пріюты мирныхъ семействъ; воображеніе рисуетъ группы мужчинъ съ восточными загорѣлыми лицами, прелестныхъ женщинъ съ черными, какъ смоль, волосами, съ сіяющими черными глазами, въ ихъ живописномъ костюмѣ съ откинутыми чадрами за работой, красивыхъ дѣтей и проч. Но въ дѣйствительности, когда намъ случалось посѣщать, эти жилища были не такъ привлекательны, такъ какъ бѣдность, неопрятность съ перваго же раза кололи глаза, хотя типы отъ этого не были хуже, а можетъ были и лучше воображаемыхъ. Но все же въ этихъ освѣщенныхъ прилѣпленныхъ къ скалѣ жилищахъ дѣйствительно живутъ люди, и наслаждаются жизнью, какая выпала на ихъ долю, и наслаждаются не менѣе нашего; вѣрно то, что и тутъ бьются сердца

радостью и любовью, что и тутъ тѣ же человѣческія страсти и желанія, мученія и отрада—словомъ та же, только въ различныхъ формахъ, жизнь сыновъ человѣческихъ, разсѣянныхъ по лицу земли для одной и той же цѣли жить, трудиться, печалиться, радоваться, любить, ждать и надѣяться, что послѣ этой жизни наступитъ другая, вѣчно богатая и радостная.

При выѣздѣ изъ Казбека версты на двѣ встрѣчаются развалины замковъ и башень, что показываетъ, что нѣкогда тутъ было густое поселеніе. И тогда еще отъ Казбека до Коби ущелья были очень заселены. По обѣимъ сторонамъ Казбека живутъ два племени: осетины по правую сторону, а по лѣвую гудотавры, занимающіе обширныя пространства хребта по р. Спотекали. Отъ Казбека ущелье расширяется; за нѣсколько верстъ за рѣчкой Спотекали встрѣчаются одна за другой шесть деревень, а на 9-й верстѣ на горѣ стоитъ г. Сіонъ. Около него видны стѣны, большая церковь, нѣсколько грузинскихъ домовъ и сторожевая башня надъ самой кручей. Сколько прелести и сколько интереса въ этихъ безмолвныхъ памятникахъ минувшихъ временъ, когда и здѣсь все кипѣло жизнью, дѣятельностью и обычною жизненною суетою. Смотря по многимъ развалинамъ повсюду, здѣсь было густое населеніе, потому что необходимы были и руки, и капиталы, и искусство, чтобъ вознести цѣлые города на такія высоты. Кажется, что̀ общаго между протекшимъ и настоящимъ. И однакожъ, какъ сильно интересуетъ мыслящаго человѣка судьба прошедшихъ поколѣній! Особенно въ Грузіи, гдѣ такъ много памятниковъ глубокой древности, этотъ интересъ особенно силенъ. Грузинскій народъ занимаетъ именно

то мѣсто въ нашемъ Старомъ Свѣтѣ, гдѣ, какъ въ ворота проходили безчисленные народы изъ Азіи въ Европу. Что долженъ былъ испытывать въ разное время этотъ народъ, чтобы удержаться въ своей прекрасной странѣ. Сколько событій проходило передъ нимъ, сколько кровавыхъ битвъ онъ долженъ былъ выдержать! Какіе роды и семьи жили въ этихъ жилищахъ на Сіонѣ? Что волновало и услаждало ихъ жизнь, на этихъ подъоблачныхъ высотахъ? Восхищались ли они чудной картиной, разстилавшейся подъ ихъ ногами? Что наблюдалъ стражъ на этой сторожевой башнѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что выборъ неприступныхъ мѣстъ для жительства, эта башня и крѣпость говорятъ ясно о безпрерывныхъ опасностяхъ тѣхъ временъ. Опасности и битвы должны были питать любовь къ родинѣ, святынѣ, воспитывать воинскую доблесть и мужество. Этотъ народъ доселѣ сохранилъ во всей чистотѣ, среди всѣхъ превратностей и мученическихъ страданій, свою православную апостольскую церковь, тогда какъ другіе изъ народовъ этихъ горъ стали отверженцами и измѣнниками Христу Богу, ставъ грубыми магометанами. Если же этотъ народъ былъ такъ мужественъ и твердъ, то женщины его, возрастившія и выкормившія своею грудью этихъ борцовъ, долженствовали быть на той же высотѣ своими качествами, своими женскими добротѣтелями, материнскою и супружескою любовью, такъ какъ воспитаніе этого народа совершалось здѣсь въ этихъ родныхъ горахъ, подъ роднымъ кровомъ. Вотъ гдѣ обширное поприще для даровитаго романиста-археолога.

Отъ станціи Коби дорога возвышается до самаго перевала черезъ хребетъ. Эта послѣдняя гора называется

Крестовою по огромному каменному кресту, воздвигнутому здѣсь генераломъ Ермоловымъ и тогда стоявшему.

Мы переѣзжали Крестовую гору въ исходѣ мая и тутъ еще была зима и огромныя массы снѣга только что начинали таять. Нѣсколько ниже вершины по ту и другую сторону началась весна; трава только что выходила, тогда какъ внизу у Владикавказа было лѣто въ полномъ развитіи. Какъ подъѣдешь, такъ и спускъ имѣетъ нѣсколько станціи: Пасанауръ, Кошауръ и наконецъ Ананауръ, гдѣ находится штабъ-квартира 1-го грузинскаго линейнаго батальона.

Въ горахъ видно много древнихъ обителей, которыхъ основаніе восходитъ къ самымъ первоначальнымъ временамъ обращенія въ христіанство Грузіи. Всѣ эти монастыри, не смотря на свое настоящее запустѣніе, посѣщаются въ извѣстные праздники безчисленными богомольцами. Намъ случилось объѣхать одну такую толпу богомольцевъ. Возлѣ свѣтлаго горнаго ключа, свѣтлою и густою струею бьющаго изъ горы, расположилась самая живописная группа мужчинъ, женщинъ, дѣвицъ и дѣтей въ праздничныхъ разноцвѣтныхъ одеждахъ. Тутъ были и сѣдые старцы, и дѣти, играющія по земной муравѣ, и прелестныя женщины съ отброшенными назадъ чадрами. Одни отдыхали, собирались съ силами, тогда какъ другіе вереницами поднимались въ гору на такой высотѣ, что казались болѣе муравьями нежели людьми.

Подъемъ на Крестовую гору простирается версты на четыре. Отъ креста начинается спускъ, мѣстами очень крутой. Дорога высѣчена на краю обрыва по одному боку Гуд-горы на страшной высотѣ въ двѣ сажени ши-

рины. Слѣва отвѣсная стѣна, отъ которой гора возвышается до вершины. Тонкія перила ограждаютъ отъ обрыва. Если достаетъ смѣлости, чтобы взглянуть въ эту пропасть, я думаю до 600 сажень глубины, то восхищенному взору представится нижняя ступень хребта Гудовскаго ущелья, на днѣ котораго по нижнимъ уступамъ горъ виднѣются столѣтніе дубы и орѣшники, сквозь гигантскія вѣтви которыхъ проглядываютъ замки съ башнями. Еще ниже, какъ муравейники, раскинуты грузинскія селенія, утопающія, такъ сказать, въ самой роскошной растительности и между ними свѣтится Арагва, пропадающая у подошвы и вытекающая изъ горъ свѣтлою серебряною нитью.

Здѣсь начинается спускъ съ вершины версты четыре и потомъ по ровной дорогѣ до Кошаура. Изъ Кошуара опять спускаются подъ гору тоже версты четыре въ долину Арагвы. Эта кроткая и прелестная сестра Терека бѣжитъ тутъ по чудной, восхитительной долинѣ Грузіи. По обѣимъ сторонамъ также высятся горы, но долина между ними очень обширна и она, свѣтлая и голубая какъ небо ея родины, граціозно катитъ свои воды между цвѣтущими лугами и полями, гдѣ пшеницы уже въ колосу и миндаль въ цвѣту. Кой-гдѣ въ уступахъ горъ видны пещеры, въ которыхъ жили нѣкогда святые пустынники, а можетъ быть живутъ и теперь, такъ какъ глубокое религіозное чувство и животворную вѣру хранитъ вся Грузія.

Отъ Кошаура до Пасанаура 19 верстъ. Это укрѣпленный постъ со рвомъ, валомъ, казармами и домомъ воинскаго начальника, какъ и всѣ другіе посты, съ неизбѣжной лавкой духанщика, гдѣ можно купить все,

что нужно. Отъ Пасанаура дорога идетъ по той же долинѣ до Ананура. Тутъ ущелье съуживается и снова приходится проѣзжать подъ навѣсомъ скалъ, но дорога вообще хороша и вездѣ живописные виды. На 14-й или 15-й верстѣ горы по обѣимъ сторонамъ понижаются и вправо открывается замокъ съ монастыремъ.

Анануръ древній городъ. Замокъ окуженъ толстыми стѣнами, расположенными по полугорѣ. Народонаселеніе города очень небольшое. Тутъ была штабъ-квартира 1-го грузинскаго линейнаго батальона. Отсюда дорога идетъ черезъ рѣчку Аркану, впадающую въ Арагву, которая остается вправо и потомъ поднимается на небольшую гору между кустарникомъ. Подъемъ однакожъ продолжается, хотя и не круто, верстъ 6 или 7, и затѣмъ спускается къ г. Душету. Вся эта дорога идетъ между грузинскими пашнями. Тутъ мы остановились и разсматривали грузинскій плугъ и грузинскую пахоту. Плугъ, огромнаго размѣра, былъ запряженъ 8-мью парами воловъ и буйволовъ, на каждой парѣ мальчикъ, а передъ всею упряжью передъ волами шелъ передовой и направлялъ шествіе, а плугомъ управляли двое. Это примѣчательное орудіе отваливаетъ огромнаго размѣра пласты, а борозда, имъ проводимая, скорѣе походила на канаву, нежели на борозду. Не менѣе того грузины считаютъ такую глубину необходимою какъ по тяжелой глинистой почвѣ, такъ и потому, что глубоко залегшія сѣмена болѣе сохраняются отъ палящихъ лучей грузинскаго солнца. Насъ, какъ земледѣльцевъ и еще недавнихъ фермеровъ, очень занимала эта пахота.

Въ Душетъ мы спустились около полудня. Это до-

вольно порядочный городокъ, также съ крѣпостью. Всѣ строенія каменныя и довольно красивыя. Площадь обстроена множествомъ лавокъ. Этотъ признакъ обширной торговли въ кавказскихъ городахъ, для пріѣзжаго изъ Россіи, гдѣ въ маленькихъ городахъ увидишь весьма немного лавокъ, поражаетъ. Но надо вспомнить, что на Кавказѣ вся торговля въ рукахъ армянъ, самаго торговаго, дѣятельнаго и способнаго племени. Мы пріѣхали прямо въ заѣзжій домъ, съ большими, опрятными комнатами, хорошею мебелью и зеркалами. Передъ окномъ нашей комнаты, гдѣ мы помѣстились, и по обѣ стороны крыльца, роскошно цвѣли огромные кусты розъ, усыпанные крупными благоуханными розами, разливавшими свой ароматъ въ воздухѣ и по всѣмъ комнатамъ. Здѣсь намъ пришлось пробыть болѣе двухъ дней, такъ какъ всѣ почтовыя лошади были сняты подъ корпуснаго командира Головина, возвращавшагося изъ редута Кале въ Тифлисъ. Впрочемъ мы этимъ замедленіемъ были очень довольны. Сюда же пріѣхали и также остановились съ нами маіоръ Ершовъ, Николай Ивановичъ, и князь Лобановъ-Ростовскій, который кончилъ курсъ въ университетѣ, ѣхалъ поступить въ военную службу, впослѣдствіи флигель-адъютантъ и зять фельдмаршала Паскевича. Оба наши спутника были люди очень пріятные и умные собесѣдники; приходили также къ намъ нѣкоторые офицеры, мѣстный докторъ, и все это время мы провели очень пріятно. Вечеромъ, гуляли и, встрѣтивъ все душетское общество изъ дамъ и мужчинъ, присоединились къ нему, такъ какъ съ нѣкоторыми уже познакомились при ихъ посѣщеніи. Между

гулящими было нѣсколько прелестныхъ дамскихъ личикъ.

Изъ Душета мы выѣхали мимо гигантскихъ орѣшниковъ черезъ рѣчку Душетку и поднялись въ гору, потомъ спустились въ деревню, гдѣ было множество виноградниковъ, и на 7-й верстѣ спустились къ Арагвѣ и потомъ кустарниками пріѣхали въ Гарцискаръ. Изъ Гарцискара снова поднимаются въ гору по правую сторону Арагвы, а на второй верстѣ поворачиваютъ вправо подъ обрывъ берега, идущаго гранитною стѣною, и тутъ влѣво отъ впаденія Арагвы въ Куру открываются развалины Мцхета, нѣкогда столицы Грузіи.

По преданію, Мцхетъ восходитъ до временъ самыхъ отдаленныхъ, построенъ онъ Мцхетомъ, сыномъ Картулка, родоначальникомъ грузинъ, по имени котораго онъ донынѣ называется Картулка; самъ Картула считается ближайшимъ потомкомъ Ноя. Извѣстно то, что Мцхетъ во времена Александра Македонскаго уже былъ цвѣтущимъ городомъ.

Нынѣшній соборъ построенъ въ XV вѣкѣ, но на этомъ мѣстѣ первая христіанская церковь, деревянная, была построена царемъ Иберіи Маріаномъ, первымъ принявшимъ христіанскую вѣру отъ святой равноапостольной Нины. Вмѣсто этой церкви въ половинѣ V-го вѣка построенъ великолѣпный соборъ, потомъ разрушенный землетрясеніемъ, въ исходѣ XII-го вѣка, вмѣсто котораго въ XV-мъ уже вѣкѣ построенъ нынѣшній соборъ во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Влѣво отъ дороги видна другая церковь, возлѣ которой стоитъ часовня, воздвигнутая, какъ говорятъ, св. Ниной. Упадокъ города Мцхета начался съ начала V-го вѣка, когда царь Дочи перенесъ

столицу въ Тифлисъ. Потомъ его раззоряли персіане и онъ остался до сихъ поръ въ развалинахъ. Между тѣмъ онъ имѣетъ прекрасное мѣстоположеніе и воздухъ гораздо здоровѣе тифлисскаго. Теперь въ Мцхетѣ живетъ до сотни семействъ.

На шестой верстѣ отъ Мцхета виденъ древній каменный мостъ черезъ Куру, построенный по преданію Помпеемъ, во время преслѣдованія царя Митридата. Отъ моста дорога поворачиваетъ влѣво по берегу Куры, подъ гранитными стѣнами горы. По ту сторону рѣки довольно густое народонаселеніе. На 10-й верстѣ отъ Мцхета открывается Тифлисъ. Старый городъ въ котловинѣ между высокими горами, его окружающими. По мѣрѣ приближенія, умножаются селенія и повсюду сады и шпалеры съ виноградниками.

Мы въѣхали въ предмѣстіе Тифлиса, по лѣвую сторону Куры, и остановились въ гостинницѣ нѣмца Зальцмана, колониста и пивовара. Домъ прислоненъ къ высокой горѣ и всѣ зданія его постройки идутъ уступами въ гору. Мы заняли двѣ чистенькія комнаты по 1 р. 50 к. въ сутки. Обѣдъ въ трактирѣ у него же очень хорошъ и не дорогъ. Бутылка пива полъ-абаза или 10 к. сер., бутылка краснаго грузинскаго вина очень хорошаго 1 р.; это, разумѣется, только въ гостинницѣ, а въ городѣ не болѣе абаза.

Пообѣдавъ и пріятно отдохнувъ послѣ обѣда, мы отправились ходить по городу. Пройдя мостъ черезъ быструю Куру, живописно омывающую каменный Караванъ-Сарай, котораго балконъ возвышается надъ самой пучиной, мы вошли въ грузинскую часть города, гдѣ на площади кипѣла пропасть народа, у безчисленныхъ ла-

вокъ съ зеленью, плодами, разными съѣстными припасами и дровами. Воду возятъ на ослахъ. Пройдя площадь, мы вошли въ ряды. Надъ каждой лавкой устроенъ навѣсъ отъ солнца и тутъ взору представляется множество азіатскихъ и европейскихъ товаровъ самаго разнообразнаго вида. Пройдя ряды, вошли въ узкія улицы, гдѣ у каждаго дома внизу лавки всѣхъ возможныхъ ремеслъ, и всѣ ремесленники работаютъ на ихъ порогахъ. Тутъ и портные, и сапожники, и столяры, и слесаря, и кузнецы. Все это стучитъ, пилитъ посреди безчисленной толпы проходящаго, покупающаго люда, какъ въ „Тысячѣ одной ночи". Съ наступленіемъ темноты лавки освѣщаются и это придаетъ этому средоточію торговли очаровательный видъ Гарунъ-Аль-Рашидскаго города. Семейства послѣ дневнаго жара собираются на галлереяхъ, окружающихъ дома, гдѣ преимущественно сидитъ все женское населеніе, такъ что, проходя дома, наверху слышится говоръ тоненькихъ женскихъ голосовъ, воображеніе рисуетъ, конечно, красоту обладательницъ этихъ нѣжныхъ гармоническихъ звуковъ, но, къ сожалѣнію, сокрытыхъ завистливымъ сумракомъ ночи. При свѣтѣ луны, сіявшей въ полномъ свѣтѣ, можно было впрочемъ разсмотрѣть откинутыя бѣлыя чадры, перехватить блестящій взоръ черныхъ глазъ, но очертаній разсмотрѣть было невозможно и надо было довольствоваться призракомъ воображенія. Кой гдѣ среди этой очаровательной южной ночи слышались иногда нѣжные звуки голоса пѣвшей какую нибудь монотонную грустную пѣсню.

Барабаны и трубы пробили и проиграли зорю и мы направились въ свою квартиру. За нами долго еще слы-

шался шумъ, говоръ и пѣнія; виднѣлись ярко освѣщенныя лавки, но прошли мостъ, на этой сторонѣ рѣки все было тихо и только слышалась музыка въ освѣщенномъ домѣ, гдѣ въ окнахъ мелькали тѣни танцующихъ; мы завернули сюда, втерлись въ толпу, чтобы въ открытыя окна взглянуть поближе на танцующихъ, и затѣмъ вошли къ себѣ и стали пить чай, сидя на галлереѣ, но для этого понадобилось надѣть шинели, такъ какъ тифлискія ночи бываютъ очень прохладны. Чай нашъ на этотъ разъ былъ особенно пріятенъ. Мы купили себѣ превосходнаго турецкаго табаку, который и курили съ чаемъ вмѣсто Ванитоба, съ тѣхъ поръ уже навсегда оставленнаго.

Мимо нашей гостинницы ежедневно проходило множество народа изъ нѣмецкихъ колоній. Въ Тифлисѣ въ 1840 г. было трудно достать хорошихъ сливокъ и бѣлыхъ хлѣбовъ, хотя въ городѣ и были булочники, но посылать туда далеко, да намъ и некого было, и потому прислуга въ гостинницѣ, по нашей просьбѣ, покупала для насъ превосходныя сливки и хлѣбы отъ колонистовъ, рано утромъ пріѣзжавшихъ въ городъ для распродажи своихъ произведеній.

Сидя на балконѣ, мы находили большое удовольствіе наблюдать проходящихъ въ городъ и изъ города. Насъ удивляло, какъ могли грузины въ своихъ туфляхъ, съ загнутыми вверхъ носками, огромными каблуками, ходить съ такою легкостью и быстротою. Однажды случилось видѣть всадника, ѣхавшаго рысцой и возлѣ него высокаго грузина пѣшехода, не отстававшаго отъ него ни на одинъ шагъ и въ то же время громко разгова-

ривавшаго съ своимъ товарищемъ. Вотъ и несостоятельность пословицы: пѣшій конному не товарищъ.

Во время нашего пребыванія въ Тифлисѣ мы являлись къ начальнику штаба генералу Коцебу, который принялъ насъ очень любезно, спросилъ, въ который полкъ мы желаемъ записаться: здѣсь ли за Кавказомъ или на линіи. Мы пожелали послѣдняго, такъ какъ тамъ были наши товарищи декабристы въ отрядѣ генерала Засса за Кубанью: Мих. Мих. Нарышкинъ, М. А. Назимовъ и Вигелинъ.

Мы пробыли въ Тифлисѣ ровно недѣлю и намъ она показалась за одинъ день: такъ пріятно было намъ здѣсь. На сѣвернаго жителя южный край самъ по себѣ, по своей живительной теплотѣ климата, по своей роскошной растительности, всегда производитъ сильное и пріятное впечатлѣніе. Въ Тифлисѣ же еще возбуждалъ особенный интересъ самъ городъ съ своею оригинальною восточною физіономіею, съ пестрымъ населеніемъ всѣхъ возможныхъ восточныхъ народовъ, не исключая поклонниковъ Брамы, съ его оживленною торговлей. Мы съ наслажденіемъ бродили по его узкимъ улицамъ, прислушивались къ говору, всегда очень живому на востокѣ, и восхищались, когда встрѣчали прелестныхъ грузинокъ. Армянки же, напротивъ, производили непріятное впечатлѣніе своимъ похожимъ на саванъ костюмомъ. Это просто мумія, вся сверху до низу обернутая въ бѣлую простыню. Лица ихъ, правда, открыты и глазъ часто остановится на прелестныхъ чертахъ, но зато ужасная штукатурка бѣлилъ и румянъ уничтожаетъ всю прелесть. Еще не совсѣмъ пріятная особенность всѣхъ южныхъ странъ—это крикъ осла, который

здѣсь часто слышится и который я въ первый разъ слышалъ еще въ Испаніи во время нашего плаванія въ Брестъ и Гибралтаръ.

Но что тогда было превосходно—это тифлисскія бани или, лучше сказать, купальни. Бани или ванны помѣщаются въ зданіи огромнаго протяженія, по обѣ стороны предлиннаго корридора. Каждый отдѣльный нумеръ имѣетъ свой каменный бассейнъ съ кранами въ стѣнѣ холодной и горячей минеральной воды. Около стѣнъ широкія лавки, покрытыя чистыми бѣлыми простынями. Эти купанья истинное наслажденіе. Здѣсь онѣ славятся еще искусствомъ своихъ баньщиковъ, которые, говорятъ, расправляютъ всѣ косточки и суставчики, забираясь на лежащаго паціента и прохаживаясь по немъ и ногами, и на колѣняхъ, расправляя руками всѣ члены, чего мы однакоже испытать не пожелали.

Корпусный командиръ генералъ Головинъ еще не пріѣзжалъ и мы, получивъ всѣ нужныя бумаги, отправились въ Ставрополь по назначеніи насъ въ знаменитый Кабардинскій полкъ, находившійся въ Закубанскомъ отрядѣ генерала Засса. Впечатлѣніе, произведенное на меня этой южной столицей Кавказа, до сихъ поръ еще живо въ моемъ воспоминаніи, хотя мы пользовались здѣсь гостепріимствомъ одного только нашего хозяина гостинницы г. Зальцмана и то за свои деньги. Впослѣдствіи, по возвращеніи въ Россію, когда развозили пароходомъ, нами устроеннымъ на Волгѣ, армянскіе грузы, мы сдѣлали большее знакомство съ тифлисскими негоціантами, но въ 1840 г. еще никого не знали въ Тифлисѣ.

XX.

Пребываніе на Кавказѣ.

Ровно чрезъ три мѣсяца по выѣздѣ изъ мирнаго Минусинска, 12 іюня 1840 года, мы пріѣхали уже изъ Тифлиса въ Ставрополь, главную квартиру войскъ праваго фланга кавказской линіи и столицу Кавказской области. Изъ Тифлиса мы ѣхали тѣмъ же путемъ чрезъ Кавказскій хребетъ, Крестовой горой, проѣздъ чрезъ которую теперь уже былъ свободенъ отъ снѣга; потомъ очаровательнымъ ущельемъ до Владикавказа и Грузинской дорогой до Екатеринограда. Отсюда мы ѣхали уже новой для насъ дорогой, не представлявшей впрочемъ ничего новаго, сравнительно съ прежней. Тѣ же станицы, многолюдныя, чистенькія, напоминавшія Малороссію своими бѣлыми мазанками. Вездѣ станціи содержали казаки, потому почтовыя лошади были превосходныя и ѣзда очень быстрая. Не доѣзжая Георгіевска, тогда уже заштатнаго города, показался гигантскій Эльбрусъ, а за нимъ Пятигоріе, отъ чего получилъ свое имя Пятигорскъ. Георгіевскъ тогда, въ 1840-мъ году, былъ небольшой, но чистенькій городокъ; онъ расположенъ на рѣкѣ Кумѣ и помню, что тутъ мы были поражены удивительною бѣлизною пшеничныхъ хлѣбовъ, что впрочемъ и понятно, такъ какъ тутъ была родина знаменитой во всемъ мірѣ пшеницы кубанки.

Вся эта линія въ то время была безопасна для проѣзда, хотя и бывали случаи нападенія, но гораздо рѣже въ сравненіи съ лѣвымъ флангомъ. Такъ, тогда разсказывали, какъ погибъ одинъ маіоръ, приводившій

маршевые баталіоны (такъ назывались баталіоны, назначенные для укомплектованія кавказскихъ войскъ). Онъ уже возвращался въ Россію и на одномъ переѣздѣ, къ вечеру, подъѣзжая къ одному оврагу, внизу котораго былъ мостъ, подъ мостомъ замѣтилъ нѣсколько человѣкъ и лошадей. Догадавшись, что это были хищники, онъ, вмѣсто того, чтобъ поворотить назадъ и скакать къ посту или станицѣ, зарядилъ ружье, велѣлъ зарядить также своему человѣку и началъ спускаться; подъѣзжая къ мосту, выстрѣломъ была ранена лошадь, что помѣшало ему пуститься во весь духъ; тогда выскочили хищники и хотя онъ сдѣлалъ два высстрѣла и можетъ быть убилъ или ранилъ кого нибудь изъ нихъ, но все же они его изрубили; ямщикъ, тоже раненый, свалился съ козелъ, гдѣ его и нашли сторожевые казаки, прискакавшіе на выстрѣлы. Казаки преслѣдовали разбойниковъ. По линіи распространилась тревога, и не помню уже—чѣмъ кончилось это преслѣдованіе.

Другой случай былъ съ женою артиллерійскаго полковника Мяхина, между Георгіевскимъ и Пятигорскомъ; на нее напали хищники, она была взята въ плѣнъ и потомъ уже выкуплена.

Верстъ за шесть открылся Ставрополь; онъ расположенъ на возвышенности и очень красивъ, осѣненный садами и рощами, которые, въ перемежку съ бѣлыми каменными строеніями, придавали ему прекрасный видъ.

Въ Ставрополь мы пріѣхали въ обѣденное время и были очень рады встрѣтить здѣсь нашего товарища-декабриста Николая Романовича Цебрикова, того самаго, о которомъ я упоминалъ, описывая происшествіе 14-го декабря. Онъ имѣлъ солдатскій георгіевскій крестъ

за штурмъ Ахалцыха и носилъ въ петлицѣ офицерскаго сюртука (онъ уже былъ произведенъ) георгіевскую ленточку; а какъ въ густыхъ, коротко остриженныхъ волосахъ его была значительная просѣдь, то вѣроятно его принимали болѣе за генерала, нежели за прапорщика, такъ что проходившіе мимо военные отдавали ему честь, причемъ онъ крайне конфузился. Это былъ человѣкъ весьма оригинальный: правдивый, честнѣйшій, пылкій до сумасбродства и либералъ въ душѣ. Онъ очень легко поддавался мистификаціи, что мы знали еще въ Пятигорскѣ, бывъ дружески съ нимъ знакомы. Когда мы пришли къ нему и увидѣли, что при немъ въ услуженіи былъ крѣпостной человѣкъ, котораго онъ очень любилъ и баловалъ, то въ шутку замѣтили ему: „какъ это, Ник. Ром., вы декабристъ, а еще пользуетесь крѣпостнымъ правомъ и имѣете при себѣ въ услуженіи раба“?—надо бы видѣть, какъ онъ сконфузился и растерялся, принявъ шутку за чистую монету; началъ оправдываться тѣмъ, что взялъ его единственно для того, чтобъ дать ему вольную, потуплялъ глаза, какъ будто уличенный въ какомъ нибудь дурномъ дѣлѣ, такъ что мы едва удерживались отъ смѣха и едва увѣрили его, что эта была шутка, что въ Сибирь, за своими барынями, многіе изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ поѣхали, чтобъ служить имъ.

У него мы познакомились съ однимъ преображенскимъ полковникомъ, фамиліи не помню, который былъ при кончинѣ Одоевскаго, нашего милаго поэта и друга. При поѣздкѣ нашей на Кавказъ, любимою нашею мечтою, всю дорогу, было увидѣть его и Нарышкина, Михаила Михайловича, спутниковъ нашихъ, съ кото-

рыми мы выѣхали изъ крѣпости въ Сибирь, и какъ было грустно намъ узнать, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Мы очень много говорили о немъ. Какимъ знали мы его въ тюрьмѣ, такимъ точно и остался онъ до конца: всегда или серьезный, задумчивый, во что-то углубленный, или живой, веселый, хохочущій до изступленія. Онъ имѣлъ порядочную дозу самолюбія, а какъ здѣсь онъ увидѣлъ во всемъ блескѣ удальство линейныхъ казаковъ (онъ былъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, но прикомандированъ къ казачьему), ихъ ловкость на конѣ, поднятіе монетъ на всемъ скаку, то захотѣлъ непремѣнно достигнуть того же, безпрестанно упражнялся и, конечно, не разъ леталъ съ лошади. Да, еслибъ онъ былъ живъ, то конечно оставилъ бы своей милой родинѣ, пламенно имъ любимой, много прекрасныхъ, возвышенныхъ идей въ звучныхъ, прекрасныхъ стихахъ; но ревнивая смерть нежданно похитила его во цвѣтѣ лѣтъ изъ этого міра и сбылось то, что онъ какъ бы предсказалъ, написавъ еще въ Читѣ въ своемъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ „Предчувствіе“:

„И грубый камень,
Обычный кровъ нѣмыхъ могилъ,
На черепъ мой остывшій ляжетъ
И соплеменнику не скажетъ,
Что рано выпала изъ рукъ
Едва настроенная лира“.

Въ Ставрополѣ намъ отвели хорошую квартиру у одного купца, претендовавшаго на званіе цивилизованнаго человѣка, но на самомъ дѣлѣ больше подходившаго къ московскому гостинодворцу 1820-хъ годовъ; претензія же его на цивилизацію возродилась по слѣ-

дующему случаю: онъ имѣлъ торговыя дѣла въ Таганрогѣ, бывалъ тамъ часто, и по этимъ же дѣламъ былъ знакомъ со многими иностранными негоціантами. Они постоянно подшучивали надъ его бородой, говоря, что образованному человѣку постыдно носить бороду на подобіе какого нибудь мужика и что черезъ бороду онъ даже лишенъ возможности бывать въ клубѣ и благородномъ собраніи (тогда борода была еще въ гоненіи и немногіе дозволяли себѣ это отступленіе отъ общаго обычая; видно, что Петровская пошлина на бороду еще тогда не утратила своей силы). Прислушиваясь къ этимъ убѣжденіямъ, онъ мало-по-малу началъ склоняться на нихъ и вдругъ имъ овладѣла отчаянная рѣшимость сбрить свою бороду и открыть себѣ входъ во всѣ европейскія собранія и получить патентъ на цивилизованнаго человѣка. Цирюльникъ сначала коротко срѣзалъ ему бороду и усы, затѣмъ гладко ихъ выбрилъ — и вотъ готовъ новый цивилизованный европеецъ. „Но когда, послѣ операціи, я посмотрѣлъ на себя въ зеркало, разсказывалъ онъ, то лицо мое показалось мнѣ величиною въ палецъ; тутъ, господа, я уже не выдержалъ и, вѣрите-ли, слеза прошибла меня. Поздравленіе моихъ друзей-искусителей, обѣды съ шампанскимъ, входъ въ ихъ семейства, конечно, развеселили меня; но когда я собрался домой, меня крѣпко взяло раздумье. Кажется, ничего дурнаго не сдѣлалъ, а совѣсть стала мучить меня, какъ будто измѣнника своей родинѣ. По пріѣздѣ домой, еще бо̀льшая му̀ка ожидала меня: жена сперва не узнала меня, а когда узнала, то такъ осердилася, что и на глаза не пускала, а потомъ, хотя и помирилась, но все же попрекала, зачѣмъ измѣнилъ обы-

чаю отцовъ“? Весь этотъ разсказъ онъ сопровождалъ очень смѣшной мимикой, такъ что всѣ слушавшіе его отъ души хохотали.

По пріѣздѣ въ Ставрополь мы явились къ начальнику штаба, полковнику Александру Семеновичу Трескину, который представилъ насъ нашему полковому командиру генералу Ивану Мих. Лабынцову, тогда извѣстному кавказскому герою, который и назначилъ насъ въ 3-й батальонъ своего знаменитаго Кабардинскаго полка, въ 7 роту, которою командовалъ капитанъ Влад. Васильев. Астафьевъ. Въ этомъ полку изъ нашихъ сибирскихъ товарищей былъ одинъ Вегелинъ. Полкъ нашъ находился на р. Лабѣ въ отрядѣ генер. Засса, знаменитаго тогда своими летучими набѣгами на аулы, своею отвагою, предпріимчивостью, ставшими грозою для всего враждебнаго намъ закубанскаго населенія, такъ что крикливыхъ дѣтей своихъ матери стращали Зассомъ. Разсказывали, что онъ однажды, передъ какимъ-то важнымъ набѣгомъ, распустилъ слухъ, что Зассъ умеръ; говорили, что и гробъ былъ поставленъ и многіе изъ мирныхъ черкесовъ, пребывавшихъ въ отрядѣ, пропустили эту радостную вѣсть по ауламъ, а онъ въ ту же ночь съ казаками вышелъ изъ лагеря, приказавъ слѣдовать за собой пѣхотѣ, совершилъ внезапный набѣгъ и разгромилъ аулъ. Но по возвращеніи, какъ разсказывали бывшіе въ экспедиціи офицеры, рѣчка, которую перешли вначалѣ въ бродъ, при обратномъ движеніи сильно поднялась, такъ что пѣхоту переправляли на коняхъ, а орудія были почти покрыты водою. Эту переправу и все движеніе совершалъ отрядъ подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ ротъ кабардинцевъ, подъ на-

чальствомъ поручика или штабсъ-капитана Ив. Никол. Струкова, который геройски отбивалъ всѣ отчаянныя нападенія черкесовъ. Пока перепревлялась колонна и раненые; а когда уже весь отрядъ былъ на другомъ берегу и выстроенъ, онъ переправилъ свои роты также постепенно, а за остальными, подъ огнемъ орудій съ другаго берега, переправился и самъ.

Пробывъ въ Ставрополѣ дней шесть, мы отправились въ станицу Прочный Окопъ, штабъ-квартиру Кубанскаго казачьяго полка. Тутъ мы нашли изъ нашихъ товарищей одного Мих. Алексан. Назимова, который сообщилъ намъ всѣ свѣдѣнія относительно нашей будущей службы, объ экспедиціяхъ, о всемъ, что необходимо имѣть для походовъ. Сообщилъ намъ, что здѣшнее начальство разрѣшило нашимъ товарищамъ въ походѣ быть верхомъ, имѣть вьючную лошадь для вещей, какъ всѣ офицеры кавказскихъ войскъ въ экспедиціяхъ, но, разумѣется, мы должны были носить солдатскія шинели и имѣть за плечомъ солдатское ружье и патроны. По его же совѣту мы заготовили себѣ вьюки и лошадей. Въ это же время пріѣхалъ генералъ Зассъ и мы отправились являться къ нему въ крѣпость Прочный Окопъ, расположенный въ одной верстѣ отъ станицы. Мы представились генералу и были приняты имъ очень радушно.

Генералъ Зассъ былъ еще молодой, среднихъ лѣтъ человѣкъ, высокій и стройный. Онъ носилъ сѣрую черкеску съ кинжаломъ у пояса, — общій костюмъ черкесовъ и казаковъ; съ проницательными голубыми глазами, съ огромнѣйшей длины русыми усами, орлинымъ носомъ и чрезвычайно живыми движеніями—онъ и на-

ружностью своею поддерживалъ молву о его подвигахъ. Онъ приказалъ намъ отправляться въ отрядъ къ своему полку, но ни слова не сказалъ объ экспедиціи. Онъ терпѣть не могъ, чтобы кто нибудь зналъ о его преднамѣренныхъ движеніяхъ или выражалъ свои соображенія объ его планахъ; ихъ никто не зналъ, такъ таинственно онъ велъ свои дѣла.

Отъ него мы пошли къ нашему товарищу Вегелину, который на форштадтѣ нанималъ небольшую комнату, безукоризненно опрятную, съ бѣлѣйшими полами и сѣтками въ окнахъ отъ мухъ, комаровъ и мошекъ. Алек. Ивановичъ Вегелинъ, личность очень занятая собой, любилъ покой и возможный комфортъ; онъ былъ всегда серьезенъ и важенъ, смотрѣлъ на все критическимъ взглядомъ, выражался докторально, хотя и нельзя сказать, чтобы толково; любопытно, что всѣ наши товарищи прозвали его диктаторомъ. Онъ, съ другимъ его товарищемъ по Литовскому корпусу — Игельштромомъ, гдѣ они оба командовали саперными ротами, кажется, за отказъ присягнуть Николаю, были осуждены въ работы и присланы къ намъ, въ Читу, и оттуда выпущены раньше насъ. Мы застали ихъ на Кавказѣ: Вегелина — портупей-прапорщикомъ, а Игельштрома — офицеромъ, командовавшимъ полуротой саперъ. Константинъ Евстафьевичъ Игельштромъ, одинъ изъ числа 34 (?) дѣтей отца его, генерала Игельштрома, былъ совершенною противоположностью Вегелину. Это былъ школьникъ, въ полномъ смыслѣ слова, всегда веселый, беззаботный и дѣйствительно несносный, когда хотѣлъ кому нибудь надоѣсть; но оба они были славныя лич-

ности, благороднѣйшихъ и честнѣйшихъ правилъ и добрые товарищи.

Получивъ приказаніе отправляться въ отрядъ, гдѣ ожидали движенія, мы, возвратившись на квартиру въ станицу и приготовивъ все къ походу, сѣли на коней и отправились сперва въ крѣпость, чтобы захватить Вегелина, который тоже отправлялся въ отрядъ; М. А. Назимовъ уѣхалъ еще раньше.

У Вегелина былъ слуга изъ Россіи, молодой малый, а намъ генералъ далъ донскаго казака; мы уложили всѣ наши вещи въ телѣгу и направились къ Кубани. Крѣпость была расположена на высокой горѣ, и дорога внизъ къ рѣкѣ была высѣчена въ скалѣ, имѣя съ одной стороны отвѣсную стѣну, а съ другой скатъ, поросшій луговою зеленою травой.

Мы съ Вегелинымъ ѣхали верхомъ, а братъ присѣлъ сзади на повозку, но потомъ сошелъ, и только что слѣзъ съ повозки, какъ лошадь въ возу какъ-то оступилась, телѣга попала на край кручи и въ тотъ же моментъ опрокинулась; лошадь, кучеръ, возъ—все это полетѣло внизъ. Мы были увѣрены, что и лошадь, и человѣкъ были убиты, такъ какъ возъ, по крайней мѣрѣ, пять или шесть разъ перевертывался, пока долетѣлъ до низу,—и что же?! Оказалось, что возъ даже не развязался, такъ крѣпко онъ былъ увязанъ, лошадь осталась невредимой, человѣкъ тоже, только на нѣсколько минутъ, какъ будто, потерялъ сознаніе отъ страшнаго круженія.

Гора эта составляла берегъ Кубани и была очень высока. Отдѣлавшись такъ счастливо, мы отъ всего сердца возблагодарили Бога и, спустившись внизъ, пе-

реправились за Кубань въ бродъ. Въ то же время въ отрядъ шелъ казачій полкъ, съ которымъ мы и располагали идти вмѣстѣ; но потомъ узнали, что полкъ остался дневать на той сторонѣ рѣки. Пускаться въ ночь однимъ было опасно, то и мы тоже расположились на ночлегъ возлѣ полка. Подъ большимъ вѣтвистымъ дубомъ мы разостлали свои бурки, велѣли разложить костеръ, поставили чайникъ и, осушивъ его, передали людямъ чай и сахаръ, а сами улеглись спать. Безграничная степь, ароматный чистѣйшій воздухъ, шумъ быстрой Кубани скоро насъ усыпили.

Фырканье лошадей и собиравшіяся тучи хотя и предвѣщали дождь, но ночь прошла покойно. Съ разсвѣтомъ мы пустились въ путь и только что тронулись съ мѣста, какъ началась гроза и пошелъ дождь, но бурки и башлыки не дали намъ его почувствовать, да къ счастію нашему и дождь шелъ съ перерывами и часто разъяснивало. Вся эта дорога отъ Кубани до Лабы, гдѣ стоялъ нашъ отрядъ, простиралась на 50 или 60 верстъ, и вся эта сторона Кубани находилась во владѣніи мирныхъ черкесовъ, обитавшихъ по берегу Кубани. Не смотря на то тутъ часто появлялись хищническія партіи, переходившія черезъ Кубань для грабежа. Онѣ угоняли скотину у казаковъ на линіи, а иногда и у своихъ братьевъ, мирныхъ черкесовъ. Такъ однажды, года два тому назадъ — какъ разсказывалъ нашъ казакъ—отправлено было 26 донскихъ казаковъ для слѣдованія въ какую-то крѣпостцу. На рѣкѣ Чемлыкѣ, единственной на этомъ пространствѣ, они остановились напоить своихъ лошадей, а затѣмъ пустились дальше, но, къ несчастію, въ безпорядкѣ, безъ всякой

предосторожности; одни уже выѣхали, другіе досѣдлывали лошадей и одинъ за другимъ выѣзжали, растянувшись на большое пространство, какъ вдругъ передовые на отдаленномъ курганѣ увидѣли что-то черное, но какъ тамъ очень часто встрѣчаются огромной величины орлы, которые садятся на вершины кургановъ, то они и приняли этотъ черный предметъ за орла, однакоже мгновенно исчезнувшаго. Это былъ черкесъ въ буркѣ, которая, расширенная, дѣйствительно представляетъ вдалекѣ подобіе орла,—и это постоянная уловка хищниковъ. Въ тотъ же моментъ изъ-за кургана помчалась на нихъ цѣлая хищническая стая, человѣкъ во сто; казаки потерялись отъ этой неожиданности, нѣкоторые стали стрѣлять, другіе отбивались шашками, но какъ всѣ были разрознены, то дѣло окончилось тѣмъ, что 19-ть человѣкъ были убиты, а остальные взяты въ плѣнъ. Слушая разсказъ казака объ этомъ и о другихъ происшествіяхъ, мы сами вдругъ увидѣли вдалекѣ что-то быстро несущееся противъ насъ; по пересѣченной же мѣстности мы не могли сначала разсмотрѣть, что это такое, такъ какъ при спускахъ они пропадали, а при подъемѣ показывались снова; когда же мы увидѣли человѣкъ шесть или восемь всадниковъ, въ черкесскихъ папахахъ, съ винтовками за спиной, то, признаюсь, нѣсколько сконфузились, хотя и приготовили свои ружья. Казакъ нашъ, также какъ и мы, признавъ ихъ за черкесовъ, но не знавши, мирные ли то были или хищники, внезапно пустился въ сторону отъ дороги, что намъ сначала могло показаться за бѣгство; но онъ, сдѣлавъ полукружіе, возвратился на дорогу. Вслѣдъ за этимъ маневромъ увидѣли, что изъ той пар-

тіи отдѣлился также одинъ всадникъ и, сдѣлавъ такое же полукружіе, возвратился; тогда только нашъ казакъ растолковалъ намъ, что это былъ условный сигналъ между нашими и мирными черкесами; если же съ той стороны не повторится сигналъ, то надо было готовиться къ бою или пускаться на утекъ, когда силы были не соразмѣрны. Это былъ посланный изъ лагеря на линіи съ депешей отъ генерала изъ штаба. Послѣ этой встрѣчи, которая произошла почти на половинѣ дороги, намъ оставалось до Чемлыка верстъ десять. Мы очень обрадовались этому привалу съ водой и подъ сѣнью деревъ, росшихъ на берегу. Разумѣется, мы и до этого отдыхали раза два, такъ какъ разстояніе было большое и намъ, уже отвыкшимъ отъ верховой ѣзды, въ которой упражнялись въ Сибири, проѣхать его было трудновато.

Около Чемлыка тянутся небольшія возвышенности, на одной изъ которыхъ тогда уже былъ выстроенъ казачій постъ, человѣкъ на 80; строилась также казарма, офицерскія квартиры, конюшни, и все это окружалось канавой и валомъ. На высотахъ по дорогѣ уже поставлены были казачьи пикеты съ вышками для наблюденія за появленіемъ непріятеля, такъ что крѣпостца была совершенно безопасна отъ внезапныхъ нападеній. Когда лошади наши выкормились, мы отдохнули, закусили хлѣбомъ съ водицей, такъ какъ, располагая выступить съ Кубани еще передъ вечеромъ, съ казачьимъ полкомъ, мы не взяли съ собой съѣстныхъ припасовъ, надѣясь все это найти въ лагерѣ у маркитантовъ, и пустились ужъ въ окончательный путь. Отъ Чемлыка до Лабы, гдѣ стоялъ отрядъ, было 10 верстъ; на этомъ перехо-

дѣ—тѣ же степи и та же богатая растительность. По всей дорогѣ безпрестанно попадались красивыя, зеленыя и красноватыя ящерицы, очень крупныя; онѣ проскользали около ногъ лошадей, а иногда и граціозно поднимались и какъ бы съ удивленіемъ смотрѣли на незванныхъ гостей, нарушившихъ ихъ незыблемый покой подъ тѣнью ароматической и густой травы.

Подъѣзжая къ лагерю, мы увидѣли многочисленную команду солдатъ, косившихъ эту роскошную траву, скошенные ряды которой походили на валы болѣе аршина вышиною. Тутъ же попались намъ фуры, идущія изъ лагеря на линію, вѣроятно за провіантомъ.

Наконецъ, около самаго лагеря мы увидѣли верблюдовъ, которыхъ такъ испугались наши лошади, что едва можно было ихъ сдержать. Двѣ стороны прямоугольника занимали 4 батальона нашего Кабардинскаго полка и артиллерія; третій фасъ занимала кавалерія, казаки и милиціонеры, а въ четвертомъ новостроившаяся крѣпость, подъ названіемъ Махошевской просѣки. Въ центрѣ возвышалась большая палатка съ крестомъ—это была походная церковь. Подъѣхавши къ указанному намъ мѣсту, мы увидѣли знакомую намъ юрту, въ которой кочевали во время перехода нашего изъ Читы въ Петровскій и которую такъ часто посѣщали потомъ при нашихъ разъѣздахъ въ Минусинскъ.

Товарищи наши уже ожидали насъ; мы крѣпко-крѣпко обнялись, какъ старые друзья, нѣсколько лѣтъ пившіе одну горькую чашу, соединившую насъ неразрывной и самой сладостной братской дружбой. Насъ помѣстили въ юртѣ, напоили чаемъ, накормили, что было очень кстати послѣ такого перехода и голодухи. Въ разспро-

сахъ, отвѣтахъ и разсказахъ время пролетѣло быстро; затрубили зорю по сигнальной ракетѣ и пушечному выстрѣлу и тутъ еще въ первый разъ наша молитва слилась съ молитвою нашихъ самоотверженныхъ воиновъ, всегда готовыхъ умереть за свою родину и православную вѣру. И вотъ мы снова воины, теперь уже въ непріятельской сторонѣ, подъ навѣсомъ палатокъ и юртъ, среди товарищей, съ которыми сроднились въ теченіи заключенія; а между тѣми, которые тамъ еще оставались, и нами теперь уже легло пространство на многія тысячи верстъ. Все, что насъ окружало, уже не похоже ни на море, ни на Петербургскіе лагери, ни на мирную и трудолюбивую жизнь тишайшаго Минусинска.

Тутъ все ново для насъ, все интересуетъ, возбуждаетъ духъ, воинственно настраиваетъ, и теперь даже не остается и тѣни того раздумья, тѣхъ опасеній, которыя приходили въ голову на пути къ Кавказу и иногда щемили сердце и обращали взоры къ мирной прежней жизни—спокойствію и довольству, но это было дурное, неблагодарное чувство маловѣрія и малодушія. Теперь мы уже не обращались назадъ, а всецѣло и съ радостью предались водительству пресвятаго и преблагого промысла Божія!

Изъ нашихъ товарищей-декабристовъ въ отрядѣ были Мих. Мих. Нарышкинъ, Мих. Алек. Назимовъ, Алек. Ив. Вегелинъ и Конст. Евстафьевичъ Игельштромъ.

Когда мы пріѣхали, то въ юртѣ Нарышкина всѣхъ насъ помѣщалось пять человѣкъ.

Отрядъ строилъ Махошевское укрѣпленіе и потому мы стояли на мѣстѣ. Однажды только при насъ генералъ Зассъ сдѣлалъ одинъ изъ своихъ летучихъ набѣ-

говъ, тронувшись съ кавалеріей передъ вечеромъ и приказавъ слѣдовать за собой одному баталіону пѣхоты. Аулъ былъ, конечно, уничтоженъ и Зассъ возвратился.

Въ отрядѣ нашемъ было прекрасное общество офицеровъ, много было изъ прикомандированныхъ гвардейцевъ и штабныхъ, а также изъ пѣхотныхъ закаленныхъ въ бою кавказскихъ офицеровъ, и время проходило весьма пріятно. Тутъ мы сошлись съ Петромъ и Сергѣемъ Павловичами Мезенцовыми; Петра Павл. я впослѣдствіи потерялъ изъ виду, а Сергѣй Павл. былъ убитъ въ Севастополѣ, уже командиромъ полка, присоединившись къ сонму героевъ, павшихъ за честь отечества и изумившихъ міръ своимъ непобѣдимымъ мужествомъ. Въ этомъ же отрядѣ былъ Краснокутскій, еще юношей, поручикомъ, сколько помнится, Гродненскаго гусарскаго полка, а потомъ уже генералъ-адъютантомъ, племянникъ нашего товарища Краснокутскаго, съ которымъ мы видѣлись въ Красноярскѣ проѣздомъ на Кавказъ; Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, братъ поэта, былъ постояннымъ посѣтителемъ нашей юрты, очень пріятный, веселый собесѣдникъ и острякъ, передъ которымъ, помню, за чаемъ ставилась всегда бутылка рома и осушалась имъ между разговорами, не производя на него никакого дѣйствія, — такъ онъ былъ крѣпокъ. Юнкеръ Черновъ также былъ близокъ съ нами; онъ перешелъ во Владикавказскій казачій полкъ и потомъ уже, въ турецкую компанію, въ арміи генерала Муравьева-Карскаго, командовалъ, со славою, летучимъ отрядомъ, о чемъ я съ удовольствіемъ прочелъ въ газетахъ. Два брата Аторщиковы, близнецы, удивительно похожіе другъ на друга, состояли при гене-

ралѣ Зассѣ. Я упомянулъ только о тѣхъ, съ которыми мы были короче знакомы, но сверхъ того часто бывали у насъ наши баталіонные командиры, которые относились къ намъ самымъ дружескимъ образомъ и никогда не давали намъ почувствовать нашего солдатскаго ранга.

Хотя періодическія изданія получались рѣдко, но были книги, шахматы, военные разсказы о текущихъ дѣлахъ и хищническихъ набѣгахъ, веселыя шутки и шалости молодежи, въ которыхъ особенно Игельштромъ былъ неистощимъ; онъ былъ, какъ я прежде упомянулъ о немъ, премилый человѣкъ, но когда онъ выбиралъ свою жертву, то нужно было имѣть не только терпѣніе, но и много короткой дружбы, чтобы не разсердиться уже не на шутку. Болѣе всѣхъ онъ преслѣдовалъ своими шалостями нашего вѣчнаго диктатора и своего товарища Вегелина, который послѣ обѣда всегда ложился спать на своей изъ кольевъ и жердей устроенной постели, подъ пологомъ, чтобы ни мухи, ни комары не тревожили его сна, но, на бѣду, являлся Игельштромъ, набиралъ нѣсколько мухъ, подкрадывался къ его ложу, осторожно приподымалъ край полога и пускалъ мухъ, наблюдая за ихъ партизанскимъ дѣйствіемъ. Всѣ мы, смотрѣвшіе на эти продѣлки, сдерживали смѣхъ, чтобы не ускорить пробужденія. Черезъ нѣсколько минутъ Вегелинъ начиналъ отмахиваться, вопрошая мухъ, откуда онѣ забрались, не смотря на тщательно заткнутыя полы, поднималъ край полога, выгонялъ мухъ и снова укладывался; гонитель же его, выждавъ храпѣніе, снова повторялъ операцію; тотъ снова выгонялъ мухъ и, услышавъ нашъ сдержанный хохотъ, догадывался и говорилъ съ досадой: „ужъ это вѣрно несносный школьникъ

Игельштромъ"! Еще въ лагерной жизни пріятное развлеченіе составляло купанье въ рѣкѣ Лабѣ, весьма быстрой и свѣтлой, гдѣ всегда много было солдатъ купающихся; ежедневныя прогулки по лагерю, всегда оглашаемому молодецкими, а иногда очень затрогивающими сердце пѣснями солдатъ, изъ которыхъ мы запомнили и вынесли съ собой одну, пѣтую превосходно пришедшими изъ Россіи маршевыми батальонами: „Рѣченька, рѣчка быстрая", мотивомъ своимъ производившую чрезвычайно грустное и въ то же время очень пріятное впечатлѣніе. Случались и кутежи въ нѣкоторыхъ офицерскихъ палаткахъ съ пѣніемъ, бубнами и пляской, иногда такою, можетъ быть, про которую говоритъ пословица: „нужда пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ". Когда генералъ бывалъ въ лагерѣ, то около его избы, по временамъ, играла музыка; такъ что вообще, при новыхъ для насъ ощущеніяхъ и новыхъ явленіяхъ, жилось очень пріятно; но это продолжалось недолго.

Нашъ Кабардинскій полкъ былъ вызванъ въ трехбатальонномъ составѣ на лѣвый флангъ, для дѣйствія противъ возмущенныхъ Шамилемъ чеченцевъ. Одинъ первый батальонъ оставался, остальные же выступили чрезъ Ставрополь на Терекъ. Мы простились съ Мих. Мих. Нарышкинымъ и Мих. Алекс. Назимовымъ и супругой Нарышкина Елизаветой Петровной, жившей въ станицѣ Прочный Окопъ, и отправились за полкомъ. При этомъ переходѣ погода была прекрасная, ночлеги и дневки въ чистенькихъ казачьихъ хатахъ самые покойные; вступленіе въ станицы съ военной музыкой, не слышанной нами въ теченіи 15-ти лѣтняго заточенія

и теперь снова напоминавшей намъ о давно минувшемъ новый край, ожиданіе дѣлъ съ горцами, надежда на выслугу и возвращеніе на родину,—все это вмѣстѣ взятое производило въ насъ самое пріятное настроеніе.

Переправившись черезъ Терекъ, не доходя станицы Червленой, штабъ-квартиры Гребенскаго полка, мы пошли на крѣпость Грозную, гдѣ и стали лагеремъ вмѣстѣ съ другими полками чеченскаго отряда, въ ожиданіи командующаго войсками, генерала Павла Христофоровича Граббе, который вскорѣ и прибылъ. Объѣхавши выстроившійся отрядъ и поздоровавшись съ батальонами, онъ приказалъ выступить. Загремѣли барабаны и трубы; затѣмъ раздались звуки воодушевляющей музыки и отрядъ тронулся въ боевомъ кавказскомъ порядкѣ.

XXI.

Кавказскія экспедиціи.

Кавказскія экспедиціи того времени всѣмъ извѣстны по многимъ описаніямъ людей, хорошо знакомыхъ съ Кавказской войной и изучившихъ весь ходъ этой многолѣтней борьбы цивилизаціи съ варварствомъ, искупительнаго креста съ полумѣсяцемъ. Поэтому я буду говорить въ своихъ воспоминаніяхъ только о томъ, что самъ видѣлъ или что̀ слышалъ отъ самихъ участниковъ; передамъ только свои ощущенія и впечатлѣнія при различныхъ случайностяхъ и выдающихся явле-

ніяхъ этихъ экспедицій. Къ тому же мы двигались, вмѣстѣ съ массой кавказскихъ бойцовъ, такъ же безотчетно, какъ двигалась эта масса, не зная ни плановъ, ни предначертаній двигавшихъ ее вождей.

Всѣ экспедиціи 1840-хъ годовъ похожи одна на другую. Съ разсвѣтомъ—генералъ-маршъ, затѣмъ—по возамъ и, наконецъ, сборъ и выступленіе. Мы эту музыку такъ изучили, что потомъ и въ Россіи уже долго повторяли ее, вспоминая Кавказъ. Впереди авангардъ, въ срединѣ колонна съ обозомъ, на флангахъ цѣпи стрѣлковъ съ резервами и аріергардъ. Съ первымъ вступленіемъ въ лѣсъ этой первой нашей экспедиціи, уже началась перестрѣлка, и вотъ уже явилось совсѣмъ новое ощущеніе; пролетъ свистящихъ пуль давалъ понять, что каждая изъ нихъ могла быть смертельна; но сознавалось также и то, что онѣ пущены по массѣ, безъ цѣли, наугадъ и, слѣдовательно, попадаетъ только роковая; но все же надо признаться, что и такая перестрѣлка нѣсколько ускоряла біеніе сердца. На арріергардъ всегда болѣе насѣдалъ непріятель, а когда насѣданіе усиливалось и дѣлалось дерзкимъ, тогда отрядъ останавливался, выдвигались орудія и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ картечью непріятель отступалъ и движеніе продолжалось; если же гдѣ попадались стога съ сѣномъ или скирды съ кукурузой и просомъ, то все это предавалось огню отряженными командами. Послѣ этихъ операцій ожесточеніе горцевъ усиливалось, что и выражалось въ ожесточенной пальбѣ въ цѣпяхъ и арріергардѣ, гдѣ всегда и были раненые, а иногда и убитые. Войска распредѣлялись по очереди: въ арріергардъ, авангардъ, цѣпи, обозъ или колонну. На походѣ,

во время привaлов для отдыха, выбиралась болѣе открытая мѣстность и тогда всѣ останавливались на своихъ мѣстахъ. Офицеры закусывали, кто что имѣлъ; солдаты сухарями съ водицей, по пословицѣ: „хлѣбъ да вода — то солдатская ѣда“. Мы же съ братомъ имѣли въ карманахъ сыръ, водку въ стклянкѣ и хлѣбъ. Однажды при такой закускѣ, какая-то шальная пуля посѣтила насъ и пробила шинель Вегелину, который воскликнулъ: „ахъ, канальство, вѣдь эдакъ можетъ послѣдовать несвареніе желудка!“ Всѣ мы посмѣялись, но все же подумали, что на полный желудокъ опаснѣе быть раненымъ, хотя это не отняло у всѣхъ насъ апетита. Тутъ же съ нами завтракали и нашъ ротный командиръ Влад. Вас. Астафьевъ, о которомъ скажу далѣе, такъ какъ это была личность, выходящая изъ ряда обыкновенныхъ.

По окончаніи всего, разрушительнаго для горцевъ, перехода, останавливались на ночлегъ со всѣми военными предосторожностями и, конечно, усталые—крѣпко спали; но случалсоь, что вдругъ поднималась тревога, когда секреты, обыкновенно закладываемые по разнымъ скрытымъ мѣстамъ, открывали огонь, — знакъ приближенія врага. Тутъ, конечно, поднималась суета, всѣ вскакивали, разбирались изъ козелъ ружья и всѣ выстраивались, въ минуту готовые къ бою. При насъ серьезныхъ ночныхъ нападеній не случалось; но однажды была тревога въ нѣсколько выстрѣловъ, причемъ наша палатка была прострѣлена.

Съ остановкой на ночлегъ, въ минуту выростало кочевое селеніе изъ палатокъ; лошади ставились въ коновязи, варилась незатѣйливая солдатская кашица, такъ

какъ въ тѣ времена еще не заботились такъ о пищевомъ довольствѣ солдатъ, какъ нынче; за офицерскими палатками ставились чайники для чаю; случалась вода превосходная, а иногда такая, что ее нельзя было употреблять на чай, пока она не отстоится. У нѣкоторыхъ же были водоочистительныя машинки. Послѣ цѣлаго дня перестрѣлки и возбужденнаго состоянія, когда были раненые и убитые, особенно когда приходилось идти въ цѣпи при дивизіонныхъ резервахъ, и когда пули летали очень обильно, то отдыхъ, чай, трубки, бесѣды и разсказы подъ навѣсомъ палатки и временная безопасность были очень отрадны. Какъ проходилъ одинъ день экспедиціи, такъ точно проходилъ другой и третій и т. д., но между ними случались и дневки, и тогда дѣлались движенія только на аулы близьлежащіе одною какою нибудь частью отряда, которая, по совершеніи опустошенія, возвращалась въ лагерь.

Такимъ образомъ, пройдя и истребивъ все, что попадалось на пути отряда, той дорогой, которая была избрана командующимъ, отрядъ возвратился въ Грозную. Но тутъ уже стояли недолго, такъ какъ въ эту осень положено было пройти всю Большую Чечню.

Во время этой стоянки случилось появленіе конной партіи горцевъ, которая, погарцевавъ передъ крѣпостью, встрѣченная изъ орудій гранатами, конечно скоро разсѣялась. Крѣпость Грозная была тогда не то, что теперь; тогдашній форштатъ ея состоялъ изъ небольшихъ домиковъ съ глиняными полами, маленькими окнами, русскою печкой и баснословнымъ множествомъ блохъ и таракановъ. Во время дождей, сношенія между офицерами только и могли поддерживаться верхомъ,

потому что всѣ улицы были до того полны грязью, что лошади съ трудомъ переступали.

Между этими двумя экспедиціями, когда мы стояли лагеремъ передъ кр. Грозной, въ одно утро приходитъ прислуживающій намъ солдатъ и говоритъ, что какой-то юнкеръ желаетъ насъ видѣть; мы попросили войти въ палатку, и каково же было наше изумленіе, когда въ этомъ юнкерѣ мы узнали нашего поистинѣ и вполнѣ несчастнаго товарища, сожителя въ Петербургѣ, нашего офицера и невольнаго предателя Дивова, о которомъ я упомянулъ въ главѣ описанія 14-го декабря. По выходѣ изъ крѣпостныхъ работъ, послѣ 12-ти или 13-ти лѣтъ, сокращенныхъ по случаю рожденія в. к. Михаила Николаевича, онъ былъ опредѣленъ въ линейный батальонъ въ крѣпость Анапу, на Черноморскомъ берегу, гдѣ у него была постоянная лихорадка. Онъ просился въ лѣвый флангъ въ нашъ дѣйствующій отрядъ и, благодаря участію начальниковъ, его прикомандировали къ одному изъ полковъ нашего отряда. Мы пріютили его въ своей палаткѣ и онъ пошелъ съ нами вмѣстѣ въ экспедицію.

Когда прибылъ командующій войсками, отрядъ двинулся въ Большую Чечню. Походъ этотъ былъ повтореніемъ Мало-Чеченскаго, съ той только разницей, что мѣстность была новая, а чеченцы злѣе. Въ эту экспедицію былъ убитъ нашъ кабардинскій маіоръ, котораго и вывезли въ Грозную. Въ одинъ изъ дней похода нашъ Кабардинскій полкъ былъ отряженъ по какой-то боковой дорогѣ, лѣсомъ, для уничтоженія мятежнаго аула іохимовъ (мѣстное названіе врачей), не смотря на ихъ благодѣтельное родовое ремесло; нужно замѣтить, что дѣйствительно черкесскіе врачи отлично лечатъ раны,

не считая отвратительнымъ очищеніе ранъ высасываніемъ изъ нихъ матеріи. Многіе изъ офицеровъ и въ томъ числѣ поручикъ Навагинскаго полка Дейеръ, хорошій нашъ пріятель, братъ бывшаго предсѣдателя Московскаго окружнаго суда, лечился у черкеса.

Мы шли тихо лѣсомъ за вожакомъ, о которомъ солдаты другъ другу сообщали свои подозрѣнія, какъ бы онъ не навелъ насъ на какую нибудь засаду; мы шли довольно долго, хотя и быстро, но вотъ сквозь чащу лѣса, наконецъ, открылся большой аулъ, а около него кукурузное поле уже съ одними огромными штампами, показывавшими, какой величины была кукуруза въ этомъ благодѣтельномъ климатѣ. Нѣсколько гранатъ были пущены по аулу, въ отвѣтъ на которыя отозвалось нѣсколько выстрѣловъ и отряженныя команды заняли аулъ, но уже пустой, такъ какъ горцы, вѣроятно, были извѣщены и выбрались въ лѣсъ съ женщинами, имуществомъ и скотомъ. Оставались только куры, за которыми тотчасъ же и начиналась охота, любимое занятіе солдатъ. Куры, конечно, поднимали страшный гвалтъ, летали съ оглушительнымъ крикомъ отъ незванныхъ гостей, которые также неистово бросались на нихъ: летятъ полѣна, камни, фуражки и солдатъ съ добычей. Мнѣ разсказывали, что когда-то на правомъ флангѣ былъ взятъ аулъ. Командующій, кажется г. Линденъ, ѣхалъ по аулу, какъ вдругъ получаетъ сильный ударъ въ голову; онъ схватился рукой и полагалъ, что пораженъ пулей, а это было просто одно изъ полѣнъ, пущенныхъ по курамъ сильной рукой солдатика, поспѣшившаго ускользнуть отъ бѣды. Обшарить саклю, прибрать, что попадетъ подъ руку, поймать или зашибить

курицу, подцѣпить барана — это страсть солдата. Невольно разсмѣешься, когда бывало увидишь, что солдатикъ, и безъ того порядочно нагруженный ружьемъ, патронами, мѣшкомъ съ вещами и сухарями, не тяготится тащить подъ мышкой еще курицу, а часто и цѣлаго барана. „Солдату гдѣ взять", говоритъ онъ.

По уничтоженіи аула, отрядъ нашъ присоединился къ главной колоннѣ. Однажды, также еще въ началѣ движенія, открыли гдѣ-то въ лѣсу баранту (стадо овецъ); тотчасъ же поскакала впередъ кавалерія, и нашему батальону приказано было слѣдовать за нею, на случай, еслибъ при барантѣ оказалась значительная партія черкесовъ. У меня была тогда лошадь, которую я купилъ еще на Кубани, безсильная и страшно спотыкливая. Колонна пошла мостомъ, а казаки и всѣ верховые пустились въ бродъ, кажется, то была рѣка Аксай. Противоположный берегъ былъ довольно крутъ, глиняный грунтъ его превратился въ грязь отъ переѣхавшей конницы и былъ такъ скользокъ, что мой плохой конь поскользнулся, опрокинулся и стремглавъ полетѣлъ въ рѣку вмѣстѣ со мной, но, какъ-то счастливо, я упалъ съ него прежде, потому не былъ придавленъ, а очутился лежащимъ въ водѣ; конечно, я быстро вскочилъ, вода не доходила до колѣна, схватилъ поводъ, поднялъ лошадь и выбрался на берегъ, весь мокрый, принужденный отстать отъ батальона, который уже скрылся въ лѣсу; фуражка же моя отправилась по теченію, но, къ счастью, была поднята и возвращена мнѣ стрѣлкомъ, переходившимъ рѣку въ бродъ. Этотъ случай могъ бы отозваться для меня какой нибудь горячкой или лихорадкой, такъ какъ былъ сильный и холодный вѣтеръ и октябрь мѣсяцъ,

но, къ счастію, къ намъ въ это самое время подъѣхалъ квартирмейстеръ отряда, тогда еще штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба, баронъ Н. А. Вревскій, и объявилъ, что здѣсь назначенъ ночлегъ для отряда. Мы помѣстились въ саклѣ оставленнаго чеченцами аула, какъ и всѣ другіе; развели огонь; я обсушился, перемѣнилъ мокрое бѣлье и потомъ уже всѣ насладились чаемъ.

Сакли у черкесовъ—простыя мазанки съ глинянымъ поломъ, крѣпко и гладко убитымъ, и такими же стѣнами, внизу которыхъ сдѣланы выступы; между окнами и дверью пылающій каминъ—тепло, сухо и уютно. Это такъ называемая кунацкая, гдѣ собираются мужчины, а въ женское отдѣленіе ведетъ низенькая дверь, въ которую входитъ только одинъ мужъ—глава дома. Погоня наша окончилась успѣшно, баранта была забрана и прислана въ лагерь.

При окончаніи экспедиціи въ Большой Чечнѣ, въ другой разъ нашъ полкъ былъ опять отряженъ для взятія аула, съ романическимъ именемъ Фортанго, на прелестной кристальной рѣчкѣ того же имени. Этотъ аулъ былъ уже пограничнымъ и находился между лѣсомъ и возвышенностями, окаймляющими эту равнину. Главный отрядъ отправился прямо, мы же, подходя къ аулу, увидѣли на опушкѣ лѣса конныхъ и пѣшихъ черкесовъ; жители аула, какъ всегда, переправляли женщинъ, дѣтей, имущество и скотъ въ лѣсъ, но мужское населеніе не хотѣло отдать своего аула безъ боя и открыло по отряду сильный огонь. Равнина, на которой стоялъ аулъ, была покрыта сплошь высокой травой и въ ней-то залегли ихъ стрѣлки; а наши двѣ роты прилегли къ канавѣ, окружавшей аулъ. На это мѣсто

пріѣхалъ г.-ад. Мих. Лабынцевъ и, въѣхавъ на холмъ, остановился на немъ, а вся свита его была около него, въ которой были и мы съ братомъ, Вегелинъ и при немъ состоявшій юнкеръ Бенкендорфъ. Вся свита и генералъ были хорошо видны чеченцамъ при свѣтломъ солнечномъ днѣ и они поддерживали весьма оживленный огонь, но изъ всей группы верховыхъ свиты, человѣкъ до двадцати, одинъ только Бенкендорфъ былъ контуженъ въ локоть. Когда совершилось дѣло разрушенія, то части отряда, подъ прикрытіемъ арріергарда и стрѣлковъ, переправились черезъ рѣчку; вслѣдъ же затѣмъ постепенно переправлялась остальная арріергардная колонна и ея цѣпи стрѣлковъ, занимавшія оставляемыя сакли и плетни. Живая между тѣмъ перестрѣлка все еще не умолкала. Чеченцы, какъ звѣри, перебѣгали съ мѣста на мѣсто, занимая оставляемыя отступавшими стрѣлками позиціи, и посылали въ насъ градъ пуль, по счастію поспѣшными, безъ прицѣла, выстрѣлами и потому безвредными. Наконецъ, всѣ перешли рѣку и весь отрядъ двинулся впередъ подъ прикрытіемъ арріергардныхъ орудій, и вслѣдъ затѣмъ перешли рѣчку толпы чеченцевъ; но тутъ преслѣдованіе бѣгущихъ было уже безполезно. Отрядъ шелъ по широкой равнинѣ, окраенной съ одной стороны горами, а съ другой—лѣсомъ и рѣкою.

Огонь началъ утихать, выстрѣлы становились рѣже и, наконецъ, совсѣмъ прекратились; но все еще подъѣзжали къ цѣпи верховые джигиты на лихихъ коняхъ, вызывая на бой нашихъ всадниковъ, которые принимали вызовъ, выѣзжали за цѣпь, мѣнялись выстрѣлами и возвращались къ отряду. Солнце стало склоняться

къ горизонту; дорога ровная и гладкая; въ отрядѣ раздавались веселыя пѣсни, какъ будто передъ тѣмъ ничего не происходило. Веселый говоръ раздавался въ рядахъ солдатъ и между ѣдущими по сторонамъ офицерами. Всѣ мы были довольны окончаніемъ экспедиціи и долженствующимъ наступить отдыхомъ. Этотъ походъ былъ для насъ съ братомъ самый пріятный и веселый. Когда уже стемнѣло, мы подошли къ общему лагерю; бивачные огоньки блистали повсюду, вездѣ живая картина безпечной военной жизни, гдѣ сегодня веселятся, не заботясь о томъ, что завтра, можетъ быть, грозныя носилки примутъ наши обезображенные члены! Какая противоположность! Прелестная роскошная природа, свѣтлыя небеса, безпечно журчащіе струи живописной рѣки, картина мира и тишины—и ожесточенная борьба человѣка, проливающаго съ наслажденіемъ кровь своего ближняго, хотя и врага.

Въ одномъ изъ этихъ движеній, въ той экспедиціи, погибъ нашъ бѣдный и вполнѣ несчастный Диловъ. Мы шли въ цѣпи около какой-то рѣки. Чеченцы насѣдали на арріергардъ и цѣпи. Онъ шелъ позади насъ и вдругъ быстро подходитъ къ намъ и говоритъ, что онъ раненъ и, какъ ему казалось, около ступни; несмотря на то, онъ еще шелъ нѣкоторое время, но потомъ ослабѣлъ и былъ отведенъ на перевязочный пунктъ, гдѣ оказалось, что пуля прошла около колѣна и раздробила кость. Послѣ экспедиціи перевезли его на линію въ Червленскій походный лазаретъ. Рана оказалась опасною и, протомившись еще около 2-хъ мѣсяцевъ, онъ умеръ. Письма его къ намъ, уже слабой рукой писанныя, хранятся у меня, какъ памятникъ нашей дружбы, его стра-

даній и несчастій. Поистинѣ замѣчательна была судьба этого человѣка: юный, прекрасный собой, умный, образованный, онъ только начиналъ жизнь, жадно упивался ея наслажденіями, какъ внезапно порывъ бури въ одно мгновеніе разбиваетъ ея обольщенія и его самого!

Пройдя всю Большую Чечню, отрядъ снова возвратился въ крѣпость Грозную, но и на этотъ разъ простоялъ недолго. Въ эту же осень онъ тронулся изъ Грозной за Сунжу для истребленія чеченскихъ хутановъ, пріютившихся въ дремучемъ Сунженскомъ лѣсу. Отрядомъ командовалъ нашъ дивизіонный генералъ Галафѣевъ. Рѣку мы перешли въ бродъ и помню, что намъ, новичкамъ, было очень страшно переправляться въ темнотѣ по каменистому руслу, состоящему изъ большихъ, круглыхъ камней, между тѣмъ какъ вода доходила до брюха лошади, при чрезвычайно быстромъ теченіи; споткнись лошадь или упади—гибель была неизбѣжна. Въ этой экспедиціи привычная лошадь нашего генерала Лабынцева никакъ не хотѣла идти въ рѣку, несмотря на то, что онъ хлесталъ ее плетью и шпорилъ, и такъ долго не шла, что онъ пересѣлъ на другую. Случай этотъ послужилъ поводомъ къ разнымъ суевѣрнымъ толкамъ между солдатами, что это не къ добру, къ несчастью,—что и оправдалось.

Перейдя рѣку, мы вступили буквально въ дремучій лѣсъ, гдѣ пролегала сначала кой-какая дорога, по которой можно еще было идти, хотя въ сжатомъ и узкомъ строѣ; но далѣе уже надо было идти по узкой лѣсной тропинкѣ. Два наши кабардинскіе батальона шли въ арріергардѣ; когда открывались хутаны, отряжались команды для сожженія скирдовъ сѣна и хлѣба и сакель,

причемъ слѣдовало со стороны непріятеля ожесточенное преслѣдованіе арріергарда во время нашего дальнѣйшаго движенія. Тогда арріергардъ останавливался, орудія снимались съ передковъ и картечь на время удерживала натискъ. Но вотъ тропинка такъ съузилась, что люди должны были идти поодиночно гуськомъ, горныя орудія раздѣляли арріергардныя батальоны и чрезвычайно стѣсняли дорогу; отрядъ растянулся на огромное разстояніе, пальба въ цѣпяхъ и арріергардѣ шла своимъ порядкомъ, отчего въ лѣсу стоялъ ужасный гулъ, мѣшающій командѣ, — потому всѣ двигались впередъ, не зная того, что дѣлается сзади. Такимъ образомъ батальонъ, шедшій впереди, дошелъ до рѣки Сунжи, текущей здѣсь большими извилинами. Отряду было приказано ген. Галафѣевымъ, по мѣрѣ перехода частей отряда рѣки, остановиться и ожидать новыхъ приказаній. Весь отрядъ уже переправился и тогда только замѣтили, что слѣдовавшаго за нимъ батальона нѣтъ, а затѣмъ уже услышали сильнѣйшую перестрѣлку; крики „ура“, барабанный бой тревоги, что уже означало сильный и горячій рукопашный бой. Всѣ офицеры, а также и мы съ братомъ, умоляли командира 4-го арріергарднаго батальона идти на помощь, такъ какъ батальонъ, отставши, вѣроятно, былъ окруженъ и могъ погибнуть весь, но командиръ былъ глухъ къ убѣжденіямъ, твердя одно, что приказано, перейдя рѣку, ожидать распоряженій. Арріергардомъ командовалъ Лабынцевъ, нашъ полковой командиръ, человѣкъ испытанной геройской храбрости; но тутъ его положеніе и положеніе его батальона было отчаянное. Вѣроятно, прежде не было извѣстно, что въ этотъ лѣсъ, въ эту ночь, пришелъ самъ

Шамиль съ 6,000 человѣкъ. Зная, что узкая дорога должна была разобщить отрядъ, онъ только ожидалъ, чтобъ передовыя войска перешли Сунжу, и тогда ударилъ со всѣхъ сторонъ на покинутый батальонъ, цѣпи котораго все время поддерживали сильную перестрѣлку обычнымъ порядкомъ; когда же весь отрядъ подвинулся за Сунжу и цѣпи стали переходить извилины рѣки, которая извивалась здѣсь змѣей и появлялась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, вдругъ масса накидывается на цѣпи и рубитъ шашками переходящихъ воду стрѣлковъ. Гвардейскаго финскаго стрѣлковаго батальона храбрый офицеръ Валеніусъ, благороднѣйшая личность, защищался шашкой сколько было силъ, стрѣлки тоже дрались и штыками и прикладами, но масса одолѣла и цѣпи были вырѣзаны и прорваны, и вся сила навалилась на батальонъ, который, подъ начальствомъ своихъ закаленныхъ въ бою ротныхъ командировъ, стоялъ твердо; не смотря на неравенство силъ, лѣсную трущобу, всѣ они храбро отбивались на всѣ стороны безпрерывной пальбой залпами, а иногда штыками и прикладами. Между ротными командирами особенно выдавался своимъ хладнокровіемъ и геройствомъ штабсъ-капитанъ Струковъ, о которомъ я уже упоминалъ при описаніи набѣговъ Засса. Въ это время изъ цѣпи пробрался къ генералу штабсъ-капитанъ Карево 2-й и объявилъ ему, что цѣпь вырѣзана. Генералъ сейчасъ же послалъ черкесскаго, нашей службы, офицера изъ своей свиты просить подкрѣпленія у начальника отряда. Тотъ на своемъ черкесскомъ конѣ проскакалъ мимо насъ, какъ вихрь, и тотчасъ же привезъ приказаніе идти на помощь. Какъ только батальонъ нашъ перешелъ обратно рѣку, то самъ

собой пустился бѣгомъ на выручку своихъ, пылая мщеніемъ, и какая бы пошла штыковая работа озлобленныхъ солдатъ, если бы они застали еще черкесовъ, но тѣ тотчасъ съ Шамилемъ отступили въ лѣсную чащу.

Когда мы пришли на мѣсто битвы, глазамъ нашимъ представилось грустное зрѣлище: тутъ несли всѣхъ убитыхъ и въ числѣ ихъ ротнаго командира по фамиліи, кажется, Бѣлимовъ, и Веленіуса, уже совершенно обнаженныхъ; тѣла ихъ были покрыты страшными кинжальными и шашечными ранами. Послѣ этого дѣла самъ командующій войсками Граббе повелъ отрядъ въ лѣсъ на поиски Шамиля, а нашъ батальонъ отправилъ въ Грозную за боевыми снарядами, которыхъ, вѣроятно, уже не доставало. Но такъ какъ Шамиль исчезъ, то отрядъ возвратился въ Грозную, а потомъ былъ отпущенъ на зимнія квартиры.

Во время этихъ чеченскихъ экспедицій и всѣхъ другихъ, нельзя не вспомнить человѣка, бывшаго истинной отрадой всѣхъ офицеровъ какъ нашего батальона, такъ и другихъ; это былъ нашъ капитанъ Владиміръ Васильевичъ Астафьевъ, въ палаткѣ котораго мы стояли во время похода. Этого рода люди—испытанное сокровище въ военныхъ походахъ. Этотъ человѣкъ любилъ жизнь и ея мирныя наслажденія, даже самыя обыденныя, до страсти. Это, впрочемъ, дѣлается понятнымъ, когда вспомнишь тогдашнее кавказское время, когда экспедиціи были почти безпрерывны, а съ ними и всѣ лишенія, не говоря объ опасностяхъ, увѣчьяхъ и смерти, которой особенно отвращался Владиміръ Васильевичъ. Въ походахъ и ихъ трудностяхъ человѣкъ живетъ только воспоминаніями о теплой, сухой квар-

тирѣ, гдѣ не обдаетъ брызгами дождя, какъ въ палаткѣ, гдѣ вмѣсто сырой земли и бурки у него сухая и теплая постель, гдѣ въ свое время дадутъ обѣдать сытно, а утромъ и вечеромъ кофе или чай;—а воспоминанія эти навѣваютъ мечты о томъ, что и опять все это можетъ возвратиться. Въ этихъ-то воспоминаніяхъ и мечтахъ Влад. Вас. былъ неистощимъ, такъ что въ нашей палаткѣ до поздняго вечера просиживали многіе изъ товарищей и особенно часто бывалъ у насъ нашъ батальонный командиръ Констан. Семен. Трескинъ; онъ былъ очень веселаго характера, большой хохотунъ и разсказы Влад. Вас. были его наслажденіемъ. Правда, что Влад. Вас. обладалъ необыкновеннымъ даромъ не только разсказывать легко, пріятно и красно, но онъ умѣлъ такъ живо описывать каждое даже самое простое, обыкновенное и всѣмъ знакомое въ мирной жизни, и все это съ такимъ юморомъ и такимъ живымъ представленіемъ въ лицахъ всего выдающагося и смѣшнаго какъ въ другихъ, такъ и въ самомъ себѣ, что всѣ кругомъ него неудержимо хохотали и всѣ уходили изъ нашей палатки въ самомъ пріятномъ настроеніи; а это не бездѣлица въ теченіи экспедицій, гдѣ каждый день и каждый часъ подвергаешься опасности быть убитымъ или раненымъ съ переселеніемъ въ лазаретную палатку или могилу. Одна изъ смѣшныхъ сторонъ его была трусость, которую онъ не только не скрывалъ, но, напротивъ, выставлялъ въ самомъ смѣшномъ видѣ. Въ дѣлахъ онъ дѣйствовалъ, конечно, какъ должно благородному ротному командиру, но всегда имѣлъ видъ жертвы, ведомой на закланіе. Серьезный, молчаливый, съ взволнованнымъ, вытянутымъ лицомъ, онъ мастер-

ски умѣлъ избѣгать опасности и всегда старался выга дать для себя и своей роты хорошо защищенныя позиціи. Не помню уже, въ какой это было мѣстности, но помню, что отрядъ стоялъ въ какой-то ложбинѣ, окруженной возвышенностями; орудія обстрѣливали лѣсъ, гранаты посылались на одну высоту, гдѣ собралась значительная партія непріятеля. Мы въ это время были около нашего генерала, направлявшаго орудія, а потомъ подъѣхали къ своей ротѣ, позиція которой была выбрана Влад. Вас. отлично: рота была защищена небольшимъ холмикомъ, за которымъ расположились стрѣлки, поддерживая живую перестрѣлку съ непріятелемъ, занимавшимъ гору. Подъѣзжаемъ и видимъ нашего капитана, сидящимъ за ротой подъ тѣнью дерева и курящимъ трубку; это уже значило, что въ этомъ мѣстѣ онъ не подвергался опасности. Когда мы сошли съ лошадей и тоже закурили трубки, онъ сказалъ намъ шепотомъ: „болваны-то стрѣляютъ по-пустому; пуль, правда, летитъ много, да какъ стукнутся онѣ объ холмикъ, такъ рикошетомъ и черезъ, и ни одного раненаго“. Но если была опасность по мѣстности или учащенному огню и были раненые и убитые, то уже съ шутливой рѣчью къ нему не подходи: „какія тутъ шутки“, пресерьезно говоритъ онъ, „только вынеси Господи“. Зато чѣмъ сильнѣе были ощущенія дня, тѣмъ веселѣе онъ былъ въ палаткѣ вечеромъ за чаемъ и это только до слѣдующаго выступленія. Такъ онъ разсказывалъ намъ объ одной экспедиціи на правомъ флангѣ противъ абазеховъ, храбрѣйшаго племени горцевъ: какъ, однажды, они прорвались сквозь цѣпь и напали на обозъ, гдѣ онъ тогда находился съ ротой.

Онъ живописно представлялъ несущихся всадниковъ съ шашкой въ рукѣ и кинжаломъ въ зубахъ и ихъ дикій гикъ. „Тутъ, говорилъ онъ, я такъ струсилъ, что и небо мнѣ показалось съ овчинку; хорошо, что ихъ скоро прогнали, встрѣтивъ сильнымъ огнемъ; а я, не помня себя, только повторялъ: пали! пали! ну, уже и набрался же я тогда страху“. Это былъ, поистинѣ, единственный въ своемъ родѣ человѣкъ; всегда и во всемъ онъ возбуждалъ даже смѣхъ самаго серьезнаго человѣка. Къ несчастью, онъ былъ горячій картежникъ, конечно, въ надеждѣ улучшить свои карманныя обстоятельства. Иванъ Мих. Лабынцевъ, командиръ полка, часто распекалъ его за это и даже грозилъ въ случаѣ, если онъ до безобразія проиграется, выключить его изъ полка. Какъ-то въ походѣ мы ѣдемъ съ нимъ рядомъ, а мимо впередъ проѣзжаетъ генералъ; онъ же, указывая на него, съ усмѣшкой говоритъ намъ шепотомъ: „вѣдь онъ думаетъ, что эта лошадь и шинель мои, а между тѣмъ и то, и другое уже проиграно“.

— Какъ это, Влад. Вас., вы такъ безхарактерны, что не можете удержать себя отъ этой страсти?

— Увлеченіе, говорилъ онъ; да и то думаю: проиграюсь, убьютъ — нечего будетъ дѣлить наслѣдникамъ; а выиграю много, поправлюсь и тотчасъ же въ отпускъ, а тамъ и въ отставку, и поминай какъ звали!

Въ походѣ онъ имѣлъ обыкновеніе приказывать стлать себѣ непремѣнно чистую простыню, тогда какъ никогда не раздѣвался и часто, въ дождливое время, ложился въ грязныхъ сапогахъ, а когда, смѣясь, мы ему замѣчали это, то онъ отвѣчалъ: „все же чище“. Былъ онъ небольшаго роста, имѣлъ доброе, но въ то же время

простое лицо, съ довольно толстымъ и краснымъ носомъ, что дѣлало его физіономію нѣсколько похожею съ зайцемъ, да и вообще онъ былъ некрасивъ.

Послѣ Сунженской экспедиціи, когда ему снова небо показалось съ овчинку, увидавши такъ близко смерть, онъ еще болѣе сталъ и отбиваться отъ нея. Нашъ батальонъ прислали въ крѣпость за снарядами, пріемка которыхъ продолжалась съ вечера до 3-хъ часовъ ночи. Въ ожиданіи подъема, мы взяли квартиру, напились чаю и расположились заснуть. Лежа на кровати и вспоминая всѣ перепетіи страшнаго дня, онъ говоритъ „нѣтъ, ужъ теперь я не попадусь, и если будетъ мнѣ плохо, знаю, что увижу во снѣ, какъ видѣлъ это дѣло, и тогда боленъ и въ лазаретъ“!

Съ подъемомъ мы сѣли на лошадей, и, выходя изъ крѣпости, онъ ужасно боялся волчьихъ ямъ, вырытыхъ передъ входомъ, и очень смѣшилъ насъ. Наконецъ, мы пришли къ Сунжѣ, остановились на опушкѣ лѣса по эту сторону рѣки, а по другую сторону былъ весь отрядъ съ командующимъ войсками генер. Граббе. Мы ожидали приказаній на мѣстѣ; шелъ дождь, всѣ офицеры надѣли башлыки, бурки, шинели, а костюмъ Влад. Вас. состоялъ изъ его старой, полинялой, сине-сѣрой шинели и коротенькой бурки, которая однимъ своимъ видомъ возбуждала смѣхъ. Всѣ кружкомъ стояли около огня, едва-едва разгоравшагося. Было холодно, мокро, гадко, а между тѣмъ весь кружокъ офицеровъ хохоталъ, слушая Вл. Вас. Потомъ уже въ Россіи я слышалъ отъ кого-то, что онъ умеръ уже маіоромъ, но не во фронтѣ, а гдѣ-то воинскимъ начальникомъ. Всѣ, служившіе съ нимъ, никогда его не забудутъ.

Да вообще, во время нашихъ экспедицій не мало было забавныхъ эпизодовъ. Такъ помню, что, стоя около аула, въ то время какъ производилось его опустошеніе, орудія бросали гранаты по лѣсу, мы увидѣли въ сторонѣ батальоннаго доктора въ кукурузѣ; онъ также былъ верхомъ; но когда пролетѣла пуля, хотя уже безвредная, онъ соскочилъ съ лошади и поставилъ ее такъ, чтобъ оградить себя ею отъ какой-нибудь шальной пули. По физіономіи можно было видѣть, что онъ не былъ равнодушенъ къ этимъ шаловливымъ гостьямъ и очень былъ озабоченъ, чтобъ лошадь его стояла смирно; но, какъ-то затянувъ поводъ, онъ совсѣмъ стянулъ уздечку и, боясь нажить новую бѣду, упустивъ лошадь, уцѣпился за ея шею, но все же наблюдая, чтобъ она была между нимъ и ауломъ. Не помню уже: мы ли или кто изъ бывшихъ тутъ солдатъ помогъ ему надѣть узду; но растерянная фигура его въ эту минуту была такъ смѣшна, что мы хохотали до слезъ, конечно, не давая ему этого замѣтить. Уже взятый аулъ, безопасность положенія — такъ какъ непріятельскія пули изъ лѣса пролетали рѣдко — конечно, много способствовали этому веселому настроенію.

Первый годъ нашего пріѣзда на Кавказъ въ военномъ отношеніи для насъ кончился сунженской экспедиціей, послѣ которой всѣ начальствующіе разъѣхались, а войска стали на зимнія квартиры. Насъ отпустили въ Прочный-Окопъ, гдѣ оставались всѣ наши вещи, которыхъ мы не взяли съ собой, полагая, что отозваніе нашего полка на лѣвый флангъ было временнымъ, а вышло, что оно сдѣлалось постояннымъ. Мы съ братомъ и Вегелинымъ верхомъ и проѣхали всю линію до Проч-

наго-Окопа, что, я думаю, составитъ не менѣе 800 верстъ. Въ Прочномъ-Окопѣ мы заняли квартиру очень просторную, въ три или четыре комнаты съ кухней, очень веселенькую, на самомъ берегу Кубани, но въ которой кухня обладала такимъ громаднымъ количествомъ черныхъ и красныхъ таракановъ, что когда бывало входишь въ нее со свѣчей, то стѣнъ почти не было видно. Впрочемъ, кухня намъ и не была нужна, такъ какъ столъ мы имѣли у Михаила Михайловича Нарышкина.

Мих. Мих. и жена его Елизавета Петр., рожденная графиня Коновницына, жили въ довольно большомъ домѣ на Широкой улицѣ; при домѣ былъ садъ съ желтыми и черными сливами, который впрочемъ и не походилъ на садъ, какъ мы понимаемъ, потому что тутъ не было ни дорожекъ, ни плана, а просто группа фруктовыхъ деревьевъ, каковы и всѣ сады по кавказской линіи. Общество наше въ Прочномъ-Окопѣ составляли товарищи наши: Назимовъ, Нарышкины, иногда Загорѣцкій и мы съ братомъ. Въ то же время былъ еще изъ нашихъ товарищей Лихаревъ, но онъ въ это же лѣто былъ въ экспедиціи съ Куринскимъ полкомъ, въ которомъ находился, и подъ Валерикомъ убитъ; когда мы въ послѣднюю экспедицію нашу проходили Валерикъ, то увидѣли, что могилы нашихъ убитыхъ были разрыты и тѣла павшихъ обнажены, ограблены и изуродованы этими чеченскими варварами. Тутъ же ихъ похоронили снова.

Всѣ наши товарищи уже были портупей-юнкерами, такъ какъ вступили въ службу раньше насъ, а мы за экспедицію были произведены въ унтеръ-офицеры.

Въ Прочномъ-Окопѣ стояла артиллерійская бригада,

командиромъ которой былъ полковникъ Ганъ. Семейство его состояло изъ жены и 2-хъ взрослыхъ дочерей. Тутъ же была штабъ-квартира Кубанскаго полка и жилъ командиръ, полковникъ Фитингофъ, котораго мы часто посѣщали, а когда онъ дѣлалъ ученье знаменитой тогда Прочно-Окопской сотнѣ, то мы всегда присутствовали, любуясь удивительной удалью этихъ казаковъ, скакавшихъ на колѣняхъ во весь карьеръ.

Всѣ эти лица бывали по вечерамъ у Нарыщкиныхъ, и такъ какъ Елизавета Петр. прекрасно пѣла, а дочери полковника Гана тоже были музыкантши, то мы часто наслаждались прекрасной музыкой, такъ что жизнь въ Прочномъ-Окопѣ была очень пріятна. Кромѣ того у Нарышкиныхъ было много хорошихъ книгъ, получались иностранные и русскіе журналы—и время летѣло незамѣтно. Предпринимались частыя прогулки по улицамъ станицы и за станицу, а однажды составилась поѣздка за Кубань въ одинъ изъ мирныхъ черкесскихъ ауловъ, по предложенію полковника Гана. Аулъ былъ искони мирный и жители его были въ кунацкихъ, т. е. дружескихъ отношеніяхъ съ русскими.

Въ прогулкѣ участвовали: Мих. Мих. Нарышкинъ съ Елиз. Петр., Ганъ съ женой и дочерьми, Назимовъ, Загорѣцкій и мы съ братомъ. Дамы отправились въ колясках, а мы всѣ въ крытой линейкѣ. Переѣхавъ въ бродъ рѣку, мы пошли къ аулу, гдѣ насъ встрѣтили хозяева съ большимъ почетомъ. Сейчасъ вынесли передъ саклю низенькіе черкесскіе столики и поставили пропасть кушаній, разумѣется, въ азіатскомъ вкусѣ. Не помню подробностей угощенія, но помню, что тутъ были и знаменитый кавказскій шашлыкъ и ка-

кія-то пирожныя, очень вкусныя, а также сушеныя фрукты. Пока мы тутъ угощались, составился хороводъ; дѣвушки, переплетясь руками, монотонно и плавно качаясь, двигались кругомъ подъ звуки музыки, которая была убійственна; инструменты ея состояли изъ сопѣлокъ, барабана, бубна и еще какого-то струннаго въ родѣ балалайки. Женщины поглядывали на гостей сквозь плетни, какъ казалось, съ большимъ любопытствомъ. Пробывъ часа два, походивши передъ ауломъ и заходя въ чистенькія сакли, мы направились домой, поблагодаривъ хозяевъ и, конечно, одаривъ, вѣроятно щедро, такъ какъ Нарышкинъ былъ человѣкъ богатый, весьма щедрый и великодушный. Погода была прекрасная и теплая, кажется, то былъ мартъ или февраль: всѣ пожелали возвратиться домой пѣшкомъ по берегу живописной рѣки, для сокращенія дороги и прогулки, а потому отпустили экипажи, въ которыхъ берегомъ нельзя было ѣхать. Лѣсъ подходилъ къ самому берегу, представляя огромныя промоины, овраги, заваленные упавшими деревьями, такъ что чѣмъ далѣе, тѣмъ дорога становилась непроходимѣе. Тутъ мы стали помышлять, какъ бы возвратиться и сѣсть въ экипажи, но они уже были далеко и пришлось покориться своей участи. Мужчины раздѣлили между собой дамъ, изъ которыхъ Елиз. Петр. Нарышкина была болѣзненна и слаба; еще болѣе была слаба и къ тому же очень труслива m-me Ганъ, а мужъ ея, по толщинѣ своей, не могъ ее вести, такъ какъ и самъ едва переводилъ духъ, и ее уже провожалъ, помнится, Мих. Алекс. Назимовъ; дѣвицы Ганъ были подвижны, но и имъ тоже понадобились провожатые. Мы подвигались очень медленно,

какъ вдругъ, къ довершенію этого бедственнаго похода, слышимъ сильный трескъ въ лѣсной чащѣ. Въ первую минуту намъ пришло въ голову: не хищники ли это, и тогда, о ужасъ! что ожидало бы несчастныхъ дамъ, которыя страшно испугались. Къ несчастію, всѣ мы были безоружны, только у насъ съ братомъ были кинжалы при черкескахъ, въ которыхъ мы были. Не медвѣдь ли то былъ? Тоже не хорошо; всѣ мы бросились въ лѣсъ, продираясь сквозь чащу, чтобы предупредить опасность и удостовѣриться, въ чемъ она заключается, и, къ общему удовольствію, увидѣли буйволовъ, и тогда дамы наши успокоились. Все это путешествіе наше продолжалось очень долго и мы вошли въ станицу въ 11 часовъ ночи. Дамы наши были утомлены до изнеможенія, такъ какъ дорога была ужасная.

Такъ прошло наше первое полугодіе на Кавказѣ съ путешествіемъ въ 5—6 тысячъ верстъ, тремя экспедиціями и пріятнымъ отдыхомъ въ Прочномъ-Окопѣ. Съ ранней весной надо было собираться и ѣхать къ своему полку, снова на лѣвый флангъ. Пасху мы встрѣтили еще въ Прочномъ-Окопѣ, разговѣлись у Мих. Мих. и Елиз. Петр. Нарышкиныхъ и распростились съ ними и нашими товарищами. Мы не пошли съ первымъ нашимъ батальономъ, который отправлялся туда же, а, забравъ свои вещи, поѣхали на перекладныхъ по линіи чрезъ всѣ казачьи станицы. Это было на святой недѣлѣ и мы ѣхали среди общаго веселья и локованья; все населеніе (въ праздничныхъ одеждахъ), группы молодыхъ казачекъ и казаковъ разгуливали по всѣмъ улицамъ съ пѣснями, пляской подъ звукъ гармоніи; а вечеромъ по всѣмъ перекресткамъ хороводы, шумъ, гамъ

и беззаботное веселье. Вообще все казачье населеніе отличается своей живостью и веселостью. Передъ домами на скамьяхъ сидятъ пожилые казаки и ведутъ неумолкаемыя бесѣды: о различныхъ военныхъ случайностяхъ, объ экспедиціяхъ, молодецкихъ подвигахъ; и, дѣйствительно, въ тѣ времена было о чемъ говорить на Кавказѣ, такъ какъ это было время самаго большаго могущества Шамиля, частыхъ набѣговъ на станицы и безпрестанныхъ тревогъ.

Первый батальонъ нашъ шелъ по линіи черезъ Пятигорскъ и тутъ случилось происшествіе, заслуживающее упоминанія. Батальонъ велъ капитанъ Каревъ: когда они вышли изъ Пятигорска, имъ случайно попался на встрѣчу пятигорскій протопопъ; Каревъ счелъ эту встрѣчу за дурное предзнаменованіе и, раздѣляя эту суевѣрную примѣту, къ стыду, со многими считающимися православными христіанами, вмѣсто того, чтобъ подойти и попросить благословеніе и молитвы за идущихъ на брань, приказалъ солдатамъ плевать и бросать песокъ въ ту сторону, гдѣ онъ стоялъ на холмѣ. Сконфуженный, опозоренный священникъ и, конечно, глубоко обиженный, не выдержалъ и не явилъ христіанскаго терпѣнія и смиренія и, подозвавъ одного унтеръ-офицера, замыкавшаго ряды, спросилъ: кто это ведетъ батальонъ? Тотъ отвѣчалъ, что капитанъ Каревъ; тогда онъ сказалъ: „передай же ему, что первая пуля будетъ ему“, что дѣйствительно и случилось.

Пріѣхавши въ Науръ, гдѣ уже имѣли знакомыхъ, мы распростились съ ними и верхомъ отправились въ Червленую, штабъ-квартиру Гребенскаго полка, а оттуда на переправу черезъ Терекъ, къ переправляющемуся от-

ряду. Экспедиція эта назначалась на Чиркей, огромный аулъ съ 10 тысячнымъ населеніемъ, который брать съ фронта было почти невозможно, такъ какъ построенный амфитеатромъ, онъ изъ каждой сакли могъ убійственнымъ огнемъ поражать приближающіяся войска, что и случилось въ прежнюю экспедицію съ Ширванскимъ полкомъ. Поэтому рѣшено было идти въ обходъ и взять аулъ сзади, съ другой его стороны. Мы пошли на крѣпость Внезапную, а за нею прошли лѣсистою мѣстностью, защищенною завалами, при постоянной перестрѣлкѣ, потомъ перешли р. Салемъ и шли между горами. На слѣдующій день была дневка. Когда при этой дневкѣ отрядъ расположился лагеремъ, командующему войсками генер. Граббе поставили юрту, и какъ теперь смотрю на него, прохаживающагося передъ нею съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ, курящаго и запивающаго чаемъ, какъ вдругъ съ близлежащей лѣсистой горы раздались выстрѣлы и пули засвистѣли около него, а другія попали въ юрту; не прекращая ни на минуту своей ходьбы съ трубкой, также спокойно и хладнокровно какъ прежде, онъ только отдалъ приказаніе занять эту гору и выбить непріятеля, тамъ собравшагося. Какъ нарочно былъ назначенъ первый батальонъ Кабардинскаго полка и еще другіе, и Каревъ, плевавшій на пятигорскаго протопопа, пошелъ занимать гору. Кабардинцы живо бросились впередъ и съ живой перестрѣлкой овладѣли горой; въ самомъ началѣ дѣла, дѣйствительно, пуля попала въ животъ Кареву, но по счастію или, лучше сказать, по милосердію Божію не пробила кишокъ и онъ остался живъ. Тутъ онъ вспомнилъ предсказаніе протопопа.

Дальнѣйшее движеніе отряда было задерживаемо частыми нападеніями съ горъ, когда приходилось слѣдовать около нихъ, такъ какъ вся эта страна гориста. На одной изъ дневокъ непріятель показался въ значительномъ числѣ и открылъ сильный огонь съ высотъ: къ несчастью, пришлось брать эту гору во время дождя и грязи; но на войнѣ не разбирается время. Скользкая почва много мѣшала нашимъ геройскимъ солдатамъ идти въ гору: они шли, упираясь штыками, подъ огнемъ непріятеля; тутъ же еще случилась страшная гроза, убившая двухъ солдатъ; и того и другаго зарыли въ землю по шею: на одного это средство подѣйствовало, на другаго же нѣтъ и онъ умеръ. Но несмотря ни на ярость стихій, ни на трудности крутаго подъема, наши самоотверженные солдаты поистинѣ геройски взяли высоту и сбили врага, который большими массами сталъ собираться на нашемъ пути, въ одномъ ущельѣ, которымъ необходимо было проходить и которое онъ сильно укрѣпилъ завалами и рвами. Въ слѣдующій день продолжалась перестрѣлка и мы остановились передъ ущельемъ. Тутъ уже лазутчики дали знать, что черкесы, во что-бы-то ни стало, рѣшились не пускать насъ далѣе къ Чиркею, такъ какъ они знали цѣль экспедиціи.

Съ вечера распредѣлили войска и рѣшили высотами, ограждавшими ущелье, идти въ обходъ заваламъ и, обойдя ихъ, взять непріятеля въ тылъ. Нашему батальону съ другими нашего полка назначена была правая сторона ущелья. Такъ какъ полагали, что непріятель собрался въ большомъ числѣ съ правой стороны, то къ намъ принесли больше носилокъ, бинтовъ, и было уве-

личено число фельдшеровъ для перевозокъ раненыхъ. Всю ночь на горахъ раздавалась ихъ воинственная духовная пѣснь „Элои Илаллахъ“, гулъ отъ которой, отзываясь эхомъ, разносился по всѣмъ лѣсистымъ горамъ, и не могу сказать, чтобъ производилъ пріятное впечатлѣніе. Мы долго передъ сномъ ходили около нашихъ палатокъ, прислушиваясь къ этому зловѣщему пѣнію. Звѣзды блистали великолѣпно на сводѣ небесномъ и невольно пробѣгала въ умѣ мысль, не въ послѣдній-ли разъ мы любовались ихъ красотой, но что же если и въ послѣдній!? Вѣруемъ, что красота небесной жизни безконечно выше, для души, этой матеріальной. Наступило утро, прекрасное, свѣтлое кавказское утро; пробили обычный генералъ-маршъ, по возамъ, сборъ — и все двинулось. Офицеры, а также и мы оставили лошадей при обозѣ, а сами пошли съ своей правой цѣпью, пѣшкомъ. Гора, по которой было назначено намъ идти, была очень высока; восхожденіе на нее съ ружьемъ, патронами, въ солдатской шинели, было для насъ съ братомъ истиннымъ подвигомъ. Мы взобрались на гору едва переводя духъ, облитые потомъ и, хотя въ полномъ изнеможеніи, однако не отставали отъ колонны. Какъ только вошли на гору, увидали, что непріятеля тутъ не было: онъ засѣлъ на другой горѣ, отдѣленной отъ насъ глубокимъ оврагомъ; но какъ цѣль движенія была обойти завалы и потомъ спуститься въ тылъ непріятелю, защищавшему завалы, то мы шли предводимые генераломъ Лабынцевымъ, хотя съ жаркой перестрѣлкой, но все же не такой жаркой, на какую указывали приготовленія. Колонна съ обозомъ подвигалась къ заваламъ, но прошла ихъ уже тогда, когда опусти-

лись горныя колонны и непріятель, не ожидая ихъ, отступилъ къ своимъ. И такъ дѣло это было страшнѣе въ ожиданіи, нежели оказалось въ дѣйствительности. Докторъ нашъ Павелъ Ив. Головинскій, въ палаткѣ котораго мы стояли, не оставилъ своей лошади въ обозѣ и, взъѣхавъ на ней на гору, велъ ее потомъ въ поводу. Надо было удивляться этой бѣлой кабардинкѣ; — она шла за нимъ, какъ драссированная охотничья собака; при спускахъ въ оврагахъ и рытвинахъ и самыхъ крутыхъ подъемахъ она шла такъ осторожно, что, несмотря на близкое разстояніе, ни разу не наступила на него: ни съ какой другой лошадью невозможно было бы идти по такимъ мѣстамъ. Послѣ нѣсколькихъ переходовъ мы соединились съ дагестанскимъ отрядомъ, которымъ командовалъ корпусный командиръ генер. Головинъ, перешедшій за Сликъ у Мятменскаго аула. Совокупно съ нашимъ отрядомъ взятъ аулъ Хубары и мы подошли къ Чиркею, который уже выслалъ старшинъ къ ген. Фезе, оставленному по ту сторону Сулика, и Чиркей сдался. Разумѣется, въ аулѣ уже никого не было, всѣ жители съ имуществомъ и скотиной ушли въ лѣса и горы и, какъ говорили, выдали атамановъ, т. е. заложниковъ, и на этотъ разъ аулъ былъ пощаженъ. Помню, что въ горахъ вьюки наши запоздали и долго ждали, пока разбили палатку и мы за чаемъ могли отдохнуть. Помнится также, что мы простояли двое или трое сутокъ. Солдатики наши, не теряя времени, начали посѣщать лѣсъ — не попадется ли какая добыча и, дѣйсвительно, многіе находили хорошіе ковры, нѣкоторую домашнюю утварь и кое-что изъ посуды. Это было потомъ запрещено, изъ опасенія какой нибудь засады. Со-

вершивъ покореніе аула, мы двинулись въ обратный путь къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, перешли Суликъ уже мирно и направились въ горы.

Помню, какъ потянулись горами наши вьюки, на какія страшныя крутизны они взбирались, имѣя по ту и другую сторону отвѣсныя пропасти, такъ что страшно было смотрѣть; конечно, нѣкоторые не миновали ихъ, оборвавшись; но такихъ случаевъ было весьма мало. Придя въ Шуру, войско расположилось лагеремъ, а начальствующіе заняли квартиры въ домахъ города. Эта стоянка была очень пріятна: мы каждый день изъ лагеря ходили въ городъ, посѣщали нѣкоторыхъ изъ своихъ начальниковъ, хорошо къ намъ расположенныхъ, иногда обѣдали у нихъ и потомъ возвращались въ лагерь, который былъ расположенъ въ одной верстѣ съ чѣмъ нибудь.

Потомъ мы пошли изъ Дагестана, прошли мимо аула, въ которомъ былъ убитъ бывшій прежде Шамиля имамомъ Кази-мула, который бралъ Кизляръ и вообще дѣйствовалъ очень смѣло, хотя и короткое время; помнится, что генералъ Вельяминовъ нарушилъ тогдашнее возстаніе.

Послѣ этой стоянки отрядъ нашъ направился къ ауламъ и салатаевцамъ Большой Чечни. Не помню названія перваго аула, кажется, Кишень, атакованнаго и взятаго. Помню только, что жители, по обыкневенію, покинули свои жилища; женщины съ имуществомъ и скотомъ удалились въ лѣсъ, а боевая часть населенія залегла по другую сторону огромнаго оврага, отдѣлявшаго аулъ отъ лѣса, и открыла сильный огонь по нашимъ ротамъ, которымъ тоже было приказано лечь,

чтобы не терять по пустому людей. При началѣ наступленія былъ раненъ драгунскій капитанъ Александръ Алексѣевичъ Сусловъ, впослѣдствіи командиръ Гребенскаго полка и извѣстный своими подвигами, изъ которыхъ замѣчателенъ совершенный имъ въ началѣ командованія полкомъ, когда онъ, при появленіи большой партіи, встрѣтилъ ее съ одной или двумя сотнями казаковъ и, бывъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, приказалъ повалить лошадей и за этимъ лошадинымъ валомъ отстрѣливался до тѣхъ поръ, пока не подошла на выручку пѣхота. Въ этомъ же дѣлѣ былъ съ нами поручикъ Дмитрій Петровичъ Фредриксъ, человѣкъ отчаянной храбрости, который, подъ самымъ сильнымъ огнемъ непріятеля стоялъ во все время при спѣшившихся и залегшихъ казакахъ во весь свой высокій ростъ, не трогаясь съ мѣста, такъ что помню, какъ одинъ изъ нашихъ черкесскихъ офицеровъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что этотъ офицеръ нарочно ищетъ смерти.

Конечно, дѣло это на краю оврага не могло долго продолжаться, такъ какъ подошедшія орудія, открывшія огонь картечью, скоро заставили ихъ убраться. Въ то же время стоянки приказано было раззорять аулъ и рубить фруктовыя деревья. Съ сердечнымъ сокрушеніемъ смотрѣлъ я, какъ одно за другимъ валились многовѣковыя, гигантскіе орѣшники, изъ которыхъ каждый кормилъ цѣлый годъ многолюдное семейство. Орѣховъ на нихъ бываетъ такое изобиліе, что, вывозимые на базары, они доставляли хлѣбъ и все нужное для дома— и все это гибло за то, что изувѣрству или фанатизму Шамиля угодно было поднять всѣ эти племена на без-

надежную, священную войну противъ насъ. По окончаніи дѣла разрушенія, снова началось движеніе на другіе аулы. Отступленіе наше было очень опасное, потому что непріятель, тотчасъ по выходѣ отряда, занялъ мѣстность аула и открылъ сильный огонь по арріергарду; такъ какъ дорога наша шла по равнинѣ, надъ которой по высотѣ господствовала мѣстность, занятая непріятелемъ съ нашего тыла и лѣваго фланга, то и потеря наша съ начала движенія была значительна. По мѣрѣ удаленія опасность уменьшалась, такъ какъ орудія могли дѣйствовать безпрепятственно. Помню, что потомъ мы шли по открытой мѣстности, гдѣ непріятель не осмѣлился-бы насъ преслѣдовать; но тутъ вдругъ упалъ такой густой туманъ, что въ 3-хъ шагахъ ничего не было видно. Отрядъ шелъ медленно, отъ времени до времени свистѣли пули непріятеля, который конечно и самъ не смѣлъ подходить близко, такъ какъ огонь артиллеріи держалъ его на почтительномъ разстояніи. Повидимому, ауховцы тоже покорились, хотя по наружности, и отрядъ нашъ отправился къ Внезапной, гдѣ войска занялись очищеніемъ дороги отъ молодаго лѣса, заглушившаго снова эти пути, прочищенные еще Ермоловымъ. Въ этомъ климатѣ растительность такъ могуча, что черезъ нѣсколько лѣтъ всѣ вырубленные лѣса снова представляютъ непроходимую чащу. Колючіе, густые кустарники, называемые „дереза", прорѣзываютъ сапоги, истребляютъ панталоны, такъ что переходъ по такимъ мѣстамъ чрезвычайно непріятенъ. Пройдя Ауховскую и смежную Большую Чечню, отрядъ возвратился въ Грозную, откуда еще были продолжаемы истребленія ауловъ и хлѣбовъ;

но насъ отпустили на линію, гдѣ были зимнія квартиры.

Мы съ братомъ, равно какъ и другіе наши товарищи декабристы, всегда участвовали во всѣхъ значительныхъ дѣлахъ и экспедиціяхъ, послѣ которыхъ благороднѣйшіе и великодушные начальники наши обыкновенно отпускали насъ на отдыхъ, зная, что мы опредѣлены были на Кавказъ милостію государя, доставлявщаго намъ этимъ средство дослужиться и достигнуть свободы и возвращенія на родину, и это уже послѣ 15-ти лѣтъ ссылки, работъ и заключенія въ казематѣ и, слѣдовательно, уже довольно вынесшихъ на своихъ плечахъ.

Первый годъ отдыха мы провели въ Прочномъ Окопѣ, а затѣмъ, когда зимнія квартиры Кабардинскаго полка были на линіи, то мы проводили въ станицѣ Нуарѣ, штабъ-квартирѣ Моздокскаго казачьяго полка.

Въ 1842 году была предпринята экспедиція Ичкеринскимъ лѣсомъ до соединенія съ дагестанскимъ отрядомъ генерала Клуге-фонъ-Клугенау. По причинѣ болѣзни брата, мы должны были оставаться въ крѣпости Грозной съ другими больными; но сообщаемый здѣсь разсказъ переданъ самими участниками и былъ тогда во всѣхъ устахъ.

При этой экспедиціи Шамиль воспользовался этой почти непроходимой мѣстностью для большаго отряда и занялъ весь лѣсъ огромными силами; устроивъ множество заваловъ, занялъ всѣ высоты, съ которыхъ могъ на выборъ поражать солдатъ, проходившихъ одинъ за другимъ узкія гребни, такъ что эта экспедиція уже въ самомъ началѣ оказалась много труднѣе, нежели ожи-

дали. По мѣрѣ того, какъ отрядъ подвигался впередъ, пальба была безпрерывная, огонь съ обѣихъ сторонъ не смолкалъ. Расходъ на патроны и снаряды былъ такъ великъ, что черезъ нѣсколько дней движенія, въ нихъ предвидѣлся уже недостатокъ — и это еще почти на половинѣ пути — и дальнѣйшее движеніе могло быть гибельно для отряда. Пока шли впередъ, войска хотя и много теряли людей, но все же они двигались несдержимо, не останавливаемые ни завалами, ни упорствомъ непріятеля; но вотъ когда подошли къ спуску въ обширную низменность долины, за которою слѣдовалъ подъемъ по отрогамъ Андійскаго хребта, и отрядъ остановился на ночлегъ, командующій войсками получилъ тревожное свѣдѣніе о могущемъ оказаться недостаткѣ боевыхъ снарядовъ и, вѣроятно, по совѣщаніи съ начальниками частей, рѣшился возвратиться обратно. Это рѣшеніе было роковымъ: какъ только на слѣдующее утро отрядъ двинулся обратно, черкесы ободрились, удвоили свой натискъ на арріергардъ и цѣпи, бросаясь въ шашки со своимъ яростнымъ гикомъ или, лучше сказать, воплемъ. Солдаты упали духомъ уже при первомъ объявленіи объ отступленіи, причемъ имъ снова приходилось проходить адскими трущобами при огромной уже потерѣ, такъ что наконецъ, къ несчастью, паническій страхъ овладѣлъ арріергардомъ, который сталъ напирать на переднихъ и отступленіе мало-по-малу превратилось въ бѣгство. Всѣ части разстроились, перемѣшались, а ободренные горцы тутъ уже прямо поражали бѣгущихъ, схватывая одной рукой за сумку, а другой— срубая голову. Тутъ уже не дрались, а спасались, кто куда могъ; восемь орудій были оставлены и достались

торжествующему непріятелю; но благодареніе Господу, торжество его было непродолжительно. Нашъ бывшій батальонный командиръ Константинъ Семеновичъ Трескинъ, никогда не выдававшійся особенной отвагой, да правду сказать: въ кавказской войнѣ батальонному командиру, при обыкновенныхъ экспедиціяхъ, и не приходилось отличаться ничѣмъ, кромѣ спокойнаго и хладнокровнаго наблюденія за батальономъ, находится ли онъ въ цѣпи, арріергардѣ или колоннѣ, но въ этотъ моментъ благородная кровь русскаго честнаго офицера закипѣла. Онъ со слезами стыда и ярости смотрѣлъ на нашъ позоръ, на геройскія войска, бѣгущія отъ ничтожнѣйшаго дикаго непріятеля, и въ эту минуту онъ такъ одушевился, такъ воспламенился, что, отступая въ сторону, вскричалъ: „Ребята, у кого есть Богъ, есть крестъ на груди, есть совѣсть — ко мнѣ!" Такъ какъ это былъ крикъ отчаянія и въ то же время крикъ доблести, устыдившій многихъ, услышавшихъ его, то къ нему сейчасъ же стали заворачивать безпорядочно отступавшіе, и около него въ сторонѣ тотчасъ сгруппировалась толпа изъ всѣхъ полковъ около батальона силою, и толпа уже сознавшая весь свой позоръ и пылавшая мщеніемъ. Онъ выстроилъ ихъ; одушевлять ихъ не нужно было, потому что всѣ сочувствовавшіе этому благородному зову, всѣ, конечно, геройскія войска, а если они увлеклись общимъ движеніемъ, то потому, что все пришло въ безпорядокъ и разстройство. Съ этой-то выстроенною и крѣпкою силою, онъ отчаянно бросился на преслѣдовавшаго непріятеля; ярость солдатъ, разожженныхъ энтузіазмомъ ведшаго ихъ начальника, была такъ велика, ударъ такъ ужасенъ, что все, бывшее передъ ними, легло, остальное

бѣжало, яростно преслѣдуемое; нагнаны увозимыя и мгновенно взяты потерянныя уже пушки, всѣ 9, кромѣ одной, которую черкесы сбросили съ кручи. Тотчасъ послѣ этого возстановился порядокъ. Кабардинцы были помѣщены въ арріергардъ; при движеніи впередъ они шли въ авангардѣ и болѣе другихъ подвергались огню непріятеля и потери, а потому ихъ теперь помѣстили было въ авангардъ, какъ бы на отдыхъ, такъ какъ вся сила нападенія должна была послѣдовать въ арріергардѣ; но когда всѣмъ отрядомъ овладѣлъ паническій страхъ и все разстроилось, то, при отбитіи непріятеля, опять были взяты кабардинцы, съ которыми Константинъ Семеновичъ и началъ правильное отступленіе эшелонами. Былъ жаркій день; онъ же былъ довольно толстъ и страдалъ отъ жары, а потому былъ въ одной чичунчевой рубашкѣ; сидѣлъ онъ на лошади, сопровождая каждый эшелонъ,—и какое довольство, какое наслажденіе долженъ онъ былъ чувствовать въ душѣ своей по совершеніи своего благороднаго подвига, возстановивъ честь русскаго знамени, исполнивъ священный долгъ присяги совѣсти, какъ вдругъ двѣ роковыя пули поразили его на смерть. Его смерть еще болѣе ожесточила солдатъ, которые снова готовы были съ остервененіемъ броситься на преслѣдующаго издали непріятеля. Не помню навѣрное, но, кажется, пустившіе эти двѣ пули были приколоты и, вѣроятно, не разъ и не два.

Узнавъ отъ своихъ лазутчиковъ о положеніи отряда ген. Граббе, начальникъ лѣваго фланга г. Фрейтагъ собралъ, что могъ, войска, и черезъ Горзель аулъ, наше укрѣпленіе около Ичкеринскаго лѣса, направился на помощь къ отяду Граббе. который и возвратился въ Чечню,

гдѣ для удержанія отъ набѣговъ безпокойныхъ чеченцевъ, на полугорѣ, отрядъ, къ которому и мы присоединились подъ начальствомъ Фрейтага, сталъ возводить укрѣпленіе, называемое Ошъ-Унгуръ, гдѣ мы и пробыли до заморозковъ.

У Роберта Карловича Фрейтага, къ холодному времени, была устроена довольно просторная землянка въ нѣсколько комнатъ, гдѣ по вечерамъ собирались штабные и другіе офицеры, гдѣ и мы также бывали почти каждый вечеръ. У него всегда составлялся преферансъ; партнерами почти постоянно были князь Лобановъ-Ростовскій и еще юнкеръ Нижегородскаго полка, Меллеръ-Закомельскій, другихъ же не помню. Въ другой комнатѣ играли въ шахматы, разсуждали о текущихъ военныхъ дѣлахъ и, вообще, все время построенія Ошъ-Унгурскаго укрѣпленія было очень пріятно. Да и можетъ ли иначе быть въ средѣ такого общества, какъ Робертъ Карловичъ Фрейтагъ, баронъ Ииолитъ Александровичъ Вревскій, Лобановъ, Меллеръ-Закомельскій, фонъ-деръ Паленъ, кажется, тогда офицеръ гвардейской артиллеріи, постоянный соперникъ мой въ шахматахъ, подполковникъ Тонскій, Фед. Ник. Веревкинъ и многіе другіе. Да и вообще все кавказское общество, среди котораго намъ случилось быть, жить и подвизаться во все время нашего пребыванія тамъ, было дѣйствительно избранное общество. Въ кавказской жизни, что наиболѣе поражало и привлекало всѣхъ пріѣзжавшихъ въ то время—это какой-то особенный строй жизни, простота обращенія, начиная съ самыхъ высшихъ до низшихъ, свобода отношеній между начальствующими и подчиненными,—и это при соблюденіи самой строгой и

серьезной дисциплины; скромность при самыхъ высокихъ доблестяхъ въ людяхъ, даже выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ и не сознававшихъ совершенныхъ ими подвиговъ, которые вездѣ были бы гордостью ихъ совершившихъ. Вотъ почему побывавшіе на Кавказѣ въ обществѣ этихъ благородныхъ, самоотверженныхъ и постоянныхъ борцевъ въ священной борьбѣ уже никогда не забудутъ ни этихъ дней, ни этихъ людей.

Во все время возведенія укрѣпленій въ Ошъ-Унгурѣ, тутъ производились обычныя малыя экспедиціи въ лѣсъ за дровами, на фуражировку и почти всегда съ ничтожной перестрѣлкой. Помню, что въ одной изъ нихъ мы срѣзали себѣ для чубуковъ нѣсколько молодыхъ черешень. Но главное нападеніе Шамиля тамъ состояло въ пушкѣ нашей (сброшенной съ кручи въ Ичкеринскую экспедицію), которую онъ ежедневно вывозилъ на высоту и стрѣлялъ по лагерю. Конечно, большаго вреда онъ не причинялъ, но все же высылались части войскъ, которыхъ чеченцы не дожидались и тотчасъ вывозили пушку въ лѣсную чащу и, вѣроятно, отлично запрятывали ее, такъ какъ поиски за ней были безуспѣшны.

Однажды былъ отданъ приказъ нашему полку приготовиться къ ночной экспедиціи. Князю Лобанову-Ростовскому былъ порученъ летучій отрядъ, съ которымъ онъ дѣлалъ развѣдки въ разныя стороны Чечни. Не знаю и не помню—отъ него или лазутчиковъ получено было свѣдѣніе, что въ эту ночь 2,000 человѣкъ конныхъ черкесовъ отправились въ хищническій набѣгъ, съ цѣлью отбить скотъ въ нѣкоторыхъ мирныхъ аулахъ. Съ наступленіемъ темноты отрядъ выступилъ. Ночь была такъ темна, что съ трудомъ можно было различить одинъ

другаго. Запрещено было куреніе, высѣканіе огня, стукъ ружей; колесы у орудійныхъ лафетовъ были подвязаны холстомъ, чтобъ не производить стука, словомъ, были употреблены всѣ предосторожности, чтобы внезапно накрыть партію хищниковъ. Въ одной какой-то канавѣ или ямѣ, помню, что моя лошадь опустилась и затѣмъ съ усиліемъ поднялась на высоту, такъ что я едва не свалился и порядкомъ струсилъ; упади я съ лошади и убѣги она — я въ этой тьмѣ и этой пустынѣ, конечно, погибъ бы безслѣдно. Долго такимъ образомъ мы шли, но ничего не было слышно, — буквально царствовала могильная тишина. По временамъ подъѣзжали верховые, передавая что-то шопотомъ начальству и снова исчезали во мракѣ.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ движенія, начался на востокѣ блѣдный просвѣтъ зари, отрядъ вошелъ въ лѣсъ, въ глубинѣ котораго былъ сдѣланъ привалъ и по деревьямъ разсажены часовые для наблюденія во всѣ стороны. Уже совсѣмъ разсвѣло, какъ двинулись далѣе съ такой же тишиной, а на второмъ привалѣ, когда только что стали закусывать у Роберта Карловича Фрейтага сыромъ, пирожками, какъ съ деревьевъ часовые дали знать, что показалась партія. Тотчасъ все поднялось и бросилось въ ту сторону, гдѣ она показалась. Выйдя изъ лѣса на большую поляну, увидѣли выстроенную партію въ двѣ тысячи человѣкъ конныхъ со значками. Фрейтагъ ѣхалъ впереди, заставляя солдатъ, навьюченныхъ порядкомъ, бѣжать бѣгомъ довольно большое разстояніе, такъ что изнемогавшіе солдаты глухо ворчали, и какъ только было пущено нѣсколько гранатъ одна за другою, изъ которыхъ нѣ-

сколько попало, въ ихъ рядахъ произошло колебаніе. Затѣмъ по мѣрѣ приближенія отряда и орудій, они вдругъ всѣ на рысяхъ пустились къ рѣчкѣ, не помню названія, гдѣ и предположено было ихъ захватить; но они уже не стали переправляться тутъ, а поискали далѣе другаго брода и спаслись, не успѣвши сдѣлать предположеннаго хищничества, благодаря своевременному выступленію отряда. Конныхъ милиціонеровъ у насъ было человѣкъ 60, и они, конечно, ничего не могли сдѣлать съ такой сильной партіей, которая и разсѣялась по лѣсу; а какъ пѣшій конному не товарищъ, то нашему пѣхотному отряду оставалось въ скучившуюся безпорядочную массу посылать гранаты и ядра, а въ бывшихъ на ближайшей дистанціи—и картечь, такъ что ихъ покушеніе обошлось имъ не дешево.

Возвратившись въ крѣпость, мы еще простояли въ Опъ-Унгурѣ до самой поздней осени; когда же начались порядочные утренники, то ночи становились довольно безпокойны, спать было холодно, а утренній чай пили подъ заледенѣвшими полями палатки. 19-го ноября отрядъ, по окончаніи работъ, тронулся на зимнія квартиры и переправился на эту сторону Терека. Мы возвращались вмѣстѣ съ нашимъ милѣйшимъ докторомъ Павломъ Ивановичемъ, который въ одномъ казачьемъ домикѣ велѣлъ хозяйкѣ принесть квасу, луку, такъ какъ у нея болѣе ничего не было, и накрошивши пропасть хлѣба и луку въ квасъ и крѣпко посоливши, мы весьма усердно занялись этой импровизованной окрошкой, въ которой собственно всю сущность послѣ хлѣба составлялъ лукъ въ огромномъ количествѣ.—Но-

чевали мы въ станицѣ Червленной, бывшей въ 7-ми верстахъ отъ переправы, откуда и уѣхали въ станицу Науръ, гдѣ зимовали.

XXII.

Науръ.

Въ станицѣ Наурѣ мы проводили все время, свободное отъ экспедицій. Здѣсь же я захватилъ лихорадку, которая съ перемежками продолжалась цѣлый годъ. Науръ есть для насъ мѣсто самыхъ пріятныхъ воспоминаній. Тутъ мы сошлись съ нѣсколькими семействами, которыхъ доброта, радушіе и искренняя пріязнь къ намъ составляли нашу истинную отраду. Одно семейство, постоянно тутъ жившее, состояло изъ вдовы прежняго полковаго командира Настасьи Ивановны Найденовой съ дочерьми, изъ коихъ старшая была вдовой, а младшая замужемъ за маіоромъ или войсковымъ старшиной Алексѣемъ Петровичемъ Баскаковымъ. Елизавета Ивановна, жена его, была очень молодая, очень хорошенькая, умненькая и образованная дамочка; всегда веселая, милая, она оживляла своимъ умомъ и пріятностью тѣсный кружокъ, у нихъ бывавшихъ, постоянныхъ жителей Наура. Несмотря на свой милый, веселый характеръ, она была страдалица по боевому положенію ея мужа, постоянно отправлявшагося въ экспедиціи съ казаками и часто весьма опасныя. „Какая это жизнь, говорила она, когда любящая жена должна каж-

дый день ожидать роковой вѣсти о мужѣ“. Тогда еще не было свободнаго перехода изъ казачьяго сословія и потому никуда нельзя было перейти. Помню, какъ однажды во время горячаго дѣла подъ Внезапной, куда подступилъ Шамиль и куда былъ собранъ налегкѣ отрядъ, гдѣ былъ Алексѣй Петровичъ, ея мужъ, мы пошли съ нею и другими знакомыми гулять и, вышедши за станицу, вдругъ увидѣли повозки съ ранеными, направляющимися въ госпиталь. Помню, какъ она поблѣднѣла и зашаталась и тогда только успокоилась, когда мы, разспросивши раненыхъ, могли передать ей, что мужъ ея живъ, здоровъ и скоро возвратится; когда же не было опасности, она считала себя совершенно счастливой и предавалась всей веселости своего милаго характера.

Старшая сестра ея была уже пожилая дама, очень умная и пріятная, но при своей милой, оживленной сестрѣ, конечно, не выдавалась. Старушка мать ея, какъ всѣ старики и старушки, жила воспоминаніями о минувшемъ. Почти каждый вечеръ собиралось наше маленькое общество или у нихъ, или у Венеровскихъ. У Найденовыхъ часто бывалъ полковой командиръ этого полка, у котораго по временамъ живалъ графъ Штейнбокъ, товарищъ его по Оранскому гусарскому полку, также бывавшій у нихъ, Дм. Петр. Фредриксъ и другіе. Часто бывалъ разговоръ очень оживленный и интересный, но вотъ подсаживается ко мнѣ старушка-мать и, не обращая вниманіе на то, что въ разговорѣ участвовалъ и я, начинаетъ разсказъ объ Анапѣ, гдѣ стоялъ полкъ, въ которомъ былъ ея мужъ, о танцахъ и веселостяхъ того времени, о томъ, какъ блистала на

балахъ ея Сашенька, тогда еще молодая дѣвушка, причемъ она прибавляла: „она вѣдь тогда была хороша: бѣлая, полная, румяная и какъ она носилась въ вальсѣ, и какъ всѣ военные, тамъ стоявшіе, перебивали ее другъ у друга“. Такимъ образомъ слухъ мой долженъ былъ двоиться: изъ вѣжливости слушая ее, а въ разговорѣ участвовать отрывочными фразами.

Что за гостепріимная и милая была эта семья Найденовыхъ! Съ какимъ пріятнымъ чувствомъ бывало идешь къ нимъ, а вечеромъ уходишь отъ нихъ всегда провожаемый сердечнымъ и привѣтливымъ „до свиданія“, и это ежедневно.

Это семейство было счастливое семейство. Потомъ и оно было поражено горемъ. Другое тутъ жившее было семейство Венеровскихъ, состоявшее изъ Олимпіады Ивановны, молодой прелестной вдовы только что убитаго въ экспедиціи кавказскаго героя, командира сосѣдняго Гребенскаго полка; изъ 70-лѣтней старушки, матери его, Татьяны Афанасьевны и сестры его Вѣры Антоновны. Это было несчастное семейство и ихъ несчастіе-то и сблизило насъ съ нимъ. Мужъ Олимп. Иван., Левъ Антоновичъ, былъ изъ числа тѣхъ кавказскихъ героевъ и наѣздниковъ, которыхъ ничто не могло удержать, если гдѣ предстояла опасность: ни ласки, ни просьбы, ни слезы прелестной жены. Эта отвага доходила у него до безразсудства. При первомъ ударѣ набатнаго колокола, возвѣщавшемъ о появленіи непріятеля, онъ уже былъ на конѣ, всегда осѣдланномъ и готовомъ, и, не дожидаясь конвоя, ни очередныхъ сотенъ, скакавшихъ за нимъ, онъ одинъ бросался въ ту сторону, гдѣ появлялся непріятель. Въ одной изъ такихъ экспедицій

онъ и былъ убитъ. Ударъ для семьи былъ дѣйствительно ужасенъ. Когда получено было роковое извѣстіе, молодая вдова его упала въ обморокъ и такой обморокъ, что лежала безъ признаковъ жизни болѣе полусутокъ, такъ что думали, не послѣдуетъ ли и она за нимъ. Сестра его въ своей скорби была даже страшна; она стояла, какъ истуканъ, при его гробѣ, съ неподвижно устремленными на покойнаго глазами, не шевеля ни однимъ членомъ, не произнеся ни одного слова, въ гробовомъ молчаніи. Подобная страшная скорбь была вторая, какую мнѣ случилось видѣть во всю мою жизнь. Первая подобная скорбь безъ слезъ, безъ движенія, подобіе живой статуи, была скорбь Никиты Михайловича Муравьева (декабриста) при смерти его жены, въ Читинскомъ заключеніи, Александры Григорьевны, рожденной графини Чернышевой, умершей родами.

Старушка мать убитаго, по прежнему, обычному въ старину, изъявленію скорби, вопила, призывая къ жизни любимое дѣтище; стонъ ее проникалъ въ сердце и не было возможности удержать слезъ при видѣ этой страшной скорби.

Такъ какъ Венеровскаго похоронили въ Наурѣ, (Червленная станица, штабъ-квартира полка, которымъ онъ командовалъ, была раскольничья), то и семейство переѣхало въ Науръ. Наше сердечное участіе въ ихъ несчастіи, религіозныя утѣшенія, постоянное посѣщеніе, чтеніе духовныхъ книгъ, духовныя бесѣды, располагавшія душу къ самоотверженной покорности всесвятой и всегда благой волѣ Божіей, такъ связали насъ съ ними, такою святой дружбой, что мы уже были для

нихъ какъ самые близкіе и самые любимые родные. Этотъ внезапный ударъ тѣмъ ужаснѣе былъ для Олимпіады Ивановны, что она страстно любила своего мужа. Самый союзъ ихъ былъ романическій. Она еще молодой дѣвочкой любила его; онъ былъ у нихъ въ домѣ какъ свой, когда служилъ приставомъ Закубанскихъ мирныхъ черкесовъ, а отецъ ея командовалъ полкомъ на Кубани. Левъ Ивановичъ былъ храбръ до безумія, твердъ, справедливъ, истинно любилъ своихъ горцевъ и дѣлалъ имъ много добра. Такіе люди для азіатцевъ драгоцѣнны и привязанность ихъ къ нему была безгранична. Родители Олимпіады Ивановны посвятили ее, по казачьему обычаю, не спросивъ ея согласія, одному высокопоставленному лицу въ кавказской гражданской іерархіи, но дочь ихъ не могла даже видѣть своего суженаго равнодушно. Не знаю, чей былъ починъ въ рѣшимости бѣгства, такъ какъ день свадьбы съ ненавистнымъ человѣкомъ приближался; только въ одну изъ прекрасныхъ тихихъ кавказскихъ ночей стройный всадникъ на лихомъ конѣ подъѣхалъ къ калиткѣ сада; робкая, но уже рѣшившаяся юная нарѣченная невѣста проскользнула въ калитку, могучей рукей поднята въ сѣдло и конь, которому въ быстротѣ не было подобныхъ въ этой мѣстности, умчалъ всадника и его драгоцѣнную ношу за нѣсколько десятковъ верстъ по берегу Кубани, переѣхалъ рѣку, а тутъ уже стояла арба, запряженная буйволами, убранная коврами по душистой травѣ, куда и посадили невѣсту. Похититель зналъ, что это сокровище не будетъ ему уступлено безъ борьбы и потому не повезъ ее въ ближайшую церковь, а повезъ объѣздомъ въ дальнюю,

азіатскимъ берегомъ Кубани, гдѣ уже все было готово. Сотня лихихъ и преданнѣйшихъ ему черкесовъ конвоировали влюбленную чету и на далекое разстояніе ихъ разъѣзды слѣдили за погоней.

Съ наступленіемъ утра горничная въ испугѣ извѣстила родителей объ исчезновеніи барышни, постланная постель которой не была даже помята. Сейчасъ же были собраны сотни казаковъ, въ карьеръ пустившихся по всѣмъ дорогамъ на розыски, объѣхали всѣ сосѣднія церкви, но, не найдя ничего, возвратились обратно. Отецъ, можетъ быть, и не хотѣлъ выдавать дочь противъ воли, но какъ мать, кажется, была главой мужа и къ тому же женщина гордая и честолюбивая, то этотъ побѣгъ ее крайне раздражилъ, и не помню хорошенько, но чуть ли она не прокляла дочь, знаю только то, что смерть мужа своего эта кроткая и смиренная дочь приписывала этому проклятію. Молодые послѣ вѣнца просили, какъ водится, прощенія и благословенія, но имъ было въ этомъ отказано и ужъ много времени прошло, когда мать примирилась съ дочерью. У Венеровскихъ были два сына и одна дочь, старшему было, при смерти отца, восемь лѣтъ, дочери пять и послѣднему сыну, Николинькѣ, три года. Всѣ дѣти были прелестны, но, какъ бы къ довершенію ея несчастія, двое меньшихъ умерли въ одну недѣлю отъ страшнаго крупа. Бѣдная мать была безутѣшна, но, какъ истинная христіанка, безропотно приняла и покорилась волѣ всемогущаго и всеблагаго Промысла.

Образъ этихъ милыхъ дѣтей долго не выходилъ изъ моихъ мыслей; мнѣ въ моей жизни еще не случалось быть свидѣтелемъ кончины дѣтей, этихъ улетавшихъ

ангеловъ, которыхъ очень любилъ, какъ ихъ мать и все ихъ семейство. Домъ ихъ для меня былъ однимъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ пріютовъ, какіе не часто достаются земнымъ странникамъ. Я впрочемъ былъ такъ счастливъ въ моей жизни, или, вѣрнѣе сказать, такъ велика и безмѣрна была милость Божія на мнѣ, что мнѣ не разъ и не два въ моей жизни случалось, отъ юности и до старости, встрѣчать и восхищаться поистинѣ идеальными по добродѣтели, симпатичности и чудной добротѣ людьми, такъ что изъ всей моей жизни я вынесъ твердое убѣжденіе, что еще много, много людей у Бога, не преклонившихъ колѣнъ передъ Вааломъ, богомъ этого міра, а пребывающихъ вѣрными своему Творцу и Спасителю.

Во все свободное время я занимался ученіемъ сына Олимпіады Ивановны, Вани, и продолжалъ во все время нашего тамъ пребыванія. Потомъ они переѣхали на свою землю за Екатериноградомъ на р. Курѣ, гдѣ мы навѣщали ихъ иногда съ братомъ и полковникомъ Аминовымъ, а я по временамъ оставался у нихъ гостить. Тутъ скончалась и старушка мать Венеровскаго, надъ которой, за неимѣніемъ другихъ, я самъ читалъ псалтырь. Когда она прощалась съ семьей и со мной, то никогда не забуду ея послѣдняго слова любви и благодарности за мою любовь къ ней и ея семьѣ. Затѣмъ мы уже навсегда разстались съ ними и знаю только, что Олимп. Иван. скоро скончалась.

Много лѣтъ спустя, когда я жилъ въ Балашевскомъ уѣздѣ, ученикъ мой, казачій офицеръ Иванъ Львовичъ Венеровскій, проѣздомъ былъ въ Саратовѣ у брата, въ надеждѣ видѣть меня, но я въ это время былъ въ

имѣніи и мнѣ очень жаль было, что я его не видѣлъ.

Въ Наурѣ же мы сошлись и подружились съ Густавъ Густавовичемъ Аминовымъ, полковымъ командиромъ Моздокскаго линейнаго полка. Онъ былъ тогда холостымъ человѣкомъ, жилъ въ огромномъ полковомъ и очень старомъ домѣ, занимая половину его, состоявшую изъ большой залы безъ мебели, гостинной или диванной съ однимъ около стѣны турецкимъ диваномъ: туда еще не проникала тогда мягкая мебель; третья комната была столовая, гдѣ обѣдали, пили чай и ужинали. Затѣмъ былъ буфетъ и за нимъ его спальня. Густавъ Густавовичъ былъ высокій, стройный, тонкій или скорѣй худощавый человѣкъ съ правильными чертами красиваго лица, большими усами и добрыми голубыми глазами. Онъ происходилъ отъ тѣхъ Аминовыхъ, которые отъ свирѣпости Іоанна Грознаго переселились въ Швецію, почему и въ лицѣ его былъ видѣнъ типъ шведа. Благороднѣйшій, честнѣйшій, правдивый человѣкъ, онъ при всей иногда проявлявшейся пылкости, былъ всегда флегматиченъ, ходилъ мѣрною и важною поступью, никогда не торопился и все дѣлалъ обдуманно.

Всѣ пріѣзжавшіе изъ Петербурга, прикомандированные къ различнымъ отрядамъ кавказскихъ войскъ, бывали у него. У него же мы познакомились со многими, въ томъ числѣ съ Беклемишевымъ, отецъ котораго служилъ однимъ изъ шталмейстеровъ подъ начальствомъ князя Долгорукаго; тутъ мы возобновили знакомство съ флигель-адъютантомъ Александромъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ, котораго знали еще въ дѣтствѣ; тутъ

встрѣтились съ адмираломъ Путятинымъ, потомъ графомъ, который былъ въ одномъ выпускѣ съ моимъ братомъ и сидѣлъ съ нимъ на одной скамьѣ; онъ посланъ былъ въ Астрахань по какому-то важному порученію; съ нимъ ѣхалъ также Краббе, тогда еще лейтенантъ, а потомъ уже министръ. Тутъ проѣзжалъ и обѣдалъ какой то англійскій лордъ, кажется ѣхавшій изъ Индіи и котораго мы всѣ прогулкой провожали за станицу и который восхищался эволюціями и удалью казаковъ, назначенныхъ ему въ почетный конвой,—словомъ гостепріимствомъ Аминова пользовалось пропасть лицъ, замѣчательныхъ впослѣдствіи. Тутъ же мы видѣлись съ Александромъ Ивановичемъ Арнольди, сыномъ безногаго генерала Арнольди, Ивана Карловича, теперь тоже генералъ-лейтенантъ и одинъ изъ выдающихся героевъ послѣдней войны. Тутъ также познакомились мы съ флигель-адъютантомъ Васильчиковымъ, потомъ героемъ Севастополя. Многихъ другихъ не припомню, но помню, что тутъ, какъ въ панорамѣ, проходило много личностей, тогда еще все молодыхъ, въ небольшихъ чинахъ, а потомъ уже знаменитыхъ дѣятелей на различныхъ высокихъ постахъ нашего отечества.

Нигдѣ такъ не выражалась флегма Аминова, какъ когда въ большой церковный колоколъ ударятъ въ набатъ и очередная сотня казаковъ уже стоитъ у крыльца командира, и онъ начинаетъ одѣваться и ополчаться на брань. Колоколъ гудитъ, кони казаковъ нетерпѣливо фыркаютъ и роютъ землю, а онъ начинаетъ медленно, не торопясь, надѣвать черкеску, затягиваетъ поясъ, привѣшиваетъ шашку, затыкаетъ за поясъ кинжалъ,

и все это съ сигарой въ зубахъ, закидываетъ за плечи ружье и тихимъ шагомъ выходитъ на крыльцо; подводятъ коня, онъ садится и на рысяхъ сотня слѣдуетъ за нимъ. Надо сказать правду, что значительная причина этой медленности была его раненая подъ Ахульго рука, не поддававшаяся нѣкоторымъ движеніямъ и много мѣшавшая одѣванію.

Въ описываемое время, въ 1840-хъ годахъ, когда мы живали въ Наурѣ, тревоги бывали очень часто: хищники отправлялись на тузлукахъ (надутый мѣхъ) черезъ Терекъ за какой нибудь добычей; нерѣдко случались похищенія ими женщинъ и дѣвицъ; я разумѣю тутъ небольшія партіи въ четыре или пять человѣкъ, которыхъ иногда и ловили, если они не успѣвали ускакать. Случались иногда и геройскіе подвиги со стороны казачекъ. Разсказывали, какъ одна казачка, уже похищенная и увлекаемая черезъ рѣку, выцарапала руками глаза своему похитителю и успѣла спастись вплавь. Такъ, однажды мы съ братомъ вечеромъ купались въ Терекѣ, какъ услышали набатъ, знакъ, что показались гдѣ нибудь хищники. Мы, конечно, поспѣшно выскочили изъ воды и едва успѣли одѣться, какъ показались казаки съ командиромъ во главѣ; казаки разъѣхались по берегу и увидѣли черкесовъ, засѣвшихъ въ ямѣ, поросшей густымъ кустарникомъ. Только что они увидѣли подъѣзжавшихъ казаковъ, какъ открыли огонь и одинъ казачій офицеръ былъ раненъ въ руку; къ нимъ послали парламентеровъ съ требованіемъ сдаться, обѣщая пощаду, но они продолжали стрѣлять, бормоча свою боевую пѣсню, и не сдались. Тогда уже казаки бросились на нихъ со всѣхъ сторонъ; но они защищались до

тѣхъ поръ, пока не были всѣ изрублены, ни одинъ не сдался.

Дѣло это началось съ того, что одна молодая казачка пошла въ свой садъ,—тамъ всѣ сады на берегу Терека, — и, войдя, увидѣла казаченка, взобравшагося на яблоню и ворующаго яблоки; она приказывала ему сойти, но онъ не слушался; тогда она сама полѣзла на дерево и только что поднялась на нѣсколько аршинъ, какъ почувствовала, что кто-то ее тащитъ внизъ, и когда она увидѣла, что это былъ чеченецъ, то въ ужасѣ рванулась и полѣзла выше, оставивъ въ его рукахъ оборванную часть юбки. Тутъ она закричала: „чеченцы, чеченцы!“ Изъ другихъ сосѣднихъ садовъ услышавшіе этотъ крикъ бросились въ станицу, гдѣ и ударили въ набатъ.

Описывая Наурское общество, въ которомъ было столько прекраснаго, нельзя не упомянуть о многомъ смѣшномъ, какъ дополненіе къ обычной человѣческой жизни, гдѣ серьезное и важное мѣшается съ смѣшнымъ, грустное съ веселымъ.

Между обывателями Наура былъ докторъ Докучаевъ, котораго всѣ эти тревоги приводили въ отчаяніе; онъ и жена его были въ вѣчномъ страхѣ. Каждый день докторъ приходилъ утромъ къ полковому командиру и бросалъ робкіе взгляды по всей комнатѣ, не лежитъ ли гдѣ нибудь цыдула съ перомъ, извѣщающая о хищникахъ (при спѣшной цыдулѣ въ печать влагалась часть пера). При набатѣ онъ обыкновенно бралъ подъ мышку свою шкатулку и отправлялся на площадь, гдѣ по тревогѣ собирались роты пѣхоты нашего полка. Жена его Александра Ивановна, молодая женщина пре-

краснаго кроткаго характера, очень умная и милая особа, вполнѣ раздѣляла ужасъ своего мужа. При тревогѣ она совершенно терялась, не знала, что дѣлать, за что взяться, брала на руки своего маленькаго сына и бѣжала вонъ изъ дома, который находился близь вала, такъ какъ больница была за станицей и потому домъ ихъ могъ прежде другихъ подвергнуться нападенію. Еще забавнѣе было то, что мужъ ея, при первомъ ударѣ набата, куда-то исчезалъ, а когда появлялся снова, то садился на свою лошадь со шкатулкой подъ мышкой и, увидѣвъ идущую около забора жену съ сыномъ, онъ, проѣзжая мимо, кричалъ ей: „Сашенька, за мной!“ Надо не забыть, что иногда случалась непроходимая грязь по улицамъ, и по этой-то грязи она, едва не задыхаясь, добиралась до площади. Трусость Докучаева была предметомъ безконечныхъ шутокъ надъ нимъ, а когда его спрашивали: „куда же вы исчезаете, Иванъ Ивановичъ, когда ударятъ въ набатъ?“ онъ обыкновенно отвѣчалъ: „извѣстно куда; вы, господа, профаны, не понимаете, что при всякомъ сильномъ страхѣ кишки сильно сжимаются и тогда поневолѣ бѣжишь отъ чеченцевъ“. Это тяжелое положеніе всегда быть въ страхѣ и мученіи скоро заставило ихъ покинуть Науръ и переселиться въ Ставрополь, гдѣ я впослѣдствіи видѣлся съ ними и уже съ общимъ смѣхомъ вспоминали мы о минувшихъ ужасахъ.

Въ Наурѣ также стояла казачья конная артиллерія, которой командовалъ подполковникъ Эрнестъ Ермолаевичъ Штемпель. Тутъ же была баталіонная штабъ-квартира сперва нашего, а потомъ Куринскаго полка, которымъ командовалъ полковникъ Петръ Петровичъ

Меллеръ-Закомельскій, личность очень замѣчательная какъ въ служебномъ отношеніи, такъ и по своему пріятному характеру и выдающемуся уму. Въ командованіи онъ былъ строгъ, разумно требователенъ, точенъ и не терпѣлъ выслуживанія; онъ обладалъ необыкновенною способностью всегда и вездѣ шутить: въ походахъ, дома, въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ былъ всегда одинаковъ; еще другая его способность была отлично вести свое какъ домашнее, такъ и походное хозяйство. Всегда веселый, но никогда не смѣющійся громко, остроумный шутникъ и неистощимый мистификаторъ, такъ что бывало не угадаешь, серьезно или въ шутку онъ проводилъ какую нибудь мысль. Его общество было увлекательно-пріятно. Потомъ, при вступленіи въ военную службу сына Воронцова, какъ я слышалъ, ему поручилъ отецъ быть его руководителемъ въ военныхъ дѣлахъ.

Послѣ Докучаева былъ опредѣленъ докторомъ молодой человѣкъ, Дорофей Ивановичъ Чистяковъ, котораго слабостью, въ противность Докучаеву, было выдавать себя за храбраго человѣка. Это былъ прекрасный малый, добрякъ и чрезвычайно забавенъ своей простотой, такъ что я готовъ даже думать, что онъ напускалъ на себя эту простоту для потѣхи публики. Такъ онъ однажды съ добродушнымъ хохотомъ сталъ вычислять, сколько нужно было ему прослужить, чтобы достигнуть тѣхъ чиновъ и орденовъ, какіе имѣлъ Вилье; оказалось, по его разсчету, 110 лѣтъ. Когда онъ приходилъ куда нибудь, гдѣ были дамы, то говорилъ: „здравствуйте, Елиз. Иван., пришелъ васъ отвѣдать“; когда же мы, отведя его въ сторону, говорили ему, что это не-

вѣжливо, то онъ поправлялся „ну, провѣдать“; а когда, въ началѣ его пріѣзда, говорили ему о хищникахъ, то онъ въ азартѣ говорилъ—и это тоже въ обществѣ дамъ: „ужъ извините, а я никогда не покажу зада непріятелю“. Тутъ опять ему тихонько замѣчали, что невѣжливо такъ выражаться при дамахъ, тогда онъ поправлялся и добавлялъ: „ну, хоть не покажу тыла“.

Вспоминая кавказскихъ знакомыхъ, останавливаюсь на одной безподобной личности, бывшей среди этого милаго общества, и такой личности, на которой также пріятно остановиться. Это былъ нашъ добрый другъ Дмитрій Петровичъ Фредриксъ. Онъ прежде былъ морскимъ офицеромъ, служилъ въ гвардейскомъ экипажѣ и адъютантомъ у князя Меншикова, морскаго министра; потомъ онъ былъ въ Черноморскомъ флотѣ, претерпѣлъ крушеніе на какомъ-то суднѣ, при чемъ нѣсколько разъ былъ выкидываемъ волною на берегъ и также нѣсколько разъ другой волной отброшенъ въ море; но наконецъ кѣмъ-то удержанъ и спасенъ. Потомъ онъ опредѣлился въ кавалерію и прикомандировался къ Моздокскому казачьему полку. Въ дѣлахъ онъ былъ такъ храбръ, что многіе истолковывали эту храбрость нежеланіемъ жить; и дѣйствительно, у него была какая-то сердечная боль, которую, хотя отчасти онъ не скрывалъ отъ насъ, но все же это была его тайна. По наружности высокій, стройный, съ прекрасными, правильными чертами, черными усами, вьющимися волосами и голубыми глазами—онъ былъ дѣйствительно красавецъ; ему было 25 лѣтъ. Всегда задумчивый, рѣдко веселый, скромный, кроткій и въ то же время пылкій, но всегда сдержанный и сосредоточенный. Онъ былъ такъ привлекателенъ, такъ

симпатиченъ, что нельзя было не полюбить его сердцемъ. Онъ былъ очень разсѣянъ и когда бывало садились за преферансъ, то смѣшилъ всѣхъ своею разсѣянностію и всегда проигрывалъ. Жилъ онъ на одной улицѣ съ нами и противъ насъ и мы всегда почти проводили вечера вмѣстѣ или у Найденовыхъ, или у Венеровскихъ, или у Густава Густавовича, и вмѣстѣ, часто очень поздно, возвращались домой. При этомъ иногда разыгрывалась презабавная комедія. У Дмитрія Петровича былъ деньщикъ Василій и отставной кавказскій солдатъ при лошадяхъ. Оба они имѣли способность такъ непробудно спать, что или приходилось ночевать на крыльцѣ, или принимать самыя энергическія мѣры. Прежде всего, онъ стучалъ изо всѣхъ силъ;—никакого отвѣта; тогда идемъ на галлерею, куда выходило окно изъ кухни, гдѣ спали люди; тутъ начинался кличъ: „Василій! Никифоръ!“ и кличъ, который можно было услышать за версту; — то же молчаніе и тотъ же храпъ. Тогда Дмитрій Петровичъ беретъ полѣна, приготовленныя для кухни, и начинаетъ бросать одно за другимъ и наконецъ они просыпаются. Услышавъ его голосъ, они стремглавъ вскакиваютъ; человѣкъ мечется, какъ угорѣлый, и, отыскавъ сапоги, начинаетъ съ ними прыгать, не попадая въ сапоги; солдатъ начинаетъ шарить по стѣнѣ, вѣроятно для отысканія оружія при тревогѣ, которую онъ должно быть видѣлъ во снѣ. Мы во всю эту продѣлку стоимъ у окна и надрываемся со смѣху; и въ одномъ только этомъ случаѣ я видѣлъ его хохотавшимъ, и еще, когда однажды у Аминова стали угадывать загадки и сочинять шарады; кто-то, обратившись къ доктору, спросилъ: „Дорофей Ивановичъ, на деревѣ сидѣло шесть галокъ;

охотникъ подстрѣлилъ двухъ; сколько осталось?" Онъ тотчасъ же отвѣчалъ: „ну, конечно, четыре; я вѣдь вычитаніе-то знаю". Тутъ поднялся общій хохотъ и насилу увѣрили его, что не осталось ни одной.

Въ 1843 году, подъ начальствомъ Гурко, была экспедиція въ Дагестанъ. Передъ Темиръ-ханъ-Шурою стоялъ Шамиль съ огромнымъ полчищемъ и многочисленной кавалеріей. Командующій войсками былъ въ блокадѣ и запертъ въ Шурѣ. Когда Фрейтагъ узналъ, что Гурко запертъ въ Шурѣ, а Пассекъ въ Зырянскомъ ущельѣ, то онъ опять собралъ казаковъ и все что могъ собрать пѣхоты, какъ въ 1842 году, и пошелъ въ Дагестанъ. Прійдя къ Шурѣ, онъ тотчасъ же атаковалъ непріятеля, пославъ казаковъ, которыхъ у него было до тысячи, въ атаку. Тутъ также былъ и Фредриксъ. Атака была лихая; черкесы побѣжали; Шамиль съ пѣхотой также отступилъ и изъ Темиръ-ханъ-Шуры вышли войска для преслѣдованія. Затѣмъ войска пошли на помощь Пассеку и освободили его. Во время атаки подъ Шурою Фредриксъ, увидавши вдалекѣ нѣсколько человѣкъ, увозившихъ пушку и застрявшихъ въ канавѣ, которыя проводятся для марены, тотчасъ же бросился туда съ урядникомъ и казакомъ. Черкесы бѣжали или были изрублены; только пушка была взята. Сотникъ Камковъ, другаго Гребенскаго полка, увидѣвши, что Фредриксъ понесся туда, тоже поскакалъ со своей сотней и какъ конвойные Фредрикса, по малочисленности, не могли вытащить изъ канавы пушку, то сотня казаковъ помогла; пушку вытащили и поставили, какъ трофей, передъ домомъ командующаго войсками. Онъ благодарилъ Фредрикса и объявилъ, что онъ будетъ пред-

ставленъ къ Георгію, но при этомъ случаѣ обнаружилась та шипящая зависть, которая въ этомъ мірѣ творитъ столько зла, и она была причиной смерти этого героя. Камковъ, вѣроятно, такъ представилъ своему полковому командиру, что тотъ представилъ его къ Георгію за взятіе пушки. Я не могу ни понять, ни объяснить этого поступка командира Гребенскаго полка. Александръ Алексѣевичъ Сусловъ, замѣстившій Венеровскаго въ командованіи Гребенскимъ полкомъ, былъ прекрасный человѣкъ, отличный начальникъ, благороднѣйшая личность, впослѣдствіи извѣстный геройскимъ подвигомъ, и я никакъ не считаю его способнымъ къ какой-либо намѣренной несправедливости; но желаніе ли прославить свой полкъ, желаніе ли заслужить любовь и довѣріе полка, но онъ сильно поддерживалъ свое представленіе и отстаивалъ своего офицера. Генералъ Гурко, командующій войсками, и Робертъ Карловичъ Фрейтагъ разсматривали это дѣло и по долгомъ совѣщаніи, вѣроятно, чтобъ отдать справедливость Фредриксу, какъ первому взявшему пушку, и чтобъ не обидѣть Камкова и, еще болѣе, стоявшаго за него полковаго командира, рѣшили представить ихъ обоихъ. Конечно, Фредриксъ считалъ себя обиженнымъ и, какъ онъ зналъ, что во всемъ этомъ дѣйствовалъ Сусловъ, то, по возвращеніи на линію, онъ написалъ ему вызовъ. Къ счастью, по дружбѣ къ намъ съ братомъ, онъ показалъ намъ письмо и объявилъ о своемъ рѣшеніи. Мы, конечно, крѣпко отсовѣтывали ему принимать такое рѣшеніе и предоставить все это кавалерской думѣ, куда было послано представленіе, и ожидать справедливости. Онъ такъ и сдѣ-

лалъ, сказавъ: „ну, я докажу имъ, что съумѣю взять и другую пушку, если представится случай“.

Въ 1844 году, когда мы дѣлали свою послѣднюю экспедицію въ Дагестанъ и когда, возвратившись въ Шуру, обѣдали у Петра Петровича Меллера, гдѣ обѣдалъ также Робертъ Карловичъ Фрейтагъ и многіе другіе, за столомъ зашелъ разговоръ объ этомъ дѣлѣ; въ это время уже пошло представленіе объ обоихъ. Мы съ братомъ стали защищать Фредрикса, доказывая, что онъ первый увидѣлъ пушку и взялъ ее, а только вытащить изъ канавы помогъ ему Камковъ, но Робертъ Карловичъ возражалъ и, какъ теперь помню, его собственныя слова: „ну, представьте себѣ, что два человѣка идутъ по разнымъ сторонамъ рѣки и, увидѣвъ утопающаго, оба бросаются въ воду и спасаютъ его; не одинъ ли и тотъ же подвигъ совершили они“? Мы же настаивали на томъ, кто первый овладѣлъ пушкой.

Послѣ были еще экспедиціи, помнится, къ Аргунскому ущелью; Фредриксъ также былъ съ своею сотнею и мы, провожая его изъ станицы, простились съ нимъ, не думая, что это прощаніе было послѣднее. Въ этой экспедиціи Шамиль снова вывозилъ двѣ пушки и громилъ лагерь, расположившійся на островѣ въ одной обширной мѣстности, около которой ручьями протекала рѣка Аргунь; Фредриксъ нѣсколько разъ набиралъ охотниковъ и просился въ ночной набѣгъ, чтобы внезапно захватить пушки, но ему въ этомъ отказывали; когда же отрядъ двинулся, онъ опередилъ его и съ казаками ѣхалъ впереди все съ одной и той же мыслью — открыть пушки и броситься на нихъ, но роковая пуля спрятавшихся чеченцевъ поразила его, пройдя около его золотыхъ ча-

совъ; рана его была смертельна. Положивъ на носилки, понесли его черезъ рѣчку и тутъ видѣли, какъ онъ снялъ съ пальца кольцо и бросилъ въ воду, а встрѣтивъ кого-то, сказалъ: „Envoyez-moi vite le prêtre“. Черезъ часъ онъ скончался; его перевезли въ Науръ, гдѣ и похоронили. Всѣ жители Наура и всѣ его знавшіе и любившіе провожали его въ могилу. Помню, что было пасмурно, вѣтренно и холодно и весь этотъ день и вечеръ всѣ мы, собравшіеся у Найденовыхъ, проговорили о немъ. Когда его похоронили, пришло извѣстіе, что Георгіевскій крестъ былъ присужденъ ему.

Въ юности и дѣтствѣ Фредриксъ, по своимъ родственнымъ связямъ, былъ близокъ къ царской фамиліи и онъ показывалъ намъ письмо, написанное еще тогда юнымъ наслѣдникомъ, Александромъ Николаевичемъ, которому послужить, какъ государю, ему уже не пришлось.

Кромѣ общей взаимной симпатіи насъ крѣпче всего связала религія. По своей фамиліи и по своему роду онъ былъ лютеранинъ, какъ вдругъ пожелалъ перейти въ православіе, сознавъ инстинктивно, что православная церковь есть единая истинная апостольская церковь; сознавъ это, тотчасъ же рѣшился исполнить это призваніе какъ бы по какому-то вдохновенію. Это было еще въ Петербургѣ. „Сначала, говорилъ онъ, я отправился къ архіерею, который, узнавъ мою фамилію, очень удивился и представилъ какія-то затрудненія; я этимъ не удовольствовался и, даже не оскорбясь тѣмъ, что какъ-то не совсѣмъ доброжелательно отнеслись къ моему рѣшенію, упорно настаивалъ и, наконецъ, послѣ многихъ затрудненій, надо мной совершили мѵропомазаніе“. Онъ,

кромѣ насъ, ни съ кѣмъ не говорилъ о религіи, хотя торжественно ее исповѣдывалъ, но чистая душа этого юнаго героя всецѣло принадлежала Богу. У обѣдни онъ удивлялъ всѣхъ своимъ благоговѣніемъ. Ставши однажды на свое обычное мѣсто за правымъ клиросомъ, онъ стоялъ всю обѣдню, ни разу не поворотивъ голову ни въ какую сторону. Наши христіанскія бесѣды были его наслажденіемъ. Онъ старался просвѣтить свой умъ и усвоить вполнѣ Божественное православное ученіе; о многомъ разспрашивалъ, много читалъ и какъ отрадно было намъ видѣть въ немъ эту смиренную твердую вѣру, эту пламенную любовь къ Богу и соединять въ Немъ души наши. Смиренная, самоотверженная душа его, конечно, воспарила туда, куда стремилась она еще на землѣ, въ тотъ чудный свѣтъ, который еще здѣсь озарилъ его, какъ нѣкогда іудействующаго Савла. Въ послѣднюю поѣздку въ Петербургъ, онъ привезъ намъ нѣсколько духовныхъ книгъ, въ томъ числѣ были: „Правда вселенской церкви", соч. Муравьева, Новая скрижаль, Училище благочестія, Путешествіе къ св. мѣстамъ Муравьева и другія съ надписаніемъ его рукой, что книги эти онъ дарилъ намъ въ память нашего христіанскаго общенія. Онѣ хранятся у меня, какъ драгоцѣнный залогъ нашего братскаго соединенія во Христѣ! Когда мы уже были произведены и собирались въ Россію, братъ мой подарилъ ему свою лошадь и на ней Фредриксъ былъ убитъ, а также и лошадь.

———

XXIII.

Наша послѣдняя экспедиція 1844 года.—Отъѣздъ въ Россію.

Объ Дагестанской экспедиціи 1843 года и о дѣйствіяхъ ген. Фрейтага я уже упоминалъ въ эпизодѣ о Фредриксѣ. Теперь перейду въ моихъ воспоминаніяхъ къ самому Роберту Карловичу Фрейтагу, этому замѣчательному дѣятелю того времени на Кавказѣ, на долю котораго выпалъ завидный жребій быть постояннымъ избавителемъ нашихъ войскъ въ самыхъ гибельныхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ. Онъ небольшаго роста, крѣпкаго сложенія, довольно плотный, съ самыми пріятными чертами лица, живой и чрезвычайно энергичный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Простота его обращенія, доступность для каждаго, снисходительность и доброта привлекали къ нему сердца всѣхъ служившихъ подъ его командой. Его называли „нашъ маленькій Робертикъ" и къ нему вполнѣ можно было отнести старинную солдатскую пѣснь:

„Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно".

И дѣйствительно, это былъ человѣкъ, выходившій изъ ряда обыкновенныхъ, не смотря на то, что, по простотѣ сердечной и скромности, онъ, кажется, и не подозрѣвалъ въ себѣ тѣхъ достоинствъ и великихъ качествъ, которыя всѣ сознавали и видѣли въ немъ. Полковникомъ онъ одно время командовалъ Куринскимъ полкомъ, не наживъ отъ командованія ни гроша, въ то время какъ другіе командиры наживали, и всю эконо-

мію обращалъ на полкъ и на улучшеніе положенія солдатъ. Начальникомъ лѣваго фланга, онъ изумлялъ своей энергіей, быстротою и своими всегда удачными дѣйствіями. Въ экспедиціи подъ Грозной онъ былъ раненъ въ шею, но, благодаря Бога, рана была излечена. Въ 1842 году, когда Граббе отступалъ Ичкеринскимъ лѣсомъ, онъ, съ удивительной быстротой собравъ все, что могъ, явился на помощь въ ту самую минуту, когда помощь была настоятельно необходима, такъ какъ горцы съ большими силами ожесточенно преслѣдовали отрядъ, уже сильно ослабленный и потерей въ людяхъ, и въ большомъ количествѣ отряженныхъ подъ раненыхъ,—и спасъ его, можетъ быть, отъ гибели.

Въ 1843-мъ году онъ съ такою-же неустанною быстротою проскакалъ по линіи за маршевыми батальонами и также, собравъ все, что могъ, пѣхоты и казаковъ, внезапно явился подъ Темиръ-ханъ-Шурою, разбилъ и разсѣялъ скопище Шамиля, бросился въ Зырянское ущелье и освободилъ генерала Пассека, запертаго въ ущельи и уже лошадинымъ мясомъ кормившаго людей. Наконецъ, въ 1845-мъ году, Фрейтагъ-же явился на помощь тогдашнему графу Воронцову въ томъ-же Ичкеринскомъ лѣсу послѣ взятія Дарго. Эта экспедиція была, какъ извѣстно, предпринята противъ мнѣнія Воронцова. Когда Фрейтагъ появился въ Ичкеринскомъ лѣсу и раздались его пушечные выстрѣлы, то между горцами пронеслась вѣсть, что пришелъ „счастливый генералъ“, и они тотчасъ отступили, такъ какъ, по ихъ фатализму, постоянную удачу его они приписывали року, съ которымъ нельзя бороться. Затѣмъ, въ томъ-же 1845 году, Шамиль бросился въ Большую Кабарду,

чтобъ и ее поднять и, если-бъ это ему удалось, то онъ много бы прибавилъ хлопотъ правительству; но Робертъ Карловичъ Фрейтагъ не дремалъ, вслѣдъ-же за нимъ пошелъ въ Кабарду и занялъ позицію противъ Кабарды. Этотъ приходъ Фрейтага остановилъ волненіе; кабардинцы оставались глухи къ увѣщаніямъ Шамиля и онъ долженъ былъ распустить свою пѣхоту, такъ какъ боялся, чтобы не очутиться между двухъ огней, а самъ съ кавалеріей, оставивъ огни на мѣстѣ своего расположенія, бросился обратно за Терекъ и такъ быстро было его бѣгство, что, какъ говорятъ, онъ въ одни сутки сдѣлалъ 150 верстъ, что способны выдержать только горскія кавказскія лошади. Узнавъ о его отступленіи, Фрейтагъ далъ знать во Владикавказъ, чтобы Нестеровъ немедленно выступилъ и пересѣкъ Шамилю переправу черезъ Терекъ.

Я сидѣлъ вечеромъ у Вревскаго, когда онъ получилъ предписаніе немедленно приготовиться къ выступленію. Еще не разсвѣтало, а отрядъ уже тронулся; но въ первомъ же переходѣ увидѣли нарочнаго, посланнаго отъ Меллера-Закомельскаго, увѣдомлявшаго, что Шамиль переправился черезъ другой бродъ и не пошелъ туда, гдѣ ждалъ его Меллеръ, съ однимъ, кажется, батальономъ. Хотя Меллеръ поспѣшилъ за нимъ и туда, но уже засталъ всю почти партію переправившеюся. Тутъ валялось еще нѣсколько труповъ, когда мы проѣзжали этой дорогой, возвращаясь въ Россію.

Въ 1845 году, послѣ разсѣянія Шамилева скопища, мы уѣхали въ Россію, гдѣ потомъ узнали, что Фрейтагъ былъ переведенъ въ Варшаву генералъ-квартирмейстеромъ и тамъ уже умеръ. Какъ теперь смотрю на

него въ его Ойсунгурской землянкѣ за преферансомъ; а тутъ въ то же время дѣлалась жженка, освѣщавшая синеватымъ пламенемъ землянку и потомъ весело распивавшаяся; помню, какъ радушно угощалъ онъ своихъ всегдашнихъ гостей ужиномъ; помню также, какъ заходилъ онъ вечеромъ въ палатку къ Вревскому, гдѣ заставалъ насъ за религіозными преніями, вставляя тутъ изрѣдка и свое мнѣніе.

Пріятно вспоминать и въ то-же время напоминать всѣмъ о высокихъ доблестяхъ такихъ людей и дѣлать это правдиво и по совѣсти.

Обращаюсь къ разсказу.

Въ 1844-мъ году была большая экспедиція въ Дагестанъ. Мы, конечно, не знали, что тамъ дѣлалъ Шамиль, какъ велики были его успѣхи въ этой борьбѣ, да и не помню всѣхъ названій возмутившихся мѣстностей и племенъ. Помню, что въ 1843-мъ году говорили объ опасномъ положеніи Тарковскаго владѣтельнаго князя и генерала нашей службы; о переходѣ къ Шамилю тоже генерала нашей службы султана Инисуйскаго и другихъ; но объ этомъ будетъ говорить исторія; мои же воспоминанія ограничиваются видѣннымъ и мною самимъ испытаннымъ или слышаннымъ изъ устъ самыхъ вѣрныхъ свидѣтелей и участниковъ. Помню, что въ этомъ походѣ мы шли горами съ сильной перестрѣлкой и когда нашъ полкъ и другіе отряжаемые отдѣльно въ сторону брали съ бою позиціи, потомъ возвращались къ главнымъ силамъ и наконецъ пришли на пунктъ соединенія нашего отряда съ отрядомъ, приведеннымъ корпуснымъ командиромъ генераломъ Лидерсомъ, такъ что весь отрядъ совокупно

составлялъ, кажется, болѣе, нежели 20 батальоновъ пѣхоты съ артиллеріей и кавалеріей, въ которой былъ также нижегородскій драгунскій полкъ, подъ командой ген. Безобразова,—на другой сторонѣ огромнаго оврага стоялъ Шамиль съ большою партіею. Прогуливаясь изъ лагеря съ нѣкоторыми офицерами, мы встрѣтили отрядъ генерала Лидерса; самъ онъ отправился съ конвоемъ кавалеріи въ нашъ лагерь. Войска эти пришли изъ Россіи и мы съ удовольствіемъ смотрѣли на пришедшихъ изъ нашей матушки Россіи земляковъ. Вечеромъ мы сидѣли въ палаткѣ у Петра Петровича Меллера и узнали тутъ о росписаніи всѣхъ войскъ для завтрашней атаки Шамиля. Помню, что нашъ полкъ былъ назначенъ идти въ колоннѣ. По всему видно было, что предстояло дѣло жаркое, такъ какъ у Шамиля была большая масса разноплеменныхъ войскъ. Къ вечеру устроена была батарея, которая и открыла огонь, бросая гранаты въ непріятеля. Шамиль, какъ видно было, ожидалъ нашего движенія и рѣшился встрѣтить, расположившись на другой, противоположной, сторонѣ огромнаго лѣсистаго оврага. Генералъ Безобразовъ отправленъ былъ со всей кавалеріей въ обходъ къ горѣ Ибрагимъ-Дада, гдѣ оврагъ съуживался и представлялъ возможность перейти его. Многіе, ложась спать, конечно, думали, что съ завтрашнимъ днемъ, можетъ быть, наступитъ конецъ ихъ земной жизни. Но вотъ разсвѣтъ; барабаны молчатъ, не звучатъ трубы, въ отрядѣ все тихо, на своемъ мѣстѣ. Что это значитъ? всѣ спрашиваютъ другъ у друга. Передъ нашей колонной были палатки корпуснаго командира и штаба. Изъ палатки выйдутъ корпусный командиръ г. Нейдгардтъ

и штабные, посмотрятъ въ трубу долго и внимательно и возвратятся. Въ трубу хорошо была видна палатка Шамиля съ водруженнымъ передъ ней зеленымъ знаменемъ. Всѣ видѣли и его палатку, и его полчище; батарея бросала гранаты, а Шамиль не шевелился, какъ будто чего-то ждалъ, и это продолжалось довольно долго. Наконецъ у него забилъ барабанъ и вся его армія потянулась отъ оврага въ степь: вѣроятно онъ узналъ, что кавалерія наша идетъ ему въ тылъ. Тутъ только увидѣли, какъ изъ лѣсистаго оврага потянулась масса черкесовъ, запрятанныхъ въ трущобахъ оврага и алчно ждавшихъ нашего движенія въ оврагъ. Еслибъ это движеніе состоялось, то потеря наша была бы огромна, потому что, проходя этотъ оврагъ, всѣ ясно видѣли, какъ трудно было переходить его и безъ боя. Безобразовъ, перейдя оврагъ, засталъ уже быстро уходившаго непріятеля, преслѣдовалъ его сколько могъ; но тотъ успѣлъ уйти въ горы, куда съ кавалеріей уже нельзя было идти. Такимъ образомъ кончился этотъ день, обѣщавшій не сраженіе, на которое, конечно, не могъ бы рѣшиться такой умный вождь дикарей, какъ Шамиль, а вѣрную гибель, припоминая неимовѣрную трудность перехода страшной мѣстности, загороженной завалами и множествомъ другихъ препятствій. Мудрая и человѣколюбивая осторожность главнокомандующихъ спасла тысячи геройскихъ жизней; но въ то время всѣ непонимавшіе соображеній главныхъ начальниковъ роптали громко, что не повели ихъ захватить Шамиля, не разсчитывая, что ихъ можно было вести на явную гибель, а отнюдь не на бой. Послѣ этого перехода отрядъ нашъ остановился на ночь на какой-то неровной

мѣстности и уже пришли поздно на мѣсто. Лидерсъ, вѣроятно, пошелъ другой дорогой и ночью слышались пушечные выстрѣлы; но что это такое было — я не знаю и не помню, если послѣ разсказывали что-нибудь.

Затѣмъ войска возвратились въ Темиръ-ханъ-Шуру, гдѣ мы и узнали, что произведены въ офицеры и должны были ѣхать въ Ставрополь, а оттуда во Владикавказъ— штабъ-квартиру своего Навагинскаго полка, въ которомъ дѣлали послѣднія экспедиціи, переведенные изъ Кабардинскаго.

Изъ Шуры мы вышли съ колонной или такъ называемою оказіей. Съ нами ѣхали также генералъ Безобразовъ, Фредриксъ, Меллеръ-Закомельскій, разжалованный за дуэль и присланный на Кавказъ, бывшій уланскій офицеръ, родственникъ Петру Петровичу Меллеру, и мы съ братомъ. Эта поѣздка наша была очень пріятна по сопутникамъ нашимъ, которые всѣ были хороши и дружески знакомы съ нами, не исключая и Безобразова, съ которымъ я и доѣхалъ въ коляскѣ до Ставрополя. Самое же путешествіе наше было чрезвычайно утомительно: мы шли къ Кизляру безлѣсной степью во время страшныхъ іюльскихъ жаровъ. Сперва оказію вели апшеронцы, кавказскіе ходаки, и потому переходы дѣлались скоро; а когда далѣе къ линіи ихъ замѣнили линейные батальоны, то медленность ихъ шага показалась намъ нестерпимой. Невыносимый зной, ни кустика, ни капли воды, кромѣ единственнаго болотнаго озерка, поросшаго камышомъ и покрытаго болотною травой, гдѣ сдѣланъ былъ привалъ; не смотря на это, на привалѣ все бросилось въ воду, чуть не кипяченую.

Ночлеги наши, при огромномъ количествѣ мошекъ и комаровъ, были истинной пыткой.

Напившись чаю на берегу какой-то рѣчки, гдѣ былъ ночлегъ, подъ страшнымъ дымомъ, выѣдавшимъ глаза, безъ чего нельзя было дышать, не проглотивши массы насѣкомыхъ съ пищею, которую намъ готовили на ужинъ, мы тутъ же располагались спать на потникѣ, снятомъ изъ-подъ сѣдла лошади, и подъ шинелью, и что это былъ за сонъ! Не смотря на всѣ матеріальныя неудобства, мы всѣ были очень веселы. Не помню, какъ звали Безобразова: Леонидъ-ли Григорьевичъ или наоборотъ; его, какъ генерала, приглашали на ночь къ мѣстному военному начальнику, который при этомъ случаѣ, вѣроятно, самъ выходилъ куда нибудь. Онъ также съ нами раздѣлялъ и чай, и ужинъ, а какъ это былъ человѣкъ веселый, пріятный и въ нашемъ странническомъ положеніи добрѣйшій товарищъ, то неудобства насъ болѣе смѣшили, нежели сердили, и часто раздавался веселый смѣхъ. Послѣ нѣсколькихъ переходовъ, съ горемъ и весельемъ пополамъ, мы наконецъ достигли Кизляра.

Въ Кизлярѣ въ это время былъ жандармскимъ полковникомъ Прянишниковъ, родной братъ бывшаго министра почтъ. Когда онъ узналъ о прибытіи въ Кизляръ генерала Безобразова, онъ просилъ его и всѣхъ насъ, его спутниковъ, остановиться у него, отвелъ намъ особый флигель, прислалъ сейчасъ чаю, кофе, пришелъ самъ, довольно долго бесѣдовалъ съ нами, разспрашивалъ о военныхъ дѣйствіяхъ и, уходя, просилъ обѣдать и провести у нихъ весь день. День этотъ былъ для всѣхъ насъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ нашей стран-

нической жизни. Жена его, помнится Варвара Андреевна, была одна изъ тѣхъ умныхъ, любезныхъ и интересныхъ дамъ, которыя не скоро забываются. Къ тому же мы нашли въ ней единомысліе съ нашими религіозными убѣжденіями, живую и истинную вѣру, усиленную и укрѣпленную въ ней видѣнными ею чудесными дѣйствіями Божественнаго промысла. Такъ, она разсказывала, какъ одна знакомая или родственница ея, молодая дама, умерла; надъ ней уже служили панихиды, читали псалтырь, какъ незадолго до погребенія вдругъ псаломщикъ увидѣлъ, что она откинула покровъ и въ гробѣ сѣла; онъ, конечно, въ суевѣрномъ страхѣ бросился вонъ изъ комнаты, а мужъ, увидѣвъ ее ожившею, въ восторгѣ поднялъ ее изъ гроба и отнесъ на постель. Подобныя обмиранія и оживленія случаются нерѣдко, но тутъ то было знаменательно, что она, какъ видно, переходила въ тотъ міръ и видѣла Спасителя, потому что тихо приговаривала и все повторяла: „Какъ Онъ хорошъ! какъ свѣтелъ!“ и еще прибавила окружающимъ ея роднымъ, конечно въ жизни нѣжно ею любимымъ: „вы не повѣрите, какъ всѣ вы мнѣ кажетесь теперь гадки“. Ее спрашивали, конечно изъ любопытства, о многомъ, но она не отвѣчала ни слова и, кажется, на другой или третій день скончалась уже обычною человѣческою смертію. Этотъ разсказъ такъ врѣзался въ моей памяти, что какъ будто я вчера слышалъ его.

На другой день мы отправились на Науръ, гдѣ Меллеръ заболѣлъ и умеръ, а мы съ братомъ въ Ставрополь и потомъ во Владикавказъ. На слѣдующей станціи Безобразовъ просилъ меня сѣсть къ нему въ ко-

ляску и дорогой разсказалъ мнѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ летитъ въ Ставрополь, гдѣ ожидала его жена, съ которою онъ былъ болѣе десяти лѣтъ въ разлукѣ. При этомъ онъ также разсказывалъ мнѣ, что въ его рѣшимости примириться и вновь соединиться съ женою, съ которой такъ давно разстался, онъ много обязанъ Михаилу Александровичу Назимову, одному изъ нашихъ товарищей, пользовавшемуся большимъ уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его [1]). По своему уму, высокимъ качествамъ, серьезности, прямотѣ характера, правдивости Михаилъ Александровичъ Назимовъ слылъ и былъ какимъ-то мудрецомъ, котораго слово для многихъ имѣло большой вѣсъ. Много разъ онъ уговаривалъ Безобразова и убѣждалъ примириться съ женой и, вѣроятно, сильны и вѣски были его доводы съ религіозной и нравственной точки зрѣнія, что „я, какъ говорилъ Безобразовъ, вполнѣ согласился съ нимъ и тѣмъ болѣе, что доводы эти проникали въ сердце его любовью и искреннимъ благожеланіемъ мнѣ добра и я всегда буду ему сердечно благодаренъ".

По пріѣздѣ въ Ставрополь, Безобразовъ меня пригласилъ идти къ нему на завтрашній день къ утреннему чаю, что я съ величайшимъ удовольствіемъ исполнилъ.

---

[1]) Михаилъ Александровичъ Назимовъ — нынѣ (въ 1881 году) преклонныхъ лѣтъ старецъ, живетъ уже съ 1850 годовъ въ городѣ Псковѣ. Издавна всѣми уважаемый, Михаилъ Александровичъ, съ самаго начала реформъ императора Александра II Освободителя, принималъ самое дѣятельное участіе при ихъ разработкѣ и осуществленіи на мѣстѣ его жительства, во Псковѣ; М. А. Назимовъ былъ членомъ разныхъ комитетовъ, комиссій, участвовалъ потомъ въ земствѣ и проч.

Онъ познакомилъ меня съ своей женой, женщиной среднихъ лѣтъ, но уже носившею на себѣ слѣды глубокой скорби въ просѣди ея черныхъ или темныхъ волосъ и въ какомъ-то меланхолическомъ настроенiи. Черты у нея были правильны и все лицо прекрасно и симпатично; видно, что она была еще недавно красавицей. Я простился съ ними, поблагодаривъ, что они доставили мнѣ сердечное наслажденiе, дозволивъ быть свидѣтелемъ ихъ новаго счастья, продленiе котораго также пожелалъ имъ отъ всего сердца, съ увѣренностью, что это желанiе осуществится и что они до конца дней своихъ будутъ счастливы. Потомъ уже въ Россiи мнѣ разсказалъ о нихъ одинъ мой родственникъ, хорошо съ ними знакомый, что, бывши у него въ Воронежѣ, гдѣ онъ уже командовалъ корпусомъ, онъ узналъ, что жена его умерла, что онъ сдѣлался спиритомъ и постоянно былъ въ общенiи съ ея духомъ посредствомъ переписки. Это уже показывало, что они были счастливы взаимною любовью, если и по смерти ея онъ былъ въ общенiи съ ея духомъ и руководился ея совѣтами. Я не спиритъ, но заявляю здѣсь слышанное мною изъ самаго вѣрнаго источника, а насколько это была у него иллюзiя или дѣйствительность—судить не рѣшаюсь [1]).

Обмундировавшись въ Ставрополѣ, мы поѣхали во

---

[1]) Въ 1870 году этотъ самый генер. Безобразовъ былъ у насъ передъ отъѣздомъ для леченiя за границу. Хотя уже больной, едва держась на ослабѣвшихъ ногахъ, онъ живо интересовался разработкой отечественной старины. Вскорѣ онъ умеръ. Интересно столкновенiе его съ императоромъ Николаемъ—приведшее Безобразова къ переходу на боевую службу на Кавказъ, гдѣ онъ и встрѣтился съ авторомъ этихъ Записокъ.

Владикавказъ, гдѣ и явились къ нашему полковому командиру генералу Михаилу Петровичу Полтинину. Это былъ веселый, очень оригинальный добрякъ и нѣсколько чудакъ; онъ очень любилъ поговорки и особенно въ рифмахъ, которыя слагалъ безъ разбора. Помню, какъ въ одной экспедиціи въ Ауховскія земли, онъ пошелъ высматривать позиціи, а какъ лагерь стоялъ на высотѣ, которая оканчивалась обрывомъ, а въ глубинѣ скрывались черкесы, стрѣлявшіе по лагерю, и когда онъ нагнулся съ кручи, чтобъ посмотрѣть, нельзя ли ихъ выбить оттуда, какъ пуля попала ему прямо въ животъ, что нисколько не смутило его, и когда его принесли на носилкахъ въ его палатку, онъ громогласно вскрикнулъ: „Генералъ Полтининъ, Тверской дворянинъ, три раза раненъ, два раза контуженъ, но ни разу не сконфуженъ. Ура!" Онъ часто насъ приглашалъ къ себѣ обѣдать и на свои довольно частые вечера, гдѣ собиралось все владикавказское общество и всѣ танцовали весьма усердно. Онъ самъ танцовалъ и руководилъ танцами и у него всегда было очень весело. Однажды во время танцевъ случилась тревога, необычная для баловъ.

Особенность Владикавказа въ наше время была та, что въ темныя ночи по улицамъ было не безопасно. За Владикавказомъ въ нѣсколькихъ верстахъ возвышались черныя Галаховскія горы, отроги хребта, увѣнчаннаго великаномъ Казбекомъ. Тутъ жило племя галаховцевъ, самое злое и мятежное. Конечно много разъ туда посылались отряды, какъ и въ Чечню, опустошали ихъ аулы и поля, всегда, впрочемъ, при горячемъ боѣ и порядочной потерѣ, но все же безъ окончательныхъ ре-

зультатовъ, какъ и вся кавказская война до полнаго и совершеннаго покоренія Кавказа. Сосѣди галаховцы конечно, имѣли кунаковъ (друзей) и сообщниковъ въ форштатѣ, заселенномъ мирными гражданами, семействами военныхъ, торговцами армянами и разнымъ другимъ людомъ, между которымъ жили также и горцы подъ названіемъ мирныхъ. Пользуясь темнотою ночи, хищники, скрываясь у нихъ днемъ, часто ночью уводили лошадей, скотину, а иногда эти хищенія сопровождались убійствами и никогда нельзя было найти слѣдовъ, такъ какъ они мгновенно укрывались въ мѣстныхъ трущобахъ. Потому часто случалось слышать ружейные выстрѣлы, неизвѣстно куда направленные. Такъ однажды помню, что во время самыхъ танцевъ у генерала Полтинина раздалось нѣсколько выстрѣловъ; дамы страшно перепугались, думая, что будутъ стрѣлять въ окна, но ихъ тотчасъ же закрыли ставнями, посланы патрули и танцы продолжались съ прежнимъ оживленіемъ. Бывали случаи, что стрѣляли въ идущаго съ фонаремъ, такъ какъ въ дождливое время грязь была невылазная и необходимо было искать тропинки съ фонаремъ. Послѣ этого я уже держалъ всегда фонарь подальше отъ туловища, когда шелъ домой.

Не помню въ 1844-мъ или въ 1845-мъ году Полтининъ былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ и на его мѣсто поступилъ командиръ полка полковникъ генеральнаго штаба Михаилъ Николаевичъ Бибиковъ, прекраснѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, но онъ командовалъ полкомъ очень недолго. Въ извѣстной экспедиціи, подъ командой графа Воронцова, въ 1855 году, онъ сначала былъ просто раненъ, но, переносимый

на носилкахъ къ перевязочному пункту, былъ вторично пораженъ двумя пулями и умеръ. Тѣло его перевезли во Владикавказъ, гдѣ съ подобающими почестями и похоронили; его провожало все населеніе Владикавказа. Онъ былъ женатъ на прелестной молодой женщинѣ, умной, любезной и чрезвычайно талантливой. Ея умъ, красота, таланты, обращеніе были восхитительны, и домъ ея былъ самымъ пріятнымъ пріютомъ въ нашей жизни во Владикавказѣ. Она рисовала на стеклѣ, и можно сказать, что эти произведенія ея досуга были дѣйствительно художественны по изяществу исполненія. Ужъ послѣ нашего отъѣзда я узналъ, что она вышла замужъ за артиллерійскаго офицера Есакова, очень умнаго и образованнаго молодаго человѣка, который былъ пріятелемъ ея мужа и по смерти его уже видно было по его безпрерывнымъ посѣщеніямъ, что онъ ему наслѣдуетъ. Не знаю, были ли они счастливы, но по наружности, кажется, все обѣщало, что выборъ Софьи Николаевны (сколько помню) былъ хорошъ.

Послѣ Бибикова полкъ нашъ принялъ полковникъ баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій. Знакомство наше началось съ самаго начала нашего пребыванія на Кавказѣ. Вревскій былъ друженъ съ Михаиломъ Александровичемъ Назимовымъ, который и познакомилъ насъ съ нимъ. Съ самой первой нашей экспедиціи и до самаго выѣзда нашего, судьба соединяла насъ съ бар. И. А. Вревскимъ вездѣ, начиная съ Ставрополя, потомъ въ чеченскихъ и дагестанскихъ экспедиціяхъ, въ отрядѣ подъ Оисъ-Унгуромъ и особенно во Владикавказѣ, гдѣ уже мы служили подъ его начальствомъ, какъ нашего полковаго командира, и гдѣ сблизились съ нимъ

еще болѣе. Баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій былъ, могу сказать, однимъ изъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей своего времени. Помнится, что онъ кончилъ курсъ или учился въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ также курсъ медицины, зналъ многіе иностранные языки, былъ очень любознателенъ, имѣлъ чрезвычайно многостороннія познанія и спеціально изучилъ военныя науки. Въ пріемахъ своихъ онъ былъ очень оригиналенъ и нѣсколько застѣнчивъ, что къ нему удивительно какъ шло. Небольшаго роста, брюнетъ, съ проницательными карими глазами, правильными, нѣсколько южными, чертами, тихою, какъ бы вкрадчивою, поступью, онъ тѣмъ не менѣе былъ очень живаго и веселаго характера. По его уму, многостороннимъ познаніямъ, по его вполнѣ геройскому мужеству и страсти къ военной боевой службѣ, я тогда еще предсказывалъ ему великую военную роль въ будущемъ и еслибъ не ранняя смерть его въ лезгинскомъ горномъ походѣ 1859-го года, я и до сихъ поръ увѣренъ, что, проживи онъ долѣе, то безъ сомнѣнія былъ бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ военно-начальниковъ. Вревскій съ самаго начала не довольствовался одною штабною службою, а всегда въ дѣлахъ, по его собственному желанію, командовалъ батальономъ и всегда старался выбирать самыя почетныя позиціи по опасности. Какъ теперь смотрю на него въ лѣвой цѣпи въ одной изъ горныхъ экспедицій съ Куренскимъ батальономъ, на огромной высотѣ, въ страшномъ огнѣ, прокладывавшимъ себѣ дорогу. Я восхищался его хладнокровіемъ и мужествомъ. Невозмутимо спокойный, съ коротенькимъ чубукомъ въ зубахъ, онъ шелъ впередъ, разрушая завалы и всѣ преграды самой дикой

природы. Однажды также одинъ изъ батальоновъ его Навагинскаго полка велъ оказію, въ которой и онъ находился. На дорогѣ онъ былъ окруженъ огромною партіею горцевъ; бывшіе тутъ въ оказіи конечно оробѣли, ожидая дурнаго исхода, но онъ хладнокровно переѣзжалъ отъ одного фаса къ другому, распоряжался отчетливо и такъ успѣшно, что непріятель былъ отбитъ и „оказія“ приведена благополучно. Какъ я упомянулъ выше, онъ слушалъ въ Дерптѣ курсъ медицины, и отмѣчу, какъ особенность: онъ имѣлъ охоту Петра Великаго рвать зубы. Однажды, когда мы были у Суслова, командовавшаго Гребенскимъ полкомъ въ Червленной станицѣ, между нами былъ также уже знакомый читателю по Науру графъ Штейнбокъ, у котораго сильно болѣлъ зубъ; вдругъ слышимъ колокольчикъ и подъѣхавшій экипажъ, а затѣмъ входитъ Ипполитъ Александровичъ: поздоровавшись со всѣми, онъ, увидѣвъ страданія графа, тотчасъ же предложилъ ему выдернуть зубъ; тотъ, хотя быть можетъ и усомнился въ его искуствѣ, однакожъ, мучимый болью, согласился. Онъ немедля досталъ инструменты, которые возилъ съ собой и операція мгновенно была совершена вполнѣ успѣшно, и какъ благодаренъ былъ ему его паціентъ!

Принявъ полкъ, баронъ Вревскій купилъ свой домъ на Большой улицѣ Всѣ пріѣзжавшіе въ Тифлисъ или изъ Тифлиса были гостями Вревскаго. Тутъ можно было видѣть цвѣтъ петербургскаго военнаго общества или, лучше сказать, цвѣтъ русской арміи. У него я познакомился со многими тогда еще молодыми людьми, которые впослѣдствіи занимали, а нѣкоторые еще продолжаютъ занимать высокіе посты въ государствѣ. Между

ними помню прославившагося во всемъ свѣтѣ знаменитаго комиссара въ освобожденной Болгаріи князя А. М. Дундукова-Корсакова, тогда еще молодаго адъютанта главнокомандующаго графа Воронцова; помню также двухъ братьевъ Глѣбовыхъ, старшій изъ коихъ былъ героемъ дня, такъ что въ Петербургѣ что-то изъ принадлежностей дамскаго туалета называлось à la Gleboff, потомъ убитаго въ какомъ-то дѣлѣ. О его смерти мнѣ писалъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій въ Россію, называя его „русскимъ баярдомъ". Былъ также, кажется, еще полковникомъ, флигель-адъютантомъ Николай Васильевичъ Исаковъ, графъ Штейнбокъ, который жилъ одно время въ Наурѣ у полковаго командира Аминова и съ которымъ мы были коротко знакомы и вмѣстѣ были въ нѣкоторыхъ экспедиціяхъ; опять я долженъ сказать, что это былъ очень умный, пріятный и благороднѣйшій человѣкъ. Къ Ипполиту Александровичу онъ заѣхалъ проѣздомъ, уже на деревяшкѣ, лишившись ноги въ Воронцовскую-Даргинскую экспедицію. Штейнбокъ былъ большой острякъ и шутникъ...

Во Владикавказѣ начальникомъ округа былъ генералъ Петръ Петровичъ Нестеровъ, высокій ростомъ, красавецъ въ полномъ смыслѣ и опять-таки прекраснѣйшій человѣкъ. Мы у него иногда бывали и часто видѣлись съ нимъ у Вревскаго. Жена его была очень хороша собой, а также и ея сестры, при насъ еще дѣвицы. Съ благодарностью долженъ вспомнить при этомъ, что, по моему ходатайству, Нестеровъ возвратилъ изъ Сибири одного черкесскаго князя, жившаго съ другими черкесами въ Минусинскѣ, о чемъ я упоминалъ въ своихъ сибирскихъ воспоминаніяхъ.

Случилось какъ-то, что у Ипполита Александровича Вревскаго съѣхались въ одно время многіе изъ упомянутыхъ мною молодыхъ изящныхъ военныхъ, и онъ вздумалъ устроить импровизированный балъ.

На задуманномъ Ипполитомъ Александровичемъ балѣ были, конечно, всѣ знакомыя семейства. Изъ дамъ были: вдова Софья Ник. Бибикова, жена начальника округа съ сестрами, Ознобишина, съ сестрой княжной Орбельяни, Мылова, Вѣра Максимовна, съ племянницей, Павленковы, сколько помню, и другія. Помню только, что всѣ дамы и дѣвицы, бывшія на вечерѣ, какъ нарочно отличались красотой и граціей. Открылся балъ очень оригинально: польскимъ; въ первой парѣ шли вдова Софья Ник. Бибикова съ безногимъ графомъ Штейнбокомъ. Другихъ танцевъ ужъ конечно они танцовать не могли: графъ, какъ на деревянной ногѣ, Софья Ник. по причинѣ траура; всѣ остальные танцовали до упаду и весь вечеръ до поздней ночи былъ самый оживленный и пріятный, оставившій во всѣхъ самое пріятное воспоминаніе.

Тогда еще, въ 1845 году, Владикавказъ былъ не то, что теперь, но все же и тогда тамъ было устроено собраніе, гдѣ собиралось до 40 паръ танцующихъ. Ипполитъ Александровичъ и всѣ военные принимали живое участіе въ танцахъ. Нельзя не сказать, что между танцующими только немногіе отличались граціей и ловкостью, на которыхъ я и любилъ смотрѣть, но зато были и такія пары, которыя отличались неуклюжестью и угловатостью, безъ чего впрочемъ, я думаю, не обходится ни одинъ балъ. Прекрасный оркестръ полковой музыки, которую Ипполитъ Александровичъ много улуч-

шилъ, выписавъ хорошіе инструменты и хорошаго капельмейстера, разнообразное общество, много знакомыхъ, нѣсколько прелестныхъ женскихъ головокъ—все это доставляло очень пріятное препровожденіе времени.

Во Владикавказѣ зимы нѣтъ, но бываетъ, что вдругъ забушуетъ буря, нависнутъ тяжелыя тучи и выпадетъ снѣгъ, хотя опять скоро исчезнетъ. Въ эти дни съ палатей сараевъ снимаются сани, тотчасъ устраиваются веселые пикники. Саней десять или пятнадцать запрягаются тройками и отправляются по дорогѣ къ ущелью даже до укр. Ларса, верстъ двѣнадцать, гдѣ иногда закусываютъ и отдыхаютъ. При мнѣ, въ одинъ изъ такихъ пикниковъ, случилось маленькое неудовольствіе, которое могло кончиться очень печально. Ипполитъ Александровичъ предложилъ свои сани племянницѣ Николая Григорьевича Мылова, той самой, которая весьма нравилась Вревскому. Все это было въ порядкѣ, такъ какъ всѣ кавалеры предлагали свои сани дѣвицамъ и дамамъ и сами садились съ ними. Всѣ сани ѣхали одни за другими, но какъ у Вревскаго были очень рѣзвыя лошади, то его сани далеко уѣхали впередъ. Дядя ея, бывшій въ числѣ катающихся, погнался за ними, чтобы не оставлять племянницу одну съ глаза на глазъ съ молодымъ человѣкомъ, хотя на столько возвышенно и рыцарски благороднымъ, что ему можно было повѣрить и сестру, и дочь, и жену. Но тутъ вышло, что дядя былъ очень недоволенъ ихъ удаленіемъ отъ другихъ, разсердился на племянницу и даже хотѣлъ вызвать Ипполита Александровича на дуэль, но, благодаря его умной, кроткой, чудной женѣ и моему содѣйствію, дѣло обошлось безъ послѣдствій.

Жизнь наша и здѣсь, во Владикавказѣ, была также пріятна, какъ и въ Наурѣ. Тамъ и тутъ мы истинно были счастливы и именно потому счастливы, что любили искренно, такъ же какъ любили и насъ. А гдѣ же и счастье, какъ не въ чувствованіяхъ сердца!

Служба моя во Владикавказѣ до полученія отпуска и потомъ отставки состояла въ завѣдываніи школой солдатскихъ дѣтей или, по тогдашнему, кантонистовъ, устроенной на полковомъ дворѣ, куда я каждый день ѣздилъ наблюдать за ходомъ ученія и экзаменовалъ учениковъ. Прогулки во Владикавказѣ верхомъ и пѣшкомъ были чрезвычайно пріятны по прелестному мѣстоположенію Владикавказа. Бульваръ былъ расположенъ на самомъ берегу Терека. Что за прелесть былъ этотъ бульваръ въ лунную ночь, когда луна всплыветъ надъ вершиной Казбека и освѣтитъ очаровательную окрестность съ черными мрачными Галаховскими горами, съ ревущимъ Терекомъ, съ его пѣнистыми волнами, прядающими по огромнымъ камнямъ его русла. Этотъ молодой, но уже тѣнистый садъ съ благоухающими бѣлыми акаціями, ароматическій воздухъ и чудная картина — все это доставляло истинное наслажденіе мнѣ, какъ страстному любителю природы. И теперь, перенося́сь туда въ моихъ воспоминаніяхъ, я какъ будто смотрю на всю эту чудную красоту!

Получивъ отпускъ, мы простились со всѣми любившими насъ — съ искреннимъ чувствомъ благодарности за ихъ дружбу, гостепріимство, радушіе и, отъѣзжая, увезли въ душѣ всѣ тѣ чувства, которыя насъ наполняли тогда, наполняютъ теперь и которыя сохранятся навсегда.

Проѣздомъ мы остановились въ Екатериноградѣ у полковаго командира князя Эристова, Георгія Романовича, котораго гостепріимствомъ и пріязнью пользовались во все то время, когда мы живали въ Наурѣ и потомъ изъ Владикавказа по пути въ Науръ, такъ какъ это былъ сосѣдній полкъ съ Моздокскимъ и мы довольно часто ѣзжали къ нему или съ Аминовымъ, или я одинъ. Это былъ, опять же долженъ сказать, прекрасный человѣкъ, благородный, сынъ чудной Грузіи. Онъ воспитывался, кажется, въ Пажескомъ корпусѣ, а потомъ служилъ въ гвардейской кавалеріи и потомъ былъ командиромъ Горскаго полка, былъ добръ, гостепріименъ, благотворителенъ, отъ него всѣ проходящіе бѣдняки или отставленные отъ службы и оставшіеся безъ средствъ къ жизни получали всегда положенное и опредѣленное имъ пособіе. Столъ у него всегда былъ превосходный и радушіе хозяина безмѣрно. Иногда мы ѣзжали съ нимъ по станицамъ его полка, иногда проводили у него вечера, куда приходили военные стоявшаго тамъ полка съ полковымъ командиромъ и конечно всѣ садились за карты, а иногда у полковаго командира. Всѣ проѣзжавшіе въ Тифлисъ непремѣнно бывали у него; тогда же проѣзжалъ архіепископъ Исидоръ, назначенный экзархомъ Грузіи, я помню, что въ домѣ была всенощная.

Теперь мы проѣзжали Екатериноградъ уже въ послѣдній разъ и въ послѣдній разъ пользовались радушнымъ гостепріимствомъ князя Эристова и грустно было намъ разстаться съ нимъ навсегда. Потомъ мы остановились въ Наурѣ, который при пріѣздѣ нашемъ на Кавказъ былъ первой станціей изъ станицъ казачьихъ,

и гдѣ теперь простились съ незабвеннымъ другомъ нашимъ Аминовымъ, со старушкой Найденовой и ея дочерью Александрой Ивановной: кумушка моя Елизавета Ивановна Баскакова жила съ мужемъ въ другой станицѣ того полка, которымъ теперь уже командовалъ ея мужъ Алексѣй Петровичъ Баскаковъ, на правомъ флангѣ. Вотъ всѣ тѣ милыя, добрыя благородныя существа, съ которыми судьба связала насъ на Кавказѣ и память о которыхъ будетъ жить во мнѣ до конца дней моихъ.

Нѣкоторыя отголоски изъ этого незабвеннаго края я получалъ еще нѣкоторое время въ Россіи...

Но теперь уже все это замолкло, многія подробности изгладились изъ моей памяти, и многіе изъ дѣйствующихъ лицъ и добрыхъ друзей уже сошли въ могилу, чтобы въ той же взаимной чистой любви, съ вѣрой и любовью къ Богу, соединявшими насъ здѣсь, соединиться, безъ сомнѣнія, и въ вѣчной жизни.

26 Октября 1895. Пб.

Въ Русской Старинѣ (съ 1884 г.) есть 2ая часть этихъ записокъ, но она нисколько не интересна.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА.

(Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (Суворина) въ Петербургѣ и Москвѣ).

Арсеньевъ, В. Карта нагляднаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы съ «Словаремъ писателей» древняго періода русской литературы IX—XVII вѣка. Сост. подъ редакціей О. Ѳ. Миллера. Ц. 2 р.

Ахшарумовъ. Во что бы ни стало. Романъ. Ц. 2 р. 25 к.

Балетоманъ. Балетъ и его исторія. Ц. въ перепл. 3 руб.

Баранецкій, П. Лѣсоохраненіе. Спб. 1880. Ц. 2 р. 50 к.

Библія въ картинахъ знаменитыхъ мастеровъ. Роскошное изд. Ц. 25 р., въ пер. 30 р.

Боровиковскій, А. Законы Гражданскіе (св. Зак. т. X, ч. I), съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. Кассац. Департам. Прав Сената, изданнымъ съ 1866 г. по октябрь 1881. Ц. 5 р.

Богословскій, Н. Аракчеевщина. Ц. 2 р.

Бильротъ, Т. Общая хирургическая патологія и терапія въ 50-ти лекц. Пер. съ 8-го нѣм. изд., дополн. и исправленнаго, со множествомъ рисунк. Изд. 4-е. Спб. 1879. Ц. 4 р. 50 коп.

Буренинъ, В. Былое. Стихотворенія. Ц. 1 р. 75 коп.

— Стрѣлы. Стихотворенія. Ц. въ перепл. 2 руб.

Ванъ-денъ-Бэргъ. Краткая исторія востока. Съ 24 грав. и виньетками. Ц. 60 коп.

Вернъ, Ж. Плавающій городъ. Съ 26 рис. Ц. 1 р.

— Дѣти капитана Гранта (Путешествіе вокругъ свѣта). Въ 3-хъ частяхъ. Съ 168 рис. Ц. 3 р. 50 к.

— Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Съ 55 рис. Ц. 1 р. 50 к.

— Приключенія капитана Гаттераса. Съ 252 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Геккель, Э. Царство протистовъ. Очеркъ низшихъ организмовъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. Э. К. Брандта. Съ 58 рис. Ц. 1 р. 20 коп.

Гексли. Введеніе въ науку. Руководство къ пониманію природы и ея явленій. Ц. 30 к.

Гельвальдъ, Фр. Въ области вѣчнаго льда. Исторія путешествій къ сѣв. полюсу съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. 11 выпусковъ. Ц. каждому выпуску 65 к. Все изданіе въ роскошн. пер. 8 р. 50 к.

— Естественная исторія племенъ и народовъ. Со множ. иллюстрацій. Выходитъ выпусками. Ц. каждому выпуску 30 к. Всѣхъ выпусковъ будетъ 35. Подписка на все сочиненіе 9 р.

Горбуновъ, И. Ѳ. Сцены и разсказы. 6-е, значительно дополненное изданіе. Ц. 1 р. 75 к.

Григоровичъ, Д. В. Рыбаки. Романъ изъ простонароднаго быта, 7-е изданіе. Ц. 2 р.

Гродековъ, Н. И. Чрезъ Афганистанъ. Пут. записк. Ц. въ пер. 2 р.

Гюго, Викторъ. Отверженные. Романъ. Ц. 3 р. 50 к.

Додэ, А. Королева Фредерика. (Короли въ изгнаніи). Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Драматическій словарь. Воспроизведеніе изд. 1787 г. Ц. 2 р. На велен. бум. 5 р.

Есиповъ, Г. В. Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной канцеляріи. Ц. 1 р. 50 к.

Костомаровъ, Н. И. Черниговка. Быль. Ц. 1 р. 50 к.

Котъ Мурлыка. Сказки. Съ грав. Ц. 2 р.

Краузе, Вл. Гомеровскій словарь (Къ Иліадѣ и Одиссеѣ). Съ 130 рис. въ текстѣ и картою Трои. Ц. 1 р. 50 к. У. К. М. Н. Пр. допущено къ употребленію въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ М. Н. Пр., какъ учебное пособіе по греческому языку.

Кренке. Азбука для народныхъ школъ съ наставленіемъ для учителя. У. К. М. Н. Пр. допущена къ употребленію въ начальныхъ училищахъ. Ц. 7 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ. (Группы и портреты). Ц. 1 р. 75 к.

— Баритонъ. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

— Первая борьба. Ц. 1 р.

— Встрѣча. Романъ. Ц. 1 р.

— Въ ожиданіи лучшаго. Ром. Ц. 2 р.

— Повѣсти ч. I. Старыя дѣвы Ц. 2 р

» ч. II. Матери. Ц. 1 р. 50 к.

» ч. III. Семья. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки, 2 книги. Ц. 3 р.

Кущевскій, И. А. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Юношескія драмы. Ц. 1 р. 50 к.

Лейкснеръ. Нашъ Вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности, со множествомъ портретовъ, рисунковъ, автографовъ и др. иллюстрацій. Все сочиненіе будетъ состоять изъ 50-ти выпусковъ. Ц. каждому вып. 35 коп. Подписка на все сочиненіе 15 р.

Лѣсковъ, Н. С. Три праведника и одинъ Шерамуръ. Ц. 1 р. 50 к.

— Некуда. Романъ. Ц 3 р.

— Смѣхъ и горе. Воспоминанія полинявшаго человѣка. Ц. 1 р. 50 к.

Магаффи. Древне-греческ. жизнь. Съ рис. Ц. 60 коп.

Маркевичъ, Б. Переломъ. Правдивая исторія. Въ 4-хъ частяхъ. Ц. 6 р.

Марковъ, В. Илья Муромецъ. Поэма. Ц. 60 коп.

— Трилистникъ. Стих. Ц. 30 к.

Масловъ, А. Н. Завоеваніе Ахалъ-Теке. Очерки изъ послѣдней экспедиціи Скобелева (1880—1881). Ц. 1 р.

(См. на предъидущ. стран.)